

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

РУКА КРОМА

Джон
Маддокс
Робертс

Судьба
не балует тех,
кто выбрал
дорогу
славы

Внимание!

Издательство «Азбука» и корпорация «Conan Properties» напоминают всем поклонникам «Саги о Великом Воителе», что всего двенадцать писателей признаны учениками Роберта Говарда. Всего двенадцать авторов продолжают дело, начатое Мастером. Вот их имена:

Пол Андерсон

Карл Эдвард Вагнер

Роланд Грин

Роберт Джордан

Леонард Карпентер

Лин Картер

Шон Мур

Бьёрн Ниберг

Эндрю Оффут

Стив Перри

Джон Маддокс Робертс

Леон Спрэг де Камп

Издательство «Азбука» имеет эксклюзивное право на публикацию в России произведений этих писателей о Конане, и только их романы являются подлинным продолжением говардовских.

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

РУКА КРОМА

Джон
Маддокс
Робертс

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
М 13

John Maddox Roberts

Conan the champion. Copyright © 1984 by Conan Properties, Inc
Conan the valorous. Copyright © 1985 by Conan Properties, Inc

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Маддокс Робертс Дж.

М13 Рука Крома. Романы / Пер. с англ. — СПб.:
«Терра» — «Азбука», 1996. — 496 с.
ISBN 5-7684-0016-8

Еще мальчишкой Конан покинул родную Киммерию — далекий горный край благородных, мужественных воителей. Он не знал, суждено ли ему когда-нибудь вернуться к могилам предков. Но безжалостные Боги ведут свою бесконечную, непостижимую игру, где люди — всего лишь пешки. Лукавство честолюбивых колдунов вовлекает простодушного киммерийца в жестокую схватку чародейских сил. Но могучему варвару не по праву служить жалкой пешкой в зловещей игре! С верным клинком в руке Конан идет тропой тяжелых испытаний и кровавых битв и в конце концов попадает... в чертог Крома, обитель сурового Бога Киммерин.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0016-8

В ЧЕРТОГЕ КРОМА

РОМАН

Глава первая

ГОРОД СРЕДИ РАВНИН

Окошко было высокое и узкое, с остроконечной аркой наверху и замысловатой лепкой кругом. Сквозь него доносились удары большого барабана, висевшего на бронзовых столбах над Великими Вратами Хоршемиша. Низким, гулким ударам немедленно вторили другие барабаны, подвешенные над одиннадцатью менее значительными воротами города. Их бой означал, что тяжелые дубовые створки вскоре должны были сомкнуться на ночь. Всякий, кто, задержавшись снаружи, не успеет прошмыгнуть вовнутрь, вынужден будет заночевать вне стен, на травянистых лугах. За попытку проникнуть в город до наступления утра грозила смертная казнь.

Женщина, сидевшая у массивного стола, оторвала взгляд от листа тонкого пергамента, на котором она выводила змеящиеся стигийские иероглифы. Последние алые лучи закатного солнца вливались сквозь стрельчатое окно. Они играли на браслетах в форме змей, украшавших обнаженные руки женщины, и на золотой диадеме в виде кобры, что охватывала ее лоб повыше прямых черных бровей. Женщина сделала жест рукой, и высокий мужчина, неподвижно стоявший в углу комнаты, шевельнулся и пошел. Он был одет так, как одеваются жители пустынь восточного Шема.

— Время пришло, Мулэй, — сказала женщина. — Ступай разыщи того человека, о котором нам говорили, и приведи его сюда. Да не забудь, вели хозяину прислать еще светильников. Я хочу как следует разглядеть того человека, когда он придет.

Мулэй прижал руку к груди и поклонился:

— Как прикажешь, моя госпожа.

Широкая лестница вывела его во внутренний дворик, мозаичные плитки которого окружали мраморный бассейн посередине. Передав распоряжение насчет ламп, Мулэй прошел под островерхой аркой и оказался на узкой улочке.

В это время суток на улицах оставались одни только пешеходы. Животных, принадлежавших караванщикам и селянам, устраивали на ночь в загонах и стойлах вне городских стен. Мелкие купцы, весь день торговавшие на ковриках и под навесами, сворачивали свои пожитки.

Время от времени Мулэй обращался к местным жителям, спрашивая дорогу, и постепенно забрался в самую старую часть города. Улочки здесь были еще более узкими, здания — еще более ободранными и неприглядными, а населял их еще более шумный народ. Если в других местах все уже закрывалось до наступления утра, то здесь, наоборот, с наступлением темноты жизнь только начиналась. Размалеванные женщины в весьма откровенных нарядах зазывно окликали Мулэя. Он не обращал на них внимания. Его походка и осанка свидетельствовали, что это был не какой-нибудь досужий бабник, а гордый житель пустыни, отпрыск знатного старинного рода. Хватало на улочках и воря, но смутное, украшенное шрамами лицо и свирепый взгляд мгновенно отрезвляли любого, взлелеявшего крамольную мысль покуситься на его кошелек.

Гостиница, которую он разыскивал, оказалась сущим клоповником. Штукатурка, когда-то белая, пластами отваливалась от стен, обнажая неприглядные, грязно-бурые глиняные кирпичи. Мулэю пришлось низко пригнуться, чтобы проникнуть сквозь дверь в плохо освещенную, задымленную общую комнату. К нему, вытирая руки о грязный фартук, тотчас подошел пузатый коротышка.

— Добро пожаловать, господин мой! — сказал хозяин гостиницы, перекрывая жалобное пиликанье инструментов немногочисленных музыкантов, начисто лишенных слуха. — Что прикажешь подать? Еды, вина? Может быть, тебе комнату? У нас есть все, что только душеньке угодно...

Мулэй показал ему серебряную монетку и шепнул на ухо несколько слов. На лице хозяина отразилось несказанное изумление.

— Киммериец?

— Да, господин, он здесь, но что тебе до этого него-
дяя?..

— А вот это уж не твое дело, — ответил Мулэй. — Просто проводи меня к нему.

И он оглядел комнату, высматривая человека, который подходил бы под описание, данное его хозяйкой.

«Этим киммерийцам присуща особая порода, — сказала она Мулэю. — Тот человек будет высокого роста, темно-волосый. Возможно, с голубыми глазами. Кожа — белая либо загорелая, в зависимости от того, много ли он торчал последнее время на солнце. Кроме того, он почти наверняка окажется быстрее и сильнее большинства обычных мужчин. И еще он, как все эти северные варвары, скорее всего, обладает непредсказуемым нравом и ужасающей вспыльчивостью. Так что держи с ним ухо востро!»

В общей комнате не обнаружилось никого, к кому могли бы относиться эти слова. За столиками сидели небольшие компании горожан и приезжих, в большинстве своем караванщиков. Кое-где медленно, лениво постукивали игральные кости: уже по одному этому можно было сказать, что час еще не поздний. В дальнейшем, после нескольких кувшинов вина, здесь станет куда как шумно и, чего доброго, дойдет до потасовки с неизбежным вмешательством городской стражи.

Хозяин гостиницы проследил взгляд Мулэя и сказал ему:

— Нет, твой парень не здесь... хотя весь этот месяц от него здесь было не продохнуть. Идем со мной, я тебе покажу, где он.

Следом за ним Мулэй пересек комнату и поднялся наверх по раздолбанным деревянным ступеням. Верхний этаж был разделен тонкими перегородками на множество узеньких полутемных клетушек. Хозяин снял с крючка на стене фонарь и, подойдя к самой дальней и самой маленькой комнатке, поднял фонарь повыше. Вход не был закрыт не то что дверью — даже занавеской, и Мулэй без помех заглянул внутрь.

Один взгляд — и тонкие губы жителя пустыни скривила презрительная улыбка:

— Вот это и есть великий воин из Киммерии?.. — спросил он недоверчиво.

Обитатель комнаты полулежал, приткнувшись спиной к дальней стене, и чуть слышно посапывал во сне. Крупные руки были скрещены на животе, косматая всклокоченная голова свесилась на грудь. Единственной одеждой ему служила белая набедренная повязка, а на ногах красовались сандалии с дырами на подошвах. Все убранство комнаты составлял тонкий коврик.

— Он сказал, что его зовут Конан, — принялся объяснять хозяин гостиницы. — Месяц назад он явился сюда, разодетый, точно туранский полководец. У него был великолепный конь, богатое седло, меч, лук, доспехи — словом, все как полагается. И деньги были... Он и давай тратит их направо и налево. Каждый вечер он играл в кости со своими приятелями и поил их вином. Когда деньги кончились, он проиграл и оружие, и коня, и все остальное. Теперь у него из имущества остались только жалкие лохмотья. Нынче утром я попытался было выкинуть его вон, но он отказался съезжать и еще пригрозил, что свернет мне шею. Вот я и решил — подожду-ка до вечера, пока явится стража с обходом: пускай его заберут!

— Значит, он просто воришка, — сказал Мулэй. — И притом глупый. Наверняка все то, с чем он прибыл сюда, было краденым. Какой из него воин?.. Ну, да я всяко должен его доставить... Ступай, хозяин, только оставь мне фонарь.

Коротышка выразительно передернул плечами и сделал как ему было сказано.

Мулэй повесил фонарь на деревянный гвоздь, присел на корточки подле спящего киммерийца и протянул руку, намереваясь тряхнуть его за плечо. И тут произошло неожиданное. В тот миг, когда его пальцы коснулись бронзовой кожи, снизу вверх выстрелила мускулистая рука и ухватила его за шею. Мулэй потянулся к кинжалу, но на рукояти оружия уже сомкнулась вторая рука киммерийца. Это была здоровенная мосластая лапа силищи невероятной. Одновременно варвар открыл глаза, и Мулэй невольно отметил про себя, что глаза были ясными и трезвыми. Обычный человек, пожалуй, еще долго моргал бы на свет, тяжело соображая,

что к чему. А этот... Мулэй знал, что парень не хитрил, прикидываясь спящим. Он действительно спал.

— Ты полагаешь, пес, меня так просто ограбить? — прорычал киммериец. Голос у него был низкий, и говорил он с резким акцентом.

Его рука сдавливала Мулэю горло, но тот умудрился выдавить даже с некоторым достоинством:

— А ты воображаешь, будто мне так уж нужна твоя засаленная набедренная повязка или прохудившиеся сандалии?..

Пальцы на его горле слегка ослабили хватку.

— Тогда какого рожна ты, собака, мне спать не даешь?

— Я пришел сюда, — сказал Мулэй, — чтобы отвести тебя к моей госпоже. Она хочет, чтобы ты исполнил для нее некоторое поручение, и обещает щедро заплатить за работу.

Киммериец выпустил его и поднялся на ноги. Он оказался выше ростом, чем ожидал житель пустыни.

— Что за поручение? Я согласен драться за деньги, но учти: я тебе не какой-нибудь там наемный убийца. И не дурак, которого легко провести...

Мулэй оправил одежду. Он был возмущен поведением киммерийца и в особенности тем, как тот позволил себе обращаться с его персоной. Он ответил:

— Моя госпожа сама скажет тебе, что ей надо. Идем.

Киммериец потянулся, разминая суставы.

— Я двое суток не ел, — сказал он. — У меня брюхо к спине прилипло. Какая служба с меня, если я от голода свалюсь по дороге?

— Я куплю тебе ужин, варвар, — проговорил Мулэй, весь содрогаясь внутри от ярости. — Пойдем вниз, и можешь есть, пока не треснешь.

— Не тресну, — ухмыляясь, успокоил его Конан. — Побеспокойся лучше, хватит ли у тебя денег заплатить за все, что я в себя запихну!

...Мулэй осторожно поскребся в двери покоев своей госпожи. Конан-киммериец сполна сдержал обещание: слопал столько, что хватило бы наестся троим, и по ходу

обильного ужина значительно повеселел. Вот только вином его поить прежде разговора с госпожой Мулэй категорически отказался.

Когда они вернулись вдвоем в самую дорогую гостиницу Хоршемиша, ее хозяин воззрился на высоченного, практически голого варвара с изумлением, переходившим в откровенный ужас. Конану на мнение какого-то там горожанина было глубоко наплевать. Другое дело, его внешность могла произвести неблагоприятное впечатление на возможную нанимательницу...

На осторожный стук Мулэй отозвался женский голос:

— Войди.

Двое мужчин шагнули через порог.

— Госпожа, вот киммериец, которого ты пожелала видеть. Его зовут Конан.

С этими словами Мулэй отодвинулся в сторонку, и Конан уставился на женщину. Она была прекрасна. Черные волосы, ровно подстриженные над бровями, смуглая кожа, точеные черты аристократки. Большие черные глаза, густо обведенные сурьмой. Эта сурьма, украшения в виде змей и аскетические черные одеяния яснее ясного говорили, что перед Конаном была стигийка. Стигию киммериец не любил. Уж больно много там было колдунов и всякого древнего зла!

— Я — Хатор-Ка, — представилась женщина. — Подойди ближе.

Конан неохотно повиновался. Женщина обвела его неторопливым, внимательным взглядом, не пропустив ни единого дюйма плоти, начиная с пальцев ног и далее вверх. Чувствовалось, что она по достоинству оценила мускулистые бедра, поджарую талию, широкую грудь, сильные руки с широкими, жилистыми запястьями фехтовальщика.

— Повернись кругом, — приказала Хатор-Ка. Конан повиновался, не особенно понимая, с какой бы радости ему ее слушаться. Стигийка вновь подвергла его столь же тщательному осмотру, на сей раз со спины. Затем проговорила: — Кажется, ты подходишь.

Конан вновь повернулся к ней лицом. Он попытался оценить ее возраст, но поди пойми что-нибудь по неподвижной, бесстрастной стигийской физиономии. К тому же

совершенно лишенной признаков возраста. Сколько ей лет?.. Все что угодно, от двадцати до сорока. И еще. Он вполне отдавал себе отчет в том, что женщина была прекрасна. Вот только красота эта почему-то нисколько не вдохновляла его как мужчину.

— Стало быть, ты киммериец, — сказала она. — Мне как раз требуется именно киммериец.

— А зачем тебе именно киммериец? — спросил он. — Прежде меня нанимали за то, что я неплохо дерусь, а временами — даже за то, что я опытный вор. Но еще ни единого разу — за то, что родом я из Киммерии!

Она слегка откинулась в кресле. Ее глаза были бездонны и непроницаемы.

— Я хочу, чтобы ты выполнил для меня некое поручение, связанное с поездкой на твою родину. Я хочу, чтобы ты отвез кое-что во вполне определенную пещеру в киммерийских горах. В качестве вознаграждения... — Ее рука исчезла в складках одеяний и вынырнула с кожаным мешочком. Мешочек упал на стол, громко зазвенев. — В качестве вознаграждения ты получишь вот это. Открой.

Конан взял мешочек и распустил завязки. Огоньки свечей заиграли на золотых монетах отменной аквилонской чеканки. Душа киммерийца возликовала, но ни на лице, ни в голосе не отразилось ничего, что могло бы выдать его чувства.

— И каковы же, — спросил он, — твои условия? Как обычно — половину сейчас, половину потом, когда сделаю дело?

— Нет. Если согласишься выполнить мое поручение — получишь все прямо сейчас.

— Ты слишком доверчива, — сказал Конан. — Почему тебе знать, что я не выкину твою посылку в ближайшие кусты, как только выеду отсюда?

— У меня много качеств, киммериец, — ответила Хатор-Ка. — Однако излишняя доверчивость в их число отнюдь не входит. Я слышала, люди твоего племени твердо держат данное слово. Дай клятву, что не подведешь меня и исполнишь поручение.

— Что ж, воля твоя, — сказал Конан. Подбросил мешочек и поймал его обратно в ладонь. — Клянусь доставить

эту твою штуковину в Киммерию и отнести ее в горную пещеру, о которой ты говоришь.

— Этого недостаточно, — сказала Хатор-Ка.

— Почему? — спросил он озадаченно. — Я же дал слово! Я от него не отступаюсь!

— Ты должен, — потребовала она, — поклясться именем Крома.

Конан думал только о том, как бы скорее заполучить золото: размышлять ему было некогда.

— Хорошо, — сказал он. — Клянусь Кромом, что выполню твоё поручение.

...Он пожалел об этих словах сразу, как только они сорвались у него с языка. Он с радостью отдал бы все золото, только чтобы их вернуть. Что могла эта женщина знать о Кrome?.. И каковы были ее действительные намерения?..

Хатор-Ка вновь поудобнее расположилась в кресле. На ее лице появилась жестокая улыбка.

— Этой клятвы ты не можешь преступить, киммериец, — сказала она. — Мы, стигийцы, многое знаем о самых различных Богах. Твой Кром безжалостен. Он не потерпит, чтобы кто-то всуе произносил Его имя!

— Вот это истинная правда, — нехотя признал Конан.

Женщина кивнула Муляю, и тот отошел к роскошному сундуку, стоявшему в углу комнаты. Вынув из складок кушака увесистый ключ, житель пустыни отпер сундук и поднял крышку. Из глубины сундука появилась небольшая серебряная бутылочка, запечатанная свинцом. Конан заметил на печати иероглиф удивительно неприятного, смутно беспокоящего вида. Хатор-Ка взяла бутылочку из рук слуги и передала ее Конану. Тот безо всякого энтузиазма взял сосуд и про себя удивился его легкости.

— Судя по весу, — сказал Конан, — бутылка пустая.

— Она не пуста, — заверила его Хатор-Ка. — В том, что тебе предстоит сделать, нет ничего сложного. Когда проникнешь в пещеру, разведи огонь. Потом откупорь бутылочку и вытряхни ее содержимое в пламя. При этом ты должен трижды громким голосом произнести мое имя. Тебе все понятно?

Конан почувствовал, как шевельнулись волосы на затылке. Колдовство!.. С которым он предпочитал по воз-

можности не связываться!.. Но деваться было некуда: он дал своё слово. «Да накажет Кром меня, дурака», — подумал он зло. А вслух спросил:

— И что потом?

— На этом твоя работа будет окончена. Дальше поступи как знаешь, — сказала она.

— Ладно, — пробурчал он, — все вроде выглядит просто. Ну и в какой горе твоя пещера? У нас в Киммерии полным-полно гор, и почти в каждой — пещеры...

— Пещеру, которая мне нужна, ты найдешь без труда, — сказала Хатор-Ка. — Известна ли тебе гора, именуемая Бен Мор?

Тут-то сердце у Конана не то что просто упало — прямо-таки провалилось в самые сандалии.

— Бен Мор?.. — прошептал он благоговейно.

— Совершенно верно. Бутылочка должна быть опорожнена в огонь на рассвете в день осеннего равноденствия, в огромной пещере восточного склона горы, именуемой Бен Мор. — Хатор-Ка улыбнулась при виде откровенного ужаса, отразившегося на лице варвара. — Что-нибудь не так, Конан? Ты ведь, по-моему, считаешь себя героем. Неужели у тебя кишка тонка предпринять небольшое путешествие, взлезть на гору и забраться в пещеру?

— Ах ты сука стигийская!.. — выругался Конан, не обращая ни малейшего внимания на Муляя, схватившегося за кинжал при этих словах. — Бен Мор... это дом Крома! Твоя пещера называется Обителью Крома!.. Это чертог моего Бога!..

Человек, зависший снаружи, чуть-чуть повыше окна, с большим интересом слушал разговор. Он висел на тонкой веревке, один конец которой был захлестнут за выступ крыши гостиницы, а на другом устроена широкая кожаная петля — опора для ноги. Дождавшись окончания беседы, происходившей в комнате, человек влез обратно на крышу, отвязал свое снаряжение и обернул его вокруг пояса.

Он был невелик ростом, но зато быстр и точен в движениях. Сидя на зубце крыши, он поглядывал вниз, на улицу. Было совершенно темно, но глаза человека обладали

кошачьей чувствительностью. Он легко узнал киммерийца, который покинул гостиницу и отрешенно побрел в сторону бедняцких кварталов. Тогда человек отправился в путь по крышам, благо крыши были плоские, а дома стояли вплотную друг к другу. Добравшись до одного из зданий недалеко от квартала златокузнецов, он спустился в люк, что вел из висячего садика собственно внутрь дома. Там, в просторной комнате, восседал на подушках, скрестив ноги, полнотелый мужчина. Руки его лежали на коленях, глаза были закрыты.

— Джаганат?.. — нерешительно окликнул его вошедший. — Я вернулся...

Он говорил так, как говорят представители высшей касты Вендии.

Сидевший открыл глаза и милостиво улыбнулся:

— Разузнал что-нибудь заслуживающее внимания, Гопал? — Тот в нескольких словах передал ему содержание разговора, подслушанного у окошка Хатор-Ка. Толстяк заулыбался шире: — Двойное заклинание Тийи!.. А она вправду умна, эта стигийка. Успешно отвертелась от нелегкого путешествия!..

— Почему же ты, дядя, сам не воспользовался таким заклинанием? — поинтересовался Гопал.

Джаганат без большого удовольствия взглянул на своего не в меру любопытного младшего родственника.

— Потому, Гопал, — ответил он, — что для него требуется человек необыкновенно надежный, заслуживающий полного доверия. А я никому не доверяю, кроме себя самого. — Его улыбка снова стала милостивой и доброжелательной. Он добавил: — Даже тебе, Гопал. Даже тебе. — Его взгляд упал на пергамент, разложенный на полу. — Что ж, — сказал он, — теперь, по крайней мере, всякие сомнения отпали. Хатор-Ка натолкнулась на тот же утерянный текст из Книги Склоса, который я сам обнаружил годы назад. Интересно, многие ли еще пустились нынче в то же самое путешествие?..

— Дядя, — сказал Гопал, — не кажется ли тебе, что теперь самое время наконец рассказать, в чем смысл нашей поездки? Мы преодолели столько утомительных лиг, добираясь из Вендии в эти Богами забытые варварские края.

Уж верно, не ради одних только знаний мы столько трудностей перенесли...

— Не ради знаний, — ответил Джаганат. — Ради власти.

— Власти?.. — повторил Гопал, и глаза у него загорелись.

— Вот именно. Когда я был юнцом, чуть постарше, чем ты сейчас, я учился на чужбине, посещая одну страну за другой. И вот однажды, в Аграпуре, городе пурпурных башен, роясь в библиотеке некоего ученого мужа, я натолкнулся на сборничек фривольных стишков. Я уже было отложил его в сторону, но тут заметил, что пергамент, которым была выстлана внутренняя сторона обложки, отклеился и отстал. Я заглянул в щель и увидел, что с изнанки пергамент покрывали странные письма. Я аккуратно срезал его, а книжку поставил на место. Вот он лежит передо мной, пергамент, найденный в тот далекий день... Можешь ли ты прочитать его?

Гопал присмотрелся, однако письма оказались совершенно незнакомы ему. Но тем не менее... Кажущаяся бессмыслица сразу начала некоторым образом извращать его мысли, заставляя думать о таком, о чем не хотелось размышлять даже ученику вендийского чародея.

— Нет, дядя, я ничего не могу разобрать, — проговорил Гопал.

— Вот и я в то время не смог, — продолжал Джаганат. — Но, как и ты сейчас, я сразу почувствовал важность, силу и власть этих писем. Годы спустя, пройдя обучение под началом многих великих мастеров, я постиг этот язык и тогда-то вспомнил о листке, найденном в библиотеке. Оказалось, что это отрывок из утерянной главы Склоса, причем на языке оригинала. Отрывок сей представляет собой весьма туманные катрены, но общий смысл строк с девятой по двадцатую примерно таков: «Новая звезда вспыхнет между рогами Быка. В тот год на рассвете, когда день сравняется с ночью, когда остынет жар Лета, а холод Зимы не успеет еще воцариться, явится Величайший, тот, кто подчинит себе всех чародеев Земли. И будет он править, не зная ни соперников, ни равных. В тот год на рассвете, когда день сравняется с ночью, а

лучи солнца проникнут в пещеру на склоне Бен Мора, что в Киммерии, волшебник, которому предназначено стать Величайшим, пропоет Заклинание Великого Вызывания Сил. Ему будет дана высочайшая власть в колдовстве, а смерть постигнет его не иначе как от Стрелы Индры. Таково предсказание Скедоса...»

Гопал сидел молча некоторое время, и челюсть у него слегка отвисла от ужаса и восторга.

— А что такое «Стрела Индры»? — спросил он наконец.

— Стрелы Индры суть падающие звезды, что раз в тысячелетие прилетают к нам из созвездия, именуемого Колесницею Индры, — ответил Джаганат. — Ходят слухи, будто именно они разрушили дворец короля Валузии восемь тысяч лет тому назад. А последний раз Стрелы Индры падали какое-то жалкое столетие назад. Вот потому-то тот, кто в урочное утро проникнет в пещеру и воспевает Великое Вызывание, станет править волшебниками Земли самое меньшее девятьсот лет!

Маска напускной безмятежности слетела с вендийца при этих словах, оставив ничем не прикрытую жажду власти.

— В тексте, если я правильно понял, написано «Величайший», — сказал Гопал. — То есть в мужском роде. Каким же образом стигийка надеется, что ей удастся?.. Она ведь женщина.

— В этом древнем языке нет мужского и женского рода, — ответил Джаганат. — Хатор-Ка по праву называют в числе избранных мастеров, которые способны произвести Великое Вызывание. Таких, как мы с ней, во всем мире не больше десятка. А сколько из этого десятка прослышали о пророчестве?.. Двоих мы уже имеем. Я весьма удивлюсь, если найдутся еще хотя бы двое...

— А что там насчет киммерийца? — спросил Гопал.

— Путь на его родину неблизкий и полон опасностей. Может, с ним еще что-то случится... То есть я даже уверен, что его непременно постигнет какая-нибудь беда!

Молодой человек понимающе кивнул.

— Но если, — сказал он, — все-таки предположить, что киммериец эту беду некоторым образом переживет? Что тогда?

— Он будет путешествовать по суше, — терпеливо объяснил Джаганат. — Он должен пересечь Офир, потом — Немедию либо Аквилонию и далее — Гандерланд или Пограничное Королевство. Только так он сможет добраться до Киммерии. Да и тогда от границы до Бен Мора отнюдь не рукой подать...

— Но, дядя, — настаивал Гопал, — что помешает варвару достичь побережья и сесть на корабль?

Джаганат довольно улыбнулся:

— Это совсем просто, племянник. Лично я именно так и намерен поступить. Мы поедем на запад, а когда доберемся до реки Тайбор, что протекает через Аргос, — сядем на баржу и спустимся в портовый город Мессантию, и оттуда уже на морском корабле поплывем к северу. Таким образом мы с некоторым даже удобством пропутешествуем в Ванахейм, а там разыщем кого-нибудь, кто проводит нас до Бен Мора. Киммерийцу же этот путь заказан, ибо для того, чтобы добраться на родину со стороны моря, ему пришлось бы пересечь либо Пиктские Дебри, либо все тот же Ванахейм. А пикты, как и ваны*, — злейшие враги киммерийцев!

— Тогда, — сказал Гопал, — мы почти наверняка сыграем гонку, и ты станешь величайшим из всех волшебников, когда-либо живших на свете!

В его голосе звучало благоговение, смешанное с предвкушением.

— Я стану могущественным, как Бог, — сказал Джаганат. — Да и над тобой не будет никого, кроме меня.

Конан предавался мрачным раздумьям, сидя в таверне над кружкой вина. Надо сказать, что таверна эта была много опрятней и лучше той, где он обитал совсем недавно. Он уже успел приобрести заплатанную, но крепкую и чистую рубашку у аквилонского наемника, сходного с ним по комплекции. В этой рубашке можно провести время в приличном заведении, пока утром не откроются рынки. Конан

* Переводчик употребляет в тексте собственную транскрипцию названий, отличную от общепринятой (в оригинале «vanir» и «aesir»).

сидел в замогильном унынии, не слушая томной музыки и не глядя на то, как извивались и вращали бедрами танцовщицы. Проголодаться он еще не успел, а вино попросту не лезло в глотку. У него не было ни толкового кошелька, ни каких-либо других личных вещей, и потому мешочек с золотом просто висел у него под рубашкой на кожаном ремешке. Он уже разменял один золотой, заплатив хозяину таверны за трехдневный постой. На сдачу тот дал ему целую горсть меди и серебра. Конан не потрудился убрать ее, и она кучкой высилась перед ним на столе.

— Твоя погадать, господин? — раздался голос. Конан поднял глаза и увидел дряхлого оборванного кхитайца, стоявшего возле столика.

Люди из крайних далей Востока были большой редкостью даже на таком вселенском перекрестке, каким с полным на то основанием называли Хоршемиш. Изорванная рубашка старика отнюдь не скрывала тощего тела, а на голове громоздился неописуемый убор, состоявший в основном из перьев и колокольчиков. На шее болтались целые связки каких-то косточек, ракушек и иных предметов, чье название было столь же загадочно, как и назначение. Старик улыбался варвару заискивающе и несколько слабоумно, кивая головой, так что дергалась седая козлиная борода.

— Моя всю правду говори, счастье предсказывай... очень дешево, господин!

— Тебя небось вот это привлекло? — хмуро спросил Конан, кивая на кучку монет. Потом взял самую маленькую — толстый, плохо отчеканенный шемитский медяк — и бросил денежку старцу: — Вот, возьми. И ступай прочь: не до тебя!

Сказал — и вновь уткнулся в кружку с вином.

Кхитаец поймал денежку на лету и внимательно рассмотрел.

— За это счастье не предсказывай, — заявил он. — За это моя только рассказывай притчу. Вот что однажды говорил Правитель Ли: «Каждая фигурка на игровой доске свято уверена, что движется с одной клетки на другую не иначе как по своей собственной воле».

— Чего, чего?... — заинтригованно переспросил Конан. — Какого рода предсказания ты делаешь?

— Верные, — ответил старик. — Дай моя одна серебряная монетка, моя все тебе как есть Расскажи.

Конан усмехнулся. Свихнувшийся дед был все же забавен, а кимерийцу сейчас если что и требовалось, так только развлечься. При всей своей нелюбви к колдовству он нисколько не опасался ничтожной магии гадалычиков и разных прочих факиров.

— Садись, — гостеприимно указал он на скамейку. — Хлебни вина.

Дедуля весело закаркал и плюхнулся тощим задом на табурет против Конана. Взяв с другого стола ничейную кружку, он выплеснул отстой на усыпанный соломой пол, потом налил в кружку из кувшина, стоявшего перед варваром, и спросил:

— Твоя, значит, с Севера?

— Ага, из Киммерии, — проворчал Конан. — И ты учти, дед: коли пьешь мое вино, так будь добр, предскажи что-нибудь хорошее!

Старикашка вдруг омочил пальцы в вине и брызнул в разные стороны, вызвав ругань посетителей, в которых угодили брызги. Кхитаец проворно заглотал вино, оставив на дне всего несколько капель, и, бормоча нечто непонятное, уставился на осадок, крутившийся у дна. Потом ухмыльнулся и поднял глаза.

— Хорошая судьба! — проквашал он довольно. — Очень хорошая! То, что твоя делает, направляют Боги. Твоя думай, что твоя сам решай, как поступать, но на самом деле твоя только повинуйся, а все решай Высшие Силы. Как те фигурки Правителя Ли!

В его речи «твоя-моя» полуграмотного чужеземца странно мешалось с изысканными фразами ученого.

— И это, — сказал Конан, — у тебя называется предсказанием? Сколько себя помню, гадатели всегда несут такую вот чепуху, особенно если они, как и ты, с Востока. Как же, Богом больше делать нечего, только меня направлять!.. Я сам себе голова!

— Да, да, — подтвердил старый кхитаец, улыбаясь и яростно трясая бородой. — Вот только иногда твоя поступай мало-мало странно, так? Бывает ведь? Твоя делай мало-мало такое, что сам не понимаешь, а?

Конан хотел отбрить наглеца, но тут же вспомнил не слишком-то обдуманную клятву, только что данную Хатор-Ка.

— Угу, — неохотно согласился он наконец. — Мало-мало бывает.

— Твоя видит? — обрадовался кхитаец, как будто это сразу все объясняло. — Твоя скоро уезжай в дальний путь, так?

— Чтобы это угадать, пророком быть необязательно, — проворчал киммериец. — Ну конечно, я скоро уеду. Кто вообще будет торчать в Хоршемише, если есть возможность отсюда слиться?..

— Твоя что-то делай сейчас, а что-то делай скоро, — сказал гадалщик. — Твоя думай, что это совсем маленькие, незначительные дела. Только все это не просто так: пусть маленькая, но частица большого замысла Богов. И твоя все равно по этому поводу ничего поделать не могла! Так начертано свыше!

И старик налил себе еще кружку.

— Кром бы тебя забрал!.. — пробормотал Конан. Дед успел ему надоесть, а от восточного фатализма его всегда воротило.

— Скоро, скоро! — улыбаясь и кивая головой, повторил кхитаеза...

Глава вторая

СЕВЕРНЫЕ ВРАТА

Народ собирался спозаранку на главный рынок Хоршемиша затем же, зачем приходят люди на рынки в любом уголке мира: купить, продать, обменяться слухами и сплетнями, перемишлять косточки властям предержащим. Женщины с пустыми кувшинами для воды охотно выстаивали длиннейшие очереди к фонтану посередине площади, убивая время за болтовней с соседками. А в дальнем конце рынка собирались местные астрологи-звездословы. Они с большим жаром обсуждали небесное явление, занимавшее их умы вот уже несколько последних месяцев. А именно,

новую звезду, неожиданно вспыхнувшую между «рогами» Быка — одного из небесных созвездий. Звездословы никак не могли прийти между собой к согласию, выясняя, была ли вспышка звезды знамением, ниспосланным свыше. А если была, то какого рода предзнаменование следовало с ней связать — доброе или недоброе?..

Конан явился на рынок в середине утра, посетив перед этим квартал портных и кожевников. Теперь он красовался в штанах, приличной рубашке и кожаных сапогах. Приоделся он добротно, но без особой роскоши. Отменного качества были лишь сапоги: варвар знал, что по мере продвижения на север ему все равно придется сменить одежду на более подходящую для холодного сурового климата.

Он шагал через площадь, притягивая восхищенные взгляды женщин, толпившихся у фонтана. Думал он, однако, вовсе не о женщинах, а об оружии. Хоршемиш, увы, не славился кузнецами, зато здесь как-никак пересекались караванные тропы. А значит, у торговцев можно было раздобыть оружие практически любого народа.

Заметив лоток торговца оружием, Конан остановился и принялся неторопливо взвешивать на руке выставленные на продажу мечи, окидывая каждый наметанным взглядом. Торговец между тем без усталости нахваливал товар.

— Только посмотри, господин, на эту туранскую саблю! Ее благородный клинок напоминает серп месяца, а рукоять щедро усыпана золотом и ясными перлами. Даже принц не устыдился бы носить ее при бедре...

— Ага, — сказал Конан. — Рукоять и впрямь неплохая. Только в бою, знаешь ли, действуют не рукоятью, а лезвием.

— Ты воистину прав, господин, — тотчас согласился купец. — Такому знатоку, как ты, надо непременно взглянуть на этот вендийский клинок. Видишь золотую и серебряную насечку? Это могущественные заклития, наложенные на меч. Они...

— Я мало верю в заклития, — проворчал Конан. — Я как-то больше привык доверять собственной руке. Скажи-ка лучше, есть у тебя мечи северной или западной работы? Я люблю широкие прямые клинки, а не эти изогнутые загогулины...

— Стало быть, — промурлыкал торговец, — у меня найдется именно то, что требуется господину. — И стащил мешковину с великолепного прямого меча с короткой крестовиной и тяжелым стальным эфесом, украшенным резьбой. — Из Ванахейма, господин мой!

Глаза Конана разгорелись от удовольствия. Ваны, надо отдать им должное, мечи делали замечательные. Он взял меч в руки и попробовал, хорошо ли тот сбалансирован. Зеркальная полировка лезвия так и вспыхнула на утреннем солнце. А вот с этим что-то было не так. Ваны никогда не полировали клинки, предпочитая жемчужно-матовую поверхность: по их мнению, такая обработка лучше передавала внутренний узор сложной сварной стали. Исполнившись подозрений, Конан провел большим пальцем вдоль всего лезвия, от крестовины до кончика. Потом перевернул меч и столь же пристально изучил обратную сторону. Примерно посередине клинка его палец ощутил едва заметную неровность металла. Он поднес меч к глазам, повернув его так, чтобы не мешали отблески солнца на полировке. Ага!.. От края до самого срединного желобка тянулась трещина, тонкая как волосок.

Конан разочарованно бросил меч на прилавок:

— Забери обратно эту никчемную железяку! Неужели у тебя нет ничего лучше?..

Выведенный из себя упрямством варвара, торговец махнул рукой, указывая внутрь своей лавки:

— Валяются несколько каких-то старых мечей, зайдя посмотри, если уж больно охота.

Шагнув через порог, Конан обождал некоторое время, давая глазам привыкнуть к полумраку. Потом принялся рассматривать мечи и кинжалы, грудой сваленные на столе. Облюбовав тяжелый простой тесак с односторонней заточкой и широкой спинкой, он засунул его за кушак. Мечи, лежавшие на столе, ему не понравились, и он уже был готов заплатить за кинжал и пойти дальше, когда внимание привлек здоровенный глиняный кувшин, стоявший в углу. Из кувшина торчали рукояти мечей. Конан вытащил несколько штук. Большинство пребывало в весьма почтенном возрасте и было изрядно трчено ржавчиной. На лезвиях красовались зазубрины, а рукояти были обломаны или просто отгнили.

Вконец разочаровавшись, Конан решил уже поискать другую лавчонку... когда его рука нащупала меч, сразу показавшийся ему непохожим на все остальные. В полутьме он смог только разобрать, что лезвие было прямым и широким, обмотка же рукояти давно развалилась, так что между гардой и эфесом торчал лишь нетолстый стальной штырь. Конан вынес меч наружу, чтобы получше рассмотреть его при солнечном свете. От старости клинок покрылся фиолетово-черной патиной, но ни пятнышка ржавчины на нем так и не завелось. Крестовина и эфес, украшенные странным замысловатым узором, были сработаны из бронзы, давным-давно обросшей зеленью.

Желая проверить баланс, Конан позаимствовал с ближайшего лотка кожаный ремешок, туго обмотал рукоять и несколько раз взмахнул мечом для пробы. Импровизированная рукоять, конечно, оставляла желать лучшего, но, несмотря на это, Конан понял, что лучшей балансировки, пожалуй, еще не встречал. Он размотал ремешок и вернул его владельцу, а потом спросил у торговца, сколько тот хотел за меч и кинжал.

— О, господин мой, это очень старый клинок... — вновь запел торговец свою привычную песню. — Очень старый и, без сомнения, наделенный множеством скрытых свойств...

— Притом скрытых необычайно глубоко. Так, что даже и не видно, — прервал Конан. — Спорю на что угодно: ты купил его за бесценок у какого-нибудь могильного вора!

Конан не первый год жил на Востоке и успел постичь таинства любимой забавы местных жителей — искусства торговаться. Вот и на сей раз последовало ожесточенное препирательство, временами грозившее перерасти в открытый мордобой. Зеваки, проходившие мимо, останавливались поглазеть, а порою и вставить меткое слово. Мало кто пропускал случай поучаствовать в дармовом развлечении и высказать свое мнение. Тем не менее спустя некоторое время Конан ушел прочь, унося с собой завернутый в тряпку меч и заткнутый за кушак кинжал. При этом он был искренне убежден, что заплатил сущую безделицу за преотличный клинок. Торговец, со своей

стороны, был свято уверен, что выгодно сбыл никчемную железяку полуграмотному чужестранцу, содрав с него при этом три шкуры.

Киммериец между тем отправился в квартал ювелиров и разыскал там мастера по правке и снаряжению мечей. Тот сидел перед своей мастерской, перебирая точильные камни разной зернистости, мисочки с песком и полировальными порошками, а также полоски шершавой акульей кожи. Конан вручил ему свое новое приобретение.

— Можешь ты вычистить и наточить его, мастер? Еще не помешала бы рукоять. Мне сойдет самое простое дерево, олений рог или кость...

Мастер принялся тщательно изучать меч. Конан посмотрел, как он держал его в руках, и немедленно убедился: случай привел его именно к тому, к кому требовалось. Этот человек в оружии понимал. Может, не как воин, но как ремесленник — уж точно.

— Отличный клинок, — промолвил наконец мастер. — Весьма необычный, но, полагаю, я с ним управлюсь. Думаю также, что в отчищенном виде он станет гораздо красивее, чем ты предполагаешь. Поэтому ему нужна не простая рукоять, а особенная. Есть у меня кое-что... думается, тебе как раз подойдет...

— Да мне бы без особого изыска, — сказал Конан. — Хватит дерева или кости...

Однако говорил он это уже мастеру в спину: тот проворно скрылся внутри мастерской.

Ожидая его, Конан начал понемногу злиться, полагая, что сейчас тот попытается всучить ему цельный брусок нефрита, или хрусталя, или еще что-нибудь столь же броское, сколь и бесполезное.

Но когда мастер вернулся, киммериец увидел у него в руках плоский ящичек из ароматного сандалового дерева.

— Я купил это у гирканского торговца два года назад, — пояснил ремесленник. — Все ждал, пока подвернется стоящий меч.

Он открыл коробочку. Внутри обнаружился кусок странного материала, смахивавшего на тонкий пергамент. Он был белым, как новенькая слоновая кость, и покрыт беспорядочно рассыпанными буторками. Невольно заин-

тересовавшись, Конан пробежал пальцами по шероховатой поверхности. Чутье бывалого воина подсказало: удивительный материал не подведет ни в коем случае. Чем бы он ни был на самом деле, он никогда не даст руке соскользнуть.

— Что хоть это такое? — спросил он заинтригованно. — Какая-нибудь особая кожа?

— Это кожа со спины гигантской луч-рыбы, что водится у островов восточней Кхитая. Говорят, в мире нет лучшего материала для обтягивания рукоятей. Я тебе сделаю рукоять из простого твердого дерева, а сверху обклею этой штукой. Давай-ка прикинем... Черен длинный, хватит места двум рукам, даже таким, как твои... Однако, мне кажется, останется еще достаточный клочок, который можно будет употребить для кинжала.

— Уговорил. Покупаю, — сказал Конан. Он даже не стал спрашивать о цене, заранее зная, что мастер заломит как следует. Хорошее оружие стоило денег. Конан с готовностью шел на подобные траты — точно так же, как и на риск в воровстве, если добыча того стоила. Он только поинтересовался: — А ножны ты делаешь?

— Это можно поручить моим подмастерьям. Какие бы ты хотел?

— Для кинжала — самые простые. Для меча — тонкое дерево, самое прочное, какое найдется, а сверху хорошо бы обклеить промасленной кожей. Наконечник и устье — бронзовые. Деревянную оболочку нужно обтянуть изнутри коротко обстриженной овчиной, а бронзовую оковку устья подрезать так, чтобы клинок не попадал на нее, когда стану его вытаскивать или убирать.

— Ты, господин мой, определенно разбираешься в оружии, — кивнул мастер. — Приятно иметь дело с такими, как ты. Приходи через два дня: все будет готово.

Распростившись с ним, Конан двинулся дальше, на сей раз туда, где можно было купить коня и седло. Ему предстояло долгое путешествие, и он решительно отверг замечательных боевых и охотничьих коней, хотя при других обстоятельствах, пожалуй, потратил бы целый день, опробуя каждого скакуна. В конце концов он остановил свой выбор на крепком, здоровом гнедом мерине. Он собирался

путешествовать налегке, к тому же часть пути наверняка придется проделать пешком. Поэтому выючного коня Конан покупать не стал.

Его последним приобретением стал просторный плащ, способный послужить и одеждой, и одеялом. Кроме того, в такой плащ удобно завернуть немногочисленные пожитки и приторочить их сзади к седлу. Еще можно было купить латы и шлем, но по здравом размышлении Конан от этой мысли отказался. Незачем тащить с собой лишнюю тяжесть. К тому же он ехал на родину, а его соплеменники-киммерийцы полагали, что рядиться в доспехи — удел женщины, но отнюдь не мужчины. Засмеют ведь!..

Вечером он сидел в уже знакомой таверне, только в гораздо более приподнятом настроении, нежели накануне. Решение принято; теперь следовало действовать. Не таков был Конан, чтобы подолгу заниматься самоедством из-за ошибок или упущенных возможностей. Теперь он даже до некоторой степени предвкушал, как вновь попадет на родной Север. Давненько он не видел родственников, не дышал вольным воздухом гор! Чего доброго, удастся еще и посетить старых друзей-асов, провести какое-то время с ними в походах...

— Твоя не хочет амулета, добрый господин? — прозвучал рядом голос, показавшийся киммерийцу знакомым. Он поднял голову и увидел дряхлого кхитаезу. Старик протягивал ему здоровенную связку неописуемых хреновин, надетых на кожаные ремешки. — Амулета отгоняй порчу, дурной глаз, храни на воде и от змеиного укуса...

Косоглазый приглашающе улыбался. Конан невольно улыбнулся в ответ:

— Никак решил мне накаркать еще чего-нибудь хорошего, а, ворона облезлая? — Он успел твердо решить, что нипочем не позволит свихнутому предсказателю нарушить его радостное настроение. — Вот, держи! — И он сунул старому шаману полновесный сребренник кофийской чеканки. Кхитаеза ловко поймал его свободной рукой и попробовал на зуб. Потом, хихикнув, спрятал денежку куда-то под свое многослойное рванье и протянул Конану ремешок, на котором болтался кусочек зеленого камня, вырезанный в виде странной фигурки.

— Возьми, — принялся он настойчиво пихать варвару свой амулет. — Она защищай. Очень хорошо защищай!

— От чего? — спросил Конан. — От змей или утопления? Знаешь, я уж лучше своей собственной силой как-нибудь обойдусь...

— Иногда сила не помогает, — резонно заметил старик. — Бывай, даже сильный большой человек мало-мало нужна хороший заклинания и амулета. Этот, она спасай жизнь, когда кончаться вся сила!

Делать нечего, Конан неохотно взял камешек и повесил его на шею, — больше ради того, чтобы старикан от него отвызлся. В конце концов, будет что подарить в дороге какой-нибудь смазливой девчонке...

Дед, однако, продолжал хихикать и улыбаться.

— Держи его под рубашка, — посоветовал он киммерийцу. — Плохо, когда много людей его замечай... — И направился было прочь, но потом повернулся, воздел палец и строго напомнил: — Твоя крепко запомни: только пешки на игровой доске Богов!..

— Ты мне вот что скажи, дедуля, — проворчал Конан. — Если мы туда-сюда ходим не иначе как по манию каких-то там Сил, на кой хрен нужны твои амулеты?..

Старец захихикал так, словно услышал нечто невероятно забавное.

— Даже Самим Богам, — ответил он, — иногда мало-мало нужна амулета!

Два дня спустя Конан снова стоял перед мастерской точильщика мечей. Он держал в руках свой клинок, и теперь его было положительно невозможно узнать. Меч так и сиял великолепнейшей полировкой, но не она потрясла Конана, а цвет клинка. Сталь оказалась бледно-голубой: киммериец ни разу еще не видел оружейной стали такого оттенка. Бронзовая крестовина и эфес вычищены до теплого мерцания, и жемчужно-белая шкура луч-рыбы как нельзя лучше оттеняла золотистый блеск бронзы. Но все это не шло ни в какое сравнение с чудесным ощущением от точной балансировки оружия. Казалось, меч сам ходит в руках туда и сюда, взлетая и рубя почти без усилия.

На радостях Конан пошел выписывать им в воздухе замысловатые кренделя, которым некогда обучил его туранский мастер фехтования. Прохожие, оказавшиеся в опасной близости от свистящего лезвия, отреагировали на выходку варвара испуганными вскриками и руганью. Конан, широко улыбаясь, вложил меч в новехонькие ножны. Он был полностью удовлетворен. С правого боку, уравнивавшая тяжесть меча, на его поясе висел кинжал. Благодаря переделанной рукояти он выглядел теперь настоящей парой мечу.

— Чтобы заточить этот клинок, мне потребовалось времени вдвое против обычного, — пояснил ремесленник. — Сталь необыкновенно тверда. Зато теперь ты можешь им бриться. Что же касается цвета металла... такой голубой оттенок я видел всего несколько раз, и только на очень старинных мечах. Секрет изготовления подобной стали утерян давным-давно. Присмотрись внимательнее: видишь, клинок несколько светлеет к лезвию? Лезвие сделано из стали другого сорта, наварено на более мягкую сердцевину и отдельно закалено... — Мастер вздохнул. — Увы, тайну изготовления подобных мечей древние унесли с собой... Лучшие туранские по сравнению с ним — сущие гнилушки. Надеюсь, друг мой, он послужит тебе верой и правдой!

Цена оказалась не маленькая, но Конан отсчитал деньги более чем охотно. Что такое, в конце концов, золото?... К тому же оно всегда утекало у него между пальцев, как вода. Сталь — другое дело. Стали можно довериться. Приятная тяжесть у пояса ободряла киммерийца, вес клинка не только не тяготил его, но как бы даже придавал легкости. Конан отправился в гостиницу, где обитала Хатор-Ка.

На сей раз тамошний хозяин держался с ним прямо-таки подобострастно. Наряд Конана — простая рубашка, сапоги и штаны — был далек от какой-либо роскоши, но теперь молодой киммериец с головы до пят выглядел воином, а такие люди внушают уважение издалека.

Взойдя наверх по ступеням, он постучал в дверь. Мулэй открыл ему и пригласил варвара внутрь. Хатор-Ка сидела за столом, и перед нею была разостлана большая карта.

— Я выезжаю завтра с рассветом, — объявил Конан без каких-либо предисловий. — Давай бутылочку, и я пошел.

— Торопись, — упрекнула его Хатор-Ка.

Конан огрызнулся:

— А тебе лучше сгодился бы посланник, который ползает, как улитка?..

— Подойди сюда, — приказала она. — Покажи мне, каким путем ты намереваешься следовать.

Конан обошел стол и присмотрелся к карте. Ему и раньше приходилось рассматривать карты, но с реальными странами и краями он соотносил их не без некоторого труда.

— Хрен разберешь эти каракули, — проворчал он недовольно. — На трезвую голову поди пойми...

Хатор-Ка принялась называть и показывать ему основные государства и главнейшие реки. Спустя некоторое время карта перестала быть для Конана кхитайской грамотой. Он увидел, что места обитания так называемых цивилизованных народов были разрисованы в мельчайших подробностях, с многочисленными городами, зато «варварские» страны Юга и Севера отображались лишь в самых общих чертах. Наконец Конан провел пальцем вдоль примерного маршрута, который успел для себя наметить.

— Я поеду прямо на север, пересеку Офир, потом дальше через Немедию. Может, остановлюсь в Бельверусе, если только там не происходит очередная осада. Ну, дальше Пограничное Королевство... Там меня вздернут на первом же суку, если поймают. И на том спасибо, что Королевство тянется узкой полосой... Быстренько проберусь через него, а там и Киммерия.

— А почему ты не хочешь через Аквилонию? — спросила Хатор-Ка. — Там гораздо больше городов и разных поселений. Мог бы проехать на север до Гандерланда и Боссонских Пределов, причем все по обжитой населенной стране...

Конан отрицательно покачал головой.

— Восточный путь, — сказал он, — пролегает большей частью по открытой равнине. Там хватает воды, зато не

придется переправляться через крупные реки. Для путешествия верхом лучше не придумаешь. Зато в Аквилонии — река на реке, и все текут к югу. Если взять лодку, все равно получится медленнее, чем на коне. Что же касается поселений... От них сплошные неприятности. И потом, в этом случае пришлось бы въезжать в Киммерию через земли Муррохов. А у клана Муррохов с моими родственниками кровная вражда вот уже пять поколений. Мои предки когда-то увели у них всех лошадей...

— Отлично! — сказала Хатор-Ка. — Твой маршрут меня, собственно, не интересует. Я всего лишь хотела убедиться, что ты действуешь не наобум и способен заранее многое предусмотреть.

Она повернулась к Мулэю и кивнула ему. Слуга вновь подошел к сундуку, открыл крышку и вынул серебряный пузырек. Хатор-Ка подержала его в руках, потом передала киммерийцу.

— Во имя твоей клятвы, — проговорила женщина, — не допусти, чтобы с этой бутылочкой или ее содержимым что-либо произошло, пока не завершишь путешествия.

— Могла бы и не напоминать! — буркнул Конан. — Сказал — значит, сделаю!

И, не попрощавшись, вышел за дверь.

Мулэй проводил его взглядом.

— Госпожа моя, — сказал он, — я, честно говоря, на холодном Севере ничего не забыл. Но, по-моему, лучше было бы нам с тобой самим предпринять это путешествие...

Хатор-Ка подошла к стрельчатому окошку и посмотрела вниз, на улицу. Киммериец шел прочь. У него был широкий, упругий шаг горца.

— Нет, Мулэй, — сказала стигийка, — ты ошибаешься. Даже если бы мы выдержали это странствие, мы нипочем не сумели бы прибыть на место ко дню осеннего равноденствия. Дабы ускорить наше движение, мне пришлось бы пустить в ход самую могущественную доступную мне волшебную силу. Я прибыла бы на гору Бен Мор опустошенной, неспособной к борьбе, которая, быть может, там воспоследует. А этот человек, он... он наилучшим образом подходит для

нашего дела. Он силен, простодушен и ни за что не отступится от данного слова.

Горбоносый Мулэй в ответ только фыркнул:

— Могут ли у дикаря быть какие-то понятия о чести?..

— Могут, и гораздо более глубокие, чем тебе кажется. Честь — это присущая варварам добродетель, от которой у цивилизованных народов сохранились лишь жалкие воспоминания. Но самое главное — этот человек киммериец и будет действовать у себя дома... — И Хатор-Ка бросила последний взгляд на Конана, чья широкая спина как раз скрывалась за ближайшим углом. — Нет, Мулэй, — повторила она. — Лучшего выбора сделать я не могла...

На следующее утро Конан выехал из Северных Врат Хоршемиша. Восходящее солнце только-только окрасило нежным багрянцем восточную стену, а здесь, с северной стороны, еще лежала глубокая тень и властвовала ночная прохлада. Конан направил своего гнедого между створками раскрывавшихся ворот, едва лишь они успели разойтись на достаточную ширину. Стражники, стоявшие наверху, потягивались и зевали, предвкушая, как сейчас явится смена и наконец-то можно будет завалиться спать в казарме.

Несмотря на столь ранний час, стражники Северных Врат были на стене не одни. Рядом с позеленевшими бронзовыми столбами, на которых висел надвратный барабан, стоял, побрякивая снизанными косточками и ракушками, тощий оборванный старичок. Он долго смотрел вслед скакавшему из города киммерийцу и махал ему рукой, хотя Конан того видеть не мог...

Глава третья

ПЯТЕРО ВСАДНИКОВ

Вот уже семь дней длилось путешествие Конана, и шесть дней из семи варвар шкурой чувствовал на себе чье-то неуспынное внимание. Очень трудно незаметно следовать за человеком по открытой равнине, в особенности за человеком

опытным, весьма подозрительным... и к тому же киммерийцем по национальности. Повинуясь давней привычке, каждые несколько часов Конан поднимался на ближайшую возвышенность и обзоревал все окрест, обращая особое внимание на ту сторону, откуда приехал.

Вот так и вышло, что уже на второй день он засек пятерых всадников, следовавших за ним. Покамест они значительно отставали — не вдруг догонишь. Еще он понял, что рано или поздно все-таки придется повернуться к ним лицом и дать бой. Одному человеку от пятерых не удрать, разве только по очень благоприятной для этого местности. Толковые преследователи непременно разделятся: одни будут беспощадно гнать жертву, другие — поспевать сзади без большой спешки, чтобы потом сменить своих сотоварищей. Действуя таким образом, рано или поздно они загонят коня преследуемого, а их собственные скакуны останутся относительно свежими.

С другой стороны, Конан был уверен в своем коне, а в себе самом — еще больше. От недостатка уверенности в себе он не страдал никогда. Еще он вполне отдавал себе отчет, что такой выносливостью, как у него, преследователи навряд ли могли похвалиться. И уж он позаботится о том, чтобы выбрать удобное место для боя. Хорошо бы, конечно, занять позицию на возвышенности, да только где ее тут найдешь?..

На рассвете седьмого дня он все-таки обнаружил холмик в несколько шагов высотой и решил, что это-то место и станет тем самым, где он победит или умрет. Коня он привязал у ручья примерно в четверти мили от холмика; там было много сочной травы. Он напоил мерина, потом хорошенько вычистил. И проверил привязь, проследив, чтобы конь смог без большого труда перегрызть ее, если придется. Мало ли, вдруг он сейчас перемочит противников, но и сам Крому душу отдаст? Зачем погибать ни в чем не повинному животному?..

Когда все было готово, Конан подкрепился горсткой сушеных фруктов и вяленой говядиной, а затем отправился на облюбованный холмик. С вершины он разглядел, что пятеро всадников придут не ранее чем через час. Конан уселся и стал терпеливо ждать.

Он совсем не хотел, чтобы его заметили издали. Если его увидят, то приблизятся медленно, успев отдышаться и отдохнуть. Оказавшись в одиночку против пятерых, Конан понимал, что в этом положении даже ему надо было с толком использовать все маломальские преимущества, какие только подворачивались.

Когда всадники приблизились, он вытащил из ножен меч и в который раз залюбовался его красотой. Боя, по видимому, не избежать; что ж, тем лучше! Судьба дает ему случай проверить новый клинок в решительном деле!.. Да, сказал себе Конан. В самом что ни есть решительном.

Когда пятеро оказались в какой-то сотне шагов, он поднялся, взмахнул мечом над головой и заорал во все горло:

— Я — Конан из Киммерии! Если вы приехали убить меня, давайте попробуйте, я не прячусь и не бегу! Смелее, вшивые псы!

Всадники натянули поводья и недоуменно уставились вверх. Чего-чего, а такого приема они ни в коем случае не ожидали. Подобный вызов был воистину достоин Века Героев, а век этот, как все они отлично знали, давно миновал. Последовало короткое препирательство — они выясняли, кто пойдет первым. Принятое решение было разумно. Они постановили ринуться в атаку все разом.

Конан только усмехнулся, глядя, как пять скакунов одновременно берут разбег. Именно на это он и рассчитывал. Только хорошая войсковая выучка позволила бы пятерым действовать слаженно, единой командой. У этих типов ни малейшего признака подобной выучки не наблюдалось. Все пятеро еще и принадлежали к разным народам, так что каждый был вооружен и снаряжен в соответствии с обычаям своего племени.

Они приблизились неровной шеренгой. Конан метнулся влево, чтобы сцепиться с крайним всадником, одновременно прикрываясь им от остальных. То, что его противникам казалось чистым самоубийством — надо же, спешился перед такой схваткой!.. — на самом деле давало ему преимущество. Ему не приходилось управляться с конем, а значит, и отвлекаться от поставленной цели: УБИВАТЬ. А Конан в бою обыкновенно об этом только и думал.

Крайний всадник был курчавабородым шемитом, облаченным в просторные шаровары. Он обходился без стремян и доспехов, довольствуясь тонкой пикой в правой руке и небольшим круглым щитом — в левой. Издав курлыкающий боевой клич, он опустил пику, вознамерившись проткнуть киммерийца насквозь...

Конан сбежал с холмика и сошелся с шемитом, как раз когда лошадь всадника изготовилась взбираться на склон. При этом она поневоле сменила аллюр, и перебой в ритме движения заставил шемита на какой-то миг потерять равновесие... а большего Конану и не требовалось. Стоило острию пики чуть дрогнуть в воздухе, как варвар отвел его в сторону ударом плашмя, а потом прыгнул вперед и вверх, вытянув руку с мечом и обратив все свое тело в метательное копьё. Шемит судорожно попытался заслониться щитом, но «копье» было слишком тяжелым и слишком быстро летело. Острие меча угодило воину под подбородок, и он резко откинулся, чуть не вылетев из седла и багряной дугой разбрызгивая щедро хлынувшую кровь.

Не теряя времени даром, киммериец взлетел обратно на холмик. Четверо уцелевших бестолково крутились, сляясь понять, что же произошло. Первым заметил Конана туранец в остроконечном шлеме. Он тотчас прищипорил коня, размахивая тяжелым кривым мечом-тульваром и явно имея в виду сбить противника и затоптать его лошадьё. Казалось, ему вот-вот это удастся. Но в самое последнее мгновение Конан рванулся в ту сторону, где у туранца висел щит. Взмах меча начисто снес противнику левую ногу. Туранец с криками вывалился из седла.

Беда только, сам Конан не успел восстановить равновесия после мощного замаха: тут же подоспели еще двое конников, и Конана сшибли наземь. Он попытался вскочить, но на плечи ему свалился замориец и стал прижимать к земле, одновременно стараясь пырнуть кривым кинжалом. Конан бросил меч, мешавший ему пустить в ход обе руки, и сгреб заморийца. Кинжал, все-таки полоснувший варвара по правому плечу, показался ему полосой раскаленного железа.

Краем глаза киммериец заметил чей-то меч, готовый раскроить ему спину. Конан развернулся, явив силу и

быстроту, неведомые цивилизованным воинам, и подставил под удар схваченного заморийца. Тот успел тоненько завизжать: меч перерубил ему позвоночник. Конан швырнул труп в лицо нападавшему — аргосийскому фехтовальщику, не успевшему оправиться от невольного замешательства. Замориец и аргосиец вместе свалились на землю. Конан тотчас подскочил к аргосийцу, ухватил его за шлем и как следует крутанул. Глухой щелчок уведомил, что дальнейших усилий не понадобится. Выпрямившись, Конан без промедления поискал глазами пятого...

Он увидел последнего противника шагах в двадцати от себя. Тот сидел в седле с видом мрачного долготерпения. На нем было нечто вроде кирасы из твердых кожаных ремней, прошитых железными заклепками, а на обоих предплечьях — толстые кожаные наручи. У пояса висел длинный прямой меч с рукоятью, которую берут сразу двумя руками. Из-под черного шлема, снабженного стрелкой, ниспадали пряди рыжевато-русых волос, а глаза оказались синими, как у самого Конана. Если бы не чисто выбритый подбородок, парень сошел бы за аса. Конан, однако, сразу понял, что всадник родился не в Асгарде, а много дальше к югу.

— Неплохо ты нынче повеселился, киммерийский пес, — слезая с коня, сказал Конану воин. — Знай, однако: тех, чья родина — Гандерланд, убить гораздо труднее, чем выроdkов с Востока!

Конан отыскал свой меч и подобрал его, первым долгом проверив, не стала ли рукоять скользкой от крови или утренней росы на траве.

— Гандеры, — сказал он, — умирают точно так же, как и все прочие люди. Помнится, я многих убил при штурме Венариума, а мне тогда было только пятнадцать.

— Венариум!.. — сплюнул гандер. — Я поклялся убить по дюжине киммерийцев за каждого родственника, которого потерял в той резне! Их кровь вызывает к отмщению. Сегодня я отправлю еще одного черноволосого раба прислуживать им на небесах!

Двое северян сошлись на самой вершине пригорка. И принялись рубиться безо всякого там тонкого изыска, вовсю

размахивая двуручными мечами. Голубая и серая сталь встречались с чудовищным звоном, высекая снопы искр. Прошло время бросать вызовы или хвастаться — соперники лишь рычали от ярости да еще от усилия, которое вкладывали в очередной могучий замах. Удар — защита! Удар — защита!.. И снова, и снова без перерыва и отдыха. Оба воителя были великанами и вооружены мечами под стать, но от этого их единоборство не казалось ни медлительным, ни тяжеловесным. Мечи мелькали с такой быстротой, что уследить за ними успел бы лишь самый опытный глаз.

Конан обливался потом и дышал, как кузнечные мехи. Вот уже несколько лет ему не доводилось сходить в равной битве с таким же, как он сам, северянином. Между тем уроженцы Гандерланда, этого сурового северного пограничья великой Аквилонии, вырастали ничуть не менее быстрыми и крепкими телом, чем мужчины Киммерии или Северных Стран. Другое дело, что Конан выделялся своей статью даже среди киммерийцев...

Вот гандер, затеяв жуткий удар наотмашь, провел свой меч на какой-то ноготок дальше положенного, тем самым дав Конану время податься в сторону. Меч не встретил сопротивления, гандер сунулся вперед, силясь восстановить равновесие... Слишком поздно! Меч Конана свистнул в горизонтальном размахе и впился гандеру в бок, легко вспоров толстую кожу доспехов. Высвободив клинок, Конан мгновенно послал его по широкой смертоносной дуге. Голубая сталь рассекла кирасу и плоть от плеча до поясного ремня, безжалостно развалив и кости, и внутренности.

...Только звериное неприятие смерти еще какой-то миг удерживало гандера на ногах. Потом он свалился, как подрубленное дерево. Конан и сам дышал точно загнанный конь. Оторвав клочок ткани от одежды одного из убитых, он принялся тщательно чистить меч. Первые четверо были мертвы; тот, которому он отрубил ногу, истек кровью во время его поединка с северянином. Конан вновь подошел к гандеру. Северянин, как ни странно, еще продолжал слабо дышать.

— Кто нанял вас? — спросил его киммериец.

— С какой... стати... я буду тебе отвечать? — прошелестел тот одними губами. — Я никогда... не предавал... тех... кто меня нанимал.

— Ладно, — сказал Конан. — Как хоть тебя зовут?

— Тебе... мало, что ты... меня убил? Ты хочешь... еще и захватить в плен... мою душу?

— Не мели чепухи! — огрызнулся варвар. — Ты же отлично знаешь нас, киммерийцев! Мы убиваем своих врагов в честном бою, а посмертной враждой пусть занимаются демоны в Преисподней! Твое имя мне нужно только для песни, которую я сложу в конце своих странствий. Это была славная битва! Пусть женщины упомянут о ней в торжественном плаче, который будет звучать над моим погребальным костром!

— Я — Хаген, — просипел умирающий. — А теперь... отвяжись. Ты мешаешь мне... тебя проклинать...

Конан не стал лишать его этого последнего удовольствия. Осмотрев свой меч, он с радостью убедился, что на лезвии не появилось ни малейших зазубрин. Более того: оно нисколько не затупилось. Им по-прежнему можно было бриться. Убрав меч в ножны, Конан переловил всех пятерых лошадей, потом стянул тряпкой кинжальную рану в плече. Обшарив мертвые тела, он обнаружил при каждом по три увесистые прямоугольные золотые монеты с отчеканенными на них странными письменами. Конану уже приходилось видеть такие монеты. Их доставляли из Вендии. Конан хмыкнул про себя, подумав: то, что должно было стать платой за его смерть, вместо этого пополнил его кошелек.

Пятерых лошадей он забрал с собой, решив продать их в Бельверусе. Больше ничего у мертвых он брать не стал. Коней, в конце концов, мог продавать кто угодно, не вызывая при этом никаких подозрений. А вот личное имущество пятерых отсутствующих мужчин непременно привлечет к нему весьма нежелательное внимание местных властей.

За спиной у киммерийца остался залитый кровью пригорок. Пройдет год, и кости, изглоданные дикими зверями, перемешаются с землей, сгниет кожа и ткань одежд. На холмике не останется никаких следов битвы, кроме, может

быть, нескольких обломков ржавого железа, да трава на этом месте будет расти гуще и зеленее, чем всюду вокруг. А потом время сотрет и эти следы. Останется лишь безбрежная степь, впитавшая кровь никем не считанных тысяч людей...

Когда впереди замаячили стены Бельверуса, Конан пошатывался в седле, мучимый лихорадкой. Он испытал огромное облегчение, не обнаружив вокруг города палаток осаждающей армии. Только этого ему сейчас и не хватало.

Стоял полдень; городские ворота были распахнуты настежь. Когда киммериец въехал под арку, путь ему преградил бдительный стражник. Стражник держал в руке навощенную дощечку, за ухом у него красовалось бронзовое стило.

— Как твое имя, чужеземец, и по какому ты делу? — спросил он новоприбывшего.

— Я — Конан из Киммерии, и нужен мне ночлег, да еще торг — продать лошадей...

Конан говорил неверным голосом, на лице горели красные пятна.

— Да ты, кажется, болен! — насторожился привратник. — Если это что-то заразное, мы не можем пропустить тебя в город!

Конан молча откинул плащ, демонстрируя воспалившуюся рану в плече. Из нее сочился гной, во все стороны уже распространялись багрово-черные полосы...

— Митра!.. — ахнул стражник. — Тебе, парень, нужен лекарь, да побыстрее, не то останешься без руки... или, того гляди, совсем копыта откинешь. Вот что, оставь-ка ты здесь свою живность, я тебе расписку на нее напишу. И топай прямо к лекарю Ромалло: он через две улицы отсюда живет!

Конану тошно было даже думать о том, чтобы обращаться за помощью к лекарю. При обычных обстоятельствах он предоставлял своему телу самому справляться с хворями. В тех немногих случаях, когда он все-таки прибегал к вмешательству лекаря, речь шла о зашивании действительно тяжелых ран. Конан про себя подозревал, что

вреда от врачей было куда больше, чем толку. Но на сей раз выбора у него не оставалось, и он сам это понимал.

Над дверью в доме Ромалло висел очень примечательный знак: здоровенный окровавленный нож. Конан шарахнул в дверь кулаком, и ему открыл пожилой бородатый мужчина.

— Тебе, — спросил он, — нужна помощь?

— Во имя Крома! — сказал Конан. — Нужна!

И вновь обнажил рану.

— М-м-м... Очень интересный случай... Входи, юноша, посмотрим, что тут можно сделать...

В доме лекаря, как и следовало ожидать, оказалось полным-полно всяких странных предметов. С потолка свисали чучела разных животных, в прозрачных склянках покоились заспиртованные морские твари, причем некоторые — откровенно непристойного вида. Повсюду лежали удивительные инструменты и стеклянные приспособления, пахло душистыми травами. Что говорить, странное место, но, насколько понимал Конан, колдовства здесь не водилось. Он бы его шкурой почувствовал.

Лекарь усадил киммерийца на скамейку под окном и принялся ощупывать и надавливать в разных местах. Конан стоически терпел зверскую боль.

— Я могу вскрыть и вычистить рану, — объявил наконец врач. — Зашить, приложить целительную мазь, ну и так далее... Боюсь только, этого может оказаться недостаточно!

— Почему? — буркнул Конан. — Разве моя рана не по твоей части?

— По моей. Однако зараза в ней, как бы это сказать, не вполне естественного происхождения. Ты человек исключительно крепкий; небольшой порез вроде этого не должен был бы так тебя мучить...

— Верно, — согласился Конан. — Бывало, доставалось и хуже, и все заживало как на собаке. Меня что, отравленным ножом резанули?

— Нет, — покачал головой Ромалло. — Яд вызвал бы воспаление совершенно другого свойства. Увы, здесь, похоже, не обошлось без губительного заклинания. Остается только дивиться, как оно до сих пор тебя не прикончило...

При этих словах врача Конана пробрал озноб, происходивший отнюдь не от лихорадки. Заклятие! Кто мог его наложить?.. И что тогда защитило от смерти?.. Внезапно Конан все понял. И несмотря на боль, начал смеяться.

— Странное время ты выбрал для веселья, — нахмурился Ромалло.

— До меня только сейчас дошло, что я пал жертвой собственной жадности, — пояснил киммериец. — Давай делай что можешь, а прочее оставь на мое усмотрение. Да, и когда кончишь, мне потребуется меняла...

Вконец озадаченный лекарь взялся за дело. Конан терпел, мрачно улыбаясь сквозь боль. Кем бы ни был его враг, в хитрости ему не откажешь. Не просто отправил по следу Конана пятерых наемных убийц, но еще и заплатил им проклятыми деньгами. Он отлично знал, что, случись Конану отбиться, он заберет золото и тем подпишет сам себе приговор.

Хорошо, с этим ясно; но что же выручило его?.. Конан выудил из-под рубашки талисман, врученный ему старым кхитайцем. Он не мог бы поручиться, но ему показалось, будто цвет камешка слегка изменился. Лекарь продолжал возиться с его плечом, причиняя жгучую боль. Конан не проронил ни звука. Он все больше чувствовал себя той самой фигуркой на игровой доске Богов, о которой рассказывал старикан.

Пока он обменивал колдовское золото на нормальные деньги и продавал пятерых коней, день склонился к вечеру. Конан поставил коня в стойло и, совершенно лишившись сил, рухнул на постель в гостиничной комнатке. Рана вроде жрихла, но слабость была мучительна. Он понимал, что придется проторчать в Бельверусе несколько дней, пока не восстановятся силы. Задержка не слишком его расстроила. Он всяко успевал прибыть на Бен Мор ко дню осеннего равноденствия. Он ведь подрядился выполнить поручение, а не выиграть гонку.

В таверне у набережной звучали громкие голоса, бойко болтавшие на множестве разных языков. Большую часть одной из стен занимало широкое окно. Сквозь него вид-

нелся сплошной лес мачт, теснившихся в великой гавани Мессантии. Внутри таверны, заставляя мерцать факелы, задувал солоноватый морской бриз.

Мессантия раскинулась в устье реки Хорот при ее впадении в Море Запада. Город лежал на зингарском берегу Хорота, но, как все портовые города, принадлежал, в сущности, всему миру. То обстоятельство, что на этот клочок суши серьезно претендовал Аргос, ни в малейшей степени не волновало его обитателей. Город, ограниченный с севера громадами Рабирийских гор, а с юга — рекой, располагался на пойменной низменности и был сам по себе государством хоть куда. При этом половина его обычного населения не жила здесь постоянно: это была разноплеменная моряцкая братия, кормившаяся по преимуществу морем.

Вот и люди, сидевшие в упомянутой нами таверне, представляли собой как бы срез разных слоев приморского населения. Помимо местных зингарцев с аргосийцами, здесь можно было видеть крючконосых, курчавобородых шемитов, тихих стигийцев, облаченных в черные шелка, и даже зловещих бараханцев, чьи кушаки топорщились кинжалами и короткими саблями, пригодными для абордажного боя. За одним из столиков расположилась компания кушитов. В их сложные прически были вплетены перья, черные тела лоснились от душистого пальмового масла, которым они так любили умащиваться. Двое рыжеволосых мореплавателей-ванов уже упились до свинского состояния и мирно спали в углу. Факельный свет играл на кольцах в ушах и в носсах и на иных украшениях, любимых морскими волками...

На небольшом возвышении посередине комнаты танцевала заморийская девушка. Под аккомпанемент флейты и небольшого барабана она исполняла сладострастный танец своей родины. Вся ее одежда состояла из великого множества украшений и одной-единственной небольшой вуали. Большинство моряков, кто еще был достаточно трезв, хлопали в такт музыке и громкими криками выражали свой восторг танцовщице.

— Я думал, — сказал Гопал, — что в Хоршемише мы видели худшее, до чего способна докатиться цивилизация. Но по сравнению со здешними местами Хоршемиш — просто олицетворение культуры!..

Молодой человек и его дядя сидели за крохотным столиком, устроившись как можно ближе к окну.

— Радуйся, племянник, пока есть возможность, свободному духу этого открытого города, — с обычной своей самодовольной улыбкой ответил Джаганат. — Там, куда мы с тобой собираемся, цивилизации нет вообще. Там даже слова такого не слышали. В этом городе хоть книготорговцы имеются. Здесь есть какие-никакие ученые и даже несколько плохоньких, но все же волшебников. Зато впереди нас ждет сушая дикарская глушь, населенная варварами еще покруче вон тех первобытных кушитов...

— Самая мысль об этом внушает мне отвращение, — проговорил Гопал. И отхлебнул сильно разбавленного вина. Перед ними стояло блюдопряного мяса, приготовленного в виноградных листьях. Однако малоподвижная жизнь на барже во время скучного плавания вниз по реке лишила обоих путешественников аппетита.

— Если ты всерьез собираешься быть магом, — сказал Джаганат, — привыкай к тому, что порою приходится странствовать воистину неведомыми путями. Тому, кто отступает перед лицом трудностей и опасностей, не стоит даже мечтать о тайных познаниях и о власти, ими даруемой!

Как большинство вендийцев из высших каст, Джаганат с Гопалом редко вкушали мясо, да и то — понемногу, сильно сдобрив его пряностями.

Новый посетитель, вошедший в таверну, обвел присутствующих внимательным взглядом. Заметив двоих вендийцев, он прошел прямо к их столику. Сапоги и просмоленные штаны выдавали в нем моряка, а развязная походка говорила о том, что этот человек наделен некоторой властью. Изъеденное оспой лицо покрывали шрамы, но черты его казались определенно аристократичными. Джаганат сразу опознал в нем отпрыска зингарской знати, пришедшей ныне в упадок.

— Это вы двое спрашивали насчет проезда на север? — осведомился моряк.

— Ты не ошибся, — ответил Джаганат. — Садись с нами к столу.

Мужчина сел и налил вина из кувшина, стоявшего на столе. На кувшин с водой для разбавления он даже не посмотрел. Вылив себе в глотку содержимое кружки, он

заново наполнил ее и сгреб с блюда виноградных «голубцов», сколькохватила рука. Отправив их в рот, моряк выговорил, жуя:

— Меня зовут Касаво, я с Барахского архипелага. Я капитан «Певчей птички». Нынче на причале я услышал, будто двоим вендийцам надо бы проехать в северные края, а найти их можно здесь, в «Моряцком восторге»...

— Нам необходимо попасть в Ванахейм, и притом как можно быстрее, — сказал Джаганат. — Ты забираешься так далеко на север?

Касаво расхохотался:

— В Ванахейм?.. Отсюда туда никто нормальный не плавает. К тому же сейчас осень, поздноватодля путешествий на север. Но в Кордаву, последний цивилизованный порт перед Пиктскими Дебрями, я вас доставить возьмусь. Там, если вам повезет, вы отыщете какого-нибудь отчаянного ванского купца, еще не убравшегося домой. Они, бывает, засиживаются до самого сезона штормов, только бы прикупить чего-нибудь по дешевке. Должен, однако, тебя предупредить, что в это время года путешествовать на север весьма опасно! Лучше перезимовать в Кордаве. Вот уж местечко... право же, не соскучишься!

Он усмехнулся, нервно теребя пальцами крупную, огнистую рубиновую «слезку», свисавшую с мочки уха на короткой цепочке.

— Штормов я не боюсь, — сказал Джаганат. — Когда ты отплываешь?

— Завтра утром, во время отлива, примерно через час после восхода, чтобы воспользоваться береговым бризом. Так что с рассветом можете грузиться на борт. У меня как раз есть свободная каюта, в которой вы сможете поселиться... Осталось только, хе-хе, обсудить вопрос о цене!

Джаганат небрежно взмахнул пухлой рукой:

— Мы можем прийти к соглашению непосредственно во время плавания... Денег у меня — хоть отбавляй.

Глаза капитана на мгновение вспыхнули жадностью, но он тут же скрыл ее под личиной наигранного любопытства.

— А что вы потеряли в этой дыре? В Ванахейме, я имею в виду? Как-то не скажешь по вашему виду, чтобы вам нравились холода...

— Мы ученые, — пояснил ему Джаганат. — Я пишу для вендийского Государя книгу о народах и странах.

— Ну что ж, в Ванахейме тебе определенно понравится, — заверил его Касаво. — Трудно найти страну удаленней. Так вы, значит, связаны с вендийским двором?

— О да. То есть я не отважился бы назвать себя в полном смысле слова посланником, но кое-какими полномочиями я облечен. Я везу подарки от моего Государя, предназначенные великим мужам той страны. Его Величество намерен установить сердечные, дружественные отношения со всеми народами, даже с теми, что живут на другом конце света.

При упоминании о подарках глаза Касаво вновь алчно сверкнули. Гопал, как всегда при общении с чужаками, помалкивал, но держал ухо востро, готовый чуть что подтвердить рассказу ученого дяди.

— Значит, договорились, — попытожил Касаво. — Завтра с рассветом жду вас на борту. А сейчас мне пора на корабль: надо распорядиться, чтобы команда как следует приготовила вашу каюту. «Певчая птичка» пришвартована у Малого причала. Корпус у нее красный, у форштевня, над ватерлинией, нарисованы зеленые глаза...

Он допил из кружки вино и удалился. Выхлестав в один присест порядочное количество крепкого неразбавленного вина, он тем не менее не шатался, шаг его был тверд.

— Если я что-нибудь понимаю, дядя, — проводив его глазами, сказал Гопал, — этот малый — редкостный негодяй и самый обычный пират. Ты заметил? Он прямо-таки в лице менялся при каждом упоминании о деньгах!

— Совершенно верно. Еще я слышал, что эти Барахские острова, о которых он упомянул, есть не что иное, как сущий рассадник головорезов. Вот потому-то я и напирал на то, сколь мы богаты и какие ценные дары везем с собой. Если ты помнишь, честные капитаны уже отказались везти нас на север. Однако пират непременно возьмет богатых пассажиров, чтобы ограбить дорогой либо пленить и потребовать выкупа...

— Значит, дядя, они наверняка попытаются нас зарезать и подарить наши тела морским Божествам?

Джаганат широко улыбнулся и взял с блюда свернутый виноградный листок.

— Чем ты недоволен, Гопал? Неужели тем, что морская прогулка обещает быть чуточку живее и разнообразнее путешествия на барже?..

Несмотря на невинное веселенькое название, «Певчая птичка» даже обводами своими напоминала акулу. Хищная, узкая, она была выстроена в расчете на наибольшую скорость. Она имела небольшую осадку, а борта в средней части судна поднимались над водой не более чем на два локтя. У нее не было обширного трюма для перевозки объемистых грузов, а на палубе работало и просто так сидело куда больше народу, чем требовалось мирному кораблю. При этом моряки были скудно одеты, но зато богато и разнообразно вооружены. На единственной мачте красовался длинный косой рей, способный нести огромный треугольный парус. Под этим парусом да с попутным ветром «Птичка» наверняка способна была легко догнать, скажем, купеческое судно, пузатое и нерасторопное. По бортам виднелись уключины для дюжины длинных весел. Весла, наверное, помогали подобраться к искалеченной жертве, а также входить в мелководные заливы и устья речушек для неожиданного налета или выгрузки контрабанды...

Джаганату все это весьма даже понравилось. На подобном корабле они смогут путешествовать действительно быстро. Вдохнув полной грудью, вендиец попробовал разобраться в многочисленных запахах гавани. Из трюма одного корабля исходил аромат пряностей, из другого тошнотворно воняло: там перевозили рабов. И надо всем этим властвовали запахи просмоленного такелажа и моря. Доски под ногами поскрипывали. Отступающая вода заметно колебала причал.

Джаганат повернулся к носильщикам, стоявшим у него за спиной.

— Несите наши пожитки на борт, — велел он им, указывая на «Певчую птичку». Носильщики посмотрели, куда он указывал, потом опять на него, и в глазах у них

отразилось изумление. Однако затем, передернув плечами, они взвалили на спины немногочисленные сундуки и тюки и стали осторожно спускаться на палубу по крутым узким мосткам.

Из-под навеса, натянутого на юте, появился Касаво и с улыбкой посмотрел на пассажиров:

— Смелее, друзья мои! Ваша каюта готова, отлив в разгаре!

В его тоне сквозила едва уловимая насмешка. Другие пираты подняли головы от работы, и на разбойничьих рожах появились точно такие же ухмылки, как у капитана. Гопал сбежал по сходням грациозным шагом канатоходца. Толстяк Джаганат спустился с царственным величием и изумительным чувством равновесия, неожиданным в человеке столь тучном.

— Сходни на борт! Отдать концы! — взревел Касаво. — Отплываем!

Носильщики живо выкатились наверх и сняли с кнехтов швартовы. Течение понесло корабль прочь от причала. Команда бросилась по местам. Моряки полезли на мачту и принялись распускать большой парус.

Проследив за ними довольным взглядом, Касаво обернулся к пассажирам.

— Пойдемте, — сказал он, — я вам покажу, где вы будете жить. Я переселил двоих своих помощников, чтобы освободить для вас место. Не беда, пускай поспят немного на палубе вместе со всеми! Тем более что погода в плавании ожидается благоприятная...

— Твоя доброта поистине беспредельна, — сказал Джаганат.

Так называемая каюта оказалась крохотной пристройкой на самой корме. Крыша у нее была соломенная, стены — и вовсе парусиновые. Двое мужчин и их пожитки едва-едва поместились внутри.

— Тесновато, конечно, — все с той же насмешкой извинился Касаво. — Если хотите, мы положим часть вашего имущества в трюм. Чтобы не путалось под ногами...

— Ничего, ничего, пускай все останется тут, — сказал Джаганат. — Как я понял, у вас и так в обрез места для груза...

— Да уж, у меня тут не какой-нибудь грузовоз. Вы, наверное, сами уже поняли, что «Певчая птичка», хм, предназначена для перевозки предметов роскоши, а они обычно невелики по объему. Пряности, например... Когда везешь пряности, главное, знаете ли, скорость. Они ведь, как только их соберут и упакуют, сразу начинают сохнуть и портиться. Быстрый корабль вроде моего первым привозит их к рынку, а значит, и цену удастся взять неплохую...

— Вот как? — вежливо ответил Джаганат, изображая удивление и интерес. Взялись, понимаешь, всякие там бледнолицые дети Запада учить его, вендийца, что такое пряности и как ими торгуют! — Вот как? — повторил он. — Значит, качество в данном случае важнее объема?

— Причемnamного! — обрадовался Касаво. Ему доставляло несказанное удовольствие вешать лапшу на уши чужеземному недоумку. — Северные перекупщики пряностей гораздо больше платят за один сундук, доставленный в свежем состоянии, чем за несколько, испорченных после долгих недель в море!

Джаганат изобразил удивление:

— Что-то, по-моему, на борту пряностями не пахнет...

— А сейчас не сезон, — нисколько не смутился Касаво. — Мы идем в Кордаву порожняком. Там я хочу взять груз хрустали и отправиться с ним на юг. Вот тебе еще один пример груза, который много места не занимает, а выгода!.. Черные вельможи южного побережья готовы полной мерой заплатить за него слоновой костью, выделанными шкурами и драгоценными перьями...

— Твой рассказ прямо завораживает, — проговорил Джаганат. — Он наверняка премного заинтересует моего Государя. Мы обязательно обсудим это и еще многое во время плаванья. Государь особо велел отмечать все, что касается торговли и путешествий!

— Я всегда к твоим услугам, — доброжелательно улыбнулся Касаво. — А сейчас я должен приступить к своим обязанностям капитана. Да, очень советовал бы вам хорошенько принайтвить сундуки. Когда выберемся за брекватер, наверняка начнет сильно качать. Если вас укачает... что ж, свеситесь через леер. Только смотрите мне, не через наветренный!

И, нахально улыбаясь, Касаво вышел наружу.

— Пряности!.. — сказал Гопал на языке, понятном только им с дядей. — Ведь врет, подлец, прямо в глаза! Каждый, у кого еще не заложило нос, без труда определит, что на этой посудине пряности если вообще бывали, так только у кока на камбузе! Ну до чего охота заткнуть воющую пасть негодяю...

— Успокойся, племянник, — утешил его Джаганат. — Что значат ничтожные грубости каких-то невежественных чужестранцев, пытающихся нас оскорбить? Пусть на здоровье считают нас учеными не от мира сего, верящими любой болтовне. Улыбайся им, родственник, смейся, когда они шутят. Пускай позабавятся... — Джаганат безмятежно улыбнулся. — Скоро придет наш черед сыграть с ними шутку.

На следующее утро Гопал жестоко мучился морской болезнью — к вящему удовольствию мореплавателей. Джаганат позаимствовал у кока крохотную жаровню и приготовил на ней травяной отвар, быстро вернувший его племянника к жизни. Развлечение, таким образом, довольно скоро кончилось, и моряки были отчасти разочарованы. Все последующие дни они продолжали понемногу дразнить пассажиров. Сперва это были довольно безобидные шутки, без которых редко обходится дело, когда в компанию опытных моряков попадают «сухопутные крысы». Постепенно выходки стали грубее. И злее. Капитан Касаво вскоре расстался с личиной снисходительной доброжелательности и общался с пассажирами, еле сдерживая презрение. Было ясно: вскоре корсарам надоест издеваться над вендийцами, они перейдут от слов к делу и скормят акулам два тела, а сами примутся делить барахло. Ко всему прочему, путешествие затягивалось — приходилось лавировать против встречного ветра. Это, понятно, не улучшало настроения команды. Вендийцы, однако, продолжали подобострастно улыбаться в ответ на подначки и, казалось, отнюдь не возражали против недобрых выходок моряков.

И вот наконец «Певчая птичка» миновала опасный Барахский пролив, отделявший от материка одноименные острова. Стояла хорошая погода, ветер держался попутный. Еще пара дней, и они прибудут в Кордаву. Солнце поти-

хоньку клонилось над реем: еще один день спокойного плавания перевалил полуденную черту.

— Гопал, — обратился к племяннику Джаганат. — Нет больше необходимости терпеть мерзкие штучки этих недочеловеков. Отныне поступай с ними как душа пожелает.

Произнеся эти простые слова, великий маг будто бы освободил своего молодого родственника от обета великого воздержания.

— Как скажешь, дядюшка! — с кровожадной улыбкой отвечал Гопал. Потом, внутренне успокоившись, вышел из маленькой каюты.

Несмотря на близость осени, погода стояла прекрасная, прямо-таки бархатная. Поэтому Гопал был облачен в одну набедренную повязку из чистой льняной ткани, да еще тюрбан. В складках набедренной повязки скрывался короткий кривой кинжал с рукоятью, отделанной самоцветами. Гопал подошел к фальшборту, туда, где лежало кожаное ведро, привязанное длинным концом к деревянному шпеньку. Юноша забросил ведерко и вытащил его до краев полным морской воды. Усевшись на корточки, Гопал принялся мыться. Он черпал воду горстями и плескал себе в лицо, под мышки, на плечи и грудь.

Поблизости на палубе торчало без дела несколько моряков. Это были типичные представители того разноязычного сброда, который стекается в экипажи пиратских судов: если и было в них нечто общее, так только жестокость. Бритоголовый верзила, происходивший из какого-то кушитского племени, стоял рядом с крюконосым шемитом. У их ног расположился тихий, смертельно опасный стигиец и подле него — желтоволосый гандер, неведомо какими ветрами занесенный сюда из своей сухопутной страны. Живописную группу дополняло еще несколько весьма колоритных молодцов. Среди них особенно выделялся высокий худой пуантенец в красных шелковых штанах по колено, перехваченных широким кушаком золотой кофийской парчи. Все они с довольными ухмылками поглядывали на Гопала. Потом из своей каюты вышел Касаво; глаза капитана поблескивали хищным огнем. Пуантенец встретился с ним глазами, и Касаво кивнул, ткнув подбородком в сторону умывавшегося вендийца. Ухмылка

пуантенца сделалась плотоядной. Мягко ступая босыми ногами, он направился к Гопалу...

Тот, сидя по-прежнему на корточках, вытирал руки куском полотна. Неожиданно прямо у него перед глазами возникла пара коленей, обтянутых алым шелком. Прежде чем юноша успел встать, босая пятка пнула ведро, облив набедренную повязку и ноги.

Гопал медленно выпрямился, улыбаясь так же подобострастно, как и всегда, когда с ним подобным образом «шутили». Он сказал:

— Наверное, мое ведро тебе помешало? Прости, дружище, я, видно, не там поставил его. На будущее постараюсь учесть...

Пуантенец неприятно осклабился и ткнул Гопала грязным пальцем в гладкую безволосую грудь.

— «Прости», говоришь? Ну нет, этим ты от меня не отделаешься. Давай-ка мы с тобой, вендиец, сыграем в игру!

Повернувшись к друзьям, он расплылся до ушей. Он оказался в центре внимания и был донельзя счастлив.

— В игру, господин?.. — показывая все зубы, с готовностью заулыбался Гопал. — А какая игра? «Побей короля»? Я знаю ее. Давай расчертим доску прямо на палубе, а грузила для рыбной ловли пусть будут вместо фигурок...

— Ну уж нет, — отказался пуантенец, напуская на себя насмешливую серьезность. — Я хочу тебе предложить... нечто, так сказать, более подвижное!

— Подвижное, господин? — Гопал притворился озадаченным.

— Вот именно. Ты, чужеземная морда, плясать умеешь?

— Плясать, господин?..

— Да, недоумок! Плясать! — раздраженно выкрикнул пуантенец и выхватил из-за кушака широкий кинжал заморийской работы. На лезвии были отчеканены молитвы к Митре, Богу Солнца, но отточен кинжал до остроты совершенно безбожной. Пуантенец играючи направил его в незащищенный живот Гопала.

— О чем ты, господин?.. — произнес тот умоляюще.

— О том, что давай-ка пляши! — Пуантенец ткнул кинжалом уже всерьез, и Гопал спасся только тем, что проворно отскочил назад. Джаганат вышел на палубу из каюты и принялся безмятежно наблюдать за происходящим. К этому времени на главной палубе успела полностью собраться команда: все, за исключением рулевого, искали случая позабавиться.

— Я понял! — заявил Гопал. — Ты имеешь в виду пляску с оружием?

Он вытащил свой кинжальчик и держал его так, словно собирался вручить пуантенцу. Узкий клинок был слегка изогнут и отточен с обеих сторон.

— Что-что?.. — слегка насторожился пират. Он никак не ожидал, что у вендийца окажется при себе оружие. Однако потом, увидев, насколько мал кинжальчик Гопала, успокоился. — Что ж, сухопутная крыса, тем лучше! Давай потанцуем!..

Слегка пригнувшись и втянув живот, он выставил перед собой кинжал и уложил большой палец на крестовину вдоль плоскости лезвия. Это была защитная позиция, принятая у пуантенских мастеров фехтования на ножах. Левую руку пират держал чуть выше правой, готовясь перехватить правое запястье противника. И это тоже полностью отвечало канонам, принятым на его родине.

Гопал, по-прежнему улыбаясь, тоже вытянул перед собой руку с кинжалом, но до того робко, что, казалось, вот-вот его выронит.

— Я ничего не понимаю в ваших танцах, господин, — проговорил вендиец. — Пожалуйста, будь так добр, преподай мне урок...

До пуантенца вдруг дошло, что он подвергался опасности, мешуточной, смертельной опасности. Он ощутил немалое замешательство, но дружки смотрели на него со всех сторон, и он не собирался садиться в лужу, выказывая страх перед маленьким, жалким с виду чужеземным ученым.

— Правило первое: защищай горло! — рявкнул он и тотчас сделал неожиданный выпад. Лезвие метнулось к шее Гопала... Но там, где оно просвистело, вендийца уже не было.

Он аккуратненько шагнул вперед, под руку пуантенца. С точки зрения всех остальных, выпад пирата был неуловимо стремителен. Таков, что неизбежно положил бы конец обычному матросскому поединку. Но для Гопала, которого учили лучшие убийцы-ассасины родной Вендии, движение моряка было до невозможности медленным и неуклюжим. Гопал увернулся столь легко, что ощутил даже некоторое разочарование. Так и сноровку утратить недолго, подумалось юноше. Скользнув совсем близко, он чиркнул своим ножичком по незащищенному животу противника. И отступил назад.

Пуантенец непонимающим взором смотрел вниз. Он видел, как тоненькая красная черта, неведомым образом возникшая поперек его живота, начала расширяться. Еще мгновение, и наружу полезли внутренности. Гопал измято протянул руку и ухватил обнаженные кишки.

— Вот теперь, дружок, — сказал он, — мы с тобой потанцуем...

Он дернул к себе, и на палубу вывалился жуткий клубок. Пуантенец, как в трансе, качнулся вслед за Гопалом. Выронив кинжал, он обеими руками принялся запикивать кишки на место. Гопал повел его по палубе, хохоча и подбадривая. Оказавшись подле фальшборта, он перебрал кровавую колбаску внутренностей прямо в воду. Пуантенец, окончательно свихнувшийся от боли и ужаса, нырнул следом. Быть может, он надеялся таким образом собрать воедино свое разъятое тело.

Гопал проводил его новым взрывом веселья.

— А мне нравятся ваши игры! — заявил он и обвел палубу глазами, бестрепетно встречая убийственные взгляды команды. — Наверное, еще кто-нибудь хочет со мной поиграть?.. Поучить чужеземного недоумка, а?..

Вперед метнулся бритоголовый кушит. Он сжимал в руке короткое копье — излюбленное оружие его племени.

— Ты убил человека, с которым я плавал на одном корабле! Умри же!..

Копье со страшной силой рассекло воздух... но в вендийца почему-то не попало. Гопал играючи обошел свистнувший наконечник и легонько кольнул. Изогнутое лезвие воткнулось точно под ухо кушиту, причинив порез не

более дюйма длиной, но этого оказалось достаточно. Из крохотной ранки хлынул неукротимый фонтан крови. Чернокожий попытался зажать рану ладонью, но ничего не получилось. Прошло несколько мгновений, и он рухнул на палубу. Кровь продолжала хлестать, багровой лужей растекаясь по доскам...

Остальные пираты сбросили оцепенение и дружно рванулись вперед. Безобразный аргосиец замахнулся на Гопала короткой дубинкой. Тот грациозно уклонился и мимоходом рассек горло верзиле. Зингарец сделал выпад длинным, тонким мечом странной работы. Гопал повернулся боком, втянул живот и тем избежал удара. Его кинжальчик ударил зингарца под подбородок, проник в мозг и оборвал жизнь.

Видя такую расправу, уцелевшие пираты шарахнулись в стороны, к релингам, стараясь держаться от Гопала как можно дальше. Единственный, кто не побежал, был капитан Касаво. Предводитель пиратов вытащил из ножен короткий меч и осторожно приближался к вендийцу, балансируя на подушечках пальцев ног.

— Испытай свои восточные штучки на мне, коротышка, — прошипел он сквозь зубы. — Посмотрим, помогут ли!..

Он пугнул Гопала ложным выпадом, якобы целясь в лицо, а сам в последний миг направил конец меча в кишки вендийцу.

Гопал на ложный выпад попросту не обратил внимания. Он преспокойно шагнул вперед, слегка изогнувшись, так что меч капитана рассек только воздух. Его клинок коснулся запястья пирата, и меч выпал на палубу. Касаво отскочил назад, стиснув кровоточившее запястье. Пальцы раненой руки перестали ему повиноваться: Гопал рассек сухожилия.

— Ему все равно не справиться с целой командой! — рывкнул Касаво. — Убить! Обоих!..

Команда так и взвыла. Обнажив оружие, пираты снова двинулись вперед. Гопал не двинулся с места. Он не испытывал ни малейшего страха.

— Остановитесь!..

Неожиданный приказ прозвучал с силой грозового разряда. Голос говорившего дышал невероятной, непрекращаемой властью. Пираты беспомощно остановились и

расширенными от страха глазами уставились на Джаганата, вышедшего на кормовое возвышение.

Вендиец, казалось, на целый локоть увеличился в росте. Колдовская светящаяся аура окутывала его фигуру. Из уст волшебника излился поток негромких гортанных слов, произнесенных в своеобразном ритме, как музыкальная фраза. Напряженные лица команды разом обмякли, оружие со стуком посыпалось на палубу.

— Свяжи их, племянник, — распорядился Джаганат. — Оставь только четверых или пятерых, чтобы управляться на судне.

Пираты стояли как пораженные громом и даже не пытались двинуться с места. Гопал набрал коротких концов и надежно связал каждого. Пятеро, отобранные для управления кораблем, удостоились особого внимания мага. Обмакнув палец в кровь павших, Джаганат начертил у каждого из пленников на лбу особый знак, бормоча заклинания. Потом снял магические узы со всех остальных. Пираты забились в надежных веревочных путах, завывая от безумного страха. Все тщетно: вязать узлы Гопал умел не хуже, чем управляться с кинжалом.

— Тихо, господа мои, тихо, — снова расплываясь в благостной улыбке, сказал им Джаганат. — Радуйтесь: вам выпала на долю единственная в своем роде честь. Нынче ночью вам предстоит познакомиться с очень, очень могущественными существами. О, я могу себе представить ваше нетерпеливое предвкушение!.. Я знаю, людям вашей профессии редко доводится встречаться с сильными мира сего... Равно как и любого другого мира, если уж на то пошло...

И он расхохотался так, что заколыхалось дородное чрево.

Остаток дня Джаганат посвятил приготовлениям. Гопал всячески ему помогал. Команда, вконец ошалевшая от страха, молча наблюдала за тем, как вендийцы выбрали одного из них и живого рассекли на несколько частей. Куски плоти послужили для ритуалов, совершенных в разных местах корабля, а свежая кровь пригодилась в качестве краски:

Джаганат нарисовал на палубе сложные, запутанные узоры.

В общем, к заходу солнца все было готово.

— Скверно, что нам приходится совершать это, племянник, — пожаловался Гопалу дядюшка-чародей. — Все эти сложные обряды по вызыванию Глубинных Сил суть чепуха, достойная разве что новичков в магии. Я-то воображал, будто покончил с ней много лет назад, когда мои разыскания открыли мне дверь в царство воистину великой волшбы! Однако ничего не поделаешь: для продолжения нашего путешествия необходимо спокойное море и попутные ветры. И я, дабы это обеспечить, должен воззвать к Тому, Кто Живет в Городе Под Водой...

Он произнес этот титул на тайном языке, известном лишь посвященным высшего круга магов, и исполненные чудовищной власти слова отдались дрожью в деревянных членах пиратского корабля.

Когда из морских волн вынырнул светящийся серп луны, Джаганат встал на носу корабля, высоко воздев руки и громко воспевая на языке, который никогда не был предназначен для человеческих уст. И даже для ушей человека. Капитан и команда «Певчей птички» съежились на шканцах, обливаясь холодным потом от ужаса: в море вокруг корабля разлилось жуткое зеленоватое свечение!

Потом буквально в нескольких шагах от судна начали показываться из глубин горбатые спины каких-то неведомых тварей. Всплыв, они через некоторое время снова скрывались, распространяя в воздухе кошмарную вонь: казалось, океанские пучины разом извергли все, что от века гнило и разлагалось на дне. По волнам заскользили какие-то щупальца, одетые радужной слизью. Они гулко хлопали по поверхности воды и снова скрывались во тьме глубин. Один раз показалась гребнистая спина громадной змеи; гибкое туловище длиной не менее полулиги сомкнулось петлей кругом корабля, потом ушло под воду. Ни головы, ни хвоста потрясенные пираты так и не увидели.

Повсюду, куда достигал глаз, море пенилось и кипело, извергая чудовищ. Однако «Певчая птичка» преспокойно двигалась вперед, сопровождаемая пяточком неестественно гладкой воды. Между тем зеленое свечение волн постепенно

перешло в злое-кровавое. Мало-помалу обитатели глубин перестали показываться, и океан успокоился.

И вот наконец в светящейся воде замаячила гигантская бесформенная тень. Она росла и росла, как если бы из самых бездн океана поднималось невообразимо громадное существо. Тень ширилась и сгущалась: мысль о том, чтобы ее могло отбрасывать нечто живое, попросту не укладывалась в голове...

Наконец Оно вырвалось на поверхность. Над волнами начал вздыматься титанический горб, вода пенистыми потоками сбегала с него во все стороны. Обширное, как остров, Существо постепенно всплывало, пока вершина горба не вознеслась высоко над клотиком матчы.

Округлое тело сморщено и изрыто впадинами, точно овражистый холм. Его покрывали какие-то пятна, там и сям виднелись наросты морских раковин и кораллов. В зарослях ползала и копошилась мелкая живность...

Еще у Него были глаза. Целое созвездие грозно блистающих глаз. А чуть пониже — пасть, бесформенный беззубый провал, пенившийся зеленой слюной. И наконец возникла густая бахрома змеившихся щупалец, которыми, похоже, сплошь обросли бока Существа.

А запах, исходивший от Него, был таков, что все, чего успели нанюхаться пираты, показалось им дуновением свежего ветерка. Те из пленников, кого еще не покинуло сознание, принялись плевать прямо на палубу.

Джаганат продолжал распевать заклинания, и спустя некоторое время порождение океанских бездн... начало ему отвечать. Мясистые подобия губ извергли непристойную пародию на человеческую речь. Голос же обладал тембром столь низким, что ухо просто не воспринимало его как звук: он ощущался всем телом, отдаваясь в самых костях. Говорило Существо на том же языке, что и Джаганат, и уже то, как Оно это делало, кого угодно могло заставить повредиться в рассудке...

Нечеловеческая беседа продолжалась до тех пор, пока луна не поднялась высоко. Потом воцарилась неожиданная тишина.

Существо молча приблизилось к кораблю, и созвездие его глаз уставилось сверху вниз на беспомощных смертных,

корчившихся в тщетных потугах отползти подальше от склонившегося над ними Ужаса.

— Итак, гордитесь оказанной вам честью! — сказал пленникам Джаганат. — Вам предстоит... развлекать моего Гостя за трапезой!

Из-за релинга протянулось гибкое щупальце и обвилось вокруг пояса одного из пиратов. Несчастный безумно завизжал, предчувствуя кошмарный конец. Щупальце подняло его высоко вверх, поднесло к самым глазам. Так человек рассматривает редкое лакомство, прежде чем насладиться его вкусом. Другие щупальца ухватили пирата за руки и за ноги и принялись не спеша отрывать конечности, отправляя их в рот. В последнюю очередь Существо открутило жертве голову, прекратив таким образом предсмертные муки несчастного. Потом, как вино из чудовищного меха, выдавило из растерзанного туловища всю кровь. И наконец бесформенный ком плоти исчез там же, где и все остальное.

Одного за другим Существо подхватывало пиратов и расправлялось с ними точно так же, как с первым. Касаво не повезло: он оставался в живых до последнего. Гопал позаботился угостить капитана особым зельем, не позволившим ему потерять сознание и избегнуть жуткого зрелища. Жестокий план удался как нельзя лучше: Касаво сошел с ума. К тому времени, когда щупальца наконец протянулись к нему, на лице Касаво отражалась последняя степень безумия.

Завершив трапезу, житель глубин вновь обратился к Джаганату, произнеся одно-единственное слово. И медленно опустился обратно в пучину. На месте его погружения завихрился стремительный водоворот, и алое сияние начало меркнуть: тень съеживалась, уходя вниз. Вскоре все успокоилось. В небесах сияла луна, озаряя корабль, плавно бежавший под парусом по безмятежным волнам.

Те из команды, кому выпало остаться в живых, продолжали бездумно возиться с парусом и такелажем. Последние несколько часов попросту выпали из их памяти. Они ничего не заметили.

— Вот уж не думал, что мне когда-нибудь доведется своими глазами увидеть Великого Бога Глубин... — проговорил Гопал. Ему пришлось выждать некоторое время: он не был

уверен, что голос у него не задрожит. Никогда раньше дядюшка не допускал его к лицемерию подобных чудес.

— Великий? О нет, — поправил племянника Джаганат. — Это был всего лишь мелкий прислужник. Бог Глубин спит в своем Городе Под Водой. Даже я, при всем моем нынешнем могуществе, не смог бы вынести встречи с Ним лицом к лицу!.. Надеюсь, однако, что скоро я смогу беседовать с Ним как равный... Полагаю также, что определенные события, которые вскорости воспоследуют, заставят Его пробудиться от тысячелетнего сна!

— Если, — медленно выговорил Гопал, — если это было, как ты говоришь, всего лишь безделицей для волшебника твоего уровня... Дядя, у меня просто голова кругом идет при мысли о том, какой власти ты достиг на сегодняшний день!.. Даже без...

— Вот именно, — самодовольно подтвердил Джаганат. — Я и так один из величайших волшебников современности. А скоро я превзойду всех остальных настолько, что мое нынешнее могущество покажется детской игрой. Да... Но я немного утомился, племянник. Давай поспим. Рабы присмотрят за кораблем, а утром мы окажемся близ Кордавы.

Утром, когда на берегу показался город, маг с помощником спустили на воду корабельную шлюпку и перенесли в нее свои вещи. Когда шлюпка отвалила от борта, заколдованные матросы переложили руль и взяли курс к западу.

— И что теперь с ними станет? — поинтересовался Гопал.

— Они будут продолжать плавание, пока не окажутся достаточно далеко от земли. Потом, повинувшись приказу, который я им дал, они подожгут судно. И либо сгорят вместе с ним, либо потонут в воде.

Гопал уселся на весла и принялся грести к берегу. Греб он ровно и мощно.

— А что мы скажем людям, когда высадимся в порту?

— Нам не понадобится ничего говорить. Я сделаю нас обоих невидимыми. Кордава — большой порт, корабли то и дело прибывают. Все решат, что мы сошли с одного из судов. Поэтому нам не придется сочинять историю о кораблекрушении и всем объяснять, с какой это стати мы прибыли

на маленькой шлюпке. Помимо всего прочего, нам предстоит искать проезда на другом корабле. Зачем приобретать репутацию людей, якобы приносящих несчастье в плавании?..

Оба расхохотались и продолжали смеяться долго и весело.

...Старкад, один из вождей Ванахейма, давал пир своим доблестным воинам. Рассевшись по длинным скамьям, ванские воины пели громкие песни, вкушали хмельной мед из бычьих рогов, окованных серебром, и крепкими зубами сдирали с костей полусырое мясо. Все это были крепкие, рослые мужики с бородами и волосами всех оттенков рыжего цвета: от червонно-золотого до ржаво-каштанового. Неизменная рыжина была отличительным признаком их племени, точно так же как бледное золото волос безошибочно указывало на их родственников и смертных врагов — асов, жителей Асгарда. Позади каждого воителя висел на стене круглый щит, рогатый шлем, кольчуга или чешуйчатые доспехи, а также меч, лук и копье.

На почетном возвышении во главе длинного, опиравшегося на козлы стола сидел со своими гостями сам Старкад. Ван пристально наблюдал за двоими мужчинами, сошедшими нынче утром с корабля в устье Старкадсгарт-фиорда. Странная парочка. Давно уже он ничего похожего не видал. Оба смуглые, безбородые. Один — крупный и толстый, другой — невысокий и шупленький. Происходили они из какой-то далекой восточной страны, о которой Старкад и слыхом никогда не слыхал. Причем в толстяке определенно чувствовалась некая странность, позволявшая заподозрить волшебника. Вана, впрочем, это мало касалось. Гораздо существеннее было то, что гость оказался явно богат. И похоже, нуждался в некоторых услугах вождя.

— Какой любопытный кубок в руках у тебя, о король, — заметил Джаганат.

— Я не король, — проворчал Старкад. — Я просто вождь. Если мои молодцы услышат, как ты называешь меня королем, они рассердятся и убьют вас обоих!

Он поднял чашу, из которой пил, и любовно к ней присмотрелся. Это был человеческий череп со спиленной

верхней костью. Глазницы были забраны листками золота, золото блестело по краю костяной чаши, из золота были сделаны ножка и подставка.

— Красиво, правда? — сказал Старкад. — Это череп Хагмунда аса. Он убил моего отца, но я взял его в плен и предал медленной смерти. Каждый раз, когда я пью из этого кубка, дух моего отца ликует на небесах. Вино и то кажется вкусней, когда пьешь его из вражьего черепа!

— Вполне согласен, — просто ответил Джаганат.

Старкад испытал легкое разочарование: вендиец не испугался, даже не смутился. Где ж ему было знать, что изучение магических наук давным-давно завело Джаганата на такие вершины — а может быть, в бездны? — что первобытная жестокость вана казалась ему невинной детской игрой. Старкад не имел никакого понятия об истинной сути своих гостей, но было нечто, внушавшее ему смутное беспокойство. Сперва он подумывал просто прирезать их и забрать золотишко. Как бы только не вышло, что потом придется расклебывать наложенное ими проклятие!..

Вендийцы между тем изысканно вкушали еду, не спеша отщипывая маленькие кусочки хлеба и фруктов и не обращая внимания на аппетитные ломти дымящегося мяса, уложенные перед ними на плоские, твердые, дважды пропеченные лепешки. Глаза у обоих покраснели от дыма: посреди длинного дома, в углублении, тлел очаг. В Северных Странах не устраивали дымоходов, жилища даже богатых вождей топились по-черному. Дым выходил в щели и особые отверстия, устроенные в углах крыши по торцам дома. Несмотря на близость огня, оба южанина зябко кутались в толстые шерстяные одеяния и меха. Холод северной осени жестоко донимал непривычные к стуже тела.

В дальнем конце зала между двоими ванами происходило нечто вроде состязания. Взяв мокрую овечью шкуру, воины растянули ее над очагом, выбрав место, где дрова уже прогорели, оставив россыпи пышащих жаром углей. Один из двоих, оказавшийся чуть более пьяным, вскоре потерял равновесие и, вскрикнув, повалился прямо в очаг. Победитель, по давней традиции, тут же накинул на побежденного ту самую шкуру и несколько раз подпрыгнул, наступая на распластанное тело. Когда он наконец выпус-

тил поверженного соперника, тот поспешно выкарабкался наружу, весь в золе и волдырях от ожогов. Воины, сидевшие на ближайших скамьях, покатывались со смеху, наблюдая за любимой забавой.

— Спорю на что угодно, что у вас, на изнеженном Юге, не знают подобной потехи! — сказал Старкад, когда смех более-менее стих.

— Боюсь, у нас подобное в самом деле не принято, — ответил Джаганат. Запах паленой овчины и горелых человеческих волос бил в ноздри. — Осмелюсь, однако, предположить, что и ты не видел, как побежденное войско, численностью тысяч этак в десять, привязывают к столбам и насмерть затаптывают слонами...

— Ну... — протянул Старкад. — Собственно, я и зверя, которого ты называешь слоном, ни разу не видел...

А про себя подумал, что неплохо было бы послать на Юг за этим, как его, слоном. Наверное, это в самом деле забавно — вот так затаптывать пленников.

— Как я понял, ты враждуешь с асами, — продолжал Джаганат. — Скажи, а не случается ли тебе ходить походами на киммерийцев?

— Во имя Имира, еще как случается! Мои предки рубились с их предками от сотворения мира!..

— Ты, наверное, нередко грабишь в их стране? — продолжал расспрашивать Джаганат.

— Грабить у них особенно нечего, — был ответ. — Киммерийцы бедны — ни золота, ни серебра там не найдешь. Последний оборванец из ванов или асов по сравнению с богатейшим киммерийцем — все равно что вождь!

— Зачем же, — спросил Джаганат, — воевать со столь грозным врагом, если у него и добычей-то какой следует не разживешься?

— А разве я говорил, что там вовсе нельзя взять добычи? Я имел в виду только богатство. Мы разоряем их деревни, чтобы взять в плен детей. Из взрослого киммерийца не получится раб: они сражаются до последнего, мужчины и женщины, и предпочитают смерть плену. Но за киммерийских детей купцы с Юга дают хорошую цену! Если их вырастить с толком, то лучших невольников и придумать нельзя. Мори их голодом, бей сколько душе

удобно — а они работают и работают, ничто их не берет. Было дело, окружили мы дом одного киммерийца, так он знаешь что сделал? Убил свою жену и весь выводок! А потом выскочил к нам с окровавленным мечом и рубился как бешеный. Крутой народ!.. — Старкад откинулся в кресле и отпил из оправленного в золото черепа. — Но мы, ваны, все-таки круче!..

— Стало быть, — сказал Джаганат, — ты не побоишься предпринять маленькую вылазку в глубь киммерийских земель?

— Побойусь? Я?!.. — возмущенно взревел Старкад. — Когда это мы, ваны, кого боялись!.. — И продолжал, несколько успокоившись: — Другое дело, мы редко отправляемся в походы, если не светит хорошей добычи. Да еще поздней осенью... Сейчас время пиров, когда все сидят по домам и веселятся как могут. Скоро я отправлюсь навестить моих собратьев-вождей и сам начну принимать их у себя, а потом будет великий праздник Середины Зимы. Нужна веская причина, чтобы мы покинули тепло и веселье пиршественных залов и отправились сеять смерть среди киммерийцев!

Это было самое неприкрытое вымогательство. Джаганат попросту открыл кошель, висевший у него на боку, и Старкад увидел крупные золотые монеты, поблескивавшие внутри. Джаганат запустил руку в кошель и лениво поиграл блестящими тяжелыми кругляками.

— Правда, — сказал он, — симпатичный мешочек?..

Во рту у Старкада сразу пересохло, а ладони отчаянно зачесались. Золота у него и так было навалом, но алчность являлась такой же неотъемлемой частью его естества, как и жадность до вражеской крови. Сколько бы золотой казны ни удалось ему накопить, Старкад по своей воле не остановится. Он только спросил:

— И что же за путешествие ты намереваешься предпринять?

— Мне нужно просто добраться до вполне определенной горы, — был ответ. — Воинам, которые взялись бы нас сопровождать, не пришлось бы даже рисковать жизнью и проливать кровь. Все, что нам надо, — это вооруженный эскорт. И еще: мы должны достигнуть той горы ко времени осеннего равноденствия.

Старкад усмехнулся:

— Еще не бывало такого, чтобы мы, ваны, вторглись на киммерийские земли, и дело обошлось бы без кровопролития! А что за гора тебе нужна?

— Киммерийцы на своем языке называют ее Бен Мор.

Даже сквозь загар было видно, как побледнел Старкад.

— Бен Мор, — повторил он полушепотом. — Во имя Имира! Что вы там потеряли?

— А вот это уж мое дело. Но неужели то место пользуется такой дурной славой?

— Это священная гора киммерийцев. Там живет их Бог — Кром. До Крома мне нет никакого дела, я поклоняюсь Имиру. Но для того, чтобы попасть к подножию Бена Мора, мы должны пройти долиной Коналла и пересечь Поля Мертвых. На этих Полях погребены все великие военные вожди киммерийцев. Если тамошние жители прослышат о нашем походе, все их кланы соберутся вместе. Они способны забыть междоусобные распри, длившиеся много поколений, ради того, чтобы защитить кости своих предков. Так же, как они поступили при осаде Венариума...

— Но мы не собираемся трогать могилы, — возразил Джаганат. — Мы просто проедем мимо!

— Самая земля этих Полей священна для них, — объяснил ему Старкад. — И потом, я нипочем не сумею удержать своих людей и не дать им разворошить киммерийские надгробные курганы, — точно так же как и киммерийцы не щадят наших священных рощ, когда вторгаются в Ванахейм. Наша взаимная ненависть имеет слишком глубокие корни...

— Что ж, — сказал Джаганат, закрывая драгоценный кошель, — если ты не в состоянии оказать мне требуемую услугу, я не буду более злоупотреблять твоим гостеприимством. Я слышал, будто немного севернее на побережье живет другой вождь. Люди зовут его Вульфстаном. Возможно, у него кишка не окажется тонка для маленького путешествия по горам...

— Не спеши, — попросил Старкад, глядя, как погасает под кожаной крышкой сияние чеканного золота. — Может случиться и так, что кое-кто из моих ребят не станет возражать против небольшой разборки с черноволосыми! — Он опустил глаза вниз, туда, где выпирало над широким

поясным ремнем могучее брюхо. Похлопав по нему ладонью, Старкад заявил: — Да и мне самому вовсе не помешало бы немного размяться!.. Не намахался я топором в нынешнем году... Сейчас поглядим, что получится!

И Старкад взревел на весь зал, требуя тишины. Когда шум несколько стих, он во всеуслышание провозгласил:

— Наши почтенные гости прибыли в Ванахейм изда- лека! Они приехали сюда потому, что прослышали о нас, ванах, самых могучих и неустрашимых воителях на всем свете!.. — Это утверждение было встречено одобрительным ревом. Несогласных не нашлось. — Им, — продолжал Старкад, — нужно совершить кое-какое путешествие. Для этого требуется эскорт из бесстрашных ванаов, жадных до сокровищ и битв! Наши гости готовы щедро заплатить золотом каждому храбрецу, который вызовется сопровождать их!.. — Дружный крик, сопроводивший эти слова, был даже громче, чем в первый раз. — Кто из вас хочет прогуляться со мной внутрь страны и, быть может, немножечко помахать топором?..

Было много шума и туча вызвавшихся добровольцев. Однако потом поднялся пышнобородый воин и обратился к вождю.

— Куда же направляются чужеземцы? — спросил он.

— В Киммерию, — отвечал Старкад.

Радостный гвалт сразу несколько поутих.

— Да кто нормальный полезет в эти их туманные кряжи, когда на носу осень? — спросил пышнобородый. — Скоро выпадет снег, и черноволосые спустятся с горных пастбищ, чтобы перезимовать, сидя по деревням. Там даже и пленников не возьмешь, а драться они будут как черти!

Остальные закивали, вполголоса соглашаясь друг с другом, что сказанное — истинная правда.

— Вот что, Гверт, — сказал Старкад, слегка наклоняясь вперед. Он говорил негромко, его голос был зловеще спо- коен. — Ты плохо слушал: это будет не налет. Мы всего лишь предоставляем чужеземцам эскорт. Каждый в этом зале имеет право свободно высказывать свое мнение. Но если ты вознамерился занять мое кресло, то знай, что мой топор все еще при мне! — И он указал на великолепную секиру с серебряной инкрустацией, стоявшую возле его по-

четного места. — А твой при тебе... — И Старкад кивнул на сходное оружие, висевшее за спиной Гверта на деревян- ном гвозде. — Любой может занять это кресло, если он достаточно смел!..

Свирепые ваны соблюдали обычай: вождь оставался вождем, пока мог вооруженной рукой подтвердить свое первенство. Человек по имени Гверт смутился и сел на скамью. Старкад улыбнулся, но ничего общего с веселой открытой улыбкой выражение его лица не имело.

По одному, по двое воины выходили вперед и заявляли о намерении участвовать в рискованном предприятии. В основном это были молодые ребята, охочие до подвигов и жаждущие подтвердить свое мужество. Вождь каждого по- хвалил, каждому пообещал подарки и щедрую плату. Когда последний из них поклялся служить ему во время похода, Старкад повернулся к Джаганату.

— Завтра, — сказал он, — я отправлю гонцов на высел- ки, и народу прибавится. На твоём месте я шагу не сделал бы в Киммерию, не набрав самое меньшее сотню бойцов!

— Очень хорошо, вождь, — кивнул Джаганат. — Толь- ко учти, времени у нас не так много: мы должны быть там ко дню осеннего равноденствия. — И добавил после неко- торого размышления: — Я щедро заплачу тебе, но своим людям ты плати сам. Даже и этот кошель очень быстро иссякнет, если в него заберется разом сто рук!

Старкад хлопнул его по колену и заразительно расхо- хотался:

— Вот уж этого не бойся, чужеземец! Посмотрим, что останется от сотни к тому времени, когда мы вернемся и настанет время платить!..

Глава четвертая

ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Бельверус, немедийская столица, остался у Конана да- леко за спиной. Рана, причинившая варвару столько стра- даний, отошла в область воспоминаний, и киммериец спо- койно ехал вперед, наслаждаясь последними теплыми

днями. То есть было даже не тепло, а попросту жарко. Бронзовая кожа молодого варвара лоснилась на солнце: он оставил на себе из одежды только сандалии и набедренную повязку. И, конечно, пояс с мечом. Головная повязка из ярко-красного ремешка удерживала отросшую вороную гриву. Конан внимательно обозревал горизонт. Места были беспокойные: откуда знать наперед, в какой момент из-за ближайшего холма вылетит вооруженная орава, снедаемая неведомыми намерениями?..

Конан покинул Бельверус десять дней назад, и за это время плоская равнина уступила место холмам. Холмы постепенно становились все выше и выше. Еще немного, и они превратятся в гигантские горные кряжи Северных Стран...

Позади остались раздольные степи южных краев. Холмы, между которыми проезжал Конан, были одеты лесом, в основном лиственным. Чем дальше на север, тем больше попадалось сосен. Листва на деревьях горела яркими красками осени и мало-помалу опадала. Это предвещало раннее наступление зимы.

Конан путешествовал через Пограничное Королевство — относительно небольшую страну, граничившую с Немедией, Бритунией, Гипербореей и Киммерией. Узкие полоски территории Королевства простирались также в глубь Гандерланда и Боссонских Пределов. Местные жители вели довольно отсталое существование, здесь не было сильной центральной власти, как у южных соседей. Так что, хотя страна и именовалась Королевством, о том, кто же конкретно является в данный момент королем, единого мнения обычно не было. Чаще всего на высший титул претендовало сразу несколько человек, и это приводило к нескончаемым внутренним войнам.

Восточная часть страны, которую как раз пересекал Конан, была вотчиной многочисленных мелких вождей. Киммериец очень надеялся, что ему удастся не впутаться ни в одну местную свару.

Полуденное солнце ярко светило с небес, когда он подъехал к руинам деревни. Деревянный тын сгорел почти дотла: из земли выглядывало только кольцо обугленных пней. Сгорели и все дома, которые когда-то защищал час-

токол. Развалины уже не дымились, но Конан принюхался и определил, что пожар бушевал не более чем двое суток назад. Его конь танцевал и шарахался, чувствуя запах пропитанной кровью земли. Кое-где торчали обломанные стрелы, валялись разрубленные щиты: в деревне произошел бой, жители защищались.

Конан про себя выругался. Он напрямик въехал в то, чего собирался старательно избежать. Запас времени, отделявший его от дня осеннего равноденствия, неотвратимо уменьшался. Лишние задержки определенно были ему ни к чему.

Кто бы ни жил здесь раньше, все эти люди либо погибли, либо разбежались, либо были уведены в плен. Что же касается нападавших... Конан объехал вокруг сожженного тына, но ничего определенного обнаружить не смог. Только старые следы, основательно замывные недавним дождем. Чуть поодаль начиналась цепочка коровьих «лепешек». Проследив направление, Конан убедился, что скот, похищенный из деревни, угнали на северо-восток. Однако зверская жестокость погрома свидетельствовала, что это был не обычный налет с целью угона скота. Здесь шла вражда кланов либо побывали налетчики из-за порубежья. Конан понял, что дальше придется двигаться со всей мыслимой осторожностью...

Увы! Одинокому всаднику очень трудно остаться незамеченным, проезжая незнакомыми холмами. И в особенности, если те, чьего внимания он хотел бы избежать, — зоркоглазые воины, к тому же знающие свой край до последней травинки. Конан отъехал от деревни всего на несколько миль, когда поблизости резко прокричал рог. И почти сразу же киммериец заметил конный разъезд, остановившийся на вершине холма и пытливо наблюдавший за небольшим распадком, по которому Конан проезжал. Прошло несколько минут, и голос рога сменился барабанной дробью копыт...

Конан облокотился на луку седла и стал терпеливо ждать. Он, конечно, мог бы пуститься наутек. Но это означало бы, что придется скрываться, петлять и опять-таки терять драгоценное время. Пусть лучше всадники общут его, если захотят. Он им честно расскажет, куда

направляется. А если произойдет худшее — раскидает их силой и тогда уже во всю прыть помчится в Киммерию...

Цепочка всадников перевалила через гребень холма и начала спускаться в долину. Их было десятка два. Все — мужчины с суровыми жесткими лицами, в шлемах и коротких нагрудниках, чешуйчатых либо кольчужных. Присмотревшись к внешности, киммериец определил их как родственников гандеров, обитавших чуть подальше к востоку. Большинство были светловолосыми и голубоглазыми. Заметил Конан и одну общую особенность: у каждого на шлеме торчали бычьи рога. Причем у всех одинаковые. На щитах тоже красовались бычьи головы. А один всадник вез высокий штандарт, украшенный черепом и несколькими хвостами того же самого животного.

Конан убрал руки подальше от оружия и дал всадникам себя окружить. Держались они настороженно, но без особой враждебности. Когда же к Конану направился предводитель, у киммерийца невольно округлились глаза.

Перед ним была женщина! Женщина в воинских доспехах!

Молодой варвар окинул ее взглядом, полным неприкрытого восхищения. Ибо она поистине того стоила.

Большую часть лица женщины закрывал боевой шлем: оставалась только прорезь в форме буквы «У», позволявшая смотреть и дышать. Прорезь не давала толком рассмотреть черты, зато тело было попросту великолепно. Конан невольно подумал о вендийской Богине-воительнице, живым воплощением Которой могла бы послужить незнакомка. Роскошную грудь прикрывали две выпуклые чаши, сработанные из полированной бронзы. У женщины были широкие, крепкие плечи и тонкая талия, перехваченная поясом, составленным из посеребренных чешуек. Ноги ниже колена защищали бронзовые поножи, бедра же оставались обнаженными, если не считать ножен с кинжалом, пристегнутых к правой ляжке. Под доспехами и скреплявшими их ремнями не было видно почти никакой одежды, только узенькая набедренная повязка из черного шелка. Женщина-вождь не носила даже сандалий — ездил босиком.

Вот она расстегнула подбородочный ремень и стащила шлем с головы. Из-под шлема вывалилась копна рыжева-

то-каштановых волос и окутала женщину по самые локти. Конан необыкновенно обрадовался, убедившись, что лицо предводительницы было столь же прекрасно, как и ее тело. Лицо, впрочем, изобличало весьма сильный характер. Лоб был широким и низким, а высокие скулы — и того шире. Нос оказался прямым, подбородок — твердым, квадратным. Кое-кто мог бы счесть такое лицо даже слишком волевым для истинной красоты, но суровые черты дополнялись пухлыми, чувственными губами крупного рта. В общем, Конан про себя счел, что Боги при всем желании не смогли бы приставить лучшего лица к этому телу женщины-воина. А когда он присмотрелся к игре мышц на ее шее и плечах, то окончательно убедился, что перед ним была не какая-нибудь королевская дочка, вырядившаяся в воинские доспехи. Женщина привыкла таскать на себе броню, и очень похоже, что с раннего детства. А было ей, по первому впечатлению, лет этак двадцать пять.

Между тем воительница разглядывала его столь же откровенно, как он — ее. И в холодных голубых глазах отражалось явственное одобрение. Видимо, ей тоже понравился могучий разворот плеч, закованных в броню стальных мышц и крупные руки, украшенные паутиной шрамов и многолетними мозолями от рукояти меча.

— Я — Эльфрид, вождь Крэгсфелла, — сказала она наконец. Голос у нее был низкий, с хрипотцой. — А ты, судя по внешности, киммериец. Что ты делаешь, киммериец, в моей стране?

Как и ожидал Конан, она говорила на гандерском диалекте, который он хорошо знал. Он ответил:

— Меня зовут Конан. Я возвращаюсь домой, в Киммерию. Я не был там много лет. Я еду один и ни в коем случае не собираюсь обижать твоих подданных. Позволишь ли ты мне невозбранно проследовать через твои земли?

— Невозбранно проследовать?.. Не так это нынче просто, как тебе кажется, — был ответ. — Грех мешать человеку, едущему домой, но дело в том, что здесь идет война!

— Я так и понял, — сказал Конан. — Я только что проехал деревню... Вернее, то место, где раньше стояла деревня. Теперь там ничего не осталось, даже двум воронам не из-за чего подрататься.

— Работа Этцеля! — зарычала воительница, и ярость согнала всю краску с ее щек. — Хорошо хоть, большинство народа успело спастись в Крэгсфелле... Крэгсфелл — это моя крепость. Мы добрались к побоищу только вчера и не успели помочь, лишь унесли мертвых, чтобы воздать им последние почести... Люди Этцеля оставили после себя одних мертвецов! Его воины перебили мужчин, кого сумели поймать, а женщин и детей увели продавать немедийским работоторговцам...

— Да кто хоть он такой, этот Этцель? — спросил Конан. — Разбойник? Или вражеский вождь?

Эльффрид сплюнула наземь и произнесла короткое ругательство: такого загиба Конан никогда еще не слышал.

— Приличных слов не хватает, чтобы достойно описать мерзкую тварь! — сказала она. Потом присмотрелась к длинному мечу на поясе Конана, к его рукояти, выложенной белой пупырчатой кожей. — Вот что, чужестранец. Раз уж ты здесь один и намерения у тебя, как ты говоришь, не враждебные, — я предлагаю тебе мое гостеприимство. Поехали с нами в Крэгсфелл. Тебе все равно пришлось бы миновать его по дороге, так отчего бы не поужинать под крышей и не переночевать у огня, прежде чем двигаться дальше? Там, за кружечкой эля, и узнаешь все как есть об Этцеле и обо всех моих горестях...

Конана вполне устроила бы еще одна ночь под звездами. Но отказаться от предложенного гостеприимства — жесточайшее оскорбление. К тому же царственная предводительница пробудила в нем живейшее любопытство.

— Благодарю тебя, — отвечал киммериец. — Я принимаю твое приглашение и делаю это с радостью.

— Отлично! Мы прибудем домой к наступлению темноты, — сказала она. — Не исключено, что в пути на нас нападут, но теперь ты мой гость, а значит, находишься под моей защитой. Да, Этцель тебе защиту и кров вряд ли бы предложил!.. Скорее всего, тебя давно бы уже убили; чтобы забрать меч, коня и что там еще у тебя есть...

— Попытались бы убить, — хмуро поправил Конан. — Многие, знаешь ли, последнее время пытались насадить меня на клинок. Теперь они все вместе барахтаются в Пре-

исподней, сговариваясь, что бы такое надо мной учинить, когда я в конце концов и сам туда попаду...

Эльффрид смерила его оценивающим взглядом знатока:

— Да, ты, верно, в самом деле заберешь с собой многих, когда отправишься на тот свет... Что ж, едем!

Она снова водрузила на голову шлем и развернула коня. Конан держался позади, любясь со спины ее великолепной фигурой. Губы у варвара сами собой расплывались в улыбке, а ему совсем не хотелось, чтобы эту улыбку заметили люди Эльфрид. Задняя часть ее набедренной повязки была шириной едва ли в половину ладони, и взгляду, таким образом, открывалось много интересного, восхитительного и волнующего.

Подобная скудость в одежде была чем-то само собой разумеющимся у женщин Немедии или Заморы, но здесь, на Севере, это было не очень-то принято. Конан даже подумал, что, наверное, воительница желала таким образом подчеркнуть свое отличие от обычных представительниц слабого пола. Ну а о том, что она сидела в седле с грацией прирожденной наездницы, не стоило и говорить. Гибкое, сильное тело двигалось в едином ритме с шагом коня. Киммериец вынужден был пожалеть о том, что поручение побуждало его к спешке, а значит, нельзя было задержаться в этом, как его, Крэгсфелле и познакомиться с Эльфрид ближе. Гораздо, гораздо ближе...

Полдня езды по лесистым холмам — и вот наконец они оказались в виду утесистой вершины, увенчанной крепостью, сложенной из каменных глыб.

— Крэгсфелл! — сказала Эльфрид, указывая вперед.

Скоро они увидели вспаханные поля, с которых убирали урожай земледельцы. Свинопасы присматривали за стадами вепрей, подбиравших в дубовых рощах опавшие желуди. Конан отметил про себя, что у каждого работника под рукой копье, а многие не расставались с луками и мечами.

Поднимаясь наверх, дорога несколько раз обогнула холм, извиваясь таким образом, что любой непрошенный гость все время представлял бы крепости правый бок, не закрытый щитом. На стенах густо стояли лучники и арбалетчики. Все они с большим подозрением поглядывали на черноволосого великана, следовавшего за их

предводительницей. Добрая дюжина мужчин уже вращала здоровенный вóрот, поднимавший огромный щит из толстого дерева, обшитого бронзовыми полосами. Маленькая кавалькада проехала под этим щитом и оказалась внутри.

По сравнению с огромными крепостями, которые Конан видел на Юге, Крэгсфелл был совсем невелик: обыкновенная деревня, обнесенная стеной из дикого камня, не скрепленного раствором. Посередине цитадели стоял длинный деревянный дом, сплошь покрытый замысловатой резьбой и ярко раскрашенный. Со всех сторон так и кишел народ: в большинстве своем — дети и женщины, отосланные своими мужчинами от греха подальше под защиту крепостных стен. Все они улыбались и махали руками вернувшейся Эльфрид. Похоже, молодую правительницу любили.

Воины спешили, и шустрые мальчишки вели коней прочь. Мужчины потягивались, разминая суставы, закостеневшие от сидения в седлах. Одной Эльфрид все было нипочем. Она просто сняла шлем и грациозной походкой направилась к длинному дому. Конан пошел следом за ней.

Войдя внутрь, она кинула шлем подвернувшемуся мальчишке и объявила:

— У нас гости! — Потом обратилась к двоим белогловым пацаням: — Ты и ты! Проследите, чтобы он ни в чем не знал недостатка. Покажите ему, где баня, найдите чистую одежду. Да смотрите мне, чтобы его принимали не хуже, чем какого-нибудь заезжего тана!..

У Конана даже зародилось подозрение: с чего бы это никому не известному, случайно встреченному воину да вдруг подобные почести?..

В это время из-за занавешенного алькова в дальнем конце длинного зала выбежала взъерошенная девочка лет пяти, и Эльфрид подхватила ее на руки.

— Это Эльфгива, — сказала она Конану. — Мое дитя. Единственное.

Девчушка недоверчиво посматривала на киммерийца. При всей малости ее лет она отлично знала, что рослый черноволосый дядька не был ни родственником, ни другом. А значит, и добра от него ждать не приходилось.

— Она станет матерью замечательных воинов, — проговорил Конан. Это были обычные слова, которые произ-

носили в Северных Странах, желая похвалить хозяйскую дочь. Однако Эльфрид и тут оказалась не как все.

— Эльфгива сама станет воительницей, если только я проживу достаточно долго и сумею воспитать ее как надо, — сказала она. И с величайшей гордостью улыбнулась ребенку: — Моя дочь уже и теперь умеет ездить на лошади и отлично управляет с маленьким луком, который я ей смастерила. Когда ее руки немного окрепнут, она выучится фехтовать и биться копьем!

Конан невольно задумался, что могло стать с отцом девочки, однако жизнь давно отучила его задавать вопросы правителям. Даже если эти правители повелевали крохотными «королевствами» вроде Крэгсфелла. Захочет — сама обо всем расскажет за выпивкой и едой. А не захочет... Что ж, утром он всяко уедет отсюда прочь. А от неудовлетворенного любопытства никто еще не помирал.

— Мойся и отдыхай, — посоветовала ему Эльфрид. — Когда закатится солнце, ты воссядешь подле меня за стол. Мне надо кое-что с тобой обсудить... Но не раньше, чем ты отдохнешь, насытишься и разбавишь дорожную пыль в желудке глотком доброго эля! — Женщина-вождь вновь повернулась к одному из белокрысых мальчишек, ранее назначенных ею прислуживать Конану, и легонько стукнула его по затылку костяшками пальцев: — Что ж ты, паршивец, не несешь нашему гостю наполненный рог? Не понимаешь, что у него во рту пересохло?.. — Мальчишка умчался стрелой, почесывая затылок, а воительница обратилась к Конану: — Мальши отведут тебя в мужскую баню. Я тоже пойду ополоснусь с дороги, а заодно выясню, каких еще вредных привычек успела нахвататься моя дочурка... Поговорим за ужином!

И она направилась к занавешенному алькову. Оттуда немедленно появились две молодые женщины и принялись растегивать на ней воинскую амуницию.

— Я отведу тебя в мыльню, господин, — раздуваясь от сознания собственной важности, сказал Конану один из мальчишек. Другой прибежал, неся рог пенящегося эля. Киммериец отметил про себя, что это был обыкновенный бычий рог. Ему хватило одного глотка, чтобы наполовину опустошить его.

— Ты действительно из Киммерии, господин? — спросил мальчик, принесший ему попить. — Киммерийцы временами спускаются со своих гор и угоняют наш скот!

Сообща они препроводили его наружу и далее к деревянному дому, несколько превосходившему размерами жилые строения.

— Это, наверное, разбойничают Муррохи, — сказал мальчишкам Конан. — Они враги моего клана. Я-то вам друг. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы мой клан ходил грабить в Пограничное Королевство. Мы все больше с ванами да пиктами отношения выясняем. Ну, и с другими киммерийцами разборки бывают...

По всей видимости, мальчишки почувствовали себя увереннее при этих словах.

Они вошли в обширную комнату, большую часть которой занимала огромная деревянная бадья; в ней уже плескалось несколько воинов, с которыми Конану довелось ехать через холмы. В комнате было полно горячего пара, по мощеному каменному полу текла вода. Конан расстегнул пояс с ножнами и препоручил меч одному из мальчишек, наказав вынести его наружу, подальше от сырости. Второй помог ему стащить с ног сапоги. Высвободившись из набедренной повязки, Конан перебрался через край необъятной лохани и влез в воду.

Горячая дымящаяся вода мгновенно уняла ноющую усталость, поселившуюся было в его выносливом теле. Конан с наслаждением отдался ее ласковому прикосновению. Вежливо поприветствовав мужчин, мывшихся вместе с ним, он попытался склонить их к беседе, но без особого успеха. Они держались учтиво, однако предпочитали отвечать немногословно. Было совершенно ясно, что разговорчивости у них не прибавится, пока женщина-вождь окончательно не обнародует свои намерения в отношении чужака.

Мальчик принес ему еще один рог эля, и Конан наслаждался питьем прямо в воде, радуясь отдохновению от долгого путешествия. Однако в бочке меда не обошлось без ложечки дегтя. Предводительница определенно собиралась сделать ему какое-то предложение. И прежде чем произнести свое предложение вслух, старалась привести его в благостное расположение духа. Как бы не пришлось

попасть в сложное и довольно-таки опасное положение, оказавшись перед необходимостью отказывать женщине, явно привыкшей повелевать. Женщине, у которой в подчинении десятки опытных воинов, закаленных в отчаянных битвах...

Его размышления прервал внезапный крик:

— Поберегись! Горячий камень несут!

Из глубины помещения вышла крепкая, полная женщина. Она держала в руках клещи, сжимая ими докрасна раскаленный камень величиной в человеческую голову. Мужчины, отмокавшие в лохани, торопливо подались прочь, и камень плюхнулся в воду. Там, где он потонул, с яростным шипением взвилось облако пара, вода залокотала пузырями.

Когда Конан выбрался из лохани, мальчишки взялись обрабатывать его тело жесткими губками и намыливать подобием мыла. К тому времени, когда ребятишки наконец сочли его достаточно чистым и стали окатывать свежей водой, киммерийцу показалось, что с него содрали почти всю кожу. Он снова залез в лохань, блаженно вытянулся и благополучно задремал, но тут мальчик принес ему смену чистой одежды. Обсушившись полотенцем, Конан оделся, вышел наружу и опоясался оружием. Он чувствовал себя свежим, вполне отдохнувшим и готовым к новым испытаниям.

Но более всего, пожалуй, он был готов приступить к плотному ужину! Долгая поездка, выпавшая в этот день, скудные рационы, которыми он довольствовался со времени выезда из Бельверуса, да еще баня — удивительно ли, что молодой киммериец ощущал волчий голод? Сытная еда и добрая выпивка всегда занимали почетное место в списке необходимых жизненных благ, который Конан мог бы составить для себя, если бы ему случилось об этом задуматься. Причем оба эти блага были такого свойства, что «слишком много» их не бывало. Чем больше, тем лучше!

Заглянув в длинный дом, он обнаружил, что приготовления к пиру почти завершились. По обе стороны зала поставили козлы и водрузили на них большие столы. На столах уже красовались блюда с хлебом и фруктами, а также обильные жбаны с элем и медом. Из кухни,

находившейся неподалеку, доносились ароматы жарящегося мяса. Рот мгновенно наполнился слюной, и Конан разом отверг все сомнения, касавшиеся предстоявшего застолья. Сначала следовало позаботиться о насущном. Все остальное — потом!

Зал начинал наполняться: крэгсфелльская знать понемногу рассаживалась на скамьях. Во главе двух длинных столов Конан заметил небольшое возвышение. Там стоял стол поменьше, а за ним — высокий стул, покрытый прихотливой резьбой. Вблизи возвышения садились знатные воины и их жены, дальний конец столов занимали люди попроще. Распорядитель повел Конана к возвышению, где рядом с хозяйским сиденьем уже устанавливали второй стул.

Когда вошла Эльфрид, все почтительно встали. Потом, повинувшись жесту правительницы, вновь заняли свои места. Избавившись от доспехов, Эльфрид облачилась в платье из тонкого зеленого шелка, по щиколотку длиной. По бокам юбки с обеих сторон были разрезы до талии. Глубокий вырез спереди спускался опять же до самого пояса. Конан про себя отметил, что она так и не рассталась с кинжалом, пристегнутым в ножнах к бедру.

Эльфрид села, Конан устроился подле нее и стал смотреть, как вносят в зал блюда с едой. Молодой варвар помалкивал: если ей что-то от него надо, пускай заговаривает сама. Оторвав куриную ножку, он в мгновение ока очистил ее до костей.

— Ты видел немало сражений, не правда ли, киммериец? — спросила его Эльфрид.

— Истинно так, — отвечал Конан. — Я сражаюсь с пятнадцати лет и многое повидал, от клановых стычек до великих нашествий. Последние годы я себе зарабатывал на хлеб, наемничая в армиях великих южных держав. Сперва простым пешим воином, потом кавалеристом, а потом кое-чем и командовал...

— Приятно слышать это, — отозвалась Эльфрид. Отрезав себе добрый ломоть говядины, она запустила в него зубы почти так же алчно, как сам Конан. — Помнится, я обещала рассказать тебе историю моей вражды с Этцелем и как вышло, что моя страна все время воюет...

— Сделай милость, Расскажи, — ответил Конан. За щедрую кормежку вроде нынешней он и не такое согласился бы выслушать. Пододвинув к себе горячий пирог с мясом, он с удовольствием проломил кинжалом его верхнюю корочку. Слушая Эльфрид, он знай убирал в рот и начинку, и хорошо пропеченное тесто, запивая их элем. Все те же мальчишки почтительно стояли у него за спиной. Они следили, чтобы не пересыхало дно в его роге, и были готовы по первому знаку подать любое блюдо, могущее его заинтересовать. Что касается Конана, он ел, как говорится, от пуза, насыщаясь впрок. Он знал, что на родине пожить будет особенно нечем. Если, конечно, киммерийцы в его отсутствие не переменились самым решительным образом...

— Этцель — вождь, живущий к северу отсюда, — рассказывала Эльфрид. — Он любит называть себя королем, и его заветная мечта — присоединить мои земли к своим. Он воображает, будто, сделав это, превратится из обычного вожжа шайки разбойников во что-то значительное! Он грабит не только нас, но и других соседей, однако наша с ним вражда — дело еще и личное. Видишь ли, от моей руки пал его сын.

— От твоей руки? Ты убила его сама? — переспросил Конан.

— Никто мне не помогал, — подтвердила она. — Три года назад у меня был муж. Звали его Ральф, и он был вождем Крэгсфелла. Он был молод и красив, а какой воин!.. Знаешь, он был похож на тебя, только светловолосый. Мы с ним с детства любили друг друга...

Осенью того года мы отправились на Великий Праздник — воздать почести Царственному Быку, Который есть величайшая святыня нашей веры. На время торжеств прекращаются все распри, чтобы любой мог съездить на Праздник, ничего не опасаясь. Мы с мужем, как и положено знатнейшим нашей страны, принимали участие в совершении священных обрядов. Участвовал и Этцель со своим сыном Рориком...

Так вот, дело в том, что есть один ритуал, совершаемый на второй вечер Праздника узким кругом знатнейших женщин страны. Я не имею права описывать его ни кому-либо

из мужчин, ни иным непосвященным. Скажу тебе только, что женщины творят священнодействие совершенно нагими. Мужчины же, под страхом смертной казни, не смеют подглядывать...

Конан уже догадался, что за этим последует. Слова Эльфрид в полной мере подтвердили его догадку.

— Юный Рорик, сын Этцеля, был бабником, каких свет не видал. Он спрятался в роще, где совершался обряд, и подсматривал за женщинами. Когда он увидел меня без одежды, то возгорелся похотью и пожелал непременно мной обладать...

— Вполне его понимаю, — сказал Конан, желая сделать ей комплимент.

Эльфрид не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— В тот вечер, — продолжала она, — я прилегла отдохнуть в нашем шатре, а муж отправился полакомиться пивом со своими друзьями. Вскоре явился Рорик и без приглашения ввалился в шатер. Он понес какую-то чушь о великой любви, которой якобы воспылал. Он рассказал, как подсматривал в роще, и заявил, что не успокоится, пока не возляжет со мной. Святотатство, которое он совершил, привело меня в ужас, но должна тебе сказать, что насилия с его стороны я не слишком боялась. Мой отец с детства обучал меня воинскому делу. Он говорил: если ты родилась женщиной, это еще не предлог для того, чтобы безропотно терпеть покушения на свою честь! Еще он говорил, что для женщины даже важнее уметь защищаться, чем для мужчины. Поэтому я не особенно сомневалась, что сумею справиться с Рориком. Хотя парень он был крепкий и явился при мече...

Я пришла в ярость и приказала ему убираться. Я пообещала рассказать всем вождям о непотребном попрании святого закона, которое он учинил. Он в ответ заявил, что, если я не отдамся ему добром, он возьмет меня силой. Я расхохоталась ему в лицо.

И в это время в палатку возвратился мой муж. Я так и не узнала, забыл ли он что-то или просто передумал и не пошел на пирушку... Он не заподозрил дурного. Входя, он услышал мой смех и решил, что мы с Рориком

мирно беседуем. Он приветствовал его как друга. Рорик обернулся к нему с кинжалом в руке. Если бы это был честный бой, у него не было бы против Ральфа ни единого шанса. Но в тот день он застал Ральфа врасплох. Тот не успел даже удивиться. Рорик ударил его в сердце.

Ты только представь себе это!.. Мой муж мертвым лежал на земле, а передо мной стоял его убийца. Моя ярость и обида сменились ледяным бешенством. Я приняла решение. Когда Рорик подошел ко мне, я притворилась, будто готова ему уступить. Он начал срывать с меня одежду и так спешил, что даже не снял пояса с мечом. Я схватила меч одной рукой, а другой что было сил оттолкнула Рорика прочь. И прежде чем он понял, что происходит, — снесла ему голову с плеч. После потери мужа это, конечно, было ничтожное утешение. Однако я исполнила долг мести, и исполнила быстро.

— Ты решительная и смелая женщина, — с уважением проговорил Конан. — Стало быть, теперь этот Этцель помешался на мести?

— Еще как! — усмехнулась она. — В тот момент он ничего не мог сделать. Он, конечно, обвинил меня в убийстве и особенно напирал на то, что я-де совершила его во время священного перемирия. Однако вожди рассудили по справедливости. Во-первых, Рорик был повинен в святотатстве, всяко наказуемом смертью. И во-вторых, как бы то ни было, он убил моего мужа и тем самым первым начал кровопролитие. Этцель пытался представить дело таким образом, будто мы с Ральфом сговорились убить его мальчика и Рорик якобы сразил моего мужа, защищая свою жизнь. Вожди этому не поверили. Многие из них любили моего мужа, и даже те, кто с ним не дружил, знали, что на грязное убийство он не способен. И потом, кто поверил бы, что какой-то там Рорик мог бы справиться с Ральфом, если бы тот загодя изготовился к бою?.. Кончилось тем, что я подтвердила истинность своих слов клятвой, данной в присутствии самого Царственного Быка. После этого ни у кого не осталось больше сомнений.

Вот с тех самых пор и идет нескончаемая война между племенем Этцеля и моим. У него больше воинов, чем у меня, но дать открытую битву он не решается. Он предпочитает

сжигать и грабить деревни. Ты сам видел, что от них остается...

— Печальная история, — посочувствовал Конан. — Надеюсь, в конце концов ты одержишь над Этцелем верх. Твое дело правое.

Он отрезал себе кусок хлеба и положил сверху пласт дымящейся оленины.

— Спасибо тебе за добрые пожелания, воин, — сказала Эльфрид. — Но мне хотелось бы получить от тебя... нечто более весомое.

И она махнула рукой мальчику, веля ему наполнить рог Конана пивом.

— А именно, госпожа моя? — осторожно спросил киммерец.

Она ответила:

— Я выросла воительницей. Я была замужем за одним из величайших воинов Пограничного Королевства. Поэтому, когда я вижу перед собой воина, я с первого взгляда могу сказать, чего он стоит. Я успела понять, что ты превосходишь любого из воинов моей дружины. И к тому же сведущ в командовании. Ты сам сказал, что зарабатываешь на жизнь наемничая. Вот я и решила нанять тебя. Я поставлю тебя во главе моих воинов, так что подчиняться ты будешь одной только мне. Мы с Этцелем неминуемо столкнемся лбами, и произойдет это скоро. Он давно уже донимает нас мелкими наскоками и почти созрел для последней решительной схватки. Я знаю, что он намерен взять меня живьем и предать смерти каким-нибудь особенно жестоким и унижительным способом. Ну уж этого я ни в коем случае не допущу. Я скорее своей рукой убью и себя, и свою дочь. Но если моих людей поведешь ты, я могу еще выиграть. Мои воины с радостью пойдут за тобой в битву: ты прирожденный вождь, и они это чувствуют. Как бы преданно они меня ни любили, — добавила она с кривой усмешкой, — мысль о женщине-полководце полного доверия им не внушает...

Конан хмуρο устался в свой рог, неожиданно лишившись всякого аппетита. В любое другое время он с величайшей радостью принял бы предложение. Отчего бы не оказать помощь обиженной стороне? Он всегда, когда мог,

с удовольствием восстанавливал справедливость. И в особенности — ради прекрасных глаз очаровательной женщины. Война же с малолетства была его ремеслом; он нисколько не сомневался, что сумел бы заставить врагов Эльфрид отступить. А может, даже и разгромил бы их наголову.

Единственное, чем он не располагал, — это временем. Он мучительно задумался, соображая, как бы выкрутиться из положения и не потерять при этом лицо.

— Я здесь чужак, госпожа моя, — проворчал он наконец. — Неужели твои люди потерпят, чтобы им приказывал чужестранец?

— Это даже и к лучшему, что ты не из наших, — был ответ. — Это значит, что ты не возымеешь честолюбивых желаний заделаться вождем вместо меня. К тому же у нас есть обычай: женщина, утратившая родственников мужеска пола, избирает себе рыцаря, на которого и возлагается обязанность защищать ее от возможных насилий. Так что воины отнесутся к твоему назначению как к должному.

— Увы, я не могу согласиться, — сказал Конан. — Поверь, госпожа, я счел бы за счастье постоять за тебя в битве с врагами. Но я выполняю поручение и не могу прервать своего путешествия. Я дал слово.

— Я не собираюсь задерживать тебя навсегда. Проведи с нами хотя бы осень и зиму, — настаивала она. — Твоя Киммерия никуда не денется до весны.

— Я не просто еду на родину, — сказал Конан. — Я действительно исполняю поручение, скрепленное страшной клятвой. В день осеннего равноденствия я должен прибыть в определенное место в самой глубине Киммерии. Ставка — моя честь.

Ему до смерти не хотелось об этом рассказывать, но, раз уж он был не в состоянии помочь ей, Эльфрид по крайней мере заслуживала правдивого объяснения.

Ее взгляд, только что теплый и дружеский, вдруг стал холодным.

— Похоже, я все-таки ошиблась в тебе, — сказала она. — Видно, ты не тот воин, за которого я тебя приняла.

Конан не попался на удочку.

— Суди обо мне как тебе угодно, госпожа моя. Я рассказал тебе правду. Я могу пообещать тебе лишь одно:

когда я исполню то, что должен исполнить, я немедленно вернусь сюда и встану под твоё знамя.

— Если ты задержишься у себя до дня осеннего равноденствия, значит, сюда ты попадешь только в начале зимы, — ответила она с горечью. — Вряд ли Этцель станет тебя дожидаться. Он вот-вот ударит, я знаю. Когда ты возвратишься, все будет кончено. Но я не буду удерживать тебя, киммериец, против твоей воли. Езжай своей дорогой.

Она отвернулась от него и невидящим взглядом уставилась в дальнюю стену, потягивая вино.

Конан мрачнее тучи сидел с нею рядом. Он понимал, что со стороны его поведение выглядело трусостью, и это было оскорбительно. Он продолжал есть и пить, готовя себя к тяготам дальней дороги, но и пиво, и добрая еда внезапно стали совершенно безвкусными...

Со времени их разговора Эльфрид держалась отчужденно, но размолвка никоим образом не мешала ей исполнять свои обязанности гостеприимной хозяйки. Утром она вышла проводить Конана в дорогу и самолично проследила за тем, чтобы его снабдили съестными припасами. Она вновь была облачена в доспехи, одетые почти на голое тело.

— Отсюда ты поедешь на север, — сказала она и вытянула руку, указывая ему на далекие горы. В одном месте хребет рассекало нечто вроде зарубки. — Это Имиров Перевал. Ты должен миновать его, если хочешь увидеть свою родину прежде середины зимы. Но помни: покинув мою страну, ты лишаешься и моего покровительства.

— Я уже много лет обхожусь без чьего-либо покровительства, госпожа моя, — ответил Конан.

— Смотри, как бы тебе не пришлось пустить в ход свое воинское искусство, и притом скоро, — сказала она. — Имиров Перевал — это уже земли Этцеля. И он выстроил там крепость, перекрыв проход от одной скальной стены до другой.

— Я родился в горах, — упрямо заявил Конан. — Как-нибудь проберусь.

— Пешком — может быть, — сказала Эльфрид. — Но на лошади — вряд ли. В общем, поберегись.

— Непременно. Доброго дня тебе, госпожа, и спасибо за гостеприимство. Я добра не забываю.

Весь день Конан ехал маленькими долинами между гор. Он совсем не встречал жителей, а зверье — лишь изредка. Еще было похоже, что Этцель успел порядком-таки похозяйничать в этих местах. Конан проехал несколько сожженных дотла деревень, окруженных заросшими полями и запущенными садами. Некогда это была процветающая, обжитая, любовно возделанная страна. Теперь она понемногу вновь превращалась в дикие дебри.

Что ж! Конана не касались здешние беды. По крайней мере, именно это он пытался внушить себе начиная со вчерашнего вечера. Получалось с трудом.

Молодой киммериец поневоле предавался тягостным размышлениям, но бдительности ни в коей мере не терял. Однажды он заметил далеко впереди на дороге всадников и поспешно убрался в лес, отъехав подальше, чтобы конь случайно не выдал его ржанием. Понятное любопытство снедало его, и он, привязав коня, вернулся к дороге. Надо же выяснить, что за народ встречался в здешних местах!

Ему только показалось странным, почему они не заметили его тогда же, когда он засек их самих.

Облюбовав развесистое дерево, нависавшее над дорогой, он проворно вскарабкался на ветки. И вытянулся на огромном суку, не дававшем рассмотреть его снизу. Чтобы заметить его, человек, едущий по дороге, должен был бы посмотреть точно вверх. Да еще знать, где искать и кого. Конан лежал абсолютно неподвижно, почти не дыша. Обычный человек не выдержал бы в таком положении и нескольких минут. Конан мог не менять позы часами.

Скоро он расслышал отдаленное звяканье сбруи и топот копыт. Потом под ним проехал передний всадник. Глаза у Конана округлились от изумления, но это так и осталось его единственным движением. Всадники были отнюдь не из местных! Конан со всей определенностью опознал в них заморийцев. Он знал, какую одежду и какое конское убранство предпочитали в Заморе. Да и внешность... Это были невысокие, вороватого вида мужчины, смуглые и

бородатые. Что, интересно бы знать, потерял в этих местах заморийский отряд?.. Всадников было пятеро, и ехали они точно туда, откуда прибыл он сам, — в страну Эльфрид. Конану это не слишком понравилось, но, спрашивается, что он мог сделать?..

Зато, по крайней мере, он выяснил, почему они его не заметили. Они выросли на плоских равнинах и среди голых каменистых холмов своей страны и не успели привыкнуть к лесистым предгорьям Пограничного Королевства.

Когда отряд скрылся из виду, Конан осторожно слез с дерева и отправился за конем. Заморийцы варвару не понравились. Выглядели они отъявленными ворунами. Не очень думая, что делает, он инстинктивно развернул мерина и направил его следом за ними. Потом вспомнил о своем долге и о клятве, данной Хатор-Ка. Выругался и вновь повернул лошадь в сторону Имирова Перевала.

К вечеру он оказался неподалеку от крепости Этцеля. Выглядела она в точности так, как описывала Эльфрид. Грубо сложенная каменная стена в самом деле полностью перекрывала неширокую долину, и миновать ее вправду оказалось не так-то просто. То есть пешим порядком Конан без большого труда одолел бы утесы. Но вот легко ли будет найти по ту сторону перевала хорошую лошадь?.. Если он хотел поспеть вовремя, коня следовало держать при себе до последней возможности.

Между тем близилась темнота: скоро придется останавливаться и устраиваться на ночлег. В конце концов киммериец решил найти уютное местечко и спрятать коня, а потом отправиться на разведку и рассмотреть крепость поближе. Жизнь давно научила его: человеку, которому угрожает опасность, никогда нелишне изучить своего недруга как можно подробней...

Привязав коня в глубине леса, на приличном расстоянии от ближайших деревень, Конан оставил его пастись и направился к крепости. На дорогу он не выходил — двигался рядом с ней, прячась в молодой поросли кустарника, заполонившего просеку. Случайно набредя на старое кострище, Конан взял остывшие угли и разрисовал свое тело и лицо пятнами и полосами. Он знал, что такая раскраска сбивает с толку глаз возможного наблюдателя, как бы на-

рушая естественные, привычные контуры. Еще он старался поменьше шуметь. В применении к Конану это значило, что он попросту перемещался абсолютно беззвучно. Как и накануне, он был облачен в одну набедренную повязку и пояс с мечом. И скользил по лесу, точно бесплотное привидение.

Когда он добрался до укрепления, уже совсем стемнело. Глаза Конана привыкли к постепенно сгущавшемуся мраку, да и света месяца для человека с такой обостренной чувствительностью, как у варвара, было более чем достаточно. Неженка из городских беспомощно тыкался бы в лесных потемках, налетая лбом на деревья, но только не Конан! Даже ночью он ориентировался в лесу не хуже любого пикта. Недаром он жил среди этого племени — несмотря даже на вековую неприязнь, которую питал к пиктам его народ.

Как и Крэгсфелл, где правила Эльфрид, крепость Этцеля оказалась сложена из грубо обтесанных камней, отнюдь не скрепленных известкой. Выбоины и выступы валунов были для Конана все равно что удобная лестница. Ему случалось одолевать стены, слишком гладкие и неприступные даже по мнению знаменитых заморийских домовников. Как-никак он провел детство в горной стране, беспрерывно лазая по утесистым кручам. Весьма полезная практика для человека вроде Конана: он ведь в своей жизни большей частью только и делал, что залезал вовнутрь либо удирал из таких мест, которые строились именно в расчете на пресечение нежелательных проникновений!..

Тем временем внутри крепости Этцель посиживал с дружками за пивом при свете небольшого огня в каменном очаге посреди оружейной. Свет играл на наконечниках копий, красиво расставленных по стенам. Копья перемежались короткими луками, и при каждом находился колчан стрел. Выше на стенах висели боевые топоры и дешевые мечи — такие сотнями покупали мелкие правители для простых воинов своего войска. Туранские и немедийские купцы продавали их связками. Незамысловатые, почти ничем не украшенные, в умелых руках они были столь же эффективным орудием убийства, как и самые изысканные клинки, сработанные великими кузнецами...

Этцель, широкоплечий здоровяк, кутался в плащ из медвежьего меха, несмотря на близость огня. Его борода; некогда золотая, была испещрена сединой, по лицу пролегли глубокие морщины. Лицо, когда-то мужественное и красивое, покрывали нездоровые багровые пятна, под бледно-голубыми глазами висели темные мешки. Белки глаз пожелтели, их расчертили красные прожилки. Это было, в общем, то жалкое, что возраст и всяческого рода излишества оставили от некогда великолепного мужчины и воина. Телесные пороки сгубили его плоть, а ум был безнадежно развращен жадностью, ненавистью, мстительностью и неумной жадой так называемого величия.

Нынче, правда, настроение у него было вполне праздничное. Он заглатывал хмельной эль с таким аппетитом, какого не ощущал уже много лет, и вовсю смеялся с друзьями.

— Ну, попляшет у нас теперь эта высокомерная сучка! — повторял самопровозглашенный «король». — Ужо позаботятся о ней заморийские похитители людей, которых я нанял. Скоро, скоро она наконец-то в полной мере заплатит за гибель моего Рорика! Все увидят, какова она есть без единой нитки на теле. Я сам принесу ее в жертву Царственному Быку, и люди это увидят. Кто после этого посмеет отрицать, что Этцель — величайший вождь на всем Севере?

— Никто, государи! — тотчас откликнулся придворный лизоблюд. Он похотливо улыбался, — видно, вовсю представлял себе предводительницу Крэгсфелла, раздетую донага и связанную для жертвоприношения.

— Великолепный замысел, мой король, — сказал другой приближенный. — Если бы мы просто разгромили ее в войне и убили по праву мести за нашего возлюбленного принца, столь безвременно почившего, — в этом случае многие взяли бы за оружие и начали бы вызывать нас на бой. Но когда ее примет как жертву Царственный Бык... Кто осмелится противостать Его божественной воле?

— Да уж, вряд ли такие найдутся, — хохотнул Этцель. И повернулся к своему главному смотрителю скота, нездорово-тощему человеку, при котором не было видно никакого оружия. — Так ты уверен, что твои боссониты дейст-

вительно заперли Царственного Быка в той маленькой укромной долине?

— Это, без сомнения, Он, господин мой, — был ответ. — Мы все сделали согласно твоему повелению. Боссониты — отменные скотоводы, но для них Он — всего лишь обыкновенное животное. К тому же на нашем языке ни один из них не говорит. Поэтому они ни в коем случае не проболтаются о том, что ты захватил в плен священного зверя...

Изощренное коварство Этцеля состояло в привычке нанимать иноземцев для разных щекотливых и грязных дел, от которых наотрез отказывались самые прожженные из его соплеменников.

— Но бросится ли Он? — усомнился Этцель. — Он, как и положено быку, непременно накинется на другого быка. Или на человека, посмевшего приблизиться к Его стаду. Но, как ты понимаешь, нам необходимо, чтобы Он поднял на рога и в клочья растоптал привязанную женщину. Да еще на глазах у собравшегося народа!

— Обо всем уже позаботились, — заверил его старший скотник. — Каждый день перед Ним привязывают обнаженную пленницу, и мои люди всячески раздражают Быка, а затем скрываются у нее за спиной. Так что Он уже понял, на кого надо бросаться. И непременно устремится на Эльфрид, как только увидит ее.

— Государь мой, но... Хорошо ли все это? — неуверенно проговорил пожилой, седеющий воин. — Ты, без сомнения, прав в своем требовании мести, но мне как-то не по душе такие насилия над священным животным. Народ ведь считает Его живым Богом на земле, воплощением удачи нашего племени, олицетворением плодородия полей и скота...

Этцель только фыркнул в усы:

— Он просто бык и ничем не лучше других. Ты что, забыл, что Царственного Быка со временем убивает какой-нибудь бык помоложе? Или сами паломники на Празднике, когда Его, хм-м, мужественность начинает сдавать? Потом провозглашается новый Царственный Бык. Чем это отличается от того, что хочу сделать я? Подумаешь, послужит немножко моим интересам, не убудет с Него. И потом, я

что, не король? Не имею права поступать как мне заблагорассудится? К тому же с этой девкой только священный зверь, пожалуй, и справится...

Тут его глаза вдруг стали дикими, голос — пронзительным, а на бороду потекла слюна.

— Помяните мое слово, в ней черная сила! Она навела порчу на моего Рорика и внушила ему сверхъестественное вожеление! А после убийства заколдовала совет вождей, так что эти глупцы сняли с нее все обвинения! Сами Боги избрали меня орудием мести, призванным уничтожить колдунью!.. Царственный Бык совершит над ней справедливость!.. Отплатит ей за надругательство над Праздником, который она осквернила подлым заговором против моего сына!..

Его голос звучал все более визгливо и наконец сорвался.

— Все будет так, как ты велишь, государь, — сказал пожилой воин. Он весьма сожалел, что вообще затронул скользкую тему.

— Справедливость скоро восстановится, мой король, — утешил Этцеля один из придворных. — Ведьма умрет, и последним, что она в этой жизни почувствует, будут рога Царственного Быка, вспарывающие ей брюхо, и Его копыта, топчущие ее лицо. Заморийские похитители женщин вот-вот сделают так, что она окажется у тебя. Скоро дух твоего сына успокоится, о мой вождь!

— Хочется верить, что так оно и случится, — сказал Этцель. Вспышка безумного гнева прошла, к нему постепенно возвращалось спокойствие. Он откинулся в кресле, прихлебывая вино, привезенное из далекой южной страны. — Дух сына порою является мне в сновидениях, — продолжал он. — Я вижу его сплошь покрытого кровью... таким, каков он был после гибели от руки подлой колдуньи... Иногда он приходит ко мне, неся под мышкой отсеченную голову. Он требует мести, и, во имя Имира, он получит ее! Он был моим единственным законным наследником...

Приближенные отводили глаза, старательно не замечая крупных слез, катившихся по обрюзглым щекам в багровых прожилках. Этцель, человек развращенный до мозга костей, все-таки был наделен одной из добродетелей, оправ-

дывающих существование человека, — а именно, всепоглощающей любовью к своему недостойному отпрыску.

Приближенные считали это единственное достоинство его единственной слабостью.

— Я совершу мсть!.. — продолжал он, и в голосе звучало торжество, несмотря на то что по щекам по-прежнему катились слезы. — С приближением первого полнолуния осени любой вождь вправе принести жертву Царственному Быку! Мои посланцы уже созывают собратьев-вождей со всего запада Пограничного Королевства. Все они станут свидетелями унижения и смерти Эльфрид! Посмотрим, осмелится ли хоть кто-нибудь высказаться против!..

— Ее люди могут пуститься в погоню, — подал голос один из старших воинов. — Как бы они не попытались отбить ее!

Этцель хмыкнул, услышав эти слова.

— Древний обычай воспрещает обращать оружие против Царственного Быка. Это верно, постаревшему Быку временами перерезают горло старинным кремневым ножом, но какими церемониями это сопровождается! Кто слышал, чтобы поднимали меч или копье на ныне присного и полного сил Царственного Быка?.. А наш нынешний Бык пребывает поистине в расцвете сил и к тому же свиреп сверх всякой меры. Если даже кто-то из людей Эльфрид проявит дурацкую верность, что с того? Бык разделается с ними в два счета! Только злее будет, расправляясь с Эльфрид!..

И он громогласно расхохотался, предвкушая забаву. Приближенные дружным хором поддержали его.

...Никто из них не замечал Конана, безмолвно замершего над ними на стропилах. Решив, что увидел и услышал достаточно, молодой варвар начал потихоньку выбираться из крепости. К тому времени, когда он оказался за пределами укреплений, его мысли неслись сумасшедшим галопом. Его одолевало безумное искушение попросту метнуть кинжал Этцелю в сердце и тем самым сразу разрешить все проблемы. Однако невыгодный угол и порядочное расстояние заставляли усомниться в успехе броска. К тому же Конан достаточно терся среди людей, чтобы понять простую вещь: войны, вражда племен и иные заметные события очень редко пресекались гибелью одного человека, хотя бы

даже и короля. Этцеля со всех сторон окружали люди, чье благополучие зависело от него напрямую. Уж верно, они приложили бы все усилия, стремясь завершить прижизненные планы убитого. Ибо это вроде как сделало бы их законными наследниками его власти...

Ко всему прочему, оставалась еще необходимость по возможности скорее добраться в Киммерию. Как-никак это вопрос чести!

Конан тихо пробирался по лесу, зорко высматривая врагов. В его душе, однако, происходила невидимая миру борьба...

Его конь мирно щипал травку на том же месте, где Конан оставил его. Но стоило киммерийцу протянуть руку к привязи, как за спиной прозвучал голос:

— Эй, Ульф! Что там за раскрашенный дикарь угодил в нашу ловушку?

Конан стремительно обернулся и увидел, что к нему подходят двое вооруженных мужчин.

— Когда один из рабов донес нам, что обнаружил бесхозную лошадь, пасущуюся в лесу, мы решили, что подстережем воришку, — сказал тот, кого называли Ульфом. — А тут, похоже, целый соглядатай из Крэгсфелла!

— Давай-ка выкладывай, парень, кто тебя послал, — сказал первый. Он держал в руке обнаженный меч, и острие клинка смотрело Конану в живот. — Если сам скажешь все, что тебе известно, мы, возможно, смилостивимся и прикончим тебя быстро!

— Это точно, — поддакнул Ульф. — Если ты вынудишь нас препроводить тебя к нашему господину, тебе же хуже будет, поверь. Сколько пленников ни попадало ему в руки, язык рано или поздно развязывался у всех. А уж какие крепкие ребята бывали!

Конан широко улыбнулся. Эта встреча сулила подарить ему искреннее наслаждение. Наконец-то он столкнулся с чем-то таким, что требовало не мучительных размышлений, а действия — решительного и привычного!

— Вы, стало быть, люди Этцеля? — осведомился он.

— Говори: КОРОЛЬ Этцель, деревенщина! — рявкнул Ульф. Потом присмотрелся к Конану внимательнее и спросил: — Откуда ты такой взялся на нашу голову? Для пикта

ты что-то слишком здоровый... Эта раскраска, да и говоришь ты с акцентом...

— Он киммериец! — проворчал его напарник. — Я видел таких, как он, во время набегов за скотом. Держись с ним осторожнее! Он разговаривает почти как человек, но пускай это тебя не обманывает! Киммерийцы — они наполовину волки, наполовину демоны...

Он держал меч на отлете, словно бы для того, чтобы обеспечить как можно большее расстояние между Конаном и собой.

— Рад слышать, что мой народ по-прежнему знаменит и славен, — сказал Конан. — Если я не ослышался, вы двое вроде собрались как-то заступить мне дорогу?..

— Мы собрались отвести тебя к нашему повелителю! — самонадеянно заявил Ульф.

— Что ж! — сказал Конан и вытащил меч из ножен. — Посмотрим, кто из нас уйдет отсюда на своих ногах, а кто останется кормить ворон! Смелее, псы, попробуйте киммерийского клинка!..

Двое яростно взвыли и одновременно полоснули мечами. Один замахнулся сверху вниз слева, другой — в противоположном направлении. Это была хорошо отработанная двойная атака, которой мало кто из обычных людей сумел бы противостоять. Но только не Конан!.. Конан как бы даже не заметил двух мелькнувших мечей. Он шагнул вперед, чего те двое ну никак от него не ожидали. Его меч взвился вверх, потом описал стремительный полукруг. Он вошел Ульфу около горла и рассек ключицу и ребра, а потом и грудину. Выскочив наружу, клинок ударил второго в живот и выпустил ему кишки, пройдя мимо бедра. Дуга завершилась у самой земли: меч слегка задел острием невысокую траву.

Оба воина повалились, хрипя, словно кто их душил. Мечи вырвались из рук и улетели на другой конец маленькой поляны. Какое-то время две пары пяток судорожно молотили траву, потом оба тела затихли и остались лежать неподвижно.

Конан удовлетворенно хмыкнул, отчищая меч от крови и убирая его в ножны. Ему и раньше доводилось убивать одним ударом сразу двоих. Занятие опасное, но при

хорошем глазомере выполнимое. И приносящее немалое удовлетворение.

Но не только мастерски исполненный удар заставлял его испытывать удовольствие. В какое-то мгновение короткого жестокого боя он еще и разрешил одолевавшие его сомнения. Он отвязал коня и сел в седло, но прежде, чем уехать прочь, обратился к двум распластанным на поляне телам, сказав так:

— Вы, вместе взятые, в подметки не годились великому сыну Гандерланда, которого я сразил в битве несколько недель тому назад. Однако вы помогли мне принять решение, и я за это вам благодарен. Пускай дьяволы Преисподней проявят к вам за это хоть какое-то снисхождение, когда станут пытаться!

Повернув мерина, он выбрался на залитую лунным светом дорогу. И, достигнув ее, повернул на юг — прочь от Киммерии, в страну Эльфрид...

— Всадник с севера!.. — прокричал часовой, стоявший на вершине одной из башен северной стены Крэгсфелла.

Эльфрид вышла из длинного дома, кутаясь в просторный плащ: утро было холодное. Лицо молодой женщины было мрачно.

— Небось гонец от Этцеля? — спросила она.

— Нет, госпожа! — откликнулся часовой. — По-моему, это возвращается чужеземец!

Обстоятельства не располагали к веселью, но Эльфрид почти улыбнулась:

— Открывайте ворота!

Конан въехал внутрь крепости и испытал величайшее облегчение, убедившись, что Эльфрид была по-прежнему жива и здорова.

— Ты не представляешь, как я рад видеть тебя, Эльфрид! — сказал киммериец. — Я на это почти уже и не рассчитывал. Похоже, я подросел вовремя! Тебе надо глядеть в оба. Вчера я забрался к Этцелю в крепость и кое-что выяснил. Он нанял шайку заморийских похитителей женщин и отправил их за тобой! У старого пердуна кишка тонка сойтись с тобой в честном бою, так он пустил

вперед себя охотников за рабами!.. Я разминутся с ними в дороге, и вид у них был деловой... — Конан спрыгнул наземь и бросил поводья ближайшему мальчишке. — Удвой стражу, Эльфрид. Я тут подумал кое о чем... Мои обязательства чести никуда не девались, но как же можно допустить, чтобы совершили непотребство над той, что так ласково меня принимала! Вот я и решил, что несколько дней погоды не сделают. А предпринять за это время кое-что можно!..

Он говорил, и постепенно до него дошло, что Эльфрид была бледна как смерть, а прекрасное лицо страшно осунулось. Минувшая ночь состарила ее сразу на несколько лет.

— Это хорошо, что ты переменял свое решение, Конан, — сказала она наконец. — Но ты все-таки опоздал. Заморийцы уже сделали то, что должны были сделать. Этцель ведь послал их не за мной. Они похитили мою маленькую Эльфигу!..

Глава пятая

ЦАРСТВЕННЫЙ БЫК

Конан сидел в большом зале Крэгсфелла, рассеянно лаская лезвие меча тонким бархатистым точильным бруском из тех, какими правят бритвы. Вокруг него сидели старшие воины Эльфрид и почтительно помалкивали, ожидая распоряжений. Эльфрид уже сказала им, чтобы слушались Конана во всем, и никто не собирався возражать предводительнице. Северяне не любили слепо повиноваться. Но киммериец отнюдь не был обыкновенным воином, и они это чувствовали.

Конан еще отдаст все необходимые распоряжения, но пока он был занят собственными мыслями. И для начала всячески ругал себя за то, что не поддался первому и самому верному побуждению и не встал под знамя Эльфрид сразу же, как только она его позвала. Обвинять в этом можно было кого угодно. То ли Хатор-Ка с ее тлетворным колдовством, то ли старого кхитаезу с его

играющими в игры Богами. Конан предпочитал вину за собственные поступки возлагать только на себя самого. Вина — отвечай. Если бы он не был так фантастически глуп и вовремя послушался голоса сердца, сейчас во дворе крепости валялось бы пять смуглых трупов. При мысли о том, что в это самое время где-то плакал насмерть перепуганный ребенок, у киммерийца сердце в груди переворачивалось.

А еще он испытывал жесточайшую ярость. Кодекс чести, которым руководствовался его народ, был, по мнению цивилизованных соседей, не больно-то утонченным. Зато этот кодекс не ведал никаких компромиссов, был прям и справедлив. В каких бы злодействах ни закоснел человек, если у него хватало мужества выйти на открытую битву со своими врагами — он заслуживал гибели в честном поединке. Тот, кто обижал женщин, кто притеснял старых и слабых, удостоивался презрения.

А тот, у кого поднималась рука на ребенка, тем самым становился для Конана злейшим врагом...

Его соплеменники невероятно свирепо резались со своими недругами, но никогда, ни в коем случае не убивали детей, женщин и стариков, не способных защищаться с оружием. Не брали они и рабов, полагая, что перекладывать так называемую грязную работу на других было недостойно настоящих мужчин. Конан знал, что убьет Этцеля и вызовет девочку, если только малышка еще жива. Если это займет слишком много времени и навлечет на него гнев Крома... что ж, пускай будет так.

Его вера в грозного древнего Бога предков не имела ничего общего с изощренной теологией Юга. Он не верил, чтобы Кром стал наказывать за то, что кто-то предпочел выполнить свой долг воина и мужчины. Люди, выстроившие крепость на Имировом Перевале, умрут. Все. Пока ему приходилось дышать с ними одним воздухом, Конан не будет знать отдыха и покоя. Он поднес меч к глазам, посмотрел вдоль краев лезвия и нашел заточку безупречной.

— Вот что мы сделаем! — заговорил он наконец. Остальные нетерпеливо подались вперед, ожидая приказов, побуждающих к решительным действиям. Все они сгорали

желанием отстоять жизнь и достоинство своей госпожи. И Конан их не разочаровал.

— Если прятаться за каменными стенами, добра не высидишь, — сказал он. — Нападение, может, и удастся отбить, но войну так не выиграть. Мне приходилось служить под началом кое-кого из великих полководцев Немедии... В поединке они, наверное, уступили бы иным нашим северным бойцам, зато только и делают, что размышляют о тайнах искусства выигрывать войны. Каждый из них воюет по-своему, но все сходится в одном: чтобы выиграть войну, загони врага на его собственную территорию. Это-то мы с вами и сделаем.

Воины одобрительно заворчали. Конан говорил именно то, что они жаждали услышать. Их государыня была отменной воительницей и оборону держала храбро и с немалым искусством. Но вот нападение... нападение было не по ее части. Зато Этцель, хоть и уклонялся от открытых сражений, в нападении как раз преуспел. Военское совершенство Эльфрид состояло еще и в том, что она отлично сознавала свой недостаток. Она и глаз-то положила на Конана именно потому, что поняла с первого взгляда: это как раз тот человек, который способен повести ее войнство в решительную атаку. И вот наконец полководец был готов приступить к делу.

— Этцель все время рассылает мелкие отряды — грабить окрестные деревни, — сказал Конан. — Сегодня мы устроим вылазку и покажем налетчикам, где раки зимуют. Они не привыкли напарываться на вооруженных воинов. Наступим Этцелю на мозоль! Пусть вылезает из каменной норы и дает бой!

— Это сильный вождь, — заметил воин с багровым шрамом на подбородке. — У него больше людей, чем у нас.

— Я видел его, — ответил Конан. — Дряблый мешок жира. Он здоров воевать против мирных крестьян, слабых женщин и беззащитных детей. Настоящим воинам незачем страшиться его.

С этим все согласились. Какому-нибудь стратегу из южной державы умозаключения Конана показались бы полной бессмыслицей. С точки зрения северных воителей, его устами говорила сама мудрость. Они собрали оружие и

доспехи и приготовились выехать за ворота. Конан отправился к Эльфрид.

Он нашел предводительницу в главном зале: предвидя осаду, она самолично распоряжалась пополнением запасов съестного. Конан помедлил какое-то мгновение, любуясь ее собранностью и спокойствием. Потом сказал:

— Пойду убивать твоих врагов, госпожа.

Она обернулась к нему. Под глазами у нее залегли темные круги.

— Убьешь ты кого-нибудь или нет, рыцарь, мне все равно, — ответила она. — Верни мне мою дочь живой и невредимой, и я вознагражу тебя землями и титулами по твоему выбору. И даже местом на моем ложе, если тебя это влечет.

Конан обиженно ошетинился:

— Я не ищу наград! Я дал слово и исполню то, что пообещал. Я пошел к тебе на службу только потому, что сердце велит мне защитить несправедливо поруганных. А награды...

Эти слова как будто растопили в душе Эльфрид холодный стальной стержень. Она положила руку на его плечо, твердое, словно высеченное из камня.

— Прости меня, друг мой, — сказала она. — Я слишком беспокоюсь за девочку... Настолько, что начинаю обижать настоящих друзей. Не сердись на меня... — Она посмотрела на него снизу вверх, потом взяла в ладони его лицо и заставила немного повернуть голову, словно высматривая некий изъян. — Нет, — проговорила она затем. — В тебе действительно нет алчности до славы и земель. Ты в самом деле следуешь зову сердца. Что же касается места на моем ложе... — Тут она посмотрела на киммерийца с тем же выражением, какое было у нее на лице, когда она оценивала его как воина, и сказала: — Ты знаешь, с тех пор как погиб мой Ральф, я ни разу еще не желала мужчины. Я ни в ком не видела равного моему павшему мужу. Но, может статься, ты именно тот человек, которого я ждала все эти годы... — Она уронила руки и отвернулась прочь, добавив: — Как бы то ни было, это все дело будущего... Пока все мои мысли — только о моей девочке и о том, что с ней может случиться...

— Только не теряй надежды, моя госпожа, — сказал Конан. — Старая скотина ни в коем случае ее не убьет, ведь тогда ему нечем будет стращать тебя. Какое-то время он не даст и пальцем ее тронуть, и за этот срок я в лепешку расшибусь, а вытащу оттуда малышку. Сегодня я поеду задавать трепку твоим врагам. Оставайся здесь, госпожа, блюди крепость. А пуще всего... — он даже наклонился поближе, подчеркивая важность сказанного, — пуще всего, смотри, никуда не высовывайся со двора! Очень может быть, что Этцель кого-нибудь пришлет торговаться с тобой. Ни в коем случае не слушай никаких предложений! Если хочешь, отруби гонцам головы и насади их на шесты над воротами, но только не верь ни единому их слову. Ни шагу за ворота, пока я не вернусь! Поняла?

Она кивнула, но все же заметила:

— Умом я понимаю: ты прав. Но не берусь поручиться, кто пересилит во мне: воительница или мать...

Конан тоже кивнул:

— Просто сиди дома. Вот все, что от тебя требуется. Если нынешнее дело вообще можно завершить во благо твоей семьи, клянусь, я это сделаю. А ты, если хочешь помочь мне, не вмешивайся ни во что.

— Спасибо тебе, воин, — тихо сказала она. — Я верю тебе. Да пребудет Имир с тобою...

— Моего Бога зовут Кром, — проворчал Конан. — Последнее время я с Ним не больно-то ладил, но, думаю, Он не совсем еще от меня отступился. Станет ли Он помогать, правда, неведомо, но Он как-никак воинский Бог, а значит, наказывает тех, кто ведет себя недостойно!

— Я присмотрю за крепостью, — сказала Эльфрид. — Возвращайся с победой.

Это был именно тот приказ, который Конан намеревался исполнить. Выйдя во двор, он обнаружил воинов Крэгсфелла в полной боевой готовности и без промедления велел садиться в седла. Их набралось менее ста человек, но, по его мнению, этого количества должно было хватить. Он ведь и не собирался разделаться с Этцелем одним ударом, — просто побеспокоить его, заставить чесаться.

Отряд выехал за ворота и направился искать жертву. Насчет того, где ее следовало искать, у Конана были вполне

обоснованные предположения. Он подробно расспросил Эльфрид и ее людей о том, какие части края подвергались налетам, какие — еще нет. Потом сравнил одно с другим и понял, что можно с хорошей вероятностью предположить, куда придется следующий удар. Скоро оказалось, что киммериец был совершенно прав. Вернулись разведчики и доложили, что видели, как шайка людей Этцеля спускалась с холма, направляясь к незащищенному поселению.

— Давайте-ка немножко удивим этих собак... — сказал Конан, надевая позаимствованный у кого-то шлем с бычьими рогами. За его спиной раздалось дружное рычание: воинам не терпелось задать ненавистным врагам хорошую трепку.

Они вскочили в седла и поехали разыскивать виденных разведчиками. Люди Этцеля едва успели поджечь несколько крайних домов, когда отряд Конана обрушился на них со стороны леса. Кто-то из негодяев с криком обернулся навстречу киммерийцу, пытаясь оборониться зажженным факелом... Мелькнул в замахе громадный меч, и лицо грабителя скрылось в вихре кровавых брызг. Его соратники валились один за другим, сметенные яростным натиском воинов Крэгсфелла. Наконец-то разбойники полной мерой расплачивались за долгие годы почти безнаказанных грабежей. И месть была жестока.

— Поехали! — приказал Конан, вытирая клинок. Все нападавшие были мертвы. Селяне бежали обратно из леса, плача и громко благодаря воинов, спасших их от расправы. Конан, однако, был вовсе не в настроении подставлять руки для поцелуев. Он только сказал: — Таких шаек, как эта, еще полно на вашей земле. Мы только начали их истреблять.

— Веди же нас! — воскликнул нетерпеливый молодой воин. — Приказывай, вождь! Укажи нам, где они прячутся, а об остальном уж мы позаботимся!

Воинственный пыл юноши заставил Конана мрачно усмехнуться. Он сказал:

— Там, куда я вас поведу, вашим мечам не придется ржаветь в ножнах.

Еще два дня они подкарауливали и безжалостно вырезали бродячие отряды разбойников, посланных Этцелем.

Конан про себя уже прикидывал, как по возвращении в Крэгсфелл станет докладывать Эльфрид о своих достижениях. Это доставляло ему удовольствие. Тщательный расчет, помноженный на внезапность, принес замечательные плоды. Им удалось уничтожить в несколько раз больше вражеских воинов, чем было в отряде. Когда Этцель подсчитает потери, ему еще меньше прежнего захочется вступить в открытую схватку. Скорее всего, он всерьез задумается о переговорах.

Утром третьего дня воины Конана вернулись в Крэгсфелл. Все равно ловить по лесам стало некого: Этцель явно отозвал своих головорезов, чтобы не остаться вовсе без войска. Воины, ходившие в поход, позаботились отрезать левое ухо у каждого из убитых и теперь нанизывали их на куканы: будет чем полюбоваться друзьям и родным!

...Они были на расстоянии полета стрелы от крепости, когда Конан нутром понял: что-то не так! Еще несколько шагов, и до него дошло: Эльфрид не вышла навстречу. Почему? До сих пор она первая спешила к воротам и приветствовала новоприбывших. Конан пустил коня галопом и во весь опор полетел вперед.

Он сразу заметил на лицах обитателей Крэгсфелла крайнее беспокойство.

— Где Эльфрид?! — рявкнул киммериец, обращаясь к женщине из числа приближенных.

— Уехала вчера вечером, господин!.. — горестно заламывая руки, ответила та. — С тех самых пор, как ты отправился в поход, она все сидела и размышляла. Она сама не своя была от страха за доченьку. Мы пытались утешить ее, господин, но не сумели. В самый темный час ночи она надела свои воинские доспехи и уехала из крепости, пробравшись подземным ходом...

Конан выругался так, что его мерин начал прядать ушами.

— И что, никто не выскочил перехватить ее?.. — зло спросил киммериец.

— Те, кого ты не взял с собой, сразу сели в седла и погнались за госпожой. Они до сих пор еще не вернулись...

— Надо найти ее, Конан, пока Этцель до нее не добрался, — сказал юный всадник, сидевший рядом с вождем.

— Так-то оно так, — проворчал Конан, — только, боюсь, вовремя нам уже не поспеть. И все же попытаемся! Я знаю наверняка, что Этцель не собирается убивать ее сразу. Может быть, мы еще вызволим ее... в каком бы виде она теперь ни была. Ох, дура, сумасшедшая дура! Неужели не могла выждать еще немножко!..

И он с такой силой стиснул луку седла, что едва не оторвал.

— Трудно ждать хладнокровия от матери, когда ребенку угрожает опасность! — урезонила его женщина. — Наверное, госпожа убедила себя, что сможет выторговать у Этцеля жизнь девочки за свою!

— Ладно, болтовней мы все равно ничего не добьемся, — сказал Конан. — На конюшню! Седлайте свежих лошадей! Немедленно выезжаем...

Этцель восседал в тронной палате, посадив маленькую пленницу себе на колени. Время от времени он рассеянно поглаживал ее по головке, и каждый раз девочка пугливо съеживалась. Подперев узловатым кулаком подбородок, Этцель предавался размышлениям о своих былых горестях. Приближенные хранили молчание, ожидая, когда он первым что-нибудь скажет.

— Ну и где Эльфрид? — наконец проворчал вождь. — Ей следовало бы появиться здесь в первый же день! Какая из нее после этого мать? Никакой заботы о ребенке. И как так вышло, что она вдруг взялась давать мне решительный отпор? А откуда, хотел бы я знать, взялся тот черноволосый чужеземец, который встал во главе ее воинов? Кто он такой?

Ему оставалось только рвать собственную бороду. Десятки его людей погибли безвозвратно, угодив в хитроумно расставленные засады. Вместе с ними пропали и лошади, и захваченная добыча. Но что было гораздо хуже — его, Этцеля, выставили дураком. Как бы народ не перестал бояться его. Чего-чего, а этого он ни в коем случае не мог допустить.

— Эльфрид — ведьма, государь, — сказал управитель. — Может быть, она использует заклятие, дарующее ее людям победу?

— Вот именно, — поддержал один из вельмож. — А чужестранец — колдун из Гипербореи, взявшийся ей помогать.

— Дурак! — фыркнул другой вельможа, постоянно соперничавший с ним из-за милостей «короля». — Кто хоть раз видел черноволосого гиперборейца?

— Ну, значит, стигиец! — сказал первый, обменявшись с соперником кинжальным взглядом. — В любом случае ясно, что без нечистой силы не обошлось!

Желавшие добиться благосклонности Этцеля не упускали случая напомнить ему о мнимых колдовских способностях Эльфрид.

Тут у входа в палату произошло какое-то движение, и внутрь, улыбаясь до ушей, широким шагом вошел воин.

— Смотри, мой король, какой подарок мы тебе притащили! — провозгласил он со значительным видом. Следом за ним в палату протолкалось еще двое, и между ними в цепях шла Эльфрид.

Этцель почувствовал, как напряглась от ужаса маленькая девочка, сидевшая у него на коленях. Эльфрид была по-прежнему облачена в воинские доспехи, но поперек спины у нее лежало древко копья, пропущенное под локти. Руки воительницы были связаны спереди, и это заставляло ее выгибать позвоночник, выпячивая грудь. На шее у нее был одет бронзовый ошейник, а с него спускались две цепи, пристегнутые к ножным кандалам. Двигалась она с большим трудом, но голову несла высоко.

Этцель даже приоткрыл рот, не в силах сразу перевернуть долгожданное наслаждение.

— Приветствую тебя, о Эльфрид! — сказал он наконец. — Давненько нам с тобой не приходилось встречаться. Итак, наконец-то ты заглянула ко мне в гости. Ты, наверное, и не догадываешься, что за роскошный прием я тебе приготовил!

— Можешь делать со мной что угодно, Этцель, — отвечала она. — Прошу тебя лишь об одном: не заставляй мою дочь на это смотреть.

Ее голос был тверд. Она не признавала себя побежденной.

— Справедливая просьба, государь, — шепнул советник, стоявший у Этцеля за плечом. — Не следует давать людям повода для обвинений в излишней жестокости...

— Что ж, — сказал Этцель, — мне всяко нужна была мать, а не дочь. Уберите отсюда ребенка и хорошенько еторожите!

Маленькая Эльфгива вывернулась у него из-под руки и бросилась было к матери. Какой-то стражник подхватил ее и понес прочь. Девочка отбивалась и отчаянно плакала.

— Успокойся, Эльфгива, — ласково сказала Эльфрид. — Ты должна помнить, что твоя мать умерла как настоящая королева. Отомсти за меня, когда подрастешь.

Этцель заметил направленные на него неодобрительные взгляды и окончательно разгневался: кто это тут собирался испортить ему момент наивысшего торжества?.. Еще не хватало, чтобы женщине начали сочувствовать! Она держалась слишком царственно. Следовало положить этому конец.

— Не задирай нос, распутная сучка, погубительница моего сына! — рявкнул «король». — Пора нам посмотреть, из чего ты сделана!

Он сделал знак стражникам, и они налегли на древко копья, заставляя Эльфрид упасть на колени. Этцель поднялся с трона и подошел к ней. Вытащив кинжал, он принялся по одному перерезать ремни, скреплявшие ее латы. Потом рывком сдернул нагрудные пластины и швырнул их прочь через всю комнату. За пластинами последовали поножи, кольчужный пояс и стеганая подкладка доспехов. Остался только узенький нательный поясок да набедренная повязка. Этцель подцепил поясок ладонью и натягивал его, пока он не лопнул. На белой коже остался багровый рубец. Этцель пнул женщину в спину, и она повалилась на пол. Теперь на ней не было ничего, кроме цепей и веревок.

— Вот так-то лучше! — удовлетворенно проворчал владыка Имирова Перевала. — Теперь ясно, каким образом ты свела с ума моего бедного Рорика. Смотри, народ мой!.. Женщина — вождь Крэгсфелла — всего лишь смазливая потаскуха, научившаяся колдовать!

Она лежала в неловкой позе, с прижатым к полу лицом. Но когда она заговорила, ее слова слышали все.

— И ты думаешь, что унизил меня? — сказала Эльфрид. — Ты сорвал с меня одежду, но я по-прежнему — вождь. А ты — опустившийся боров. Долго ли ты просидишь на своем троне, когда люди поймут, как ты поступаешь с высокородными?

— С высокородными!.. — взревел Этцель. — Ты считаешь, что у тебя в жилах благородная кровь? Сейчас посмотрим, что у тебя там на самом деле!..

Он поспешил к трону и вернулся с длинным бичом, хитроумно свитым из черных ремней. Быстрый взмах руки — и бич свистнул в воздухе, обрушиваясь на спину Эльфрид. Воительница судорожно дернулась, но не издала ни звука. Безумно взыв, Этцель полоснул ее еще дважды. Потом советники схватили своего повелителя за руки.

— Удержи свой державный гнев, о мой король! — прокричал один из них, прокричал намеренно громко, так, чтобы слышали все. — Пусть она умрет согласно обычаю и закону, и притом на глазах у собрания вождей!.. — Советник наклонился поближе и продолжал шепотом, предназначенным одному Этцелю: — Если ее убьет Царственный Бык, тебе ничто не грозит. А если ты заперешь ее насмерть, все соседи объединятся и уничтожат тебя...

Этцелю понадобилось несколько минут, чтобы окончательно успокоиться. Придворные с облегчением следили, как его лицо из синюшно-багрового вновь становилось, по обыкновению, болезненно-бледным.

— Хорошо! — проговорил он затем. — Пускай все будет так, как должно быть!.. — Этцель вновь окинул взглядом нагую окровавленную воительницу и ткнул беззащитное тело носком сапога: — Приковать ее у подножия трона! Буду греть ноги!.. А вы тем временем приготовьте загон для священного ритуала!

Отчаянная скачка продолжалась добрых полдня. Потом Конан и его люди наткнулись на небольшую кучку воинов, уныло и отрешенно сидевших возле дороги.

Киммериец сразу узнал их: это были те, кого он оставил караулить Крэгсфелл в свое отсутствие. Он натянул поводья и остановил коня. Он знал, что сейчас услышит скверные новости.

Так оно и случилось.

— Мы почти нагнали ее, — удрученно сказал один из бойцов. — Мы так гнали коней, что запалили половину... Мы уже видели госпожу, до нее оставалось не более стрелища, когда она налетела на отряд стражников Этцеля... Мы бросились на них, но у них были свежие кони, и они легко оставили нас позади... Что будет теперь с нашей предводительницей?

— Я лично ни за что не пойду служить старому козлу! — добавив крепкое ругательство, заявил юный воин, мальчик не более семнадцати лет от роду. — Лучше пускай меня объявят вне закона, и, клянусь, я не буду знать ни сна, ни покоя, пока не надену голову Этцеля на свой штандарт!

Остальные яростно поддержали его. Несмотря на весь ужас ситуации, Конан не выдержал и улыбнулся. Ему нравилось мужество отчаянных молодцов.

— Оставим это на потом, — сказал он. — Еще не все потеряно. Сначала попробуем выцарапать Эльфрид из застенка. Я уже лазил к Этцелю в крепость, и, скажу вам, ничего неприступного для приличного скалолаза там нет. Ну-ка, есть среди вас лесные следопыты, ползуны по скалам и охотники до вылазок с небольшой поножовщиной?

Вперед, широко улыбаясь, выступило несколько гибких парней. Перспектива решительных действий и, главное, возмездия живо извлекла их из пучины отчаяния.

— Двинемся вечером, — сказал им Конан. — Люди Этцеля будут сторожить дороги, но прочесывать лес у них мозгов не хватит. Отдохните пока. Давайте раскинем лагерь подальше от дороги и выставим стражу. Сегодня ночью мы идем пускать Этцелю кровь!

Подходящее место нашлось почти сразу, и Конан, покинув седло, растянулся на лесной травке. Он заснул почти мгновенно, чтобы проснуться, когда уже светила луна. Поднявшись, он прошел туда, где горел маленький бездымный

костер. Добровольцы уже собрались вокруг костерка и деловито мазали друг друга сажей. Конан последовал их примеру.

— Мечей не брать, — наставлял он своих молодцов. — Только кинжалы, ну, может, секиры с короткими рукоятками. Там, внутри, тесновато. Если нам понадобятся мечи, чтобы вырваться вон, что ж, снимем с мертвецов! — Он увидел, как расплылись в довольных улыбках лица: мысль о том, чтобы убивать шакалов Этцеля, поистине грела души бойцов. — Все готовы? — спросил он затем. Ребята ответили короткими кивками, и Конан сказал: — Тогда вперед!

Через лес они двигались быстро, но тихо. Хотя, по меркам Конана, наделенного острейшим слухом, юные воины все-таки безбожно шуршали травой. Киммериец, впрочем, сознавал, что большинство обычных людей не услышало бы ничего, даже стоя в трех шагах. Когда они добрались до крепости, луна стояла высоко. Наверху, на бастиионе, Конан заметил двоих стражников и тронул за плечо одного из охотников, того, что клялся нипочем не идти в услужение к Этцелю. Вдвоем они вытащили ножи и аккуратно взяли их в зубы. Потом осторожно поползли вверх.

Прошлый раз, залезая сюда, Конан старательно обходил стражников. Нынче придется их уничтожить, другого выхода не было. Он заметил, что они больше обшаривали глазами дальние подступы, но вниз, на подножие стен, почти не смотрели. Что ж, тем лучше. Конан с юношей прилипли к камням в каких-то пяти футах прямо под ними. Стражники тихо переговаривались. Потом прощаркали удаляющиеся шаги, и голоса стали стихать. Значит, стражники отправились на противоположный край крыши.

Двое лазутчиков тихо перебрались через парапет. Босые ноги не производили ни малейшего шума, ступая по деревянным кровельным доскам. Набедренные повязки, пояса и ножны кинжалов были устроены так, чтобы ни в коем случае не звякнуть, не стукнуть. Два призрака скользнули вперед — и стражники умерли. Две пары безжалостных рук запрокинули им головы и полоснули по горлу ножами.

Находясь как-никак внутри крепости, стражники считали себя в относительной безопасности: ни тот ни другой не стал обременять себя шлемом и латыным воротником. За что и заплатились собственной жизнью.

Наскоро вытерев окровавленный нож, Конан вернулся к краю крыши и подал знак остальным. Те незамедлительно присоединились к передовым. Двоим из них Конан велел переодеться в одежду и доспехи убитых и разбираться со стражничкой сменой, если таковая появится. Возможно, им еще придется удирать проторенным путем. Дорогу к отступлению следовало держать открытой.

Остальные направились в глубь крепости.

Конан двигался первым, осторожно, ощупью, прокладывая путь в темноте. В этот ночной час зажженные факелы оставались только в самых больших комнатах. Верхний этаж, по которому пробирались охотники, был разделен бревенчатыми стенами на несколько помещений; деревянные фермы поддерживали над ними общую кровлю. Ловкий человек, способный переползать по стропилам, мог попасть из комнаты в комнату, не спускаясь на пол.

Мужчины с вымазанными сажей лицами, точно стая крыс, двинулись в путь под потолком. Сперва они мало что видели под собой, только слышали храп. Потом Конан заметил впереди отсветы и догадался, что скоро откроется главный зал крепости. Он понял, что не ошибся, когда посмотрел вниз и увидел трон Этцеля. Рядом раздался придушенный вздох, и киммериец поспешно зажал рукой рот юному сообщнику...

Этцель сидел прямо под ними, водрузив ноги на окровавленную спину обнаженной Эльфрид. Ее руки и лодыжки были привязаны к бронзовым кольцам, вделанным в камень тронного возвышения, роскошные волосы, превратившиеся в безобразный колтун, почти скрывали лицо. Трудно было даже сказать, в сознании она или в беспамятстве. По крайней мере, она еще дышала. А вот девочки нигде не было видно.

Конан тщательно осмотрел комнату... У двери торчали два стражника. Из-за двери, которую они караулили, доносились голоса. Конан прислушался: снаружи околачивалось самое меньшее, еще пятеро. И вообще, там, похоже,

располагалась стражничья: только крики — прибегут десятка два головорезов. Внезапность, наверное, помогла бы справиться с превосходящим по численности врагом, но одна задача оставалась, похоже, невыполнимой.

Как успеть вытащить Эльфрид?..

Она, по всей видимости, здорово ослабела. Даже если они сумеют выдернуть ее из-под мечей, на крышу ее придется вытаскивать на руках. Уходить в этом случае пришлось бы с яростным боем. А значит, Эльфрид погибнет почти наверняка.

Как ни тяжело было Конану в этом признаться, он не видел возможности выручить Эльфрид, не подвергая ее при этом еще большей опасности...

Он тронул за плечо парня, лежавшего рядом с ним, и принялся потихоньку отползать обратно.

Они уже направлялись наружу, когда юноша, влезавший вместе с Конаном на стену, подобрался к ним по стропилу. Он отчаянно жестикулировал, призывая остальных последовать за собой. Все так же молча они двинулись следом и наконец увидели под собой маленький чулан.

Там сидели за столом двое мужчин, коротавших время при свече за осточертевшей игрой в кости. А в уголке, на охапке соломы, спала маленькая Эльфгива.

На черном от сажи лице Конана возникла ухмылка, больше похожая на хищный оскал. Он оглянулся и увидел на рожах остальных сходное выражение. Наконец-то бойцы могли хоть что-нибудь сделать!.. Они проползли еще немного вперед, оказавшись точно над головами игроков в кости...

Стражники так и не подняли голов. Они даже не успели увидеть смерть, неожиданно свалившуюся сверху. Конан упал на свою жертву, как бесшумная молния. Одной рукой сгреб воина за плечо, другой обхватил челюсть. И одним яростным рывком свернул стражнику голову. Двое воинов Эльфрид соскочили на пол рядом со вторым и до рукоятей всадили в него кинжалы.

Все было кончено в одно мгновение. Эльфгива даже не проснулась. Конан с бесконечной нежностью поднял ее, забрался на стол и передал в заботливые руки, уже тянувшиеся навстречу.

Охотники пробрались по стропилам и вылезли на крышу, которую продолжали «охранять» два их товарища. Спуск со стены оказался занятием посложнее подъема. Особенно если несешь ребенка, который, того гляди, проснется и устроит переполох. Однако все прошло гладко. Луна еще висела над горизонтом, освещая им путь. Маленький отряд благополучно достиг подножия стены и бегом поспешил через лес назад в свой лагерь.

Воины, беспокоившиеся за ушедших, невероятно обрадовались, узнав, что удалось выручить всеобщую любимицу. И уж вовсе никакими словами нельзя передать их ярость, когда все услышали, какому надругательству подверглась мать девочки. Конан отошел к ручейку и стал смывать с себя сажу. Душа у него так и кипела. Жуткая картина неотвязно стояла перед глазами: Эльфрид, нагая, истерзанная, вынужденная униженно валяться под ногами у старой скотины!..

И тогда он дал молчаливую клятву: если будет к тому хотя бы малейшая возможность, он все-таки вызовет Эльфрид. Если же нет, Этцель умрет. Страшной смертью. От его руки.

Ибо негодяй не имел права осквернять собой землю.

Сознание возвращалось к Эльфрид медленно и неохотно. Когда же наконец оно полностью прояснилось, молодая женщина вновь ощутила кругом себя мир, которым правила Боль. В запястья и лодыжки впивались веревки, натянутые так туго, что суставы, казалось, готовы были разойтись. Но хуже всего приходилось спине. От шеи и до самых ягодиц на нее словно бы проливалось расплавленное железо. Эльфрид лежала лицом вниз, прижатая к твердому камню, и щека покоилась в луже ее собственной крови. Каждый миг был для ее тела форменной пыткой, но эта пытка не шла ни в какое сравнение с душевными муками. Что эти стервецы учинили над ее маленькой дочерью? Может быть, уже убили, ибо она была им нужна только как приманка?..

Спина неожиданно взорвалась новым всплеском умопомрачительной боли, и Эльфрид поняла: скотина Этцель

действительно грел ноги. Вот он пошевелил ступнями, вмятая в тело носки сапог, и боль превзошла все мыслимые пределы. Эльфрид не закричала. Нет уж, такого удовольствия она ему не доставит. Однако по щекам все равно потекли слезы. Не от боли. От ярости.

— Ну что, Эльфрид, радость моя? Проснулась? — заворковал где-то над нею ненавистный голос. — Ну и чудесенько. Когда спишь, нельзя толком страдать... Так на чем бишь мы остановились? Мои приближенные, знаешь ли, не советуют мне больше баловаться с твоим телом. Ты должна быть все еще хорошенькой ко времени жертвоприношения. А не то другие вожди, чего доброго, решат, будто я скверно обращаюсь с благородными дамами. Это плохо, конечно. С другой стороны, ну не удивительно ли, сколько мучений можно причинить человеку, не оставив на коже никакого видимого следа! Берем, например, коровий рог со спиленным концом, вставляем его сама понимаешь куда, потом берем раскаленный железный прут и... Пытка что надо, а ущерба не видно, пока тело не вскроют!

Он говорил и говорил, с упоением расписывая бесконечные непристойности и непотребства, которые ее ожидали. Эльфрид плотно зажмурилась и только скрипела зубами. Она была истинной дочерью Севера, воспитанной на сказаниях о беспощадном возмездии. Но бредни свихнувшегося Этцеля поистине превосходили самые кровавые легенды, какие только ей приходилось слышать!..

Когда же Этцель перешел к описанию ужасов и паскудств, ожидавших маленькую Эльфгиву, — молодая женщина поняла, что вскоре сойдет с ума, и принялась молча звать к себе милосердную смерть.

...И вдруг голос безумца, перечислявшего пытки, прервался: снаружи, за дверь, начался какой-то переполох. Еще миг — и отчаянный взрыв боли вновь заслонил все окружающее: Этцель вскочил на ноги и бросился к выходу. Но потом последовало несколько мгновений относительного покоя... и ни с чем не сравнимое блаженство, ибо Эльфрид услышала бешеный крик своего врага:

— Как?.. Вы что, хотите мне сказать, что девчонка пропала? Что четверо моих стражников мертвы?.. Да как вы, говноеды, посмели этакое допустить?!..

Послышались безошибочно узнаваемые звуки пинков и затрещин. Потом Этцель ворвался обратно в тронный покой.

Эльфрид засмеялась. Засмеялась весело, от всей души, — прямо в лужу крови, натекающую под щекой.

— Спасибо тебе, Конан! — проговорила она. — Спасибо! Если бы я осталась жива, я бы сделала тебя королем. Но теперь, благодаря тебе, я по крайней мере умру счастливой, и плевать я хотела на пытки и боль!.. Спасибо тебе, Конан из Киммерии, за то, что спас мою дочь!..

Она снова расхохоталась. Счастье распирало ее, — счастье, равного которому она, пожалуй, еще не испытывала.

Потом кнут Этцеля обрушился на ее истерзанную спину, и мир снова потонул в багровом водовороте страдания...

Как только начало светать, Конан с воинами отправились по дороге, что вела к крепости Этцеля. Дорога оказалась необыкновенно оживлена, и все путники, как один, направлялись туда же, куда и отряд под водительством киммерийца. Конан поначалу даже решил — уж не люди ли Этцеля устраивают облаву на крэгсфелльцев? — но потом присмотрелся к символам на щитах и понял, что это ехали представители множества разных племен, в основном мелкие вожди с небольшими свитами. Конан со своими легко сошел за еще одну группку в череде многих таких же. Спустя некоторое время он направил коня к одному из всадников — вождю в доспехах отличной работы.

— Прости мое любопытство, но я здесь чужак, — обратился он к незнакомцу. — Почему столько блистательных предводителей едут куда-то, можно сказать, вместе?

Вождь с любопытством оглядел могучую фигуру киммерийца.

— Мы едем к нашему собрату-предводителю, Этцелю, — ответил он. — Этцель пригласил нас на великое жертвоприношение Царственному Быку. Хотя... чтоб мне сдохнуть, если я понимаю, с чего бы это ему приспичило. Для Великого Праздника вроде как еще рановато... А впрочем, его право. Он разослал приглашения, и вот мы едем.

Конан спросил с самым невинным видом:

— В чем же оно заключается, ваше жертвоприношение? Вождь передернул плечами.

— Обычно, — сказал он, — Царственному Быку подносят первые плоды нового урожая, но для этого опять-таки еще рановато. Иногда Ему предлагают отборный скот и коней... Лично я думаю, что старый Этцель окончательно свихнулся. Ничего удивительного! Последнее время он ведет себя, точно давно избранный король. Между тем едва ли не у всякого вождя из тех, кто едет по этой дороге, течет в жилах кровь получше, чем у него, а дружина — не меньше, если не больше!

Они миновали ряд высоких кольев, увенчанных черепами быков. Конан спросил вождя, что бы это значило.

— Это черепа Царственных Быков прошлого, — был ответ. — Мы въехали на освященную землю, отведенную для празднества. Внутри этих пределов никто не смеет поднять на другого оружие: подобное будет сочтено святотатством.

Весьма на руку Этцелю, сказал себе Конан. Если людям Эльфрид вздумается совершить отчаянную попытку отбить свою предводительницу, то прорываться пришлось бы с боем. А это навлекло бы на них не только гнев Богов, но и возмездие всех окрестных племен...

Необходимо было срочно придумать подходящий к случаю план. Между тем время стремительно истекало, и Конан отлично это понимал.

Он вполголоса обратился к двоим крэгсфелльцам, ехавшим рядом:

— Передайте всем остальным, чтобы рассеялись в толпе. Когда доберемся до жертвенной площадки, вместе не собираться. Мы не должны давать Этцелю мишени для удара. И еще: непременно держитесь на виду, на глазах у вождей. Насколько я понимаю, Этцель не посмеет открыто напасть, пока мы на священной земле. И пускай за лошадьми присматривают надежные люди: кони могут нам потребоваться в любое мгновение. Очень может быть, что придется удирать не попрощавшись...

Воины кивнули и подались назад, чтобы передать приказ остальным.

Крепость Этцеля уже показалась вдали, когда людская река свернула с большака на тропинку, что вела к роще гигантских деревьев. Едва ли не с каждой ветки свешивались соломенные чучела, стволы опоясывали разноцветные веревки. Посередине рощи обнаружился естественный амфитеатр. Кругом возвышались столбы с черепами быков, обращенными внутрь, к середине амфитеатра. В одном месте были видны врезанные в землю ворота, перекрытые деревянной створкой. А посередине арены красовался недавно вырубленный столб восьми футов высотой, с крепким бронзовым кольцом, приделанным близ макушки.

Пространство вокруг арены постепенно заполнялось. Люди негромко переговаривались: никто не мог взять в толк, что же, собственно, происходит. Многие указывали пальцами на столб: было очевидно, что привязывать к нему собирались не коня и не жертвенного быка. Конан прислушался к разговорам и сделал вывод, что человеческое жертвоприношение совершалось исключительно редко, разве что во времена голода или какого-нибудь стихийного бедствия. Однако прошлые годы выдались погожими и урожайными...

Киммериец пристально высматривал Этцеля, но ни старого вождя, ни кого-либо из его людей покамест не было видно. Конан, впрочем, не сомневался, что все они держались где-то поблизости. Небось рассеялись по ближнему лесу, готовясь отразить нападение воинов Эльфрид или пресечь их побег.

Звук охотничьего рога заставил варвара обернуться. Толпа спускалась по склонам амфитеатра, люди рассаживались на зеленой траве. Конан последовал их примеру и устроился как можно ближе к арене.

Было видно, что здесь потрудились не только природа, но и руки людей. Кто-то позаботился придать арене ровную овальную форму и углубить ее таким образом, что всюду вокруг получилась отвесная стена высотой футов в десять, выложенная камнем. Войти и выйти можно только через единственные ворота.

Или напрямик по стене...

Вдруг где-то вдали раздался ужасающий рев, мгновенно прекративший в толпе всякие разговоры. Конан прислу-

шался, и рев весьма ему не понравился. Если голос принадлежал быку, то этот бык отличался от обыкновенных, как, скажем, дракон от простого крокодила...

Возобновившиеся было разговоры снова прекратились сами собой: ворота распахнулись, и на арену вступил Этцель. Большинство вождей сидело с другой стороны, и ему пришлось миновать столб. Проходя мимо, он не удержался и любовно похлопал свежее дерево. Потом приблизился к противоположному концу арены, поднял голову и некоторое время молчал, наслаждаясь долгожданным мгновением.

— Три года назад, — наконец начал он гулким, раскатистым голосом, — я уже обращался к этому высокому собранию, предъявляя право мести за гнусное убийство и святотатство... Тогда я получил отказ. Моя обида — дело ничтожное, не стоило бы о ней и говорить, но оскорбления, нанесенного Царственному Быку, спустить я не мог! И вот я собрал вас всех сюда затем, чтобы на глазах у благородных вождей исправить причиненное зло...

Вожди, по-прежнему мало что понимая, принялись взызволнованно расспрашивать друг дружку. Этцель же повернулся к воротам:

— Приведите жертву!

Вновь заскрипела высокая створка, и в темном проеме возникла обнаженная женская фигурка. Женщину тянули вперед за веревку, надетую петлей на шею. Толпа зрителей сначала ошарашенно смолкла, потом разразилась бурей негодования: люди узнали Эльфрид. Стражник подвел ее к столбу, пропустил в кольцо конец веревки, связывавшей ее руки, и натянул так, что женщина была вынуждена подняться на цыпочки. Потом притянул ее ноги к столбу...

Вождь, с которым дорогой разговаривал Конан, вскочил на ноги и яростно ткнул в Этцеля пальцем:

— Объясни нам свое поведение, Этцель! Как смеешь ты подобным образом обходиться с женщиной благородного рода? Во имя Имира!.. Если ты не сумеешь доказать нам, что прав, то, клянусь, как только мы выйдем за пределы священной земли, твоя голова окажется у меня при седле!

Толпа вооруженных мужчин одобрительно зарычала: очень многие здесь разделяли чувства вождя.

— Вот именно! — прозвучал чей-то голос. — Если ты уж так помешался на мести за сына, кто запрещал тебе дать ей открытый бой? Ведь три года прошло! Но даже если бы ты и разбил ее в битве, честь обязывала бы тебя подарить ей быструю и достойную смерть! То, что ты творишь, есть попрание наших обычаев!

Этцель поднял обе руки ладонями к зрителям, призывая к тишине.

— Я забочусь не о своей мести, хотя она тоже достойна и справедлива, — сказал он, — но о защите чести земного воплощения нашего Прародителя — Царственного Быка... — Защитники Эльфрид понемногу замолкали и усаживались: всем хотелось услышать, что он скажет в свое оправдание. И Этцель продолжал: — Хотя Эльфрид в момент своего пленения, увы, несколько пострадала, клянусь, ни я, ни кто-либо из моих людей даже пальцем не пошевелим, чтобы лишить ее жизни. Она будет принесена в жертву Царственному Быку. Но ее сердце не будет пронзено, и древнее каменное лезвие не вспорот ей горло...

Этцелю удалось завладеть вниманием толпы: теперь его слушали не перебивая.

— Скажу вам даже больше, — продолжал он. — Царственный Бык сам совершит все необходимое. Он войдет сюда через эти ворота... — повернувшись, Этцель театральным жестом указал на деревянную створку, — ...и пронзит священными рогами мерзкую ведьму, свершая справедливость Богов!

Теперь его палец указывал на Эльфрид. Та беспомощно висела в своих путах, стараясь держать голову как можно выше. Рот у нее был плотно заткнут.

Поднялся и взял слово еще один вождь. Нашечные пластины серебряного с золотом шлема обрамляли суровое, с резкими чертами лицо. Он сказал:

— Пусть у нее вынут изо рта кляп и дадут говорить! Она предводительница и имеет право высказаться в свою защиту!

— Ни в коем случае, господа мои! — закричал Этцель. — Это могущественная колдунья! Если позволить ей говорить, она отведет вам глаза и затуманит разум!

Раздались одобрительные голоса: кое-кто был согласен, что Этцель говорит дело.

— Но ведь Царственный Бык обитает глубоко в чаще лесов, — снова заговорил первый вождь. — Он появляется здесь только во время Великого Праздника. С чего ты взял, Этцель, будто Он сейчас пожалует сюда и совершит то, что ты нам предсказываешь?

— Он уже идет, — отвечивал Этцель. — Разве ты не слышал, как только что из лесу доносился Его могучий рев? Царственный Бык прослышал о том, что я привел сюда ведьму, и спешит с нею покончить! — И, как бы в подтверждение этих слов, чудовищный рев прозвучал вновь, на сей раз много ближе прежнего. — Слышите? Царственный Бык грядет совершить правую месть за причиненное Ему зло!.. За осквернение священного Праздника!.. Он идет совершить Свою волю, — ибо кто из смертных мог хотя бы помыслить о том, чтобы гнать и побуждать Его, как если бы Он был обыкновенным животным?..

Кое-кто из вождей собрался вместе обменяться мнениями. Потом тот, что был в серебряном шлеме, подошел к краю арены.

— Что ж, хорошо, Этцель, — сказал он. — Пусть решает Царственный Бык. В конце концов, зачем Ему бросаться на неповинную женщину? До сих пор он склонен был наказывать только мужчин, тревоживших Его коров. Но, во имя обледенелой бороды Имира! Если Он простоят хоть десяток мгновений, не набросившись на Эльфрид, — ты сегодня умрешь!

— А я большего и не прошу, благородные господа мои, — сказал Этцель. — Все, что мне нужно, — это дать возможность долгожданной справедливости наконец состояться!

Этого Конан стерпеть уже не мог. Он поднялся во весь свой исполинский рост и раскинул руки, призывая ко вниманию.

— Достойные вожди и вы, храбрые витязи! — прогремел его голос. — Этот человек — лжец и бессовестный трус! Он хочет расправиться с беспомощной женщиной у вас на глазах, а вину за убийство свалить на священного

зверя! Это заговор, мерзостный предательский заговор! Не позволяйте Этцелю обмануть вас!

— Он сам лжец!.. — закричал Этцель, и голос его сорвался на визг, а на губах выступила пена. — Неужели вы прислушаетесь к словам презренного чужеземца?..

Вождь в серебряном шлеме повернулся к Конану.

— Кто ты такой, — спросил он, — что отваживаешься говорить на собрании предводителей?

— Я — Конан из Киммерии, — раздалось в ответ. — Я — защитник госпожи Эльфрид. Она избрала меня своим рыцарем!

Эльфрид повернула голову: знакомый голос достиг ее слуха. Их глаза встретились, и Конан увидел, как сквозь стоическую маску готовности к смерти пробился робкий проблеск надежды.

— Ты в любом случае опоздал ее выручать, — сказал вождь. — Мы уже посоветовались и приняли решение доверить Царственному Быку ее судьбу... или судьбу Этцеля.

— Я готов биться с вашим Царственным Быком! — бросил свой вызов киммериец. — Я утверждаю, что старый подонок нанял боссонских пастухов, и они приучили Быка бросаться на женщин! Я тоже многого не прошу: позвольте мне ее защитить!

Ледяной взгляд вождя обратился на Этцеля.

— Правду ли говорит чужеземец?

— Это ложь! Это ложь, которую внушила ему ведьма! Неужели вы поверите слову чужестранца против слова предводителя одной с вами крови?..

— Я так поверил бы, если речь идет о предводителе вроде тебя, — сказал вождь. — Однако наше решение уже принято. — И он повернулся к Конану: — Как бы то ни было, юноша, тебе следует знать: смертному человеку запрещено поднимать оружие на Царственного Быка.

— Тогда, во имя Крома, я выйду против него безоружным! — прокричал Конан. — И если вам охота убить меня за это — валяйте! Потому что я спущусь на арену прямо сейчас!

Этцель услышал дружный крик зрителей, в котором звучало неприкрытое восхищение, и понял, что следовало срочно менять тактику.

— Господа мои, — сказал он, — я рад буду посмотреть, как этот недоумок повиснет на рогах у Царственного Быка. Да и может ли кончиться по-иному, если мы с вами взываем к Правде Богов? Что ж, пусть черноволосый ублюдок попытает силенку, состязаясь с величайшим зверем северных дебрей...

Он круто повернулся и зашагал к воротам, приостановившись только затем, чтобы еще один раз, последний, плюнуть на неподвижную Эльфрид. Потом молодая женщина осталась на арене одна. И опять прозвучал рев чудища. Похоже, Бык находился всего в нескольких шагах от входа...

Конан отстегнул меч и кинжал и бросил их в руки одному из воинов Эльфрид, стоявших поблизости. Потом скинул сапоги, чтобы ненароком не поскользнуться, и, торопясь, содрал через голову рубаху. Оставшись в одной набедренной повязке, он вскочил на гребень стены, отгораживавшей арену. По толпе зрителей вновь прошел вздох восхищения, и немудрено: вся фигура киммерийца, украшенная множеством шрамов, казалась выкованной из гибкой пружинистой стали.

Вождь в серебряном шлеме подошел к нему.

— Я желаю тебе добра, юноша, и восхищаюсь твоим дерзким мужеством, — сказал он Конану. — Но ты ничего не добьешься, только умрешь вместе со своей госпожой. Ни один человек еще не оставался в живых, выйдя на Царственного Быка без оружия. Даже когда Бык достигает старости и Его ловят для жертвоприношения, дело не обходится без смертей...

— Что ж, — сказал Конан, — если это и есть смерть, которая мне суждена, да будет так. Все лучше, чем смотреть, как унижают и мучают благородную женщину и некому ее защитить!

Вождь по-воински отсалютовал ему и вернулся на свое место. Конан еще постоял, балансируя, на краю стены, потом мягко прыгнул вниз. Он приземлился у подножия десятифутовой стены, как кот: другие люди с такой легкостью соскакивают с невысокого порожка. Провожаемый одобрительными криками, Конан вышел на середину арены.

Остановившись возле Эльфрид, он ласково и осторожно вытащил кляп, болезненно распиравший ей рот. Несмотря на мучительные страдания плоти, молодая женщина ответила ему теплой улыбкой.

— Когда я узнала, что ты выручил мою девочку, я думала, что испытываю к тебе благодарность, выше которой уже и придумать ничего невозможно, — сказала она. — Но теперь... Ни у одной женщины еще не бывало подобного рыцаря. И я жалею, Конан, что ты решился на это. Бык убьет нас обоих...

— Не печалилась бы ты заранее, Эльфрид, — сказал киммериец. — Сколько я дрался и с людьми, и со зверями, и ничего, жив пока. И мне почему-то сдается, что я еще не все дела на этом свете переделал. Ну, где там эта зверюга? Посмотрим наконец, кто сильнее!

— Тогда поцелуй меня, Конан, — прошептала она. — Сил у меня нынче маловато, но я хочу поделиться с тобой хотя бы немногим...

Конан взял ее лицо в ладони и с яростной нежностью поцеловал измученные губы. И ему показалось, будто сила в его теле, самое меньшее, удвоилась. Потом он отвернулся от Эльфрид и устоял на воротах, скрестив на груди могучие руки. Он был готов биться. Все равно с кем. Со зверем, с человеком, с демоном! Он не отдаст им Эльфрид. И все тут.

И вот снова раздался невообразимый рев, и все пространство ворот наполнила собой жуткая тень!

Конан прищурился, впиваясь глазами в сумрак. Животное выглядело сверхъестественным. Поистине, ни один бык из плоти и крови просто НЕ МОГ уродиться настолько громадным!..

Зверь рысцой выбежал на солнечный свет, и было бы величайшей неправдой сказать, что у Конана не дрогнула душа и не убавилось уверенности в успехе затеянного дела. Царственный Бык вовсе не был обыкновенной домашней скотиной. Его смешно было сравнивать даже со свирепыми быками, которых выращивали в Зингаре специально для бычьих боев на арене. Это был великолепный самец из породы диких лесных быков, прародителей домашнего скота, изредка встречавшихся на Севере. Однажды Конан

голыми руками управился с диким киммерийским быком. Наверное, это был родственник Царственного Быка, но родственник младший. Тот киммерийский уроженец достигал в холке футов этак пяти. В Царственном Быке наверняка были все семь...

Какое-то время зверь медлил, поводя налитыми кровью глазами и, видно, соображая, куда же он попал. Он низко пригibal могучую голову, а на загривке виднелся монументальный горб мышц, выглядевших каменно-твердыми. Под лоснящейся шкурой так и перекатывались литые бугры. Бык был полон могучей, первобытной жизненной силы. Его голова была головой настоящего чудовища. Между глазами улеглась бы рука взрослого мужчины от пальцев до локтя. С нижней челюсти свешивалась косматая «борода». И надо всем возносились ужасающие рога. Они сверкали, как полированная слоновая кость, и вились сложным изгибом, точно немедийский боевой лук. Кинжально-острые концы разделяло полных пять футов...

Конан, что было для него весьма характерно, даже в столь отчаянной ситуации исполнился невольного восхищения при виде прекрасного, величественного животного. Он видел, что шелковистую черную шкуру украшало множество шрамов, заработанных в схватках за пастбища, за коров, за право называться Божественным Зверем. «Если у зверей вправду есть свой Бог, — подумалось киммерийцу, — то вот Он здесь предо мной во плоти...»

Наконец Бык заметил Конана и Эльфрид, и его ноздри раздулись. Раздалось громоподобное фыркание. Пригнув голову, зверь принялся рыть землю передней ногой. Полетели комья травы и выдранных корешков. Они сыпались во все стороны, взлетали высоко вверх и падали на спину Быку.

Тяжелая голова вновь приподнялась. Бык двинулся с места и пошел вперед, обходя людей по широкой — футов пятьдесят — дуге и поглядывая на них одним глазом. Потом он повернулся и зашел с другой стороны, вглядываясь другим глазом. Конан сообразил: глаза у Быка были так широко расставлены, что приходилось смотреть ими по очереди, соображая, что же это за такие двуногие существа там, впереди. Пока Бык кружился, Конан опустил руки и

тихонько двигался боком, все время оставаясь между зверем и Эльфрид.

...Повисла тишина, мертвая тишина. Люди понимали, что у них на глазах творилась легенда. Герой вышел сражаться с чудовищем, и ставкой служила жизнь прекрасной и смелой женщины. Королевы. Барды, сидевшие среди зрителей, уже складывали стихи. И только один человек был вне себя от бессильного негодования. Этцель жевал усы, не находя себе места. Царственному Быку давно пора было бы запустить страшные рога в тело ненавистной Эльфрид и разодрать его в кровавые клочья. Киммерийский наемник уже порядком испортил Этцелю удовольствие и заставлял еще больше мучиться ожиданием...

И вот Бык перестал кружиться и повернулся прямо к двоим обреченным. Вновь пригнув голову, он опять начал рыть землю копытом, на сей раз еще яростней. Комья улетали на много локтей назад. Зверь напрягся, готовясь напасть. А потом рванулся вперед, словно черный камень, запущенный из катапульты...

Инстинкт самосохранения властно приказывал Конану отскочить, но это значило бы оставить беззащитную Эльфрид на растерзание. Бык летел на него с неправдоподобной скоростью, и киммериец знал: настал миг предельной опасности. Не зря он провел детство на пастбищах своей родины. Он знал повадки быков. Каждый бык бьет сперва одним рогом, всегда одним и тем же. С какой стороны следовало ждать удара? Слева или справа?.. Ошибиться, отскочив не в ту сторону, — верная смерть...

Потом его коснулось жаркое дыхание животного, и правый рог быстрее всякой стрелы понесся варвару в бок. Конан извернулся, крутанувшись на пальцах левой ноги, и оказался как раз между рогами. Широкий лоб с невероятной силой врезался ему в живот, но Конан успел нагнуться как можно дальше вперед и обхватить руками шею в самом узком месте, сразу за головой. Он сдавил шею Быка, надеясь нарушить Его дыхание. Бык возмущенно взревел и затряс головой, пытаясь сбросить немыслимо наглое существо, которое сперва лишило Его возможности видеть, а теперь еще и душило!

Зверь уперся передними ногами и попытался расплющить человечешку о землю, но не сумел: размах гигантских рогов давал Конану достаточно места. Бык не мог вплотную прижаться лбом к земле. Тогда последовал мощный рывок: напрягая шейные мышцы, Бык вскинул голову вверх.

Руки Конана соскользнули. Он пролетел по воздуху, дважды перевернувшись на лету, и наконец грохнулся прямо на спину. Падение вышло жестоким и наполовину оглушило киммерийца, но он не дал себе ни единого мгновения передышки. Изогнув спину и дернув ногами, он сразу вскочил. Зрители встретили его приветственным криком: многие успели решить, что храбрец расшибся насмерть. Конан же, к величайшему своему облегчению, увидел, что и Бык обернулся посмотреть, что случилось с соперником. Значит, он добился чего хотел. Отвлек Его внимание от привязанной Эльфрид...

Бык рассмотрел вскочившего Конана и развернулся ему навстречу. Вновь опустилась голова, нацелились ужасающие рога. К неопишущему изумлению всех смотревших, киммериец даже не попытался увернуться. Он принял стойку: левая нога впереди, правая далеко сзади, левая рука вытянута вперед, так что пальцы смотрели Быку как раз в середину лба. Правая рука, свернутая в огромный узловатый кулак, замерла на уровне уха... Конан стоял неподвижно, как статуя, и ждал нападения.

И вновь Бык чуть подался назад, взрыл землю копытами... и рванулся вперед со стремительностью, которой трудно было ожидать от столь крупного зверя. Но кулак Конана метнулся вперед прежде, чем излюбленный правый рог пошел по смертоносной дуге. Метнулся настолько быстро, что глаз не мог уследить за движением. Зрители только услышали звук, как будто топор воткнулся в твердое дерево. А Бык почему-то остановился, слегка дрожа. Вновь взлетел кулак киммерийца и врезался в мускулистую шею у основания черепа. Колени Быка подогнулись, и Он... завалился наземь!

Когда-то давно Конан заработал себе множество кружек пива, удивля товарищей по воинской службе этим двойным ударом. Бывало, приводили на забой волов, и Конан бился об заклад, утверждая, что прошибет животному череп

и сломает шею еще прежде, чем оно упадет, и все это одним кулаком. Да. Обыкновенный бык уж точно никогда не поднялся бы. Царственный Бык встал и яростно мотнул головой. У Конана едва хватило проворства уйти от острого конца рога, но ему показалось, будто егохватила поперек тела великанская булава. Он отлетел назад шагов на двадцать, каким-то образом умудрившись устоять на ногах. Он знал: падать ему ни в коем случае нельзя.

Бык продолжал мотать головой. Похоже, после двух невероятных ударов перед глазами у него плавал туман. Конан, таким образом, успел хоть как-то отдышаться и сообразить, что делать дальше. Восторг зрителей невозможно было передать никакими словами. Эльфрид зачарованно следила за своим рыцарем, разрываясь от гордости и страха. Конан, ее защитник, пережил уже две сшибки с Царственным Быком. И выстоял. Выстоял!.. Несмотря на то что оба раза получил удары, которые для большинства обычных людей оказались бы смертельными. А он по-прежнему на ногах и готовился снова совершить чудо...

Что касается Этцеля, к его бессильному нетерпению начало примешиваться некоторое сомнение. Почему этот человек до сих пор жив?.. Неужели его удары в самом деле причинили Быку какой-то ущерб?.. Нет, нет, никогда! Ни один человек в мире не может быть **НАСТОЛЬКО** силен!..

Этцель заставил себя успокоиться и сесть. В следующей сшибке киммериец уже точно погибнет. А потом настанет черед ненавистной Эльфрид. Это стоило того, чтобы подождать еще немного.

...Конан внимательно наблюдал за Быком, и Тот, утратив первоначальную самоуверенность, смотрел на него не без некоторой опаски. Но вот наконец Бык приступил к ритуальному взрыванию земли. Потом устремился вперед.

А Конан... повернулся и побежал!

Зрители застонали. Итак, мужество киммерийца дало-таки трещину. Все же он оказался простым смертным, таким же, как и они сами. Он бежал, пока не уперся в стену. Тогда он повернулся к Быку, раскидывая руки и

словно бы стараясь вжаться спиной в неподатливый камень. Он тарашил глаза и казался воплощением смертельного страха...

Этцель хрипло захохотал во все горло:

— Смотрите, смотрите! Трус удирает, как побитая собака!.. Ну, теперь уже скоро...

Вождь в серебряном шлеме повернулся к нему и наградил его презрительным взглядом. Таким же беспредельным презрением дышал и его голос.

— Покажи мне того, кто отважится сойтись с Царственным Быком хотя бы однажды, про два раза я уже и вовсе молчу. Что до меня, думаю, мне и одного раза хватило бы по уши, чтобы струсить! Ну так что с того, если у парня кишка тонка оказалась на третий раз?.. Не смей говорить мне о трусости или мужестве, ты!.. Мерзкий нидинг, вот кто ты такой есть!

Худшего словесного оскорбления, чем «нидинг», на Севере еще не придумали. Это значило — «достойный всяческого поношения». Этцель, однако, был вынужден проглотить свою желчь и смолчать. Всякому возмездие свое время. Сперва он увидит смерть Эльфрид. Потом уже станет разбираться с соперниками...

Эльфрид испытала всю бездну отчаяния, увидев, что ее защитник обратился в бегство. Когда же страшные рога мелькнули совсем близко от его тела, она крепко зажмурилась...

Царственный Бык почти достал киммерийца. **ПОЧТИ**. Конан начал двигаться в последний миг, когда рога должны были вот-вот коснуться его. Правый рог готов был выпустить ему кишки, когда Конан взлетел на цыпочки и крутанулся. Смертоносное острие просвистело менее чем в дюйме от его плоти. И... врезалось в камень! Послышался треск. Так трещит лук, когда ломается от слишком сильного натяжения. Царственный Бык, пошатываясь, отступил прочь от стены. Три дюйма Его правого рога были начисто отломаны.

Конан осторожно пятился к середине арены, держась к зверю лицом. Арена надрывалась рукоплесканиями и приветственным ревом: зрители наконец-то поняли хитрость, предпринятую киммерийцем, и рискованный, невероятно

точный расчет, спасший ему жизнь. Услышав крики восторга, Эльфрид отважилась открыть глаза и исполнилась радости. Конан все еще жив, и события, похоже, развивались по его воле. Если бы она была в состоянии двигаться, она бы, наверное, рухнула наземь и разрыдалась от величайшего облегчения...

Бык между тем зарысился по направлению к Конану. Было видно, что ноги у Него слегка дрожали, а движения утратили былую уверенную мощь. В жизни своей Царственный Бык не знал поражений... какое там! — даже сколько-нибудь длительного сопротивления! Убогое сознание зверя просто не могло осмыслить, каким образом ничтожное крохотное создание умудрялось причинить ему столько боли и беспокойства!..

На сей раз Конан не стал дожидаться атаки. Он сам побежал навстречу Быку — побежал легким пружинистым шагом. Зрители ахнули и затаили дыхание. У них уже не было сил изумляться. А вот Бык ошарашенно остановился. Конан дотянулся и ухватил Его за рога. Зверь инстинктивно рванул головой, и киммериец, оперевшись босой ногой о Его лоб, взлетел в воздух. Свернувшись в тугой клубок, он трижды перевернулся и приземлился на ноги как раз напротив Эльфрид.

— Ну что? Я еще жив... — сказал он ей. — А ты как?

— И я жива, — ответила она благодарно. — Чего доброго, еще доживем до заката?..

— Может быть, — усмехнулся Конан. — Хотя об zakład биться не советую...

Вновь повернувшись, он пошел навстречу Быку. Пора было кончать. Бык явно слабел, но и ему, Конану, тоже пришлось нелегко. Любая ошибка могла стать последней. Конан остановился и принялся ждать...

Животное, казалось, сделало те же самые выводы. Царственный Бык с трудом дышал, Его бока тяжело вздымались и опадали. Он как будто собирался с силами для решающей схватки. Вот Он зафыркал, взрыл землю копытом... Потом понесся вперед. Прямо на малюсенького и такого хрупкого с виду человека.

И вот столкнулись!.. И было ясно, что на сей раз живым уйдет лишь один из двоих.

Конан вновь увернулся от яростного удара правого рога, но отклоняться так далеко, как прежде, не стал. Он знал, что кончиков собственных рогов бык видеть не может. Хотя и со всей уверенностью знает, где они находятся: он ведь беспрестанно поддевает ими землю, деревья и вообще что попадется. Вот и Царственный Бык, нанося этот удар, руководствовался опытом бывших схваток. Он успел позабыть, что Его правый рог укоротился на целых три дюйма, и потому промахнулся. Поняв промах, Бык нацелился левым рогом... Но миг промедления дал Конану шанс, на который он и рассчитывал. Подобравшись вплотную, киммериец железной хваткой стиснул оба рога и крепче уперся в землю ногами...

И вновь над амфитеатром повисло гробовое молчание. Все поняли, что невероятная схватка достигла решающей стадии. Царственный Бык вспахал копытами землю и начал давить вперед, стараясь прижать Конана к стене. Случай направил Его как раз в ту сторону, где расположилось большинство вождей. Ноги Конана оставляли двойную борозду в дерне: Быку приходилось брать с боем каждый дюйм выигранного расстояния. Животное дышало все тяжелее, из пасти вывалился язык. Зверь рвался прижать человека и расплющить его о камень, как муху...

Конан остановил Царственного Быка в двух шагах от стены.

Несколько бесконечно долгих мгновений они стояли замерев, точно бронзовое изваяние. Конан широко раскинул руки, вцепившись в блестящие рога, под кожей отчетливо обрисовались до предела напряженные мышцы, кости и сухожилия готовы были затрещать от сверхчеловеческого усилия. Пот лил с него ручьями: он выкладывался так, как не выкладывался, кажется, еще ни один смертный мужчина. И вот... медленно... медленно... неотвратно... голова Царственного Быка начала поворачиваться!!!

Левая рука Конана упрямо поднимала один рог, правая пригибала второй к земле. Исполинская голова все больше и больше, дюйм за дюймом, но поворачивалась!

Рога Быка стояли уже почти вертикально, казалось невероятным, чтобы человек либо зверь оказались способны

сделать еще хоть какое-то усилие. Предел был достигнут; что-то должно было сломаться.

И сломалось.

Раздался едва различимый хруст, и Конан выпустил рога Царственного Быка, отступая назад. Гигантская черная туша безжизненно поникла наземь: шея зверя была сломана. Один глаз Быка какое-то время еще вращался в глазнице, потом смерть помutilа его... Последнее дыхание зверя вырвалось долгим вздохом...

Все! На земле распласталось мертвое тело.

Конан качался от изнеможения. Он не слышал бешеных рукоплесканий и восторженных криков. Он все еще смотрел на гигантского быка, павшего от его руки. Потом... невнятный вопль, в котором не было ничего человеческого, заставил его вскинуть глаза. Это кричал Этцель. Он указывал пальцем на киммерийца и изрыгал проклятия, столь нечленораздельные, что никто не мог их понять.

Бешеная ярость перекосила лицо победителя. Где-то глубоко внутри все-таки отыскался последний кладезь скрытой энергии. Тигриным прыжком Конан одолел все десять футов стены и оказался на травянистом склоне, занятом зрителями. Могучая рука выстрелила вперед и вцепилась Этцелю в глотку. Глаза полубезумного старого вождя полезли из орбит: он понял, что сам призвал к себе смерть.

— Да провались ты в Преисподнюю, гнусный истязатель женщин и детей!.. — взревел Конан. — Именем Крома называю тебя мерзостным нидингом!.. — Подхватив толстяка за пояс, он вскинул его над головой. Этцель бился и отчаянно кричал, но никто не посмел остановить Конана, шагнувшего на самый край арены. — И пусть до века гложут тебя демоны еще и за то, что ты заставил меня убить благородного зверя!..

Он сопроводил это последнее проклятие мощным усилием рук. Визжа и извиваясь, Этцель пролетел по воздуху... и угодил как раз на воздетый рог Царственного Быка!

С тошнотворным звуком рог пробил спину и вышел наружу, проломив грудную кость. Этцель увидел добрый фуг окровавленного рога, торчавшего у него из груди, и открыл рот, чтобы закричать. Но вместо крика изо рта

жутким фонтаном ударила кровь. Толчки крови делались все слабее и наконец прекратились совсем...

Конан прыгнул на арену следом за своей жертвой, но на сей раз колени у него подогнулись, и он тяжело свалился наземь. Как ни велика была его сила, даже она оказалась вычерпана до дна. Ничего! За ним, безумно крича от восторга, на арену посыпались зрители. Они живо изготовили носилки из копий и щитов и сообща взвалили на них Конана. Потом подняли носилки на плечи. Воины Эльфрид уже перерезали ее путы и заботливо укладывали свою предводительницу на такое же импровизированное ложе. Подбежавший вождь кутал обнаженное тело роскошным плащом...

— Несите обоих сюда! — кричал другой предводитель, тот, с которым Конан разговаривал по дороге. Носилки поднесли к стене арены, и вождь устался на них сверху в глубокой задумчивости. — Великое дело совершилось сегодня, — сказал он затем. — И, чтоб мне сдохнуть, если я с ходу возьмусь разобраться, что это было такое! То ли героическое деяние, то ли ужасное святотатство! Убит Царственный Бык. Убит один из вождей. Внутри священных пределов пролилась кровь... Как станем судить о случившемся, братья вожди?..

— А что скажет Атрик Законоговоритель? — спросил тот, что носил серебряный шлем.

На ноги поднялся седобородый старик и подошел к краю арены. Он посмотрел вниз, на лежащих мужчину и женщину, на труп Этцеля, на тело Царственного Быка. Закрыв глаза, старик некоторое время стоял в глубоком раздумье. Толпа почтительно помалкивала. И вот наконец старец открыл глаза.

— Вот вам мое слово, — проговорил он неторопливо. — Этцель — это злая сила, стоявшая за сегодняшними событиями. Жажда мести довела его до безумия и заставила схватить ни в чем не повинную Эльфрид, чтобы попытаться предать ее смерти. А чтобы отвести от себя все подозрения, он пошел даже на то, чтобы принудить Самого Царственного Быка служить своей низменной цели. Это прогневало Богов, и Боги предначертали Царственному Быку безвременную кончину, ибо Он был осквернен вмешательством

нечистого человека. Посему Они направили сюда этого могучего рыцаря, дабы он лишил Царственного Быка жизни единственно законным способом: одной силой своих рук, без оружия. Таким образом, чужестранный рыцарь трижды явился орудием Высшего Правосудия. Во-первых, он завершил земной век оскверненного Царственного Быка. Во-вторых, избавил от смерти несправедливо осужденную Эльфрид. И в-третьих, наказал злонамеренного Этцеля. При этом Боги вознаградили и Царственного Быка. За святотатственное обращение и безвременную кончину они дали Ему уже после смерти пронзить Своим рогом источник всех зол — ничтожного Этцеля!.. А что касается этих двоих честных и справедливых людей, да не посмеет никто применить к ним насилия или даже покуситься на оное. Я сказал!

Воины Крэгсфелла, не в силах прийти в себя от сумасшедшего восторга, понесли свою предводительницу и ее рыцаря прочь с арены — скорее домой, в свою крепость, под защиту надежных стен!..

Конан был едва ли наполовину в сознании. И воины, что несли его носилки, слышали, как он в полубреду боротал нечто загадочное.

— Чтоб тебе пусто было, кхитаеза... — повторял киммериец. — Тебе и твоим Богам со всеми Их игральными досками...

Как следует Конан очнулся уже в Крэгсфелле, на знакомой постели. И обнаружил, что не в состоянии пошевелиться. Он чувствовал себя как человек, ненароком угодивший в мельничные жернова и часок в них покрутившийся. Полежав пластом некоторое время, он попробовал приподнять голову: шейные мышцы закрипели от непомерного усилия и мгновенно налились болью. Кое-как осмотрев себя, киммериец убедился, что сделался похож на иссиня-черного кушита: все его тело, от пяток до ключиц, было одним сплошным синяком. Уронив голову обратно на подушку, Конан стал вспоминать великие сражения, в которых ему довелось побывать и остаться в живых. Кажется ни одно из них не потребовало такой предельной

отдачи сил, мужества и ума, как схватка с Царственным Быком...

Потом вошла женщина и принялась кормить его бульоном. Еще какое-то время спустя ему захотелось съесть что-нибудь посущественней. Он спросил, как там Эльфрид. Женщина рассказала, что предводительница крепко спит и, похоже, до вечера вряд ли проснется.

— А девочка?.. — спросил киммериец.

— Играет в куклы, как будто ничего не случилось! — ответила женщина. — Славен будь Имир! Малышка толком и не уразумела, что происходило. Она ведь благополучно проспала все те смертоубийства, которые вы с ребятами ради нее учинили. Ей точно приснился плохой сон, а детские сны, сам знаешь, поутру рассеиваются без следа. И потом, в ее жилах течет кровь воинов! Такого ребенка не очень-то запугаешь!..

На другой день Конан кое-как сполз с постели и погулял немного по спальне. Вечером он даже выбрался в большой зал и сел за стол, на свое место. Крэгсфеллы только головами качали, увидев, как скоро он поднялся на ноги. Он навестил Эльфрид; молодая предводительница была едва в состоянии разговаривать, сидя на ложе.

Дня через четыре киммериец взгромоздился на лошадь, совершил прогулку в пару миль и понял, что скоро будет совершенно здоров. Тогда он стал все чаще посматривать на север. Он ведь собирался примерно в это время быть уже в Киммерии. По его расчетам, недалек самый крайний срок, когда, выехав отсюда, он еще поспевал вовремя прибыть на склоны Бен Мора...

Накануне того дня, что он наметил себе для отъезда, Конан пораньше завалился под одеяло. Он плотно поужинал, а вот выпил необычно мало. Он уже собирался задуть свечу, когда в дверь комнаты заскреблась чья-то рука.

Дверь отворилась, и вошла Эльфрид. Конан отметил про себя, что ее походке еще предстояло обрести прежнюю легкость.

На ней было платье из зеленого шелка, купленное у заморийского торговца. Эльфрид подошла к постели и остановилась подле Конана, глядя на него сверху вниз.

Она не стала тратить времени попусту и сразу заговорила о деле.

— Не уезжай, Конан, — сказала она. — Оставайся со мной. Я сделаю тебя королем... Стань мне мужем, и мы родим детей, каких еще не видали в Северных Странах. Сильных, умных, красивых... Я, кажется, говорила тебе, что ни разу не желала мужчины с тех самых пор, как погиб мой Ральф... Но тебе я готова служить весь остаток своих дней...

Конан при всем желании не мог ответить на ее щедрость такой же щедростью. Он только мог, по крайней мере, не мучить ее понапрасну.

— Нет, Эльфрид, я не могу остаться с тобой, — сказал он честно. — На рассвете я должен быть уже в пути. Я поклялся священной клятвой исполнить одно поручение и не могу отказаться. Ты теперь сама знаешь, уважаю ли я данное мною слово. Дни становятся коротки... Завтра я должен уехать, иначе не выполню клятвы...

В голосе Эльфрид прозвенело отчаяние:

— А когда ты исполнишь... это свое поручение... ты и тогда не сможешь вернуться ко мне?

— Не смогу, — ответил киммериец. — Я вырос скитальцем. И не найду успокоения, пока не совершу всего, что мне судьбой предназначено. Мои скитания завершатся не здесь, я это нутром чувствую. Уж я-то узнаю свою судьбу, когда встречу ее... Прости меня, Эльфрид. Я никогда еще не встречал женщины достойней тебя. Только завтра наши пути разойдутся...

Она выпрямилась.

— Что ж... да будет так, — решительно проговорила она. — Я — вождь. Ты — герой. Я не стану упрашивать, а ты — уступать, если решил...

Наклонившись, она пальцами загасила свечу. Наступила темнота, и в темноте Конан слышал шуршание шелка. Зеленое платье, сброшенное с плеч, заструилось на пол. Потом Эльфрид скользнула к киммерийцу под одеяло, и их руки встретились.

— Я не так быстро выздоравливаю, как ты, Конан, — прошептала она. — Спина еще болит... так что ты... осторожнее...

Больше они не разговаривали...

Глава шестая

КРАЙ ТУМАНА И КАМНЯ

Двое мужчин сидели на скальном выступе, приглядывая за небольшим стадом косматого, длиннорогого скота. Один из мужчин был уже немолод, его волосы и бороду густо запорошила седина. Другой же — юн и безбород. Однако они походили друг на друга, как родственники: у обоих — крепко вылепленные лица, говорившие о сильных характерах.

Черные волосы мужчин обрезаны по плечи, а спереди — ровно подстрижены над бровями. Глаза тоже одинаковые: у обоих — сапфирово-синие. Обоих отличало поджарое, мускулистое телосложение. Несмотря на режущий ветер, их одежду составляли короткие домотканые рубашки да плащи из волчьих шкур. Обувь состояла из кусков овчины, крестообразно перехваченных ниже колена ремнями завязками.

Мужчины вооружены копьями, кинжалами и длинными тяжелыми мечами на поясах. Это — киммерийцы. А ни один мужчина-киммериец с самого раннего детства не ходил безоружным. Простое, даже аскетическое с виду, их оружие не блистало украшениями, но изготовлено было отменно. Ибо оружейное ремесло являлось единственным, которое в Киммерии пользовалось должным почтением.

— Кто-то идет вверх по склону горы, — сказал тот, что был помоложе.

Его старший товарищ приставил к бровям ладонь и посмотрел туда, куда указывал юноша. Он различил крохотную человеческую фигурку, медленно прокладывавшую себе путь по заваленному скалами склону.

— Хорошие у тебя глаза, паренек, — похвалил мужчину. — Этот человек будет здесь прежде, чем солнце успеет опуститься к закату...

— Как по-твоему, это враг? — спросил юноша. На всякий случай он вытащил меч и пальцем попробовал его остроту.

— Какой же враг сунется в одиночку в земли Кананов?.. Я заранее могу сказать, что он киммериец. Ни один

житель равнин не шагает такой походкой, когда попадает к нам в горы!

То, что приближавшийся человек явно был киммерийцем, в общем, вовсе ничего не говорило о его дружелюбии. Горные кланы то и дело резались между собой, и резались беспощадно.

Он был еще далеко. Так далеко, что глаза, непривычные к далеким расстояниям гор, вовсе не заметили бы его. И уж ни в коем случае не различили бы особенностей походки.

— Кто тогда может там быть? — вслух подумал юнец. — Что-то не припоминаю никого из мужей кланов, кто отправился бы путешествовать в Нижние Земли. По крайней мере, туда, откуда идет этот малый...

— Ты молод, мальчик, и память у тебя короткая, — был ответ. — А вот я, по-моему, знаю, кто это такой. — Мужчина смотрел вниз, туда, где далекий странник прыгал со скалы на скалу, считая ниже своего достоинства обдираться о камни, обходя препятствия. — Да, — сказал мужчина. — Я знаю, кто это. Это Конан, сын кузнеца.

— Конан? — удивился юноша. Имя было ему знакомо. Непутевый сын кузнеца успел натворить дел, прежде чем уйти искать счастья в чужедальних краях. — А я-то думал, он погиб давным-давно!

— Я тоже так думал, — согласился мужчина. — Он дрался вместе с нами во время штурма Венариума. Ему было тогда пятнадцать лет, меньше, чем тебе — теперь. Но он уже в те годы показал себя опытным воином.

— Венариум!.. — завистливо вздохнул юнец.

Повсюду в горах до сих пор пели у костров песни о том великом сражении. Аквилонцы тогда принялись расселяться в Боссонских Пределах и, пересекши их, устроили укрепление на землях, вот уже сотню поколений принадлежавших горскому клану. Гандеры и боссониты — подданные аквилонцев — построили пограничную крепость, чтобы обороняться от набегов, и дали ей имя Венариум. Однако, когда киммерийцы поднялись на войну, это оказался не просто набег обозленного рода. Драться с захватчиками вышел весь киммерийский народ! Отложив на время междоусобицы, киммерийцы устроили аквилонцам жуткий разгром и невероятно свирепую резню, продолжав-

шуюся целые сутки. Ярость черноволосой орды смела и развеяла мужество дисциплинированного войска, точно свирепый северный ветер — мелкую пыль...

Вот тогда-то, в тот день, юный Конан и совершил подвиги, о которых и теперь не забывали в горах. Сердце юноши-пастуха переполнило жгучая зависть. Венариум!.. С того времени, как он сам подрос и мог бы пойти на войну, таких значительных сражений более не случалось. И что за удовольствие сознавать, что там, где стоял когда-то город Венариум, пасся теперь скот киммерийцев?..

Были у юноши и иные, более глубокие причины для печали и сожаления...

Конан заметил стадо высоко над собой на склоне горы. А вскоре после этого разглядел и двоих пастухов. Они присматривали за скотом... а заодно и за ним, подходившим снизу. Вот уже три дня прошло с тех пор, как он оставил своего коня у одного поселенца. Лошадь, выросшая на равнине, неминуемо погибла бы на каменных кручах. Здесь могли выжить только горные козлы и олени, да еще мелкий жилистый скот, который разводили киммерийцы. И сами киммерийцы, конечно.

По откосам ползли клочья сырого тумана. В киммерийских горах почти всегда висел туман и моросил дождик. Скалистая почва и постоянные дожди приводили к обилию родников. Забравшись в горы, Конан все время слышал голоса водопадов — то одного, то другого, то третьего. Он-то успел уже почти позабыть, как они разговаривают.

Он поглядывал вверх, гадая, кем могли быть двое пастухов. Скорее всего, наверху сидели его родственники. Он ведь уже ступил на земли, принадлежавшие его клану. Если, конечно, этот клан дочиста не перерезали какие-нибудь враги...

По дороге ему еще не попалось ни единой деревни, но, если подумать, ничего удивительного в том не было. Киммерийцы были наполовину кочевниками и каждый год переезжали из долины в долину, возвращаясь на то же самое место вряд ли чаще, чем один раз лет в десять. Конан уже миновал множество покинутых стоянок — скопища стен

без крыш, всухую сложенных из камня. Леса в Киммерии почти не было, и потому, откочевывая на новое место, его соплеменники неизменно прихватывали с собой драгоценные кровельные шесты.

Конан плотнее закутался в плащ... Ветер, долетавший со стороны Гипербореи, хлестал тело, как плоть. И если Конан еще что-нибудь понимал, сегодня к вечеру собирался выпасть первый, ранний снежок. В общем, самое время встретиться с родственниками. Идти было еще далеко, но он уже различал физиономии: фамильные черты Канахов узнавались безошибочно. Из-за неизбежных при такой жизни близкородственных браков каждому клану была присуща какая-нибудь характерная особенность. Муррохов узнавали по квадратной челюсти, Туногов — по высокому лбу, а Раэда — по длинному носу.

— Приветствую тебя, Конан, — сказал старший из пастухов, когда путешественник подошел достаточно близко.

— И ты здравствуй, Милах, — откликнулся Конан. Встретились родичи без ахов и охов, так, словно расстались всего несколько дней назад. — А у тебя, смотрю, повзросло серебряных волосков в голове! Так, а что тут у нас за мальчик?..

— Я — Куланн, твой родственник, и я не мальчик, а взрослый мужчина! — ответил юнец. То, что у юного горожанина прозвучало бы как напыщенное хвастовство, в его устах явилось простым утверждением факта.

Конан коротко кивнул головой. С этого момента он будет обращаться с Куланном как с воином. Только и всего.

— Сын моей сестры, — пояснил Милах. — Он уже проливал кровь в стычках с ванами и Муррохами.

— Это хорошо, — сказал Конан. — Оружие молодого воина не должно залеживаться в ножнах.

Он не стал спрашивать, сколько жизней успел уже отнять юный Куланн. Киммерийцы не прельщались головами, руками и тому подобными кровавыми трофеями, высоко ценимыми среди других племен Севера. Когда юноша становился достаточно взрослым, чтобы поднимать оружие за свой клан, он делал то, что следовало делать мужчине-защитнику. Не более и не менее. Если он совершал нечто выдающееся и достойное разговоров у костра совета, он

получал заслуженную похвалу. Всякий воин, проливший кровь, считался человеком опытным и подтвердившим свои качества. Труссы, надо сказать, в горах почти не водились. Их здесь не терпели.

Накрапывавший дождик между тем сменился крупными хлопьями снега. Конан поднял голову и посмотрел на низко ползущие облака. Он сказал:

— Первый снег нынешней осени... Есть здесь поблизости, где укрыться?

— Невдалеке есть хорошее место, — ответил Милах. — Как раз спастись от снегопада. Давай-ка, Куланн, отгоним коров в долину Сломанной Ноги...

Конан взялся помогать пастухам. Стадо насчитывало десятка два маленьких, лохматых, привычных к горным дорожкам коров. До упомянутой долины было около мили. Когда животные благополучно разошлись по небогатому пастбищу, трое мужчин забрались в Милахово «хорошее место». Оно оказалось просто нависшим скальным козырьком, едва прикрывавшим от снега. А белые хлопья между тем сыпались все гуще. Костра разжигать не стали. Топлива в горах всегда слишком мало, чтобы тратить его ради обогрева пастухов на зимнем пастбище...

Конан завернулся в плащ: делалось все холоднее. Все-таки он поотвык от стужи, пока странствовал по теплым краям. Двое его родичей холода почти не замечали, но никаких замечаний по поводу его «изнеженности» делать не стали. Они были вежливыми и воспитанными людьми.

— Жив ли еще Куйпах, брат моего отца? — спросил Конан.

— Он погиб три года назад, — ответил Милах. — Попал в засаду, устроенную ванами.

— А Турах и Балин, мои двоюродные братья?

— Погибли во время усобицы с кланом Нахта.

— Нахта?.. — удивился Конан. — Я-то думал, мы давным-давно перебили всех Нахта, кто был способен сражаться...

— Истинно так, — подтвердил Милах. — Но мальчики имеют обыкновение вырастать в мужчин. Да и дети, как я слышал, у них по-прежнему рождаются.

Конан только молча кивнул. Обычная история, подобные ей все время происходили в горах. Сколько раз бывало, что в клане оставался один-единственный мужчина! Вот потому-то киммерийцы рано женились и сразу заводили множество детей. Проходило два-три поколения, и клан снова становился сильным и многочисленным...

— Ну и как тебе Южные Страны? — спросил Куланн.

— Ничего, — сказал Конан. — Знаешь, мне там даже понравилось. Там сверкает золото, а люди одеваются не в овчины, а в шелк. Еда там изобильна и вкусна, вино — сладко. Тамошние женщины нежны и пахнут благовониями... а не скотом и торфяным дымом...

— Зачем все это мужчине?.. — фыркнул Милах. — От этого только размякнуть!

— Но лучше всего, — продолжал Конан, — то, что они все время сражаются. Человек, знающий, как управляться с оружием, может многого там достигнуть.

— Сражаются?.. — хмыкнул Милах. — Ты что, вправду называешь их потешные игры сражениями?.. Спорю на что угодно, они там еще и приучили тебя сражаться сидя верхом на лошади, как будто мужчине недостаточно своих собственных ног... Да притом небось латы носить, прикрывая тело, а?

В его голосе звучало беспредельное презрение к подобным способам воевать, достойным, по его глубокому убеждению, лишь неженкам.

— Верно, на Юге так принято, — сказал Конан. — Только ты там не был, а я был. Я бывал на полях сражений, содрогавшихся от громового топота многотысячной конницы. Там били барабаны и ревели трубы, а расшитые золотом яркие знамена сверкали так, что слепило глаза. Все-таки здесь, в горах, не происходит настоящей войны. Я бывал в море, сплошь забитом пылающими кораблями, я видел удары весел о борта, расколотые пополам бронзовыми таранами... Вот это я называю сражениями!

Милах вновь презрительно фыркнул:

— Только глупцам и трусам нужны верховые животные, чтобы стать выше ростом. А что за нужда драться из-за водного пространства? Ну, отвоюешь ты себе кусок

моря, а дальше-то что? Чем, объясни мне, одна волна лучше другой?..

— Значит, ты видел море? — спросил Куланн. — Мне всегда хотелось попутешествовать... посмотреть на чудеса...

Конан с удовлетворением отметил, что мальчик вроде бы очнулся от снедавшей его неведомой грусти. С самого начала Куланн казался ему мрачноватым — даже по киммерийским понятиям.

— Да, — сказал он. — Я видел море. А еще я видел пустыню. И джунгли, окутанные душными испарениями. Я бывал в городах, которые так велики, что все кланы Киммерии, если собрать их вместе, едва населили бы самый маленький квартал. Я видел мраморные храмы, до того величественные и высокие, что не вдруг и поймешь: люди выстроили их или Сами Боги?.. — Его взгляд сделался далеким, как у человека, грезящего наяву. — Там, в тех краях, — продолжал он, — мужчина поистине может испытать, к чему он пригоден. Там у тебя не висит на ногах клан и не довлеют обычаи. Там странник без гроша в кошельке, но с добрым мечом в крепкой руке и храбрым сердцем в груди может завоевать себе королевство...

— Не слушал бы ты его, племянник, — сказал Милах. — Таким, как мы с тобой, на чужбине нечего делать. Человек должен жить там, где живет его род... Ну и что, Конан, где оно, твое королевство? Как я посмотрю, ты возвратился ненамного богаче, чем был много лет назад, когда ушел с асами...

— Много раз я завоевывал состояния и растрчивал их, — ответил Конан. — И еще завоюю. А захочу, так однажды и на трон, может быть, влезу. Но до тех пор я еще погуляю. Еще не всюду побывал, не все посмотрел.

— А колдуны? — вдруг спросил Куланн. — Есть ли на Юге колдуны? Я слышал от людей, там чародеев на чародее и чародеем погоняет...

— Да уж... — без особой охоты подтвердил Конан. — Чего бы хорошего, а этой дряни там навалом. Не дают продохнуть доброму человеку, вечно затевают что-то, пришеивают Богов, демонов и кого там еще...

— Вот видишь! — назидательно вставил Милах.

— Тем не менее, — невозмутимо продолжал Конан, — я даже и на это согласен. За все надо платить! Вот и за то, чтобы жить полнокровной жизнью, видимо, тоже. Уж лучше держать ухо востро и стараться не попадать в сети какого-нибудь коварного колдуна, чем всю жизнь пасти коров и плодить детей, теснящихся на меховых одеялах у торфяного очага...

С этими словами Конан завернулся в плащ и улегся на каменистую землю. Повозившись, он снова приподнялся, сгреб ком снега и скатал его в плотный шар. Придав ему нужную форму, он опять улегся, положил снежный ком под голову и скоро уснул...

Милах хмуро смотрел на него.

— Вот видишь?.. — сказал он Куланну голосом, полным глубокого сожаления. — Вот что делает с человеком долгая жизнь в чуждальных краях. Когда-то этот парень был отменным воином. А теперь он изнежился до того, что ему уже требуется подушка для сна!..

Женщина, вышедшая из двери каменного, с дерновой крышей дома, увидела троих мужчин, спускавшихся по склону холма. Они гнали перед собой стадо. Вершины уже укутало белое покрывало, но вниз, в маленькую долину, снег еще не добрался. Женщина ощутила укол любопытства: кем мог оказаться третий мужчина?.. Несколько дней назад пастухи отправились в горы — перегонять стадо с последнего летнего пастбища на зимнее. Но тогда они были вдвоем.

— Жена! — подойдя поближе, окликнул ее Милах. — У нас в гостях родственник!

— Вижу, — отозвалась она. — Доброго дня тебе, Конан! С тех пор как я последний раз тебя видела, ты здорово вырос. Стал весь в отца!

Женщина была высокая и худая. Ее плоть казалась такой же твердой, как камень ее родных гор, а волосы отливали сединой, точно снег на вершинах.

— И ты здоровствуй, Дейтра, — приветствовал ее Конан. — Почтенная седина делает тебе честь!

Это был немалый комплимент: большинство уроженцев негостеприимной страны умирало, не достигнув зрелого возраста.

— Входи, — пригласила она. — На очаге согрелась еда.

Она откинула дверную занавеску, и Конан последовал в дом.

В домике вовсю плавал торфяной дым, а на огне действительно кипел котелок. У Конана невольно потекли слюнки. Он до того проголодался, что живот прилип к спине. Накануне двое родичей поделились с ним несколькими кусками жесткого сыра, а он вытащил из сумки последний ломоть вяленого мяса.

С точки зрения горцев, называть подобное положение дел тяготами и трудностями было просто смешно. Вяленое мясо так и вовсе показалось им роскошеством. Однако Конан в последние годы привык наедаться досыта, как только предоставлялась возможность. Он голодными глазами поглядывал на пасшихся коров, но резать скот прежде обычного времени забоя было немыслимо. Если только этот скот не был уведен у врага.

— Ты как — насовсем возвратился? — спросила Дейтра. — Давно пора бы тебе жениться и родить для клана детей. Знаешь что? Неподалеку отсюда живет Джаха Однорукый. У него две крепкие дочери, обе еще не замужем.

— Нет, я не насовсем, — сказал Конан. — Дел у меня еще много, и жена с детьми на руках мне пока совсем ни к чему.

— Значит, минувшие годы тебя ничуть не исправили, — вздохнула она. Вытащив несколько глиняных мисок, женщина принялась накладывать в них еду, действуя деревянной поварешкой на длинной ручке. Дейтра передавала наполненные миски мужчинам, и те прямо пальцами отправляли дымящееся варево в рот. Конан невольно скривился. Угощение представляло собой овсяную кашу, совершенно безвкусную. Он успел уже и забыть, что на свете была еще и такая, с позволения сказать, еда.

От Дейтры не укрылась его гримаса.

— А ты чего ждал? — спросила она. — Пшеничного хлеба? Пшеница растет на равнинах, а у нас в горах — только овес. Когда случается трудный год, только им и живем.

— Ладно, не пили родственника, — с невинным видом заметил Милах. — Конан, знаешь ли, попривык к разным вкусностям, которыми питаются на равнинах...

Конан метнул на него кровожадный взгляд:

— Ты бы и сам туда свалил много лет назад, если бы кишка была не тонка!

Дейтра размахнулась поварешкой и наградила его звонким подзатыльником:

— Совсем о вежливости позабыл! Что это такое — цапаться с родичем, сидя у него в доме?

Конан потер ушибленное место, заодно смахнув с волос комки каши.

— Ничего я не позабыл, — буркнул он себе под нос. — Зато, кажется, начинаю вспоминать, почему бежал отсюда без оглядки.

— Теперь выкладывай, — сказала Дейтра. — Если ты пришел сюда не затем, чтобы остепениться и остаться, тогда зачем?

— Может мужчина просто соскучиться и захотеть повидать дом и родных? — спросил Конан. — Какие тебе еще причины нужны?

— Никаких, — пожала она плечами. — Никаких, если бы речь шла о другом человеке, не о тебе. Если уж ТЫ пришел, значит, что-то тебя привело. И, боюсь, что-то такое, отчего клану не будет добра!

Конан хмуро подумал, что провести киммерийскую женщину, да притом родственницу, не удавалось еще никому. Эти женщины читали мысли своих мужчин с такой легкостью, какая не снилась ни одному некроманту.

— Я выполняю одно поручение, — сказал он. — Клан здесь, по большому счету, ни при чем. Но я хотел бы переговорить со старейшинами, прежде чем пойду это поручение завершать.

— Завтра, — сказал Милах, — мы снимаем кровельные шесты и гоним скот на зимовку. Еще несколько дней, и туда соберется весь остальной клан. А что у тебя за поручение?

— Расскажу, когда вожди соберутся, — сказал Конан. — Хорошего мало, но все это падет на мою голову, больше ни на чью.

Куланн вернул Дейтре чисто вылизанную миску.

— Пойду, — сказал он. — Посмотрю, как там коровы.

Кивнул Конану и ушел за дверную занавеску.

— Что творится с парнишкой? — спросил Конан, когда юноша уже не мог его слышать. — За три горы видно — гложет его что-то!

— Девчонка, — ответила Дейтра. — Девчонка из клана Муррохов. Они с нею встретились на зимней ярмарке, на границе, когда между кланами было перемирие. Он хотел взять ее в жены... — тут Дейтра метнула на Конана многозначительный взгляд, — как полагается приличному человеку...

Конан притворился, будто не понял намека.

— Он сговорился с кучей двоюродных братьев, и они отправились за нею к Муррохам, — продолжала женщина.

— Похищение? — улыбнулся Конан. Когда два клана враждовали один с другим, древняя традиция призывала юношей совершать набеги за женщинами. Молодой человек добывал таким образом и жену, и немалый почет, а клан предохранялся от близкородственных браков. — Ну и что, — спросил он, — чем кончилось дело? Верно, отец и братья девчонки выпороли их и отправили домой ни с чем?..

— Нет, все было не так, — подхватил повествование Милах. — Они пробрались в селение незаметно, потому что Куланн хорошо знает, как вести себя в долинах, в лесу. Но, добравшись до общинного дома, они нашли его разоренным! Стены были разрушены, а кругом валялись тела убитых мужчин. И не только мужчин, но даже и женщин! А женщины помоложе и все дети — пропали...

— Так! — проворчал Конан. — Ванский налет!.. Жалко, конечно, но что поделаешь? Девоч кругом много, рано или поздно присмотрит другую.

— Ваны тут ни при чем, — возразил Милах. — Налетки не позарились на добычу, только увели женщин и детей. Оружие осталось лежать на земле, доброе оружие. И потом, Муррохи торгуют на границе, так что серебра у них больше, чем у кого угодно другого. Так вот, юноши видели серебряные монеты и украшения,

валявшиеся среди хлама. Ваны никогда не прошли бы мимо серебра!

— Но хуже всего было то, как выглядели мертвецы... — пробормотала Дейтра.

— Что такое? — спросил Конан.

— Они все были растерзаны, — ответил Милах. — Так, словно их рвали громадные звери. Юноши и раньше видели трупы задранных хищниками, ну там, волками или медведями... но это... Таких зубов и когтей нет ни у одного чистого животного, которое мы знаем...

Он говорил все тише и наконец замолчал, явно не желая говорить больше.

— Скажи ему самое скверное, — мрачно велела Дейтра.

— Некоторые тела, — сказал Милах, — были наполовину съедены.

— Съедены?.. — теряясь в догадках, повторил Конан. — Так что с того, дикие звери почти всегда...

— Нет, — упрямо возразил Милах. — Их съели не так, как, скажем, волк ест человека. Их плоть жарили на кострах! Куланн с ребятами видели полуобглоданные руки и ноги, насаженные на деревянные вертела! Какое животное станет жарить себе мясо?.. Только человек!

Рука Конана невольно сомкнулась на амулете, висевшем на шее:

— Кром!.. Людоедство!..

В горах слухом не слыхивали ни о чем подобном, даже самые старые легенды не упоминали о поедании человечины. Он спросил:

— Это единственный такой случай?

— Единственный известный нам, — ответил Милах. — Может, были и другие. Когда Куланн вернулся домой, была уже середина весны, время перегонять скот на верхние пастбища. С тех пор мы живем здесь и не встречали никого из нижних долин. А ты, пока путешествовал сюда, ничего подобного не приметил?..

Конан покачал головой:

— Я избегал людей, пока не добрался до земель клана. Откуда мне знать, кто с кем сейчас режется? Иногда я кого-то замечал, но близко не подходил и не разговаривал. Человек, у которого я оставил лошадь, — он живет внизу,

на нашей границе, — неразговорчивый и глуповатый старик. Если бы у меня штаны на заднице загорелись, он и об этом мне вряд ли бы стал говорить.

— Это, должно быть, старый Хомма, — сказал Милах. — У него точно с черепушкой не порядок, но верить ему можно. Что ж, так или иначе мы кое-что скоро услышим, когда весь клан соберется на зимней стоянке...

Конан хмуро раздумывал над услышанным. Вот и опять нечто такое, что не имело ни малейшего отношения к принятому им делу... Почему-то эта мысль отнюдь не приносила ему утешения. Сколько ни пытался он держаться как можно дальше от колдовского зла, вся нечисть мира, казалось, только и делала, что искала с ним встречи.

Зато теперь хоть было понятно, почему так грустен мальчишка...

Глава седьмая

В СТРАНЕ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Баржа, двигавшаяся по широкой реке, была оснащена высокой мачтой, но треугольный парус вяло свисал с длинного гафеля. Стих ветер, и судно гнали вперед длинные весла в крепких руках гребцов. Река же в этом месте была до того широка, что течение едва ощущалось. Казалось, под знойными южными небесами раскинулся сверкающий серебряный щит.

По берегам реки стояли пальмы и расстилались возделанные земли. На полях трудились селяне: плодородная почва и благодатный климат позволяли им снимать два, а то и все три урожая в год. Внешне мирная картина земледельческих трудов и далекое сверкание храмов внушали ложное представление о жизни в этой стране, имя которой — Стигия.

Женщины, под полуденным солнцем полоскавшие в реке белье, после наступления темноты нипочем не решались даже близко подойти к воде. Ибо с заходом солнца великий Стикс превращался в вотчину чудовищных крокодилов. А неповоротливые гиппопотамы выйдут на берег и станут

вытаптывать и пожирать все то, что селяне с таким тщанием сажали и обихаживали на полях. Делать нечего: люди с этим мирились. Даже когда, не удовлетворив голода, звери брались за них самих. Крокодилов и гиппопотамов охранял священный закон. Равно как и вездесущих кобр и стервятников. В стране, где испокон веку почитали Отца Сэта и его отпрысков-змей, жители держали за величайшее святотатство убийство змей. Хотя бы та змея угрожала их собственному ребенку! .

Женщина, восседавшая под тентом на кормовой палубе баржи ни о чем подобном не думала. Хотя на самом деле змеи, крокодилы и еще менее симпатичные существа занимали в ее жизни столь значительное место, что уже все остальное казалось чем-то враждебным и чужеродным. Однако сегодня мысли женщины были заняты кое-чем куда более важным. Планы, которые она вынашивала вот уже много лет, близки были к осуществлению. Но для того, чтобы пожать плоды и достигнуть окончательного успеха, требовалось совершить еще немало работы. Женщина отлично понимала, что, дай она волю снедавшему ее нетерпению, никакого проку не будет. И потому единственным признаком беспокойства, который она себе позволяла, было легкое постукивание пальцами по подлокотникам кресла.

Старший баржи прошел на корму и низко поклонился Хатор-Ка. Это был невысокий смуглый мужчина, одетый в короткую юбочку-килт да головной убор.

— Госпожа моя, — сказал он. — Место, в котором ты пожелала пристать, откроется за следующим поворотом Отца Стикса.

Она чуть наклонила голову и повернулась к стоявшему подле нее человеку:

— Все ли у тебя готово, Мулэй?

Воин пустыни согласно кивнул:

— Все упаковано и уложено. Прикажешь ли поднимать твое знамя?

— Да. Я не хочу никаких задержек, когда доберемся до суши.

Мулэй отнес свернутое полотнище на иканцы и прикрепил его одной стороной к тросику, свисавшему с мачты. Он стал перебирать тросик и постепенно полотнище раз-

вернулось в длинное черное знамя. На нем золотыми нитками был вышит личный герб Хатор-Ка: скорпион, чей хвост перерастал в змею, обвившую пустынного паука. Слуги, ожидающие на берегу, разглядят знамя и поймут, что прибывает их госпожа.

Миновав поворот великого Стикса, путешественники увидели впереди огромный каменный причал, далеко выдававшийся в реку. По мере приближения баржи на причале образовалась небольшая толпа. Пристань находилась внутри владений Хатор-Ка (а владения были немаленькие), толпа же состояла из рабов, слуг и жрецов, смотревших за ее храмом и святынями.

Огромный чернокожий поймал швартов, брошенный с баржи на причал. Он намотал швартов на причальную тумбу, вырезанную из камня в виде жука-скарабея, приподнявшегося на задние лапки. Рабы-гребцы, искусно действуя веслами, ловко причалили пурпурнопарусное судно к поблескивавшему мраморному пирсу. Слуги побежали на корабль, чтобы забрать вещи Хатор-Ка и перенести их на берег. Одновременно, запыхавшись, подоспели носильщики и притащили на плечах носилки для госпожи. Это не рабы, а бритоголовые послушники храма, который содержала Хатор-Ка.

Выйдя на берег, жрица забралась в носилки и уселась на трон, укрытый от солнца пологом из золотой парчи. Трон был сделан из слоновой кости и благовонного дерева. Худые, но жилистые и крепкие послушники подняли шесты носилок на плечи и понесли их в сторону храмового дворца. Они шли особенным, внешне неправильным шагом, благодаря которому в носилках не ощущалось ни качки, ни неровностей дороги. Мулэй встал позади трона, держа руку на рукояти меча. Несмотря на то, что путь их пролегал по землям, принадлежавшим Хатор-Ка, верный телохранитель ни на миг не позволял себе расслабляться.

К ним подбежал мужчина и почтительно раскланялся, а потом пошел рядом с носилками. Он был одет, как одеваются прислужники в богатых хозяйствах, но его простой белый килт был не из полотна, а из тончайшего шелка, а головной убор — расшит золотой ниткой. Он держал в руках кнут — знак власти надсмотрщика.

— Госпожа моя, — доложил он, — с тех пор как ты отбыла, мы собрали замечательный урожай пшеницы; а также чечевицы и лука. А потом сделали новые посевы. Умерло три тысячи двести восемьдесят четыре раба, зато родилось пять тысяч семьдесят пять, и похоже, что большинство выживет. Что касается другой живности, то скотина...

— Прекрасно, Птах-Менкаури, прекрасно, — отмахнулась от доклада хозяйка земель. — Попозже вечером ты все это изложишь мне письменно. Меня особенно интересует, как дела с добычей камня для новых храмов в Кемии. Тамошним жрецам уже не терпится приступить к строительству.

— Все будет сделано как ты велишь, госпожа, — пообещал надсмотрщик, простираясь в пыли возле носилок. Не в пример многим своим «коллегам» по колдовской иерархии Стигии — аскетам, углубленным исключительно в духовные сферы, — Хатор-Ка числилась еще и среди богатейших землевладельцев своей страны. Богатства ничуть не уступали ее чародейским способностям. И то и другое позволяло ей по-хозяйски заправлять в приречной стране.

Носилки двигались по несколько возвышенной дороге, вымощенной белым песчаником. Она тянулась от далекого укрепления, постепенно спускаясь к реке. По бокам растлались тучные и ухоженные земли, на которых и в эту самую минуту не прекращался усердный труд. По временам у дороги попадались статуи, высеченные из зеленовато-черного камня. Фигуры походили одновременно на людей и животных и производили странное, беспокоящее впечатление. Работники не любили их рассматривать. Часто бывало: оглянешься — и кажется, что статуя передвинулась...

В стране храмов, одновременно возносящихся и подавляющих, святилище, принадлежавшее Хатор-Ка, иначе, как весьма скромным, назвать было нельзя. Бог, которому она служила, был не из тех, что требуют роскоши. Храмовый дворец окружали здания поменьше. В них обитали слуги Хатор-Ка, ее рабы, жрецы и послушники. Во дворце обитала только она. В одиночестве.

Послушники внесли носилки в зал храмового придела. Вдоль стен рядами стояли колонны. Их капители в виде

цветков лотоса тонули в потемках. В толстых стенах виднелись узкие маленькие окошки. Они располагались высоко наверху, дабы глаза мирян не могли подсмотреть ритуалы, отправлявшиеся внутри. Окошки служили в основном для проветривания: сквозь них наружу выходил дым благовоний... а то и куда менее приятные запахи, порою поднимавшиеся с алтаря. Освещался зал факелами, лампами и огромной «огненной корзиной», висевшей перед алтарем.

Носилки опустились на полированный пол, и Хатор-Ка сошла с них. Ее тут же приветствовал бритоголовый жрец; единственной деталью наряда, отличавшей его от послушников, был плащ из леопардовой шкуры, который ниспадал с одного плеча, оставляя другое обнаженным. Жрец преклонил колени и коснулся лбом пола возле сандалий Хатор-Ка.

— О Госпожа, Восседающая Одесную Отца Сэта, — проговорил он нараспев, — добро пожаловать домой. Мы, Твои ничтожные слуги, желаем Тебе жить и здравствовать десять тысяч лет...

— Встань, Сенмут, — ответила она. — Даже мне смешно всерьез надеяться на такой срок! Однако, если наши планы принесут должные плоды, я получу в свое распоряжение по крайней мере девятьсот лет, а значит, по столько же достанется моим верным слугам. Все ли у нас хорошо?

Жрец поднялся на ноги:

— Все как нельзя лучше, госпожа. — Теперь, когда он оставил священнический тон, оказалось, что голос у него тихий и приятный. — Мы до последней мелочи исполнили все ритуалы, которые ты нам предписала, и пристально следили за твоими коллегами...

— Только один беспокоит меня, — сказала она. — Что слышно о Тот-Амоне?

— Наш соглядатай, проникший в его окружение, сообщает, что в минувшие недели он провел немало времени в трансе, вызываемом испарениями черного лотоса. Нет сомнения, что он занят подготовкой какой-то могущественной волшбы. Но никаких признаков того, что он ознакомился с пропавшим отрывком из Книги Склоса, покамест не обнаруживается...

— Не случилось ли ему общаться с Тураном, Вендией или Кхитаем?

— Спустя несколько дней после твоего отъезда он получил послание от великого вендийского мага — Джаганата, — ответил Сенмут.

Услышав это имя, Хатор-Ка ощерилась:

— Какого рода послание?..

— Простой обмен любезностями, — заверил ее жрец. — Послание, по-видимому, представляло собой ответ на запрос Тот-Амона о свойствах вендийской породы синего лотоса. Джаганат пообещал прислать образцы цветов, когда они распустятся в следующий раз, и с ними — семена и немного почвы. По всей видимости, послание путешествовало в течение нескольких месяцев...

— Это утешает, — проговорила жрица. Значит, великие колдуны не обсуждали никаких страшных тайн. — Вознаградить соглядата. И вот еще что, Сенмут...

— Да, госпожа?

Она бросила на него взгляд, от которого издохла бы и кобра.

— Если я обнаружу такого же соглядата в своем собственном доме, Сенмут, ты пожалеешь, что вообще родился на свет.

Жрец сложил руки на груди и низко поклонился:

— Тебе нечего страшиться, госпожа моя. Я неустанно беспокоюсь о сохранности твоих тайн. А о безопасности твоей священной особы недреманно заботится отважный Мулэй...

В сопровождении только что упомянутого Мулэя Хатор-Ка обогнула алтарь и сквозь дверь вышла в жилую часть здания. Там ее почтительно приветствовала группа девушек-рабынь. Они повели свою хозяйку принимать ванну. Горячую воду принялись таскать сразу, как только на реке был замечен черный штандарт Хатор-Ка. Весть об этом принесли во дворец вспышки начищенных бронзовых щитов, сверкавших на ярком стигийском солнце. По этому же сигналу и послушники помчались на берег с носилками.

Мулэй не отлучался от госпожи и последовал за нею даже в купальню. Юные невольницы совлекли с хозяйки

одежду, и она нагишом вступила в воду, благоухавшую драгоценными маслами.

В отличие от многих домашних слуг Хатор-Ка, Мулэй сохранил свое мужское естество в неприкосновенности. Он с большим интересом присматривался к точеным фигуркам молоденьких рабынь, облепленным промокшими от пар рубашечками. Но при виде обнаженной красоты Хатор-Ка ему как-то не явилось на ум ни одной лишней мысли. Для Мулэя хозяйка была не обычной живой женщиной, а как бы просто предметом страха и поклонения. Он с радостью отдал бы за нее жизнь, но смотреть на нее, как мужчина смотрит на женщину?.. Такое ему даже в голову не приходило. Если бы кто спросил его, не влечет ли его это несравненное тело, не вызывает ли нагота Хатор-Ка понятного плотского возбуждения, Мулэй, вероятно, сначала искренне изумился бы, а потом — зарубил святотатца безо всякого сожаления. Поставить госпожу на одну доску с простыми смертными! Для Мулэя это и было самое настоящее святотатство...

— То сообщение о Джаганате встревожило меня, Мулэй, — сказала ему Хатор-Ка. — Его переписка с Тот-Амоном выглядит вполне невинной, и к тому же Тот-Амон, похоже, ведать не ведает о моих планах. Если бы некто вроде него, да еще живущий так близко, начал что-либо замышлять, я бы непременно почувствовала. Однако Джаганат хитер, очень хитер! Весьма в его вкусе — рассылать ничего не значащие письма коллегам по искусству именно ради того, чтобы скрыть свои истинные намерения... Значит, ты уверен, что, когда мы находились в Хоршемише, там же присутствовала и группа вендийцев?..

— Всего двое, — ответил Мулэй. — Торговец тканями, с которым я переговорил, сказал, что узнает вендийцев с первого взгляда: все дело в любимых ими тканях. Один из двоих был пожилой толстый мужчина, а второй — невысокий гибкий юноша. Возможно, это совсем не то, чего ты опасаясь, госпожа. Быть может, это простые купцы...

— Ну и чем они торговали? — осведомилась Хатор-Ка. Действуя губкой, смоченной в душистом масле, она

умывала свое тело, действуя тщательно и совершенно бесстрастно. Так другой человек чистил бы колесницу. — Какие товары у них были с собой? Или они разведывали новые торговые пути? Предлагали ли они городским чиновникам взятки, чтобы их не притесняли на рынке?..

— Ты сама знаешь, госпожа, — возразил Мулэй, — для того, чтобы поподробнее разузнать о тех вендийцах, у нас не было ни времени, ни возможности...

— Знаю, Мулэй, — сказала Хатор-Ка. — Быть может, я действительно делаю из мухи слона. Но можно ли не быть излишне подозрительной, когда ставки так высоки?.. Вендийцы редко заезжают столь далеко в западные пределы. И чтобы двое из них случайно оказались в том же самом городе, где мы предпринимали нечто жизненно важное?.. Простое совпадение?.. Ох, не верится что-то! Я никогда не видела Джаганата и не узнала бы его в лицо. Хотя, с другой стороны, у нас, сведущих в Искусстве, есть свои способы распознавать себе подобных... Похоже, однако, этот так называемый купец намеренно старался не попадаться мне на глаза. Сидел в четырех стенах. А это, насколько я вообще знаю купцов, достаточно странно!

— Но если там действительно был твой соперник, — сказал Мулэй, — чего он добивался? Он не предпринимал никаких попыток вмешаться в наши дела. Я, по крайней мере, ничего не заметил...

— Возможно, он шпионил, — предположила Хатор-Ка. — Возможно, он шпионил за мной, разузнавая, чем же я таким занята. Не исключено также, что он сам пробовал нанять киммерийца. Если пробовал, то, значит, ничего у него не вышло: я мигом выведала бы об этом у простодушного дикаря. Значит, можно предположить, что дело все-таки в совпадении. Маловероятное, конечно, предположение, но ведь Хоршемиш — один из знаменитейших мировых перекрестков... Где еще встретиться людям, занятым одинаковым предприятием?.. Но, как бы то ни было, все случившееся мне определенно не нравится. После Тот-Амона этот самый Джаганат — наиболее опасный среди всех моих братьев по колдовству. Менее всего мне бы хотелось, чтобы пропавшим куском Книги Склоса завладел именно он!

— Но каким образом этот отрывок мог угодить ему в руки? — спросил Мулэй. Чародейские хитросплетения ничего, кроме отвращения, у него не вызывали. Он был пустынным воином, человеком прямого действия. Но обсуждать и тем более осуждать деяния своей госпожи?.. Да никогда.

— Подобные вещи не подчиняются обычным законам случайности, — сказала Хатор-Ка. Она вышла из ванны: дымящаяся вода ручейками сбежала с густых волос и роскошного тела. Девушки принялись вытирать ее полотенцами, между тем как она продолжала объяснять телохранителю: — Много раз бывало так, что некий текст или предмет словно бы сам, по собственной воле, оказывался прямо под носом у мага. Это знак проявления Высших Сил, для которых мы — всего лишь пешки на игральной доске. Если Джаганат наткнулся на утерянный фрагмент, а Тот-Амон и знать о нем не знает, следовательно, такова была воля Сил...

— Но, госпожа, если Высшие действительно вмешиваются, как можешь ты... или твои соперники... рассчитывать на успех? — спросил Мулэй. Ему вдруг сделалось не по себе. — Прости, но не с Богами же вы намерены состязаться?..

— Глупец! — рассерженно прикрикнула на него Хатор-Ка. Потом добавила уже помягче: — Я, как всегда, позабыла, что ты несведущ в такого рода делах, мой верный Мулэй. Если бы я удовлетворялась простым исполнением воли Богов, я так и осталась бы обыкновенной жрицей, не более. Но я выбрала для себя иной путь. Я стала волшебницей, а это значит, что я не намерена склоняться даже и перед Самими Богами. А если эти самые Боги или иные Высшие Силы намерены поиграть со мной в игры, что ж! Я постараюсь играть чуточку лучше Их...

Мулэй собирался хранить верность Хатор-Ка при любых обстоятельствах, но от мысли скрестить мечи с Богами на его обычно безоблачном челе выступил пот.

— А что ты скажешь, госпожа, о северном Боге по имени Кром, про которого говорил тот варвар? Есть ли у Него вообще какая-то власть?

— Мне доводилось читать кое-что об этих северных Божествах, — ответила Хатор-Ка, облачаясь в легкие одеяния, почтительно подаваемые рабынями. — Это самые настоящие Боги, пусть и не из главных. Ничего такого, что стоило бы равнять с нашим Отцом Сэтом!

И она сотворила священный Знак Змея. Ее движение тотчас повторили все присутствовавшие в комнате люди.

— Имир и киммерийский Кром — всего лишь исполнены, завоевавшие божественное достоинство только благодаря тому, что в течение тысячелетий оставались наиболее могущественными Существами на безлюдных пустошах Севера. У Них нет магических тайн, и Они весьма мало интересуются людскими делами. Они даже на тех, кто Им поклоняется, обращают весьма мало внимания. Истинные Боги, Боги Юга, без конца строят заговоры и всячески борются за то, чтобы упрочить Свою власть на Земле. А мы, волшебники, живем и процветаем, черпая силу в этой борьбе за власть, происходящей между великими Силами...

От подобных разговоров Мулэю делалось все неуютнее.

— Но если северные Боги столь незначительны, — сказал он, — почему важнейшее событие должно состояться не где-нибудь, а непременно в пещере Крома?..

Хатор-Ка некоторое время молчала. Потом произнесла:

— Я сама об этом задумывалась. Действительно, у нас на Юге множество мест куда более подходящих. Но у Богов, конечно, есть свои причины выбрать именно ту гору. Была своя причина и для того, чтобы соответствующий фрагмент оказался утрачен даже из тех немногих списков Книги Скелоса, которые считались наиболее полными. В общем, дело обстоит так, как если бы Боги хотели вручить этот текст наиболее продвинутому чародею, а потом заставить их пропутешествовать в отдаленнейший уголок мира, чтобы там состязаться в силе, оспаривая высшую власть...

— Но как же Они обошли Своим вниманием Тот-Амона? — трепеща от сознания собственной дерзости, осведомился Мулэй. — Все считают его одним из наиболее могущественных колдунов...

К его великому облегчению, Хатор-Ка не прогневалась, лишь задумчиво наморщила лоб.

— Может быть, — сказала она наконец, — Высшие Силы уготовили Тот-Амону какую-то иную судьбу?..

Глава восьмая

КЛАНЫ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Конан гнал коров. Впервые с тех пор, как он перестал быть мальчишкой. Вместо меча в руке у него была хворостина, и ею он направлял непослушных буренок вниз, к месту зимовки. Наверху, там, откуда они уже ушли, все ниже нависали темные облака, обещавшие снег. Конан шел к новому месту жительства вместе со своими родственниками — Милахом, Дейтрой и Куланном — и, подобно им, тащил на могучем плече отмеренную ему часть кровельных шестов.

И странное дело! Домашние дела и заботы, которые в юности вызывали у него своей тяжелой монотонностью столько раздражения и обиды, теперь казались ему чем-то само собой разумеющимся. И даже внушали некую уверенность в том, что не все пропало, что все еще будет хорошо. Конан не возражал даже тогда, когда старшие родственники временами начинали бранить его, как мальчишку. Это тоже было вполне в обычае киммерийцев. Если бы запахло рукопашной, Конан, Куланн и Милах схватились бы за мечи и выступили плечом к плечу, как воины и ровня друг другу. Все остальное время Милах и Дейтра обращались с Конаном и Куланном, как с несмышлеными юношами. Внутри маленького мужского общества, естественно, Конан и Милах держались как старшие ровесники, тогда как Куланн перед ними был еще почти ребенком. А возле домашнего очага безраздельно главенствовала Дейтра. Она помыкала троими мужчинами и раздавала затрещины, отлично зная: начнись какая-нибудь заваруха, и ее мигом укроют в высокогорной долине, а мужчины, от мальчишек до стариков, обнажат оружие и выйдут против врага...

...Когда они добрались до места традиционной зимовки клана, оказалось, что почти все остальные уже прибыли. Всеобщий сбор вполне отвечал воспоминаниям Конана: в долину сошлось не менее трех, а то и четырех сотен людей. По южным меркам, киммерийцы никак не могли быть названы многочисленным племенем. Но чего им не хватало в количестве, они брали качеством. Начать хоть с того, что каждый мужчина был воином. Даже однорукий ремесленник, весьма охотно хватавшийся единственной уцелевшей рукой за оружие. Киммерийские женщины были рослыми и статными, дети — шустрými и подвижными и быстро взрослели.

Соседи-северяне часто называли киммерийцев «черно-волосыми», но не у всех волосы были одного цвета, хотя темные оттенки, бесспорно, преобладали. Глаза у большинства были светлые — серые, синие, голубые, — однако встречались и карие. А вот что бесспорно отличало киммерийцев от всех соседних племен, так это их сила, могучее телосложение, язык и — самая главная особенность — невероятное упорство и легендарная способность биться до последней капли крови, не отступая и не сдаваясь...

Конан с родственниками загнали свое стадо в общую загородку, где уже помещался другой скот, и закрыли ворота. Здесь, на обширном выгоне, стадо будет пастись до весны, если только снег не станет слишком глубоким. Весной стадо разберут владельцы, благо все клеймили скотину по-разному. И это тоже был киммерийский обычай, существовавший с поистине незапамятной древности.

Когда коровы были надлежащим образом устроены, Конан с родней подобрали свои кровельные шесты и понесли их к каменной коробке дома, намеченного Дейтрой. Остаток дня прошел за работой: они укладывали шесты, резали дерн для кровли, выкладывали возле двери торф и высушенный коровий навоз — на топливо. По сравнению с той жизнью, к которой Конан успел привыкнуть на Юге, здешний быт выглядел попросту первобытным. Но Конан сам чувствовал, что удивительным образом черпает в нем силы. Милах все же прав: вот она, настоящая человеческая жизнь. С другой стороны, Конан понимал, что при его-то

жажде странствий, вздумай он здесь задержаться, он бы подобной жизнью довольно скоро «объелся»...

Укладывая на крышу последний пласт дерна, Конан посмотрел вниз и увидел, что перед дверью домика собрались люди. Кое-кого из них он даже узнал. Неторопливо уложив дернину на место, Конан слез наземь. Его оружие лежало вместе с мечами Милаха и Куланна — внутри. Но, оказавшись безоружным среди свирепых вооруженных мужчин, Конан впервые за долгие годы никакой опасности не ощутил. Ибо все это были его родственники. Им, может быть, и не нравилось, как он себя вел. Но родство оставалось родством.

Конан отряхнул землю с рук и подошел к высокому сидящему бородачу, стоявшему впереди остальных. Этот человек был очень похож на самого Конана, если не считать длинной темной бороды. Его оружие, с виду простое и ничем не украшенное, было великолепнейшей работы. Не выделялся он и нарядami; однако нечто неувловимое выделяло его среди остальных.

— Приветствую тебя, Канах, — сказал Конан. Сам он и все остальные принадлежали к клану Канахов. А этот человек так и звался: Канах. Канах из клана Канахов. Вождь.

— И ты здравствуй, Конан, — отозвался Канах. — Много зим мы тебя не видали. В твоей семье почти не осталось мужчин. Ты вернулся, чтобы снова жить среди нас?

— По крайней мере, на какое-то время, — сказал ему Конан. — Я должен исполнить здесь, в горах, одно поручение, а прежде того рассказать о нем перед советом вождей.

— Расскажешь, — кивнул Канах. — Когда придет твоя очередь. Нынче вечером нам многое потребует обсудить. Я рад видеть тебя, Конан, хотя в прошлом мы с тобой не очень-то ладили. Похоже, этой зимой нам потребуются все наши лучшие воины...

— Значит, — спросил Конан, — предстоит обагрять копьём? Странное время для войны...

— Много странного сейчас происходит, — сказал Канах. — Сегодня вечером ты сам обо всем услышишь на сходке.

С этими словами вождь повернулся и пошел прочь, и за ним свита.

Конан забрал из дому свое оружие и двинулся в обход деревушки, возобновляя старые знакомства и расспрашивая о друзьях и общей родне. Он не слишком удивился, узнав, что большинства его прежних друзей уже нет в живых. Смерть всегда была частой гостьей в горных селениях. К тому же приятели Конана были беспутными юнцами вроде него самого. Вот они и окончили свои жизни, толком еще не начавшиеся...

Там и сям разгорались костры: здешняя долина располагалась недалеко от Пиктских Дебрей, и за десять лет, пока ее не посещали, успел накопиться хворост, пригодный на дрова. На торф придется переходить не раньше чем с середины зимы. У костров ходили вкруговую горшки пива, сваренного на нижних землях. Люди пели песни — странные, жутковатые, все без исключения похожие на похоронный плач, — песни, которые только и могла породить эта суровая земля.

Потом зашло солнце, и лишь отсветы из-за горизонта еще озаряли заснеженные вершины. Однако внизу, в долине, по-прежнему висел сырой осенний туман и моросил дождик. Прежде чем здесь выпадет снег, успеет смениться луна. Отряды охотников уже наведались в ближние холмы, заросшие лесом, и добыли нескольких оленей и кабанов. В деревне вкусно пахло жарящимся мясом, а мужчины затеяли состязания: прыгали кто выше, бегали наперегонки и метали тяжелые камни. При этом, в отличие от обратев-северян или пиктов, киммерийцы никогда не соревновались между собой не только на мечях, но даже и на палках. Слишком серьезно рассматривали они всякую схватку. Если уж киммериец брался за оружие, так только для того, чтобы убить!

Вокруг самого большого костра посередине деревни сидели вожди. Они ели мясо и передавали один другому кувшины с пивом. Конана пригласили к этому костру, и пышноволосая девчушка лет пятнадцати вручила ему большой ломоть оленины. При этом ее зоркие, можно даже сказать, хищные глаза обожали его мускулистую фигуру от макушки до пят: это был оценивающий взгляд

женщины, старающейся определить достоинства возможного мужа. О возвращении Конана уже прошел слух, а она была еще не просватана. И поди-ка заполучи в женихи киммерийского мужчину в самом расцвете лет. Редкость!

Конан завернул кусок дымящейся оленины в плоскую овсяную лепешку и запустил в него зубы. Жестковатое мясо показалось ему восхитительно вкусным. И вызвало в памяти сотню таких же пиров, когда он, мальчишка, дрался со сверстниками из-за объедков, оставленных взрослыми. Конан запил мясо добрым глотком пиктского ячменного пива и услышал, как его приветствовал седобородый старейшина, сидевший неподалеку:

- Здравствуй, родственник. Я знал твоего отца и деда.
- И я помню тебя, Анга, — отозвался Конан.

Старейшина слегка нахмурился:

- Чудным каким-то акцентом ты обзавелся, сын кузнеца. Вот что значит — жил на чужбине!

- Мне и на Юге все про мой акцент говорили, — пожимая плечами, сказал Конан. — Похоже, я ни одного языка в совершенстве так и не выучил.

Была у киммерийцев еще одна черта, разительно отличавшая их от соседей — асов и ванов. Если те пировали до самозабвения весело и разухабисто, то киммерийцы даже на величайших праздниках сохраняли торжественную серьезность. У воинов не было привычки, напившись, хвастаться подвигами, тем более — драться между собой. Хотя пиво и на киммерийских пирах обычно лилось рекой.

Утолив первый голод, Конан несколько затосковал по доброму рукоприкладству — конечно, бескровному.

— Вот у асов на пирушке, — сообщил он сидевшим поблизости, — сейчас уже хватались бы за мечи, а стропила подсакивали бы от воинственных песен, и воины всю выкликали бы имена вождей, которых им довелось зарубить..

На старого Ангу его слова не произвели особого впечатления.

Это хорошо, — сказал он, — что ты наконец вернулся туда, где люди умеют себя вести как подобает!

— Вот именно, — вступил в разговор мужчина с печальным длинным лицом, сидевший по другую руку Конана. — Кому, кроме труса или глупца, взбредет на ум хвастаться убитыми врагами? Всякий воин — враг он тебе или друг — стоит ровно столько, сколько стоит его сердце и рука. Вот мне, например, случалось принимать жестокие раны от всяких там свинопасов с равнин. Зато я видел, как падали вожди, сраженные мальчишками, впервые вышедшими на поле битвы...

Мужчины кивали головами, соглашаясь, что прозвучавшие слова были мудры.

— И все-таки, — упорствовал Конан, — я бы сказал, что в других странах знают цену веселью. Там поют песни, играют на арфах и флейтах... Девушки танцуют, жонглеры мечут факелы, дрессировщики водят ученых медведей... А у нас что ни песня — все равно что мертвого несем хоронить.

На него оглянулись так, словно он говорил на чужом языке.

— Ну да шут с ним, с весельем, — вздохнул он недовольно. — Вам все равно не понять.

Конан увидел, как у края освещенного круга появился Куланн. Извинившись, он встал, прихватив с собой горшочек пива. Потом подошел к юноше и передал ему горшочек.

— Держи, двоюродный брат, — сказал он Куланну. — Выпей. Не к лицу мужчине печаль в первый вечер зимовки.

Куланн отпил небольшой глоток и вернул горшочек.

— Спасибо, — коротко поблагодарил он Конана.

— Вот что, родственник, — сказал ему тот. — Я тут прослышал кое-что о тебе и о той девушке. Ты не первый, кто переживает такую потерю. Собери лучше друзей, и мы все вместе сходим за новой!

Куланн ответил ровным голосом:

— Мне нужна только она. Бронвит... Мы с ней дали клятву. Я ее жених.

— Ну... — ощущая неловкость, проворчал Конан, — если я правильно понял то, что мне рассказали, ваша клятва больше не имеет силы. Даже Кром не станет спрашивать строго, если ты нарушишь обет, данный мертвой.

— Я ее мертвой не видел, — упрямо возразил Куланн. — Ее тела не было среди тех, что оставались на кочевье.

— Ты точно уверен, что ее там не было? — спросил Конан. — Если не ошибаюсь, тела были в таком состоянии, что...

— Не было ее там! — с мрачной яростью выпалил юноша. — Я бы ее непременно узнал!..

— Даже если она жива, она потеряна для тебя навеки, — сказал Конан. — Забудь и думать о ней.

— Никогда! — был ответ. — Я поклялся ей именем Крома, что приду и заберу ее с собой. И что ни ее родственники, ни демоны горные или небесные не смогут мне в том помешать!

Конан собрался было заметить ему, что давать направо и налево клятвы именем Крома было по меньшей мере неразумно... но вовремя прикусил язык: вспомнил свою собственную недавнюю неосторожность. Он только спросил:

— Ну и как же ты собираешься ее отыскать? Ты сам отлично знаешь: пленники, которых заковали в цепи и доставили на побережье, не возвращаются никогда...

— Этих никто на побережье не уводил. Там не ванские работоторговцы орудовали, а какие-то демоны или сумасшедшие. Пленников увели на северо-восток!

— На северо-восток?... — задумался Конан, отхлебывая пиво и роясь в своих географических понятиях. — В Асгард, что ли? Или в Гиперборею?..

— Нет. В те страны ведет много дорог, проложенных по удобным долинам. И в Пограничное Королевство тоже... Мы много дней следовали за похитителями, и они все время лезли вверх, в горы. На самые неприступные хребты, где живут только белые козы...

— Значит, к Бен Мору, — пробормотал Конан, чувствуя, как волосы на голове порываются встать дыбом.

— Вот именно. Мы почти добрались до Полей Мертвых и уже видели перед собой снежный пик священной горы, когда спустилось очень плотное облако... Такое, что на расстоянии вытянутой руки ничего не разглядишь. И это был не обыкновенный горный туман! Облако

оказалось черным, точно сердце вана, вот только дымом не пахло. Что до меня, я все равно пошел бы вперед, пусть даже и ощупью... но мои спутники идти дальше не захотели. Они скрутили меня и силой оттащили назад...

М-да, — сказал Конан. — А ты знаешь, похоже на то, что очень скоро нам с тобой придется действовать сообща. Подожди немного: послушай, что я стану говорить перед вождями...

Действовать? — оживился Куланн. — О чем ты, двоюродный брат?

Ответить Конан не успел. Поднялся один из старейшин и, стоя перед костром, громко и протяжно протрубил в старинный рог. Это был великий рог всеобщего сбора, древнее, бережно хранимое сокровище клана Канахов. Когда-то, очень давно, его изготовили из рога громадного животного, неведомого в здешних горах. Всю его поверхность покрывали руны и рельефные резные фигурки. Легенда гласила, что он некогда принадлежал самому первому из Канахов.

Конан с Куланном передвинулись ближе к огню, туда, где сидели вожди. Собрание возглавлял Канах и с ним — предводители крупнейших родов (киммерийцы называли отдельные родственные семьи «септами»), а также наиболее прославленные воители. Многие из этих последних были люди самого простого звания, удостоенные чести сидеть среди старейшин не по принадлежности к могучему роду, а исключительно благодаря личным заслугам. Но были там и другие, и это обстоятельство мигом привлекло внимание Конана.

Рядом с Канахом сидел мужчина средних лет с волосами, заплетенными на висках в косы по обычаю клана Раэда. У другого физиономия пестрела синей боевой раскраской. — обычай Туногов. Этих-то что могло привести на собрание?... Конану оставалось только недоумевать. В Киммерии, с ее бесконечными распрями, мирная сходка вождей разных кланов обычно происходила только на ярмарках: в середине зимы и ранней весной.

Вот Канах поднялся и простер обе руки над головой. Громадный рог прозвучал еще дважды. И смолк.

— Дети Канахов! — прокричал вождь. — Все мы, не только клан Канахов, но и все кланы Киммерии, оказались перед лицом страшной опасности! Со времен Венариума нам еще ни разу ничто подобное не грозило... Нам следует объединиться и вместе побороться с напастью — или вымереть одному за другим, ибо враг не знает пощады. Настал час общей беды, а значит, мелкие войны должны быть немедленно прекращены. Никаких убийств из мести, никаких похищений девушек в жены! Никаких набегов за скотом!.. Пока вожди не объявят, что опасность миновала...

Слушатели, не сговариваясь, испустили общий вздох недовольства. Надвигались нескончаемо скучные зимние месяцы, и только что перечисленное Канахом представляло собой излюбленные развлечения.

Рог прокричал вновь, призвав к тишине.

— Вы все успели прослышать о попытке похищения девушки, предпринятой юным Куланном и его братьями, среди которых был и мой сын. Равно как и о том, что они обнаружили в становище Муррохов. Когда я сам услышал рассказ сына, я отправился из клана в клан, неся с собой белый щит мира. Я расспрашивал наших соседей, не было ли еще у кого подобных же происшествий... — Канах сделал паузу, люди клана слушали его молча, взволнованно замерев. Сколько лет прошло с той поры, когда вождь последний раз путешествовал с белым щитом! А Канах продолжал: — И вот что мне рассказали... Многие становища — не менее сотни числом! — оказались уничтожены подобным же образом! Сидящие рядом со мной сами расскажут вам о своих горестях... — Тут он повернулся к мужчине с косами на висках и произнес обычную формулу приглашения к беседе: — Рорик из клана Раэда, скажи слово моим детям и братьям!

Тот поднялся.

— Я Рорик Раэда, — начал он. — Я брат Раэды Раэды. Я пришел сюда с белым щитом. Десять лун тому назад погибли шесть семей клана Раэда. Погибло сорок мужчин и женщин, и примерно столько же детей было уведено в высокие горы. И я говорю вам, что клан Раэда не обратит оружия против других киммерийцев, пока с напастью не будет покончено!

Произнеся эти простые, но веские слова, Рорик вновь сел.

— Твил из клана Туногов, — сказал Канах, — скажи слово моим детям и братьям!

Человек в синей боевой раскраске поднялся, опираясь на древко копья.

— Я — Твил, старший военный советник клана Туногов. Я пришел сюда с белым щитом. Нынешним летом было уничтожено четыре наших семьи. Тридцать душ погибло или попало в плен. Мы также знаем, что за пределами наших владений погибли две семьи из клана Лакхейш. Мы, мужи клана Туногов, раскрасили свои лица, готовясь к войне. Мы не сможем военной раскраски, пока с напастью не будет покончено. И до тех пор между нами и остальными кланами будет царить мир!

Туног сел.

— По словам Куланна, моего сына и остальных, выходит, что зло свило гнездо в горах близ Бен Мора, — несколько нараспев продолжал Канах. — Нечистым созданиям мало того, что они истребляют ныне живущих. Они решили надругаться еще и над мертвыми, ведь дорога в те места и обратно проходит Полями Мертвых! Не имеет значения, что это за существа. Люди или нелюди — они наши враги! Они осквернили землю Киммерии. Они должны умереть.

— Есть ли хоть кто-нибудь, кто воочию видел демонов и остался в живых, чтобы рассказать? — спросил седобородый воин.

— Один мальчик из клана Раэда пас овец неподалеку от становища как раз во время налета, — ответил ему Рорик. — Мальчик заметил какую-то суматоху в селении и побежал узнать, что же случилось. Он увидел с края высокой скалы, что поселение окутал очень странный черный туман. Он никогда еще не видел такого тумана. Мальчик лег ничком и стал наблюдать. Спустя время облако снялось с места и поползло на северо-восток. Он слышал, как там, внутри, плакали дети. Потом он рассмотрел разрушенные дома и трупы, лежавшие среди развалин. В том селении погиб Чамта, наш величайший воитель... Кто-то вырвал его сердце из груди и сожрал!.. Но и на мече Чамты

остались чешуя и черная кровь. Чешуи не металлические, вроде тех, в которые облачаются ваны... Казалось, Чамта ранил гигантскую рыбину или змею. Никому из нас не захотелось прикасаться к таким нечистым вещам, и мы сожгли их там же, где и нашли.

— Завтра мы разошлем Кровавые Копья, чтобы собрать воинов всех кланов к Стоячему Камню, что на Поле Вождей, — сказал Канах. И указал на половинку луны, сиявшую в небесах. — Воины соберутся там, когда луна снова станет полна. Все до последнего человека!

— Не все! — сказал Конан, выходя в круг света. — Меня там не будет. Я сперва должен сделать кое-какие иные дела.

Толпа народа разразилась возгласами удивления, разочарования и презрения. Стоявшие ближе других отодвинулись прочь, как если бы рядом с ним можно было запачкаться. Канах смотрел на него, гневаясь и не веря себе.

— Ты отроду ни с кем не считался, Конан, — сказал он наконец. — Но трусом ты, кажется, до сих пор не был.

— Дело не в трусости! — проворчал Конан. — Дело в том, что я дал слово и должен его сдержать... — И он, стараясь говорить как можно короче, рассказал о деле, на которое подвигла его необдуманная клятва, данная Хатор-Ка. — Теперь вы видите, — закончил он свою невеселую повесть, — если я стану дожидаться собрания кланов и похода через Поля Мертвых, я не доберусь до Бен Мора ко дню осеннего равноденствия. Чтобы поспеть, я должен отправиться туда прямо завтра...

Канах плюнул наземь:

— И почему я не умер, не увидев дня, когда мой родственник поставит клятву чужеземной колдунье превыше блага своего клана?..

— Превыше всего для меня верность данному слову! — рявкнул Конан. — Я поклялся именем Крома! И тот, кто попыбует заставить меня отказаться от клятвы, подавится сталью! Хотя бы он был моим собственным братом!

Конан хлопнул ладонью по рукояти меча. В ответ на это движение добрая сотня мужчин выхватила оружие.

Слитный шорох ста мечей, извлекаемых из ножен, породил эхо в долине.

— Остановитесь! — крикнул Канах. Все замерли на своих местах. Вождь продолжал жечь Конана гневным взглядом: — Ты, Конан, редкостный дурак. Таким ты родился, таким, верно, и помрешь. Но ты, конечно, не трус. Надо поистине быть храбрецом, чтобы бросить вызов всей вооруженной мощи клана Канахов... Что ж, отправляйся за этим своим проклятым делом: я не сомневаюсь, что это еще одно несчастье в той цепи зол, которые нам уготованы... Если в дороге выяснишь что-нибудь, присоединяйся к походу кланов, как только сможешь. А если попадешь в плен... — тут он наставил на Конана указующий палец и заговорил голосом угрюмым и непреклонным, точно сама судьба, — ...если попадешь в плен — умри под пытками, ни словом не упомянув о нашем собрании и о тех решениях, которые мы здесь принимали!

— Да уж не бойся, не заговорю, — проворчал Конан. — Этот клан, кажется, еще не рождал слабаков. А ты, Канах, сделай одно хорошее дело. Когда станешь рассылать Кровавые Копья, отправь одно Вульфхере асу, если только он еще жив. Передай ему, чтобы приходил со своей дружиной сражаться вместе с нами. Скажи, мол, Конан зовет его. Он мой давний должник...

Тут поднялся один из воинов. Его лицо от лба до подбородка пересекал чудовищный шрам. Края плохо сросшейся раны мешали ему открывать один глаз. Он спросил:

— Когда это нам требовалась помощь желтоволосых?..

— Она нужна нам сейчас! — сказал Твил Туног. — Во имя Крома, нам пригодится любая помощь! Учитывая, что за враг перед нами, я бы и от ванов принял подмогу!..

Из потемок в круге света появился рослый юноша.

— Конан завтра пойдет не один, — прозвучал голос Куланна. — Я иду с ним.

— Прежде чем идти, назови-ка причину, да притом достойную! — сказал Канах. — Если ты хочешь прославиться, первым сойдясь с врагом, так лучше скройся и не позорь свой дом! Твое место — среди воинов рода!

— Я тоже дал клятву, — просто и с достоинством ответил Куланн. — Я долго ждал, пока мне представится

случай ее соблюсти. Речи Конана напомнили мне о моем долге...

— Ладно, — вздохнул Канах. — Идите, если иначе не можете. Грех осуждать людей за то, что они верны своему слову... — Его суровые глаза старались пронизать сумрак за пределами освещенного круга. — Я говорю только об этих двоих! Все остальные, кто способен носить оружие, отправляются со мной к Стоящему Камню!

И указал пальцем на молодого человека, державшегося поодаль от костра:

— Ты, мой сын, возьмешь своих двоюродных братьев и отправишься на розыски трех семей, которые еще не прибыли. Выясни, не расправились ли с ними чудовища. А вы, остальные... — и он обвел собрание яростным взглядом, — готовьтесь к тяжелому переходу и к бою, который будет еще тяжелей!..

В полночной тьме Конан, Куланн и Милах молча шли к своему домику на краю поселения. Остановившись у двери, они оглянулись на поселение, скупо освещенное кострами, догоравшими перед некоторыми жилищами. С той стороны доносился звук, напоминавший сдержанное гудение роя насекомых. В нем мешались скрип, звон и царапанье. И производили его вовсе не насекомые. Это каменные точила скользили по лезвиям мечей, кинжалов, секир и наконечников копий. Киммерийцы, и в благодушном-то настроении производившие впечатление людей свирепых, готовились к бою с тщательностью поистине ужасающей...

— Все мечи вдосталь умоются кровью... — проговорил Милах. И повернулся к Куланну: — Ну что, паренек? Все еще сожалеешь, что опоздал родиться и не поспел к осаде Венариума?..

— В тот раз вы, по крайней мере, сражались с врагами из плоти и крови, — ответил Куланн. — Я бы лучше пошел в одиночку на десять тысяч обыкновенных врагов, чем на поганных неведомых тварей с Бен Мора...

— Меч Чамты уже доказал, что, когда их порежешь, у них течет кровь, — сказал Конан. — А коли у них течет

кровь, то, во имя Крома, это значит, что их можно прикончить! Пошли-ка немного поспим: прежде чем над горами взойдет солнце, мы должны уже спешить по дороге к Бен Мору!..

Глава девятая

НА ПОЛЯХ МЕРТВЫХ

Старкад хлопал в ладоши, стараясь согреть руки: даже его широкий плащ из куницы и волчьего меха не мог спасти от горного холода. Дыхание паром вырывалось из ноздрей и, схваченное утренним морозом, оседало на нащечниках полированного железного шлема, отделанного серебром. Холодно было в горах, зверски холодно! Когда люди Старкада пробудились нынешним утром, их латы густо покрывал седой иней...

Вождь посмотрел из-под стрелки шлема на человека, сидевшего на выступе скалы выше по склону. Это был Джаганат, и занимался он явно тем, что готовил какую-то бесовщину. Старкад ничуть в том не сомневался. В обычное время вендиец, уроженец теплой страны, был гораздо чувствительнее к холоду, чем самый «изнеженный» среди северян. И вот поди ж ты! Сидит, скрестив ноги, на самом юру, облаченный всего-то в набедренную повязку да тюрбан, можно сказать, голой задницей на льду... выставив непристойно жирное тело на лютый морозный ветер, который и Старкада-то до костей пробирал...

Молодой вендиец, тот, которого звали Гопалом, наоборот, кутался в меховую одежду такой толщины, что мог бы сойти за небольшого кругленького медведя. Он подошел к Старкаду, бочком передвигаясь по склону.

— Мой дядя творит великую магию, северянин, — сказал он вождю.

— А со стороны похоже, что спит, — отозвался ван. — Я еще понимаю, плясал бы, вопил, руками размахивал... А то ни жертв не приносит, ни дыма тебе, ни пламени...

— То, о чем ты говоришь, — фокусы для простодушных детей, — сказал Гопал. — Истинные подвиги магии соверша-

ются вот здесь... — И пальцем в перчатке он постучал себя по виску сквозь меховую шапку. — Настоящие маги, такие, как мой великий дядя, могут месяцами пребывать в трансе, беседуя с Богами и творя могущественное колдовство!

Старкад сверху вниз посмотрел на коротышку и фыркнул. По обе стороны шлемовой стрелки вырвались струйки белого пара.

— Мы, — сказал он, — на наших священных праздниках сотнями вешаем пленников на деревьях заповедных рощ. А остальным режем глотки, обливая кровью почитаемые камни. Это ублажает Имира и дарует нам победу в войне. Вот волшебство, которой я верю! А то, понимаешь, какое-то бормотание... ме... меди... медитации разные!

Юноша лишь улыбнулся с видом полного превосходства. Старкаду же стало ничуть не легче от высказанных вслух полупрезрительных слов. Хотел бы он знать, каким образом толстяк выдерживал холод?..

— Этот мороз происходит не от естественных причин! — сказал ван, решив переменить скользкую тему. — Мы, конечно, забрались высоко, но такого холода здесь еще не должно быть. Сейчас только середина осени, а морозит так, словно стоит коренная зима!

— Все дело в том, что в этих местах сшибаются могущественные волшебные силы, — ответил Гопал. — Чему ты удивляешься? Самим Богам нынче не по себе. Силы Неба, Земли и Нижнего Мира сошлись в схватке за первенство. В такие времена само Колесо Вечности придерживает свое вращение, а привычные вещи происходят не так, как всегда... Смотри! — Гопал вытянул руку, указывая в небеса. — В этом году загорелась новая звезда. В созвездиях Скорпиона и Дракона вспыхивали кометы, а потом неожиданно пропадали. В море видели странных тварей, летом стоит иссушающая жара, зимой свирепствует небывалый мороз... Стигию нынешним летом дважды затапливал ужасающий ливень: подобного не видело много поколений! Земля сотрясается от края до края: незримые драконы грызутся в ее недрах...

— Хватит! — поежился Старкад. — Как я жалею, что согласился сопровождать тебя и твоего сумасшедшего дядю, что вообще дал себя впутать в эту дурацкую историю...

— Не обманывает ли меня слух? — спросил Гопал. — Может ли такое быть, чтобы великим воителям Ванахейма, оказывается, ведом был страх?..

Старкад потянулся было схватить и как следует встряхнуть коротышку, но вовремя одумался и опустил руки.

— Нет такого воина, который не страшился бы черной магии, ты, дуралей, — проворчал он. — Никто не видит бесчестия в этой боязни. Одно дело — завоевать расположение Божества, принеся Ему жертву. И совсем другое — играть с Силами, постичь которые не дано человеческому уму! Вот это-то мне и не нравится!..

— Зато ты любишь золото, — улыбнулся Гопал.

— Верно, люблю. Очень даже люблю. И не будь вы с дядей так нафаршированы золотом, я сейчас сидел бы у себя в доме, как подобает уважающему себя предводителю. Скажи спасибо, что я побаиваюсь колдовства твоего дядюшки! Не то я давно бы уже прирезал вас обоих и забрал казну себе...

Гопал засмеялся:

— И впрямь хорошо, что ты опасаясь. Хорошо для тебя же, Старкад. Уж не думаешь ли ты, что такому магу следовало бы бояться чего-то со стороны мелкого разбойничьего вожака вроде тебя?.. Великому Джаганату случилось втаптывать в кровавую пыль целые армии...

— Тогда, — с торжеством спросил Старкад, — на кой ляд ему вообще понадобился эскорт?..

— Да уж не затем, чтобы он охранял его от каких-то там киммерийцев, — высокомерно заявил Гопал. — Просто, когда мы доберемся до нашей цели, он должен будет сотворить еще более могущественную волшбу. Вот дядя и не хочет, чтобы кто-то начал беспокоить его посредине обрядов, требующих полного сосредоточения...

На этом их разговор был прерван самым невежливым образом. К ним, недобро поглядывая на вождя, подошла группа ванов, возглавляемая тем самым здоровяком воином, что еще дома подвергал сомнению целесообразность похода. Он сказал:

— Поговорить бы надо, Старкад!

Старкад отвернулся от ученика колдуна и небрежно оперся на боевой топор:

— О чем станем говорить, Гверт?

— Мы тут с ребятами перекинулись словечком, — ба-совито пророкотал тот в ответ. — Мерзкая погода, которую мы нынче терпим, не иначе, происходит от какой-нибудь дьявольщины. Это великанская зима, навешенная демонами! А уж путешествовать в обществе колдунов — совсем себя не любить. Вот мы и порешили: зарубим-ка чужеземцев, возьмем себе золотишко, да и свалим домой!

— Мы решили! — передразнил Старкад, и во взгляде его была смерть. — Вот так взяли и порешили! И до того важным был ваш совет, что даже и вождя забыли на него пригласить!

Он обвел воинов свирепым взглядом. Никто не захотел встречаться с ним глазами, только Гверт.

Гверт без предупреждения вскинул топор, намереваясь расколоть череп Гопалу. Вендиец, быстрый и ловкий, отреагировать не успел — так и стоял с отвисшей челюстью, вытаращив глаза. Секира Старкада взвилась навстречу и перехватила топор Гверта нижней частью лезвия. Тем же самым движением Старкад послал вперед обух секиры и сбоку ударил Гверта по шлему. Гверт рухнул наземь, загремев чешуйчатыми латами. Старкад замахнулся снова, чтобы разрубить его пополам, но сбитый с ног воин проворно откатился в сторону. Лезвие зазвенело, ударившись о промороженную землю.

Гверт немедленно вскочил, и двое мужчин закружились по склону. Каждый держал свой топор одной рукой за конец топорница, другой — под самой головкой. Остальные наемники следили за поединком, дипломатично храня тишину. Все знали: начнешь «болеть» за того, кому суждено проиграть, и победитель не скоро это забудет. Они встали широким кругом: поединок на топорах требует изрядного места.

Потом Гверт издал вопль безумной ярости и прыгнул вперед, предполагая прижать Старкада спиной к высокой скале. Тот, однако, легко отскочил в сторону, так что секира высекла искры, грянув о камень. Гверт на миг потерял равновесие, и в это время топор Старкада взвился в коварном размахе, врубаясь в металлические чешуи, прикрывавшие позвоночник противника. Гверт судорожно вскинул

руки, его топор полетел прочь. Старкад выдернул лезвие, и Гверт рухнул, как бревно, вниз лицом на холодную землю. Старкад шагнул вперед и вновь замахнулся. Голова Гверта откатилась от тела. Его рыжая борода была срезана чуть пониже подбородка. Стылый ветер потащил прочь клочья слипшихся от крови медных волос.

Старкад поудобнее перехватил оружие и с обманчивой небрежностью обратился к зрителям:

— Если еще кто желает оспорить мое право быть вождем, выходите! Я как раз разогрелся, так не лучше ли покончить с этим делом прямо сейчас?.. — Он огляделся кругом, но никто из его людей как-то не пожелал ответить на вызов. — Вот и отлично, — сказал Старкад. — Значит, идем дальше в Киммерию.

Джаганат, успевший облачиться в свои обычные меха, обошел мертвое тело, стараясь не наступить в расплывающуюся кровавую лужу.

— На нас что, враги напали, пока я медитировал? — обратился он к Старкаду.

— Да так, ничего особенного: просто маленькие разногласия, касавшиеся порядка наших действий, — ответил ванский предводитель. — Все уже улажено. Ты готов продолжать поход?

— Готов! — заверил его Джаганат.

— Сегодня пересечем границу Киммерии, — сказал Старкад. — Это значит, что всякий, кого мы ни встретим, — наш враг. Если повезет, может, сумеем приблизиться к Бен Морю незамеченными. Киммерия, на наше счастье, не так густо заселена, как Ванахейм. Может случиться даже, что удастся до самого места дойти без сражения. Но вот вернуться без драки... в это как-то не верится.

К его удивлению, Джаганат рассмеялся. Его смех больше напоминал глубокий рокот, доносившийся из недр обширного чрева.

— Твое дело, Старкад, доставить нас туда, — сказал он. — О возвращении можешь не беспокоиться.

Его племянник подхватил дядин смех. Старкад ничего не понял, но про себя еще больше уверился, что эти двое просто сошли с ума.

Конан и Куланн вышли в путь до рассвета. Они не взяли с собой никакого имущества, кроме оружия и теплых плащей да кремня с кресалом, чтобы разводить огонь. Еще у них был с собой мешочек черного хлеба, немного вяленого мяса и твердого сыра. Флаг они с собой не потащили: путешествуя по Киммерии, трудно было более чем на несколько шагов удалиться от речки или ручейка. Оба шли широкой походкой горцев. Такой шаг буквально пожирает милю за милей, покрывая расстояние гораздо вернее, чем копыта готовой споткнуться лошади. А горцы, отшагав так целый день, почти не чувствовали усталости.

Посоветовавшись, они решили двигаться по возможности кратчайшим путем. Перемирие, заключенное между кланами, позволяло им выбирать лучшие дороги и сполна использовать дневные часы. Но даже и при столь благоприятных условиях путешествие обещало стать долгим и многотрудным. К тому же им предстояло забираться все выше в горы...

Под вечер пятого дня они заметили вооруженных людей, двигавшихся гуськом. Воины шли по гребню горного кряжа, четко видимые на фоне опускавшегося солнца. Куланн инстинктивно дернулся спрятаться... Потом вспомнил о перемирии и смущенно присоединился к Конану.

Тот усмехнулся:

— Трудно расставаться с привычкой... Судя по хвостикам на макушках, это воины клана Галла.

— Может, лучше все-таки не показываться им на глаза? — хмуро предположил Куланн. — Этот клан живет далеко... Как знать, добрались ли уже до них Кровавые Копья?

Но в это время воины, шедшие по гребню, заметили двоих путешественников и принялись размахивать копьями над головой в знак мирных намерений. Если бы они хотели напасть, они издали бы боевой клич и изготовились для атаки.

— Пошли поговорим с ними, — сказал Конан. — Вдруг они видели или слышали что-нибудь полезное?

И двое мужчин рысцой направились к гребню.

Клан Галла даже по киммерийским меркам считался отсталым и диковатым. Его воины сплошь татуировали

свои тела замысловатыми полосами и спиралями, а волосы, связанные в хвосты на затылках, украшали костяными амулетами. Они носили длинные плоские деревянные щиты и единственные среди всех киммерийских племен предпочитали в качестве оружия сучковатые палицы. Эти палицы они изготавливали из твердой, как камень, древесины скрюченных деревьев, которые росли на их землях. Кое у кого были копья с железными наконечниками. Из одежды присутствовали только килты из волчьих шкур, татуированные ноги не ведали обуви.

— Почему вы идете не к Стоячему Камню? — безо всяких предисловий спросил двоих Канахов вождь Галла.

— Мы исполняем иной долг, — ответил Конан. — Мы идем на Бен Мор.

— Что же за дело ведет вас на священную гору?

— Оно касается только нас одних, — без лишней учтивости ответил Конан. — А вы давно ли покинули свои жилища?

— Две ночи назад к нам явился бегун и принес Кровавое Копье. Мы двинулись в путь вчера на рассвете.

— Большинству армий, — проворчал Конан, — понадобилась бы неделя, чтобы покрыть расстояние отсюда до земель Галла...

— Демоны уже нападали на Галла? — спросил Куланн.

— Четыре семьи уничтожены, — мрачно сказал предводитель. — Нам не терпится выяснить, есть ли у этих тварей мозги, которые можно размазать по камню...

И он потряс устрашающего вида палицей, а потом взмахнул ею над головой так легко, как если бы это был прут.

— Что ж, не будем вас задерживать на вашем пути к воинскому собранию, — сказал Конан.

И Галла, не прибавив более ни слова, затрусили прочь ровной рысью. Таким образом они могли бежать хоть весь день. Уже сгущались сумерки, но они преодолеют еще множество миль, прежде чем темнота наконец вынудит их устроить привал.

— Хорошо бы иметь подобных союзников, когда грянет бой, — сказал Конан. Они с Куланном тоже без дальнейшей задержки зашагали вперед.

Жаль, что я не побываю на общем сборе, — вздохнул Куланн. Я еще ни разу не видел сбора большого войска. То-то было бы о чем рассказывать внукам...

Если останемся живы, войско ты увидишь обязательно, — утешил его Конан. — А не останемся, тогда и насчет внуков беспокоиться не придется.

Ночь они провели под козырьком нависшей скалы, ибо начал падать снежок. Под свесом скалы обнаружилось несколько кусков торфа, пригодного для костра, — остатки запасов какого-нибудь пастуха. Кресало ударило по кремню, скоро разгорелся огонь. Веселое пламя отогнало прочь тьму. Некоторое время двое мужчин задумчиво смотрели в костер. Каждого донимали свои собственные нелегкие мысли.

Конан, заговорил наконец Куланн. Как по-твоему, с чем нам придется бороться? Что нам может встретиться на Бен Море?..

Откуда ж мне знать, проворчал тот. Чудовища, демоны, какие-нибудь духи племен Куша. Мало ли что!

Но на что этим тварям пленники? — не унимался Куланн.

Может, им нужны рабы, — сказал Конан. Или просто еда.

Почему же только дети и женщины?

Наверное, женщины и дети вкуснее, — предположил Конан. Не удивлюсь, если киммерийские мужчины жестковаты даже для демонов.

Куланн вновь замолчал и уставился в пламя. живое воплощение мрачного уныния. Только представить себе, что Бронвит... его Бронвит... послужила пищей какому-нибудь ужасному, отвратительному монстру, способному явиться лишь сумасшедшему в страшном сне!..

Когда они приблизились к Полям Мертвых и впереди начала вырастать величественная громада Бен Мора, они увидели, что в небе над священной горой дрожало зловещее мертвенное сияние. В сумерках вырисовывались силуэты каменных курганов, выложенных много столетий назад над

могилами киммерийских вождей и героев. Земля здесь была слегка припорошена снегом, но на крутых склонах каменных груд хлопья не задержались.

— Что там за свечение? — спросил Куланн. — Что могло его породить?.. Неужели огонь? Но на Бен Море ни торфа, ни дерева нет...

— Сколько вопросов, — проворчал Конан. — Это ты мне их задаешь? Я что, больше твоего знаю?.. Я бы на твоём месте поберег силы для вещей более важных, — скажем, для драки...

— С кем драться-то? — удивился Куланн.

— Для начала, — сказал Конан, — с теми засранцами, что прячутся по другую сторону кургана...

И с этими словами Конан взлетел вверх по обомшелому склону ближайшей насыпи. Куланн, киммериец до мозга костей, ушами хлопать не стал: проворно вскарабкался следом за спутником. Он поравнялся с Конайом еще прежде, чем тот успел полностью вытащить меч. С вершины они заметили двух типов, вооруженных чем-то вроде копий, затаившихся в темноте и готовых снять головы зазевавшимся путникам. Те не успели поднять голов, как сверху на них свалились два черноволосых воителя.

Двое внизу внешними своими обводами сильно напоминали людей, пусть даже сходство было неполным. Но вот пикирование, вырвавшееся у одного из них, человеческая глотка породить ни в коем случае не могла. Конан, спрыгивая вниз, замахнулся мечом, и его клинок расколол череп оглянувшейся твари еще прежде, чем ноги киммерийца коснулись земли.

Куланну повезло меньше: он приземлился далековато от намеченного врага, и тварь ткнула в него коротким копьём, наконечник которого скорее напоминал широкий меч. Куланн увернулся от выпада неуклюжего оружия, в свою очередь ударил копьём... и едва сумел проколоть чешуйчатую шкуру на груди монстра. Раздраженно зашипев, чудище вдруг развернулось... и хвост, длинный, мускулистый хвост хлестнул, точно кнут. Он хватил Куланна по боку и отбросил парня к склону каменной кучи. Широкое лезвие взвилось для добивающего удара, но Куланн вовремя откатился, а тут подоспел и Конан, проткнувший

монстра мечом со спины. Злобно зашипев в последний раз, двуногий ящер издох.

— Кром!.. — вытирая меч, выдохнул Конан. — Чуть руку не вывернул, пока прорубил! У них, похоже, кольчуги прямо на теле растут!..

Куланн поднялся, болезненно пошатываясь.

— Прости, Конан, — сказал он, с трудом переводя дух. — Надо было бы взять одного живым для допроса. Я хотел было прижать своего... где ж мне было знать, что копьё сквозь шкуру не полезет...

— Эти красавчики нам вряд ли бы что рассказали, — буркнул его старший товарищ. Действуя кинжалом, он разомкнул пасть одному из поверженных монстров и осмотрел язык. Язык оказался длинным, толстым и раздвоенным. — Если у этих тварей вообще есть членораздельная речь, спорю на что угодно, человеку уж точно ее не понять! С таким языком невозможно произносить человеческие слова. Ну там, разве что тайную речь прислужников Сэта...

— Сэт? — удивился Куланн. — Это кто такой? Это Бог?..

— Да, Бог, и не из добрых. Знаешь, не удивлюсь, если он вправду стоит за всеми здешними мерзостями. Все колдуны Стигии — на побегушках у этого злобного Бога...

Конан говорил ровным голосом, но Куланн уловил нотку врожденного ужаса перед сверхъестественным.

— Чтобы этот, как его... Сэт бросил вызов Отцу Крому на Его собственной земле? — не поверил Куланн.

— Неисповедимы пути демонов и Богов, — сказал Конан. — Никто не может заранее знать, что они сделают, чего не сделают... Ладно, мы выяснили самое главное: эти голубчики умирают, если треснуть как следует. И в дальнейшем не забывай про хвосты! Такой предательский удар может и врасплох застать честного воина... Эх, рассмотреть бы гадов получше! Но в такой близости от Бен Мора костер жечь не годится...

— Интересно, — сказал Куланн, — эти двое сидели здесь просто на карауле? Или их нарочно выслали нам навстречу?

— Я сам не отказался бы это выяснить, — ответил Конан. Мысль о том, что неведомый враг, быть может, в

самом деле знал об их приближении, очень ему не понравилась.

Резко тронувшись с места, он зашагал прямо в сторону горы, да так быстро, что Куланн еле угнался за ним.

— Значит, мы говорили об этом свечении в небесах, — сказал Конан так, словно и не было у них только что опасного столкновения с людьми-ящерами. — Видал я на Юге жирный черный камень, который там жгут как топливо. Его добывают в земле, там, где нет ни торфа, ни дерева. Но от него получается густой вонючий дым, а здесь я дыма что-то не вижу...

Они почти добрались до верхнего конца Полей Мертвых, когда их глазам предстал некто, восседавший на макушке одного из курганов, быть может древнейшего на Полях. Незнакомец сидел неподвижно и молча, только холодный ветер развеивал лохмотья рваных одежд. Рассмотреть его толком было невозможно, виднелся лишь силуэт на фоне кроваво-красного неба. Два меча зашипели, как змеи, выползая из ножен. Киммерийцы остановились в десятке шагов от насыпи.

— Говори, кто ты такой есть и что ты тут делаешь, сказал ему Конан. — И говори быстро, не то напоишь своей кровью одного из наших древних вождей!

Человечек поерзал на камнях и вдруг захихикал:

— Что, северянин? Никак твоя надумала прикупить еще амулета? Моя продавай! Моя дешево продавай!

На несколько мгновений Конан точно прирос к месту от неожиданности.

— Кром!.. — сказал он наконец.

— Нет, тут не Кром. Тут просто Ча, прорицатель Кром, он живи там, повыше... — И кхитайский гадатель ткнул пальцем через плечо, в сторону Бен Мора.

— Ты что, Конан, знаешь этого старикана? изумился Куланн. Он, конечно, ничего не понял из их короткого разговора.

Кхитаец повернулся к юноше.

— Моя и Конан давние друзья, сообщил он ему на ломаном киммерийском.

— Он хоть человек? спросил Куланн Он говорит еще хуже пиктов...

— Человек, — успокоил его Конан. — Весьма своеобразный, но человек. — И вновь обратился к кхитайцу: — Почему ты, старик, притворялся простым шарлатаном? Продавцом дешевеньких амулетов?..

— О чем твоя говори? — возмутился Ча тоном оскорбленной невинности. — Твоя не нравись моя амулет? Стояла бы ты тут, пожалуй, если бы не моя амулет!..

Конан попробовал пальцем остроту своего меча.

— Не люблю я, дед, когда со мной в игры играют, — тихо и зловеще проговорил он. — Хатор-Ка, стигийская сука, уже выставила меня дураком. А теперь и ты мне лапшу на уши вешаешь!

— Моя с самого начала тебе говори: твоя — всего лишь фишка на игральной доске Богов! — заявил Ча. — Теперь твоя злишь, потому что это окажется правда?

— Правда не правда, а только мне почему-то охота кое-кого прирезать, — заворчал Конан. — А ты так удобно сидишь...

И он начал подниматься на насыпь.

— погоди! — заторопился кхитаец. — Я нужен твоя. Твоя нужен мне.

Конан приостановился.

— Ну и на кой ты мне? — осведомился он подозрительно.

— Твоя горазд только драться, а моя... моя — великий маг. Там, наверху... — он вновь указал на пламенеющую вершину Бен Мора, — там происходит великое волшебство. Злое волшебство! Чтобы сражаться с ним, одних мечей недостаточно!

— Да, — сказал Конан. — Твои занюханные амулеты там, конечно, очень помогут.

— Твоя не бойсь! — блестя зубами в сумерках, заулыбался кхитаец. — Моя магия сильный, очень сильный. Как по-твоему, каким образом я сюда добрался?

— Я как раз собирался спросить! — озадаченно проговорил Конан. — Слышь, Куланн!.. Последний раз я видел бессовестного попрошайку еще знаешь где? В Хоршемише. Это город такой. На Юге. Я путешествовал оттуда много недель. А он каким-то образом меня обогнал! Как тебе это удалось, гадалыщик?

— Да совсем просто, — ответил кхитаец, слезая с камня и с достоинством поправляя лохмотья. — Моя прилетает верхом на драконе. Ну так что, пошли влезем на гору?

Двое изумленно примолкших киммерийцев снова зашагали к Бен Мору, и с ними — обтрепанный кхитайский волшебник...

Рассвет озарил молчаливое, пустынное Поле Вождей. Ни один клан не возделывал эту землю, ничьи коровы и овцы не паслись между странными, жутковатыми камнями Поля, покрытыми непонятной резьбой. Камни эти так обросли мхом, что забредший сюда человек мог долго бродить между ними, прежде чем заметил бы геометрический узор на поверхности. И еще больше времени потребовалось бы ему, чтобы осознать: это была совсем не та геометрия, которую преподавали ученикам аквилонские мудрецы.

Что касается киммерийцев, они просто не имели никакого понятия о геометрии — такой ли, этакой. Странность узора никогда не бросалась им в глаза.

Камни были разбросаны по небольшому плоскогорью, — округлые горбы, которые мох покрывал несколько необычным образом: равномерно со всех сторон. А посередине возвышалось то, что киммерийцы именовали Стоячим Камнем. Это был голый каменный «палец», и камень такой породы нигде больше в горах не встречался. Поверхность «пальца» была шершавой и изрытой, и мох на нем не рос совершенно. Если верить древней легенде, некогда этот монолит послужил чем-то вроде метательного копья в войне между Богами: Кромом и Имиром. Имир, Бог Северных Стран — Асгарда и Ванахейма, — послал вызов Кром, желая единолично править всем Севером. Имир, повелитель бурь и предводитель йнеистых великанов, наслал ужасную зиму, отнявшую жизни многих подданных Крома. Считая наконец, что Кром достаточно ослабел, Имир со своими великанами вторгся в Киммерию. Но Кром, по-прежнему полный сил, сорвал громадный камень с одной из горных вершин Гипербореи, и камень этот светился в Его руке от внутреннего жара земных недр. Кром метнул его во врага, и камень, пролетев по воздуху множество

лиг, наконец упал наземь в этом самом месте, прямо у ног великанского войска, так близко, что от его жара у Имира чуть не растаяла борода. Поняв, что сил у Крома несколько не ubyло, Имир тут же развернулся и отступил в свои родные пределы.

Вот после этого Кром и наделил Свой народ удивительной выносливостью к холоду и жаре, чему не уставали дивиться жители иных земель...

Юноша, карабкавшийся по Стоячему Камню, все время думал именно об этой легенде. Пальцы рук и босых ног без труда находили, за что зацепиться на неровной поверхности. Киммерийцы с раннего детства привыкали лазать по скалам, вот и он взбирался наверх с такой же быстротой, с какой его цивилизованный сверстник поднимался бы по лестнице. Он добрался до вершины, ничуть не запыхавшись. Итак, он прибыл сюда первым! Не зря он встал посреди ночи и покинул лагерь, опередив всех своих родственников. Теперь он станет рассказывать внукам, как явился вперед всех на Поле Вождей и влез на вершину Стоячего Камня. Если, конечно, удастся выжить в бою...

Тело юноши украшала лишь синяя боевая раскраска клана Туногов. Несмотря на злой холодный ветер, он пренебрег толстым плащом: только набедренная повязка из волчьей шкуры прикрывала его чресла, но пояс оттягивали ножны с мечом и кинжалом. Копье свое он оставил стоять прислоненным к подножию Камня. Черные волосы развеивал ветер: юноша стоял полупригнувшись, в излюбленной стойке горного воина. И не имел никакого понятия о том, что художник из какой-нибудь просвещенной страны, пожалуй, счел бы его великолепным олицетворением дикого, воинственного Севера. Ему, однако, не было ни малейшего дела до подобных вещей. Он шурился от ветра и ожидал собрания кланов.

Острые глаза паренька уловили первое движение, как только краешек солнца выглянул из-за гор на востоке и залил Поле Вождей кровавым утренним светом. Бегуны, появившиеся с разных сторон, наперегонки направлялись к облюбованному им насесту. Это были лучшие бегуны каждого клана, те, что несли Кровавые Копья своих родов впереди остального войска. Прошло совсем немного

времени, и всю равнину заполнили темноволосые воины. Собрались они быстро: киммерийцы не шагали на битву, как делали регулярные армии других стран. Они предпочитали бегать той самой рысцой, поглощающей милю за милей.

Приближаясь, каждый бегун метал свое копье в Камень, следуя давней традиции, которую никто уже не мог истолковать, но соблюдать продолжали неукоснительно.

— Привет вам, воины! — прокричал юноша, взобравшийся на вершину.

Раэда с заплетенными волосами посмотрел наверх и улыбнулся ему.

— Я-то надеялся быть первым! — сказал он. — Ты, верно, рано встал нынче, Туног!

— Твоя правда, — откликнулся тот. — Забирайтесь скорее сюда! Увидите такое, чего никогда в жизни не видели!

Юные бегуны взобрались наверх с ловкостью обезьян. Площадка наверху была неровной и тесной, но парни устроились там так же непринужденно, как какие-нибудь городские щеголи — на главной площади Тарантии, аквилонской столицы.

— Идут!.. — восхищенно проговорил один. — Раэда, Туног, Канах, Лакхейш, Дал Клайд... все кланы собрались! Кто когда-нибудь видел подобную красоту?..

Другой вытянул руку, указывая на северо-восток: там как раз показалась из узкого ущелья длинная вереница людей. Они размеренно бежали вперед, возглавляемые своим копыеносцем.

— А вот и дикие Галла: я различаю хвосты волос у них на макушках. Никогда еще не видел живьем никого из этого клана!.. Говорят, они удивительно жадны до сражений!..

В устах киммерийца это определение звучало, право же, достаточно необычно.

— Смотрите!.. — восхитился юноша с висками, выбритыми по обычаю клана Лакхейш. — Как славно играет утреннее солнце на копьях небывалого войска!

Тут к подножию Камня приблизился седобородый вождь и посмотрел, подбоченившись, на юнцов.

— Ну что? — сказал он. — Насмотрелись? А теперь — живенько вниз! На вершине Камня вряд ли будет сражение, зато внизу — прорва работы!

Пока ребята спускались, к окликнувшему их вождю подошли несколько других. Был среди них и Канах. Как первый призвавший к объединению, он был провозглашен верховным вождем, — пускай на время и в той степени, в какой вообще кто-то мог повести за собой киммерийские племена, дикие и необузданные даже в самые мирные периоды жизни.

— А быстро мы собрались, — проговорил он удовлетворенно. — Не придется долго ждать, прежде чем выступим. Даже Галла прибыли утром самого первого дня!

— Галла передвигаются быстрее многих других, — заметил Раэда. — В течение дня, я думаю, подойдут и другие. Разве что некоторые низинные кланы, возможно, задержатся до завтра...

— Надеюсь, они все же придут до полудня, — сказал Канах. — Что-то подсказывает мне: надо спешить. Нужно обязательно двинуться в путь завтра в середине дня, не позже. Даже если к этому времени кого-то еще не будет...

В течение дня войско все росло и росло. Длинных речей не произносили: все и так знали, зачем сбор, все были готовы к сражению. Зачем еще какие-то разговоры? Люди сидели вокруг костров, кто-то подкреплялся скудным дорожным пайком. К наступлению ночи подошли последние кланы. Возле Стоячего Камня, таким образом, собралось все мужское население Киммерии, способное носить оружие. За исключением лишь Конана и Куланна.

Канах сидел у огня вместе с другими вождями, когда из темноты появились еще какие-то люди, и эти люди не были киммерийцами.

— Чужеземцы пожаловали, — негромко прокомментировал кто-то. Канах взгляделся в потемки. Его слуха достигло тихое позвякивание оружия и доспехов. Киммерийцы таких звуков не производили даже в полном вооружении. В обычное время нечто подобное заставило бы Канаха мигом схватиться за меч, но сейчас он точно знал: на Поле Вождей пришли не враги.

Потом у костра появились трое мужчин.

— Мне сказали, здесь я увижу вождей, — сказал самый высокий. У него, как и у двоих других, были длинные золотистые волосы и такая же борода. В отличие от киммерийцев, все трое носили шлемы, увенчанные короткими — чтобы не сбил вражеский меч — рогами, а также доспехи из бронзовых или железных чешуй. Еще эти воины носили многочисленные золотые украшения с самоцветами.

Канах и остальные вожди поднялись с земли, но рук к оружию не протянул ни один.

— Перед тобой вожди Киммерии, воин, — сказал Туног, самый старший среди собратьев. Его снежно-белые волосы и борода обрамляли выкрашенное синей краской лицо.

— А вы — те самые асы, о которых говорил Конан? — спросил Канах.

— Те самые, — сказал предводитель. — Я — Вульфхере, сын Хьяльмара, и в промежутках между объявлениями вне закона Гарлинги называют меня принцем. Как раз теперя я опять вне закона — за человекоубийство. И я сам, и все мои люди. Большинство я оставил у границы вашего лагеря...

— Садись, — пригласил его Канах, гостеприимным жестом указывая асу на голую землю. — Мы бы с радостью предложили тебе угощение, но сами сюда мало что принесли, кроме припасов в дорогу.

— Зато мы снарядились как следует, — ответил Вульфхере. Он протянул руку назад, и один из его людей подал ему тугой бурдюк для вина. Вульфхере вынул затычку и отпил большой глоток, потом вручил бурдюк киммерийцам.

Канах покачал головой, и следом за ним — остальные вожди.

— Мы благодарим тебя, — сказал он. — Но не годится нам пить, в то время как у наших родственников в животах сухо.

Некоторое время предводители сидели молча. В отличие от своих двоюродных родичей ванов, асы вовсе не были непримиримыми недругами киммерийцев. Они, конечно, воевали, но — большей частью, а не все время, как с ванами. Бывал между ними и мир, и даже иногда по целому году. В целом два народа друг дружку недолюбливали, но

притом и уважали за несомненное воинское мужество. Ростом асы не уступали киммерийцам, но жилистая легкость, присущая «черноволосым», в их телосложении встречалась лишь изредка. Как все северяне, асы были сильны и свирепы, но, опять же в отличие от киммерийцев, знали толк в пирах, веселье и выпивке. Они любили украшения и драгоценности, в особенности отобранные у кого-либо. За все это киммерийцы полагали их порядочными распутеями. «Одно добро в асах и ванах, — гласила старинная киммерийская мудрость. — Они часто и помногу убивают друг дружку...»

И в самом деле: как ни свирепа была вражда ванов и киммерийцев, если дело касалось асов и ванов, то тут была даже не вражда, а какое-то кровожадное безумие. И это при том, что асы и ваны поклонялись одним и тем же Богам, говорили на одном языке и соблюдали почти одинаковые обычаи! Если уж на то пошло, даже внешние два народа различались лишь одной характерной деталью: цветом волос. Ваны были почти сплошь рыжими, асы — светловолосыми.

С другой стороны, цивилизованным народам хватало еще более ничтожных поводов для войны...

— Значит, демоны и вас достали, как нас?.. — спросил вождь с выбритыми висками, глава клана Лакхейш.

— Еще как! — кивнул Вульфхере. — Перестали существовать целых три поселения, все — на границе с вашей страной. Поначалу кое-кто даже думал, что это постарались ваши молодцы, но потом мы поняли, что не киммерийцы приложили там руку. Правда, пока не появился ваш бегун, мы понятия не имели, в какую сторону обратить свою месть. Если бы вы согласились немного подождать с походом, к вам на подмогу, пожалуй, подоспел бы весь народ асов...

— Вряд ли нас обрадовало бы пришествие всего народа асов, — с легкой улыбкой ответил Канах. — Даже в качестве союзников.

— Значит, обойдетесь нашим отрядом, — сказал Вульфхере. — Много нас или мало, только с бедой должно быть покончено, и покончено навсегда. Мы хотим отомстить!

Вожжи степенно кивнули. Подобные устремления были хорошо понятны любому северянину, к какому бы народу он ни принадлежал...

Глава десятая

НА СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ КРОМА

— Но почему они берут в плен моих соплеменников? — требовательно спросил Конан маленького волшебника, шагавшего с ним бок о бок по снегу.

— Тот, кто готовит великое волшебство, собирается произнести страшное заклинание, — ответил Ча. — Возможно, ему потребуется для этого огромное жертвоприношение.

— Так, как это делают ваны? — спросил Куланн. — Они покупают благосклонность своего Имира, принося ему жертвы в святых рощах...

— Может, и так, — сказал Ча. — Но я думаю, что за этим стоит нечто большее. Тут дело не просто в милости какого-то Божества. Земля, небо, звезды, планеты — все нынче перемешалось, все утратило порядок и строй. Стали возможны заклинания, не имевшие силы в течение тысяч лет...

— Мне это не по мозгам! — проворчал Конан. — Но ведь и ты, кажется, говорил, что не больно-то понимаешь?..

— Смертному человеку ничего не дано знать наверняка, — охотно согласился Ча. — Все иллюзия. Как говорил Правитель Ли...

— Хватит с меня твоих восточных завихрений! — рявкнул Конан. — С этого момента, если не можешь предложить ничего дельного, держи-ка лучше свои соображения при себе!.. Лучше предупреди вовремя, нет ли какой колдовской опасности впереди. А об остальном мы уж как-нибудь и без тебя позаботимся...

— Твоя моя не доверяй? — Кхитаец снова перешел на ломаный жаргон.

— Люди, заявляющие, что летали на драконах, мне обычно доверия не внушают, — сказал Конан.

Они продолжали карабкаться вверх, хватая ртами разреженный воздух высокогорья. Однако от Конана не укрылось: чем выше они поднимались, тем меньше снега делалось на земле, а воздух становился ощутимо теплее. Потом он заметил, что у его спутников при дыхании перестал идти пар изо рта.

— Теплее делается, — заметил Конан.

— Значит, даже северный варвар способен кое-что ощутить, — хихикнул Ча. — Моя — хороший учитель! Уже успела кое-чему твоя научить!

Конан нежно погладил рукоять меча и поинтересовался:

— А от разрубленного черепа твои амулеты помогают, паршивый ты кхитаец?..

— Я же и говорю — варвар, — пробормотал Ча. — На все у него один-единственный довод.

— Которого, — ответил Конан, — в большинстве случаев вполне хватает...

— Неужели все кхитайцы такие же болтливые, как этот?.. — спросил Куланн.

— Да наверное, — предположил Конан. — У людей, живущих в городах, обычно другого дела нет, кроме как чесать языком...

— У нас, у кхитайцев, по крайней мере есть возможность поговорить с умными людьми, — сказал Ча. — И о вещах, достойных обсуждения. Вот вам, киммерийцам, о чем беседовать? О коровах? О снеге? Потому вы такие и молчаливые. Зато мы, кхитайцы...

Конан вдруг резко взмахнул рукой и зашипел, призывая к молчанию. Все трое замерли, напряженно вслушиваясь. Впереди по-прежнему было мало что видно, кроме зловещего свечения в небе, но зато начали доноситься звуки. Жуткие это были звуки. Хриплое пение. Пронзительные вопли. И низкий, ритмичный, глухой гром барабанов...

— Точно души проклятые жалуются... — пробормотал Куланн.

— Может, именно это вы и слышите, — заметил Ча.

— Пока поближе не подберемся, не выясним, — сказал Конан.

Они стали снова красться вперед — с удвоенной осторожностью, стараясь держаться под прикрытием камней и

производить шума не больше, чем их собственные тени, скользившие по камням. Конан был приятно удивлен, заметив, что Ча двигался с той же бесшумной легкостью, что и они с Куланном, и для этого ему, кажется, даже к магии прибегать не пришлось. Росточком кхитаец был не больше двенадцатилетнего мальчишки-киммерийца, к тому же он находился в чужой для себя стране и шел навстречу неведомой, но явно смертоносной опасности... однако не было заметно, чтобы он испытывал страх.

Видимо, примерно это же почувствовал и Куланн. Юноша подобрался поближе к Конану и шепнул:

— А знаешь, по-моему, некоторые из цивилизованных народов совсем не так мягкотелы, как мне рассказывали...

Конан ничего говорить не стал, только согласно кивнул.

Джаганат рассматривал мертвое тело, лежавшее на мерзлой земле. Тело принадлежало очень молодому мужчине, почти мальчику. Лицо, так и не успевшее обрасти бородой, застыло в зверином оскале ярости и ненависти. Черные волосы разметались, серые глаза смотрели в пустоту. Правая рука еще держала черен длинного прямого меча с лезвием немного уже тех, что носили ваны. В другой руке мертвый юноша держал копье. Джаганат поднял голову и посмотрел на троих раненых, стоявших подле Старкада.

— Неужели весь этот ущерб причинил какой-то сопляк?.. — спросил вендиец, обращаясь к вождю.

— Я же тебе говорил, дерутся они как одержимые, — ответил Старкад. — А этот еще и исполнял поручение, причем такое, по его мнению, важное, что предпочел прорубаться сквозь отряд в сотню мужей, не желая обегать, как полагалось бы разумному человеку, кругом!

— Что же за поручение? — поинтересовался Джаганат.

Вместо ответа Старкад нагнулся и вынул копье из левой руки мертвеца. Чтобы высвободить древко, ему пришлось наступить ногой на запястье мальчишки и несколько раз дернуть. Потом он протянул копье Джаганату.

От острия до самого края втулки наконечник был покрыт чем-то красно-коричневым.

— Да оно все вымазано! — брезгливо отстранился Джаганат. — Эти киммерийцы что, никогда оружия не чистят?

— Это Кровавое Копье, — пояснил Старкад. — Оно обозначает призыв на собрание всех кланов. Таких бегунов рассылают по всем родам, и те кланы, которые получают Кровавые Копья, собираются в месте, именуемом Полею Вождей.

— А что это за кровь? — побуждаемый профессиональным интересом, спросил Джаганат.

— Если причина войны — убийство киммерийцев какими-нибудь чужаками, они используют кровь жертв. В иных случаях воины того клана, что рассылает Копья, режут себе руку и окрашивают Копья собственной кровью.

— С какой же стати им сейчас-то собирать ополчение? — спросил Джаганат.

Старкад вновь посмотрел на мертвое тело:

— Этот парень нам уже вряд ли что-то расскажет... Не думаю, однако, чтобы наша маленькая прогулка дала им достаточный повод. Мы еще довольно далеко от Полей Мертвых, да и откуда бы киммерийцам знать о нашем присутствии? И тем более о том, куда мы направляемся! И вообще, против сотни врагов черноволосые выставили бы воинов всего одного клана, а вовсе не ополчение. Наверное, над ними нависла какая-то угроза посерьезнее нас! Может, опять вторжение из Аквилонии...

— Но если это так, — сказал какой-то воин (и с каждым словом из недр его рыжей бороды вырывалось облачко пара), — если это так, они, наверное, слишком заняты, чтобы вообще обращать на нас внимание!

Остальные с готовностью закивали: всем хотелось, чтобы дело обстояло именно так.

— Будем надеяться, — улыбнулся Старкад. — Тем более что собираются они далеко отсюда.

— Почему тебе знать? — спросил Джаганат.

— Кровь на Копье засохла три, а то и четыре дня тому назад. И ты мне не поверишь, если я скажу тебе, как далеко может убежать за три-четыре дня такой горный козел, как этот мальчишка.

— У нас в вендийских горах тоже есть бегуны, поэтому я представляю, — сказал Джаганат. — Так, значит,

маленькое путешествие в роли эскорта больше не кажется тебе таким уж обременительным?

И маг улыбнулся, поддразнивая.

— Бояться мы и не думали! — упрямо заявил ван. — Только кому охота лезть на рожон, если можно без этого обойтись?

— А я думал, вы, ваны, только и смотрите, как бы подрастать, — заметил Гопал.

— За честь — всегда пожалуйста! — пожал плечами Старкад. — Ну там, еще ради мести... или просто из удовольствия... Но если драться приходится из-за золота, почему бы не попробовать получить золотишко без боя? Слава живет гораздо дольше смертного человека, и потому-то за нее стоит проливать кровь и отдавать жизнь. А золото? Золото приходит и уходит. Рискнуть из-за него можно, но умирать?.. Пускай дурак гибнет ради богатства...

— Стало быть, северным варварам не чужда философия, — сказал Джаганат. — Воистину настало время чудес!..

Двое киммерийцев и с ними кхитаец лежали на скальном выступе, глядя вниз, в обширную впадину, откуда и происходило адово свечение, окрасившее небеса. Они отважились высунуть за каменную кромку только макушки до глаз, так чтобы можно было смотреть. Высоко над ними, на восточном склоне горы, зиял вход в пещеру, называемую Обителью Крома. Однажды Конан уже видел эту пещеру: он был в то время совсем еще подростком, и его клан собрался на Поле Вождей, чтобы похоронить старого Ка-наха, погибшего при Венариуме.

Впадины, в которую они теперь заглядывали, тогда здесь не было...

Гром барабанов перешел в кошмарную какофонию, под аккомпанемент которой крики и стоны, доносившиеся снизу, звучали особенно страшно. Впадина была полна тумана и пара, сквозь который временами вырывались языки сверхъестественного бездымного пламени. Тогда становилось возможно рассмотреть внизу, во мгле, неяс-

ные, зыбкие тени. Часть силуэтов несомненно принадлежала человеческим существам. Другие, сгорбленные, уродливые, явно были тенями каких-то нелюдей. И эти нелюди явно не заслуживали того, чтобы дышать чистым воздухом гор.

— Что там за огонь?.. — шепотом спросил Конан.

— Это возгораются испарения, — так же шепотом ответил кхитаец. — Они исходят из земных недр и схожи с дыханием наших драконов. Я видел в Кхитае одно такое место, расположенное на морском берегу. Селяне пользуются подземным огнем, выпаривая из воды соль.

— Тут-то уж точно выпариванием соли не занимаются, — проворчал Конан.

— Небо на востоке светлеет, — заметил Куланн. Лучше поищем укрытие и спрячемся, пока нас не заметили!

Конан поднял голову и посмотрел на склон Бен Мора. Вечный лед, покрывавший вершину, в самом деле поблескивал, отражая первые лучи рассветного солнца. Конан сказал:

Я бы предпочел получше рассмотреть, что делается внизу.

Твой юный друг прав: сейчас лучше скрыться отсюда, — возразил Ча. — Вернемся, когда снова стемнеет.

Повременим еще немного, — сказал Конан. Он говорил спокойно, ровным голосом, но это кажущееся спокойствие снова скрыло ледяной ужас, который всегда охватывал варвара в присутствии волшебства. — Я хочу посмотреть хотя бы одним глазком. Как мы собираемся сражаться с тем, чего совершенно не понимаем?

И в это время раздался новый звук. Это было басовитое гроыхание, даже ниже, чем глухой рокот барабанов. И каким-то образом сразу сделалось ясно, что производил его не инструмент, а невообразимо громадное существо, таившееся внизу, в тумане. Вновь вспыхнули языки бездымного пламени, и глазам затаившихся спутников на краткий миг предстал силуэт двигавшейся твари, столь огромной, что разум отказывался постичь. Но самое страшное оказалось еще впереди. Чудовище заговорило. Его голос был столь низким, что человеческое ухо едва воспринимало его как звук, — скорее, как сотрясение. И все же это был ГОЛОС

И он произносил СЛОВА. Язык тоже был нечеловеческим и чужим, но в том, что снизу доносилась членораздельная речь, никаких сомнений не оставалось.

— Давай уйдем отсюда, Конан... — попросил Куланн, и в голосе юноши чувствовалась легкая дрожь.

— Это похоже на... погодите! — И Конан вскинул руку, удерживая своих сотоварищей, уже изготовившихся для поспешного отступления. Они помедлили и посмотрели туда же, куда смотрел он.

Силуэт чудовища отступал и постепенно растворялся внизу, а вместе с ним гасли и пламена, как если бы в ямине угасал адов огонь. Мучительные крики еще звучали, но и они делались глуше, словно пропадая вдаль. Странные тени перестали колыхаться в тумане. В самую последнюю очередь прекратился бой барабанов. Сперва он тоже начал отдаляться, потом вдруг резко стих на середине ритмической фразы. На какое-то время внизу воцарилась полная тишина. Затем утренний ветерок начал растаскивать клочья тумана, впуская в земную дыру отблеск рассвета. В яме не было никого: ни нелюдей, ни людей, ни живых, ни мертвых. Каменистое дно было сплошь покрыто резными изображениями, непонятными, но очень неприятными с виду. И нигде никаких отверстий, сквозь которые могли бы исчезнуть обитатели углубления...

— Вот теперь пошли отсюда, — сказал Конан.

Троица на животах отползала прочь от края, пока не оказалась на дне узкого каменистого ущелья, во всем подобного сотням других, разбегавшихся в разные стороны по склонам Бен Мора. По этому ущелью они спускались все ниже, пока не нашли тесную маленькую пещерку — только-только поместиться втроем. Они забились туда и смотрели, как раннее солнце заливает светом долины.

Чтобы ничем не обнаружить своего присутствия, они сорвали несколько кустиков, торчавших неподалеку, и тщательно замели все следы. Потом прикрыли кустиками устье пещерки.

— Ну, давай, великий волшебник, — сказал тогда Конан. — Разбейся нам, дремучим, что же за хреновину мы только что видели!..

Кхитаец посидел некоторое время с закрытыми глазами, бормоча что-то себе под нос. Потом как будто очнулся от транса.

— Я думаю, — сказал он, — мы видели то самое Существо, о котором упоминается в некоторых древнейших легендах. Эти легенды древнее Склоса, древнее Пифона и Ахерона... — Узкоглазый старик покачал головой: — Да, по сравнению с тем, что мы видели только что, Ахерон был поистине вчера...

— Значит, ты увидел поболее моего, — сухо проговорил Конан. — Ибо я видел только туман и огонь, да еще слышал какие-то бесовские звуки, которые я нисколько не рвусь услышать опять!

— У тебя обычное зрение, а у меня — волшебное, — сказал Ча. — Я вижу и слышу больше, чем ты. И уж конечно, больше понимаю! — Он, похоже, совсем отказался от своего ломаного жаргона и заговорил языком образованного человека. — Это Существо, — продолжал он, — есть Зло столь древнее, что во времена его рождения знаменитая Атлантида еще не поднялась из морских волн... которые, впрочем, позже благополучно поглотили ее... Сама наша Земля, чей возраст безуспешно угадывают философы, моложе виденного нами Существа. Множество раз великие маги человечества изгоняли его в области вне нашего времени и пространства, туда же, где оно некогда зародилось. Но каждый раз оно изыскивало способ вернуться. Его призывало назад мелочное властолюбие безумных магов, возмечтавших об абсолютном господстве...

— А куда, — спросил Конан, — оно слиняло, когда стало светать?

— Вниз, — был ответ. — Оно подчинило своей воле обитателей Нижнего Мира, и они пробили для него тоннели к поверхности, а также яму, у края которой мы побывали. Они умеют закрывать входы в свои норы так хитро, что смертному человеку ни за что туда не проникнуть.

Конан поинтересовался:

— Сколько у нас еще дней до равноденствия?..

— Шесть, — ответил кхитаец.

— Как бы мне влезть к ним в тоннели? — спросил юный Куланн. — Я должен отыскать Бронвит, если только она еще жива.

Кхитаец переводил взгляд с одного на другого, и его узенькие глаза-щелочки постепенно округлялись от изумления.

— Вы хотите сказать, — проговорил он наконец, — что не отказываетесь от своих планов, несмотря даже на то, что я вам рассказал?.. — Ча снова посмотрел на две каменные физиономии и вдруг пакостно захихикал: — Если бы моя знай, что ваша страна живи такие интересные дикари, моя бы давно-давно сюда приходи!..

Глава одиннадцатая

В ДОМЕ КОЛДУНЬИ

Целый день и целую ночь Хатор-Ка вершила этот обряд: самый длинный и самый сложный из всех, на какие она когда-либо отваживалась. Теперь поистине настало ее время. Звезда, именуемая Звездой Демона, вошла в «глаз» созвездия Змея впервые со времени падения Пифона, случившегося тысячи лет назад. Последнее соположение принесло с собою погибель ужасной Ахеронской империи, разгромленной варварами-хайборийцами. Хатор-Ка твердо намеревалась использовать нынешнюю возможность, чтобы совершить в судьбах мира столь же драматический поворот.

Лишь самые ближайшие помощники и послушники были допущены помогать волшебнице во время обряда. Менее опытные неизбежно были бы убиты либо сведены с ума чудовищными колдовскими силами, бушевавшими внутри храма. Даже верного Мулэя выставили за дверь, где он и нес стражу.

Стены и пол сплошь покрывали иероглифы, в воздухе густо висел дым курений. Хатор-Ка пронзительным голосом распевала заклинания на языке, который никогда не был предназначен для человеческих уст. Багровые струйки стекали с алтаря на каменный пол. Обнаженные руки Хатор-

Ка и ее тяжелые плотные одеяния были заляпаны тем же багрянцем. За спиной жрицы послушники подпевали своей хозяйке, наигрывая на странного вида музыкальных инструментов. Инструменты издавали ритмические звуки, не вполне подходившие под определение музыки.

Над алтарем колыхалось туманное облако. Временами оно начинало мерцать, как будто отодвигался некий занавес, позволяя заглянуть в ужасающие бездны. Эти бездны обычный человеческий разум вряд ли сумел бы обозреть, не испытав помрачения.

И вот наконец тайнодействие приблизилось к завершению. Среди ничто замаячило ужасное нечто. Бездонный провал не позволял даже приблизительно оценить его размеры, но некое внутреннее чувство подсказывало: существо было неопишимо огромно. И притом окрашено в цвета, удивительным образом смущавшие взгляд. Форма существа постоянно менялась. Это говорило о том, что природа его далеко выходила за убогие рамки чувственного восприятия, отмеренные человеку.

Вот такое нечто приблизилось к окошку между мирами, созданному Хатор-Ка. При виде его колдунья запела с удвоенной энергией. Лицо ее оставалось бесстрастным, но из-под диадемы по лбу и вискам, промолив одеяния, ручьями потек пот. Перепуганные послушники тем не менее продолжали исполнять свое дело.

Существо, призванное заклинаниями Хатор-Ка, выпустило нечто вроде щупальца и вытянуло его сквозь окошко. Храм тут же переполнился вонью настолько омерзительной, что послушникам, сумевшим против нее устоять, потребовались для этого все силы.

Щупальце было там и сям испещрено членистыми когтями и пастями, полными зубов, расположенных по всей окружности. Еще его усеивали глаза, похожие на драгоценные камни, но эти глаза в земном свете казались слепыми. Щупальце принялось незряче шарить вокруг, достигло иероглифов, окружавших алтарь, и остановилось, словно упираясь в незримый барьер. За первым щупальцем последовали другие. Послышались жуткие, малопристойные звуки: существо пожирало кровь и плоть жертв, убитых на алтаре.

Пение Хатор-Ка сменило тональность, и щупальца убрались, оставив чистый алтарь. Никаких следов жертвоприношения на нем более не было. С той стороны «окна» послышались низкие, размеренные звуки. Казалось, до находившихся внутри храма докатывалось далекое эхо, ужасающим образом подпевавшее послушникам и самой жрице. Медленно-медленно существо удалилось обратно в бездны, его породившие. Отверстие между мирами стало затягиваться и наконец пропало совсем.

Хатор-Ка уронила вздетые ладони и едва не свалилась на пол, но сильная рука Сенмута подхватила ее.

— Отдохни, госпожа, — сказал жрец. — Даже величайшие маги испытали бы упадок сил, совершив то, что смогла совершить ты.

— Я отдохну, Сенмут, — пробормотала она. Еще никогда она не чувствовала себя настолько измотанной. — Вели очистить храм да присмотри, чтобы книги и орудия были разложены как подобает... И еще удвой стражу: теперь нас могут обнаружить...

— Будет сделано, госпожа.

Хатор-Ка удалилась в свой покой, чтобы вымыться и отдохнуть.

...Она очнулась от глубокого, лишнего сновидения сна, ощутив, что Мулэй стоит возле ее ложа и осторожно встряхивает ее за плечо:

— Проснись, госпожа! Злодеи проникли в твой дом и обворовали святыню...

— Что?!.. — Хатор-Ка отшвырнула шелковую простыню и вскочила. Ее ложе помещалось на возвышении, вырезанном в виде свернувшейся змеи. Спускаясь оттуда к небольшому столику, колдунья шагала, как по ступеням, по толстым виткам змеиного тела. — Немедленно объясни, что это значит!..

Она взяла со столика кувшин с напитком из трав. Этот напиток был специально составлен таким образом, чтобы помогать скорейшему восстановлению сил.

— Взломано подземелье под храмом, где ты хранишь самые ценные рукописи и инструменты, моя госпожа, — стал рассказывать Мулэй. — Один из моих людей, совершая обычный обход, заглянул ко входу в храм и почуял

непорядок. В буквальном смысле, госпожа. Там пахло кровью. Воин побежал за мной, потому что самому ему входить внутрь запрещено. Я вошел туда и увидел мертвые тела в подземелье. Даже я не отважился проникнуть далее и сразу кинулся к тебе...

Его хозяйка уже устремилась наружу.

...Хатор-Ка спустилась в подземелье. Перед нею со светильником в руке шел послушник, а позади, с обнаженным мечом, — Мулэй.

— Где Сенмут? — внезапно спросила она.

— Был в подземелье, госпожа, — ответил послушник. Светильник в его руке так и дрожал. — Он и еще трое других несли вторую стражу нынешней ночью. Сенмут всячески старался сохранить твоё имущество в целости, госпожа...

— Даже так? — спросила она, нахмурившись.

— Он принес с собой меч, госпожа. Он никогда раньше этого не делал...

Трепеща, послушник сошел в самое подземелье, и фонарь залил мертвенным светом жуткую сцену. С верхней части лестницы были видны только раскиданные, неподвижные руки и ноги. Теперь стало возможно разглядеть троих мертвецов. Их кровь растеклась по всему полу. Одна из бледных рук словно бы последним усилием указывала на непристойного вида статую в стенной нише...

Мулэй подошел и ногой перевернул два тела на спины.

— Убиты ударом в горло, — сообщил он хозяйке. — Сделано быстро. Их захватили врасплох. Убийца, верно, приставил клинок к горлу третьего, пока первый еще толком упасть не успел... — Сенмута среди мертвых тел не было, и это кое о чем свидетельствовало. Мулэй только спросил: — Но как он проскочил незамеченным мимо моих стражников?..

Хатор-Ка обошла мертвых и присмотрелась к руке, указывавшей на ту самую нишу. Потом повернулась к послушнику:

— Поставь фонарь и ступай. Ничего никому не говори, пока я не вернусь.

Когда послушник убрался, она начала в определенном порядке поворачивать похабно извращенные выпуклости

статуи. Часть стены отодвинулась, открыв темный тоннель.

— Вот куда скрылся предатель, — сказала Хатор-Ка. — Прежде чем моя семья выстроила над этим подземельем храм и дворец, оно служило могилой высшего жреца древности. Тоннель же много веков назад пробили могильные воры. Другой его выход — в полях, близ реки, внутри небольшого святилища... Один из моих предков скрыл оба отверстия, превратив тоннель в тайный ход на случай внезапного бегства...

— Но каким образом Сенмут прознал?..

— Секрет никогда не покидал пределов семьи, — сказала она. — Следует предположить, что без Тот-Амона здесь не обошлось. С помощью своего искусства он и о тоннеле выведал, и одного из моих приближенных сумел подкупить... — Хатор-Ка была бледна, ее так и трясло от ярости. Мулэй никогда еще не видел свою госпожу в таком состоянии. — Как долго?.. — вопрошала она. — Как долго Тот-Амон уже хозяйничает в моем доме, точно в своем собственном?..

— Почему же он не пришел сам? — спросил Мулэй.

— Потому, что я выставила стражей, миновать которых не может ни он сам, ни его порождения. К сожалению, они не в состоянии остановить моего послушника, удирающего с краденым добром!

— Что же оказалось похищено?

— И ты еще спрашиваешь! Конечно, тот отрывок из Книги Склоса. Он, наверное, стащил что-то еще, но это — самое важное. Текст необходимо вернуть!

— Но если Тот-Амон уже завладел им, стоит ли его возвращать?

— Да, — ответила Хатор-Ка. — Стоит. Этот фрагмент — не какой-нибудь школьный урок, который можно затвердить наизусть, а потом использовать когда заблагорассудится. Его вещественное присутствие многократно увеличивает силу волшебных заклятий... Вот почему настолько ценны великие древние книги магии, а их же позднейшие списки стоят не в пример меньше подлинников, хотя текст в них один и тот же... — Хатор-Ка вновь проделала манипуляции с изваянием, и проход закрыл-

ся. — Завтра утром я приставлю рабочих и велю заложить тоннель камнем. А теперь, Мулэй, собери своих лучших людей... Воинов пустыни, искушенных в ночных набегах. Завтра ночью мы нанесем моему коллеге Тот-Амону ответный визит!

Остаток ночи и все утро Хатор-Ка продолжала прерванный отдых. Потом взялась за приготовления. Напитки и заклинания помогли ей восстановить силу, быстроту и выносливость: все это должно в полной мере пригодиться ей при исполнении задуманного. В будущем, верно, она жестоко поплатится за нынешнее перенапряжение, но ставки в затеянной ею игре слишком высоки, чтобы принимать во внимание такие ничтожные соображения, как боль и усталость. Затем Хатор-Ка принялась собирать таинственные сооружения из кости и хрусталя и изучать заклинания, от одного прочтения которых вокруг холодел воздух.

Когда солнце склонилось к закату, волшебница вышла во двор, где ее со своими людьми уже ожидал Мулэй.

Он подобрал для предстоявшего дела двенадцать молодцов один к одному: все были из его племени, все — фанатично преданы Хатор-Ка. Каждый по самые глаза закутан в убор жителя пустыни и облачен в прилегающие штаны и куртку, а поверх — в просторный плащ. Вся одежда была серо-бурого цвета, чтобы сливаться с пустыней. Вооружение воинов составляли мечи, кинжалы и короткие луки. Под куртками скрывались жилеты из тонкого кольчужного полотна, нашитого на шелковую ткань нарочно ради того, чтобы не производить ни звука. Черные глаза воинов горели нетерпением. По своему темпераменту все они были разбойниками; обязанности часовых, хотя бы и исполняемые во имя обожжаемой хозяйки, успели им отчаянно надоесть.

— Все готово, моя госпожа, — сказал Мулэй.

Конюхи уже выводили коней. Поводья были веревочные, на копытах — кожаные «башмаки», опять-таки скрытности ради. Хатор-Ка кивнула, и все забрались в седла.

— Мы преодолеем восточную дамбу и углубимся в пустыню, — сказала волшебница. — К тому времени, когда луна поднимется над рекой, мы должны достигнуть сфинкса, воздвигнутого царем Рахотепом. Там мы оставим коней

и двинемся дальше пешком. Когда же доберемся до обители Тот-Амона, помните превыше всего о двух обстоятельствах. Во-первых, никакого насилия по отношению к самому Тот-Амону. И во-вторых, предатель Сенмут мне нужен живым.

Миновав ворота, они поскакали вверх по дороге, что поднималась к дамбе, отделявшей плодородную долину Стикса от открытой пустыни. Мимо, навстречу им, с лопатами и мотыгами на плечах устало шагали крестьяне. Они поднимали головы, с невольным любопытством поглядывая на всадников. Лошади редко использовались в Стигии: здешний люд путешествовал все больше пешком либо по реке. Лишь караванчики ездили верхом, да и то на верблюдах. А на лошадях — и вовсе почти никто, кроме разбойников из пустыни.

Дорога все круче поднималась к так называемой дамбе, вырубленной в твердой скале. Ее соорудили давным-давно, чтобы использовать как дорогу, не подверженную затоплению, на тот случай, если придет нужда быстро перебрасывать войска в приграничную крепость. Вот уже много столетий ни один враг не атаковал Стигию с того направления. Тем не менее Хатор-Ка, как владельцы прилегающих земель, вменялось в обязанность содержать дамбу в пристойном порядке. Мало ли, вдруг в будущем пригодится!

Пустыня за дамбой была почти не населена. Только виднелись там и сям развалины старинных укреплений, храмов, воздвигнутых в честь давно позабытых Богов, лачуг пустынных мистиков и умерших отшельников... и еще загадочные статуи и памятники, которых, куда ни плюнь, полно в любом углу Стигии. Ибо, несмотря на то что большинство населения страны обитало на узкой полоске земли вдоль берегов Стикса, цари-жрецы считали неперменным долгом оставить знак своего пребывания повсюду, куда, как они полагали, простиралась их власть.

Мулэй скакал впереди, безошибочно находя путь в пустынной ночи. Хатор-Ка обозревала небеса, выискивая крылатых посланцев своего соперника. На тот случай, если бы над головой в самом деле замаячил силуэт вроде летучей мыши, у нее были приготовлены заклинания, которые ли-

шили бы тварь способности видеть ее. Или вовсе заставили бы летуна рухнуть в песок. Проглоченное питье позволяло Хатор-Ка заглядывать дальше и яснее, чем простым смертным. Все, что она при этом видела, окутывал мерцающий серебряный свет.

Наконец впереди заслонила звезды громада сфинкса, воздвигнутого царем Рахотепом. Отряд остановил коней между его громадными лапами. Никто из ныне живущих не знал, с какой целью было построено, вернее, вырезано из одной необъятной глыбы песчаника это чудовищное творение человеческих рук. Сфинкс стоял здесь с времен столь незапамятно древних, что от его строителя, царя Рахотепа, сохранилось лишь имя... да неблагоприятная репутация: любил, как говорили, всяческие безобразия и непотребства. У статуи было тело льва, крылья дракона и лицо царя-волшебника. Каменные глаза, как и много столетий назад, смотрели в пустыню.

— Пока ехали, я не видела никаких соглядатаев, — сказала Хатор-Ка.

— Их в пустыне и не было, — подтвердил Мулэй.

Сняв плащ, волшебница свернула его и убрала в седельную сумку. Под плащом у нее была почти такая же одежда, что и у мужчин. Только все ее облачение сшито из тончайшего черного шелка. Ни кольца, ни оружия у нее при себе не имелось, но с плеча свисала сумка, наполненная чародейскими принадлежностями ужасающей мощи.

Прежде чем вступать на завершающий отрезок пути, Мулэй выслал двоих воинов — присматривать по бокам, и еще одного — на сто шагов вперед остальных. Наконец маленький отряд двинулся, но не шагом, а размашистой рысцой. На бегу мужчины жевали листья и лепестки синего лотоса: это придавало сил и выносливости. Так они покрывали милью за милей, пока не взобрались на гребень возвышенности. Внизу расстилался небольшой оазис, окаймленный пальмами. У темного пруда виднелся ничем не примечательный дом, окруженный высокой стеной.

— Стражники?.. — прошептала Хатор-Ка.

— Вижу троих на стене, — ответил Мулэй.

Один из пустынных воинов подобрался к предводителям и вытянул руку, указывая на некое движение с северной стороны дома.

— Караул ходит... идут сюда.

— Мы с ними легко разделаемся, — сказал Мулэй, обращаясь к Хатор-Ка. — Мы можем незамеченными перебраться через стену. Ты знаешь, как войти в дом?

— Я много лет держу там шпионку, — отозвалась она. — Но теперь я ни в чем не уверена. Я не знаю, правду ли она сообщала мне все эти годы...

— Приказывай, госпожа, — сказал Мулэй. — Мы выполним все, что ты прикажешь.

— Для начала уберите караульных, которые там ходят, — распорядилась она. — Потом переправьте меня через стену. Там я с первого взгляда пойму, истинны ли были мои сведения... Дальнейшие приказания — позже!

Стелясь по земле, сливаясь с тенями, которые отбрасывали при луне складки песка, камни и кусты, Мулэй с несколькими подручными незамеченными подобрался вплотную к дорожке, где прохаживались Тот-Амоновы стражники. Те оповестили о своем приближении едва слышным звяканьем металла. Люди Мулэя приготовились к схватке: кто-то вытащил кинжалы, другие перекатывали в ладонях тетивы, свитые в удавки.

Приближавшиеся шаги замедлились... потом и вовсе остановились. У переднего стражника был на голове шлем, сработанный в расчете явно не на человека. И вот эта самая голова завертелась туда и сюда, как если бы ее обладатель почуял нечто настораживающее. Потом он громко запищел... но никаких иных звуков издать уже не успел. Удавка обвила его горло и рванула назад. Остальных караульных постигла та же участь: их шеи обвили удавки, в животы воткнулись кинжалы. Слабый шум схватки стих, едва начавшись.

Пока воины чистили оружие, Хатор-Ка подошла взглянуть на тела.

— Люди-ящеры с островов, что к востоку от древней Лемурии, — задумчиво проговорила она. — Далеко же пришлось Тот-Амону закидывать свою колдовскую сеть, чтобы их отыскать!

Действуя так же тихо и быстро, маленький отряд направился дальше — к стене. Стражники, стоявшие наверху, гибели своих товарищей попросту не заметили. Они спокойно переговаривались, и голоса звучали вполне по-человечески. Добравшись к подножию стены, один из пустынных воинов встал на четвереньки, второй забрался ему на спину и сцепил перед собой руки. Третий легко вспрыгнул на эти сцепленные руки и, подброшенный товарищем, взлетел на гребень. Вскоре подобным же образом в проход наверху стены проникло шестеро воинов. Никто не увидел их и не услышал. Прошло еще несколько мгновений, и один из них свесился вниз, чтобы помахать остальным. Те быстро присоединились к передовым. Часовые лежали на своих постах, все были мертвы.

Хатор-Ка, прищурясь, обозрела открывшийся перед нею двор. Больше никакой стражи не видно, но это вовсе не означало, что дом беззащитен. Колдовское зрение помогло ей разглядеть цепочку странных рун, узкой полоской обегавших весь дом.

— Следуйте вплотную за мной! — велела она своим людям.

Они спустились со стены и двинулись за Хатор-Ка. Потом остановились перед магическим заслоном.

— Нельзя тревожить волшебный круг, — предупредила воинов колдунья.

Мулэй послушно кивнул. Хотя лично он там, куда указывала Хатор-Ка, ничего особенного не видел.

Заставив мужчин сбиться в плотную кучку, чародейка вынула из сумки короткий жезл. И, начав с одной стороны группы, принялась чертить этим жезлом вереницу сходных рун таким образом, чтобы они постепенно соединились с Тот-Амоновым кругом. Рисую, она видела исходящее от письмен зеленоватое свечение. Ее спутники не видели ровным счетом ничего. Когда оба круга слились, Хатор-Ка стерла руны непосредственно перед ними и провела своих людей сквозь заслон. За их спинами круг, чуть деформированный на месте прохода, продолжал как ни в чем не бывало испускать зеленоватое свечение, видимое только Хатор-Ка и ей подобным.

Внушительных размеров дверь стояла распахнутая. Видимо, Тот-Амон полагал, что его охрана — человеческая, нечеловеческая и магическая — обеспечивала более чем достаточную безопасность. Отряд вступил внутрь дома. Там было тихо, лишь в прихожей негромко журчал маленький фонтанчик. Нигде не горело ни светильника, ни свечи. Хатор-Ка пробормотала заклинание. Она-то видеть могла, но ее сообщникам нужен был свет. И вот над ее головой возник крохотный огонек и вырос в мягко светящийся шар. Шар всплыл к потолку, озарив удивительные фрески, изображавшие невиданные существа и целые миры.

Из прихожей вела единственная дверь, и по ту сторону ее лежала глубокая тьма. Хатор-Ка миновала фонтанчик и прошла в комнату. Светящийся шар поплыл за нею, воины устремились следом, но она сделала им знак остановиться. В дальнем конце чертога, на троне, установленном на невысоком возвышении, восседал не кто иной, как сам Тот-Амон. Великий маг был облачен в черное одеяние, оставлявшее открытым лишь выбритую голову аскета и кисти рук.

— Не это ли ищешь, Хатор-Ка? — спросил он, показывая ей большой кусок пергамента с растрепанными краями.

— Ты сам хорошо знаешь, что я ищу, — ответила она. — Верни мне украденное, и будем продолжать жить, как будто ничего не случилось!

— Оставим пустые слова, Хатор-Ка. Стал бы я совращать твоего послушника и обнаруживать, что знаю о потаенном тоннеле, если бы собирался возвращать тебе текст?

— Не стал бы. Но не стал бы ты и разговаривать со мною теперь, если бы не собирался кое-что мне предложить. Назови цену!

— Ты так легко вошла сюда только потому, что я этого захотел, — сказал маг. — А предложить тебе я хочу вовсе не выкуп. Я хочу заключить с тобой союз.

— Союз?.. — спросила она подозрительно. — Чего бы это ради мне объединяться с тобой?..

— Потому что иначе у тебя нет ни малейшего шанса выбиться в верховные маги. — И Тот-Амон вновь поднял

пергамент: — Эта запись бесполезна, если не добавить к ней полный текст Великого Вызывания Сил.

— Я и без тебя владею этим заклятием! — не сдавалась Хатор-Ка.

— А вот и не владеешь. Всего два волшебника на свете в полной мере владеют этим величайшим из заклинаний. Один из них — я. Второй — вендиец по имени Джаганат. Еще девять располагают неполным вариантом, тем самым, который ты почерпнула у Хептех-Себека, соблазненного тобою и потом убитого...

Хатор-Ка прямо-таки окрысилась и ответила ему яростным взглядом. Но опровергать обвинение и не подумала.

— Твои усилия пропали даром, — продолжал Тот-Амон. — В твоей версии недостает шести стихотворных строчек и пяти очень значительных телодвижений. Произнести урезанное заклинание в миг величайшей ответственности — значит, всего лишь накликать на себя невероятно мерзкую и жестокую смерть. Клянусь в этом именем Отца Сэта!

— Ну так и что ты мне предлагаешь?..

— Я предлагаю посвятить тебя в истинный ритуал Великого Вызывания Сил. Когда в день осеннего равноденствия твое заклинание перенесет тебя на Бен Мор, ты возьмешь с собой моего эфирного двойника. Таким образом, когда церемония должным образом произойдет, мы с тобой разделим равную власть и станем вместе властвовать над миром.

— Не верь ему, госпожа! — прошипел Мулэй. — Если у него и текст и полное заклинание, почему он не желает стать единоличным правителем?..

— Потому, что ему не достичь Бен Мора ко дню осеннего равноденствия, — ответила она. — Обнаружь он текст Скелоса прежде меня, думаешь, стал бы он теперь со мной торговаться?..

— Так ты принимаешь мои условия? — спросил Тот-Амон.

Хатор-Ка быстро прикинула про себя все плюсы и минусы этой сделки... Без истинного Вызывания ее в самом деле ожидала кошмарная гибель. Ну а если Тот-Амон вздумал научить ее ложному заклинанию?.. Нет,

таким образом он ничего не выиграет, ибо в этом случае повелителем вместо нее становился Джаганат. Что ж, потом у нее будет масса времени, чтобы перехитрить и предать Тот-Амона.

— Принято! — решительно сказала она. — Но с одной оговоркой. Предателя Сенмута ты отдашь мне.

— Согласен, — кивнул Тот-Амон. — Тем более что мне он все равно больше не нужен.

Он сделал жест рукой, и в комнату вошли двое его слуг-людей. Они вели связанного Сенмута.

Хатор-Ка вперила в изменника змеиный взгляд. Тот под этим взглядом так и обмяк.

— Нам предстоит еще одна церемония, — сказала она. — Там требуется жертва. Ты как раз подходишь, Сенмут!

Его глаза округлились от ужаса: он сам был жрецом и без труда понял, на что она намекала. Слуги поволокли его прочь. Вопли предателя постепенно стихли в отдалении...

Глава двенадцатая ПЕЩЕРАМИ ДЕМОНА

— Где-то здесь все-таки должно быть отверстие, — сказал Куланн. Прошел уже примерно час после восхода солнца. Трое спутников обшаривали дно странной ямы, пытались отыскать проход в подземелья, где скрылись виденные ими исчадия зла.

Конан, действуя эфесом кинжала, тщательно выстукивал камень, но пока безо всякого толку. Осязание и звук говорили об одном и том же: повсюду сплошной камень. Без каких-либо признаков пустот.

Ча тем временем изучал странные рельефы, разбросанные по дну. Кое-что, похоже, было высечено из цельного монолита, другое — отлито из расплава. Третьи фигуры состояли из камня, резко отличавшегося от местных пород. Казалось, они каким-то немыслимым образом выросли прямо на своих местах...

— Эй, кхитаец! — окликнул колдуна Конан. — Иди лучше помоги отыскать лаз внутрь! Потом разберешься со своими фигурами!

— Твоя слишком торопится! — заявил Ча. — Здесь много всякая интересная. Может, потом никогда не имею возможность увидеть подобное. — И он слегка пнул один из «выросших» валунов: — Вот это, например, не имеет никакого отношения к нашему миру. Это произошло из пустых пространств далеко за пределами нашей Вселенной с ее звездами и планетами. Никогда ничего похожего не видал!

Конан, имевший весьма смутное понятие о том, что такое планета, наотрез отказался удивляться.

— Сейчас не время ахать над диковинами, — сказал он. — Надо забраться туда и отыскать пленников, да притом успеть вылезти наружу прежде, чем зайдет солнце и нелюди опять начнут разгуливать по горам!

Кхитаец обошел стены ямы, потом внимательно обзрел пол.

— Нет здесь никакого входа, — уверенно заявил он наконец. — Мне кажется, я знаю, каким образом они это делают, но таким путем пройти мы не сможем. Надо забраться выше, в пещеру Крома. Возможно, что там...

Куланн покачал головой.

— Туда мы входим только ради наиболее значительных священнодействий, да и то — одни лишь вожди. Мало кто вообще бывал там, кроме старейшин. Мы не хотим навлечь на себя немилость Отца Крома...

Но Конан уже заметил тропинки, протоптанные по земле и относительно рыхлому щебню. Было похоже, что народ нелюдей вовсю сновал туда-сюда между пещерой и ямой.

— У вашего Крома последнее время было столько незваных гостей, — сказал Ча, — что еще троих, я имею в виду двоих немытых варваров и одного кхитайского мудреца, Он вообще вряд ли заметит.

И волшебник первым двинулся вверх по склону, прямо к зияющему входу в Обитель Крома. Внутренность пещеры оказалась безобразно загажена. Повсюду валялись испражнения и вонючий мусор — ни дать ни взять брошенная

стоянка очень распущенного войска. При виде оскверненной святыни оба киммерийца пришли в тихую ярость, но ни тот ни другой ничего не сказали. Потом Конан отпихнул в сторону груды обугленных поленьев, оставшихся от костра, и обнаружил под ними несколько начисто обглоданных костей. Человеческих.

Они забирались все глубже внутрь, пока не начал иссякать проникавший снаружи солнечный свет. Пещера здесь резко расширялась, уходя в кромешную тьму, лишь впереди виднелось что-то вроде гигантского валуна. Присмотревшись, люди увидели, что валун был не чем иным, как нижней частью скульптуры — парой гигантских ступеней. Когда глаза начали привыкать к темноте, сделалось возможно различить всю статую, возвышавшуюся над головами. Она представляла собой великана, сидевшего на каменном троне. Оттуда, где они стояли, его можно было различить лишь до груди. Плечи и голова тонули в непроницаемом мраке.

— Это Кром, — сказал Конан. — Его изображений нет больше нигде. Я не знаю, кто сделал эту статую. Мой народ не владеет подобным искусством.

— Владел когда-то, — негромко поправил Ча. — Твой народ гораздо древнее, Конан, чем тебе представляется. И далеко не всегда вы были дикарями, живущими среди каменных гор.

Куланн с благоговением обозревал изваяние, достойно запечатлевшее угрюмое величие его Бога. Опустив наконец глаза, он заметил широкую дыру в камне как раз перед подножием статуи. Юноша вытянул руку:

— А это еще что такое?.. Вожди никогда не рассказывали, чтобы возле ног Крома был какой-то ход вниз...

— Так его тут и не было, — сказал Конан, подходя и приглядываясь. — Ох, Митра!.. Да они целую лестницу прорубили вниз, в свое логово!..

Ча внимательно изучил ступеньки, спускавшиеся во тьму.

— Эта лестница прорублена не вниз, — заявил он наконец. — Ее пробивали снизу. Посмотрите на отметки инструментов...

В каменотесном деле киммерийцы были весьма слабо осведомлены, а посему охотно поверили Ча на слово.

— Собери сколько-нибудь поленьев и палок, — велел Конан Куланну. — Нам понадобятся факелы... — Собрав немного горючего мусора, они изготовили подобия факелов и перевязали их гибкими прутьями. — Наверное, пленников заставляли притаскивать все это снизу, — сказал Конан и вытащил из кошелья кремь с кресалом.

— Я зажгу, — вызвался Ча.

Киммерийцы ждали, что он примется произносить заклинание, но он лишь вытащил из-под своих лохмотьев занятное механическое приспособление из камня и стали с приделанной к нему коробочкой для промасленного трута. Введя пружину, Ча щелкнул ею несколько раз. Полетели искры, трут скоро вспыхнул.

— Сейчас, — пояснил он, — с магией придется поосторожнее. Если я потревожу эфир волшебством, эти твари могут учуять наше присутствие!

Конан первым шагнул на ступеньку, и теплый ветер, дунувший снизу, взъерошил факельное пламя. Сквозняк нес с собой отчетливо ощутимое веяние древнего зла, и притом гулял туда-сюда, как если бы там, глубоко внизу, дышало чудовищное животное. Киммерийцы, спускаясь, держали руки на рукоятках мечей, кхитаец следовал за варварами на цыпочках. Ступеньки казались несоразмерно высокими и слишком широкими. Чувствовалось, что делали их не для людей.

По мере того как они спускались, в пещере, против всякого ожидания, делалось все теплее. Вот кончилась крутая лестница, и открылся длинный, с гладким полом тоннель. Он тоже вел вниз, но гораздо более полого. Ча попросил своих спутников приостановиться и внимательно оглядел стены. В отличие от голого камня лестницы здесь повсюду рос тонкий пушистый мох.

— Старое, очень старое место, — сказал волшебник. — Не то что те ступеньки. Наши хвостатые друзья либо пользовались древнейшим тоннелем... либо строили его долгие, долгие годы!

Они продолжили спуск. Вскоре начали попадаться тоннели поменьше, ответвлявшиеся от главного.

— Держитесь основного коридора и никуда не сворачивайте, — предостерег Конан. — Иначе заблудимся.

— А что, если наших держат где-нибудь там? — спросил Куланн, кивая в сторону бокового прохода.

— Кому будет прок, если мы потеряем дорогу? — сказал Конан. — Сделаем что сможем, а там видно будет!

Тоннель начал расширяться. Его пол утратил прежнюю гладкость и сделался более похож на пол естественной пещеры. Теплота, происходившая непонятно откуда, все усиливалась. По углам начали попадаться бледные грибы вроде поганок, гигантские наросты какой-то болезненной мерзости, скрученные в бараний рог неведомые побеги и иные гадости, еще менее описуемые словами. Кое-где эта дрянь, озаряемая отсветами факелов, еще и тошнотворно люминесцировала...

— Что это за нечистое место?... — спросил Куланн. Его спутники промолчали: ответа не было ни у того ни у другого.

И вот спереди начали доноситься явственно различные звуки и даже забрезжил неясный свет. Они погасили горевшие факелы и оставили незажженные под шляпкой одного особенно уродливого гриба, мимо которого трудно было пройти, не заметив. Факелы еще пригодятся по дороге назад.

Впереди открылась широкая арка, обрамлявшая, по-видимому, вход в очень просторное помещение. Спутники подкрались к арке со всей осторожностью. По потолку тоннеля бродили зловеющие отсветы: казалось, где-то там, существенно ниже пола, бушевало адово пламя.

— Будет стража?... — шепотом предположил Куланн.

— А для кого ее тут выставить? — сказал Ча. Тем не менее оба киммерийца вытащили кинжалы. Они передвигались пригнувшись, быстро и осторожно, как хищники на охоте. Оружие, которым они были увешаны, не издавало ни лязга, ни звона. Ни того ни другого не радовала перспектива бегать и прятаться по каким-то крысиным подвалам, но варвары были готовы вытерпеть все. Даже гнусную смерть в вонючей темноте вместо честной и славной гибели на чистом воздухе, под горным солнцем. Все, что их заботило, — удастся ли вызволить родню?..

Из пещеры впереди доносились самые разнообразные звуки: гроыхание, рокот, кваканье, пронзительные крики боли. Тоннель завершился карнизом, нависавшим над грандиозным провалом, пожалуй, даже превосходившим тронный чертог статуи Крома. Трое мужчин легли на животы и бесшумно, как змеи, подползли к краю. Их глазам предстало зрелище, достойное кошмарного сна обезумевшего чародея...

Ни дым, ни туман более не прятали от взгляда творившихся внизу непотребств. Сновавшие там нечеловеческие твари принадлежали, как оказалось, ко многим разным породам. И все они с лихорадочной поспешностью занимались непонятно чем. Кто-то гонял туда-сюда пленников-людей, подкалывая несчастных изуверского вида копытами, другие совершали странные ритуалы перед мерзкими святынями, подвергая бесцельным на первый взгляд попыткам не только человеческие существа, но и друг друга...

Большинство нелюдей относилось к тому же роду полужащеров, с которыми Конану и Куланну уже пришлось иметь дело на Полях Мертвых, но обнаружились и иные. Часть лишь отдаленно напоминала людей и походила скорее на гигантских суставчатых насекомых, другие ползали точно слизни, оставляя за собой скользкие полосы. Со стен свисали толстые мохнатые пауки. Твари, напоминавшие обезьян, сидели на корточках, бездумно колотя в барабаны. Еще какая-то нечисть с крыльями, как у летучих мышей, беззвучно парила под сводами, и, похоже, глаз у этих существ не было.

Другим порождениям Преисподней и вовсе невозможно было подобрать никакого связного определения. Здравый, ясный рассудок попросту отказывался признавать за подобным право на существование. Создания, чьи очертания все время менялись и оплывали, явно не имели никакого отношения ни к одному миру, хоть как-то пригодному для человека...

С пленниками-людьми — в большинстве своем молодыми женщинами и детьми — вся эта дрянь обращалась как с последним скотом, не только бессловесным, но еще и отвратительным и нечистым. Было заметно: некоторые из людей

опустились в бездны апатии и животного безразличия ко всему, даже к боли. Другие помешались от ужаса. Лишь некоторые сохранили гордость и порывались сопротивляться насилию. Причем было видно, что их за это неоднократно наказывали, и наказывали жестоко. Большинство пленников, судя по всему, относились к киммерийскому племени. Конан, однако, высмотрел и иных: асов, ванов, гиперборейцев и еще кого-то из племен, неведомых даже ему. А уж он где только не путешествовал!

...В темном уголке громадного помещения, отгороженном каменной стенкой, сидела кучка молодых людей, в основном киммерийцев. Глаза у всех пылали плохо скрываемой яростью. Присмотревшись к ним, юный Куланн едва не вскочил на ноги. Только тяжелая рука Конана, пригвоздившая парня к полу, удержала его от необдуманных действий.

— Бронвит?.. — прошептал Конан.

— Она!.. — выдохнул Куланн. — Там, в углу! В синем плаще!..

Конан немедленно высмотрел ее. Красивая крепкая девушка, только что достигшая брачного возраста. У нее были большие карие глаза и черные волосы. Синий плащ, накинутый на одно плечо, составлял всю одежду, которую сохранили ей мучители.

Ее товарищи по несчастью выглядели не лучше. Остатки одежды висели на их телах кровавыми клочьями. На лице Бронвит не было страха, но взгляд так и метался по сторонам. Не от ужаса: она как будто все время искала возможности убежать. На какой-то миг ее взгляд задержался на каменном карнизе, откуда на нее смотрели трое мужчин. Но только на миг. Бронвит снова начала оглядываться...

Конан дотянулся до обоих своих спутников, и они отползли назад, туда, где топорщились уродливые грибы.

— Ты присмотрел себе отличную девку, малыш, — сказал Конан Куланну. — Настоящая киммерийка. Она ведь заметила нас. Но ничем этого не показала. А те ребяташки, что сидели кругом нее? Они выглядели далеко не такими запуганными, как все остальные. Спорю на что угодно, все дело в ней. Она не дает ребятам сломаться!

— Это так, — ответил Куланн, и в его голосе мешались гордость и страх. — Мы обязательно должны спасти ее. Все остальные, которых там держат, младше Бронвит. Трудно будет их вытащить...

— Ты прав, — кивнул Конан. — И она их, конечно, не бросит. Тем более что они, кажется, почти сплошь Муррохи. Должно быть, их захватили в том же набеге, что и ее...

— Каким образом вы определяете, к которому клану принадлежат раздетые ребяташки? — поинтересовался Ча. Насмотревшись на измывательства, творимые нелюдями, кхитайский колдун как-то странно притих.

— Глаза, — пояснил Конан. — В других кланах не бывает столько кареглазых.

Ча передернул плечами:

— По мне, так они все одинаковые...

— Ну и как же мы будем их выручать? — спросил Куланн. — Тут, насколько я понимаю, не бывает ни ночи, ни дня. Может, эти твари и вовсе не спят. И потом, их там столько...

Конан повернулся к Ча.

— Давай, колдун, — сказал он. — Твоя очередь. Отрабатывай свой хлеб. Если ты вправду великий маг, как хвастался, так примени свое мастерство и сооруди нам какой-нибудь способ выручить соплеменников. А дойдет до мечей, тут уж можешь положиться на нас...

И тут кхитаец впервые за все время разволновался, даже рассердился.

— Значит, хотите, чтобы я пожертвовал собой, выкупив таким образом несколько человек из вашей родни? — Костлявая рука вынырнула из лохмотьев и простерлась в сторону ужасной пещеры. — Видели, что там происходит? А ведь это всего одно маленькое местечко. Под одной-единственной горой. Вы что, не понимаете? Если я оплошаю, весь мир станет как там!..

Конан ответствовал невозмутимо:

— Всякому овощу свое время, колдун. Нечего тут нам сразу задвигать про мировые проблемы. Для начала мы вытаскиваем оттуда наших ребят и прячем их куда-нибудь в безопасное место. Потом начинаем заниматься твоим

делом. Опять же и я должен исполнить поручение; за которое взялся... Что бы там ни было, а клятвы я не нарушу!

— Варвары!.. — простонал Ча. — Забьют себе голову одной какой-то идеей и ничего больше не замечают вокруг!..

Куланн озадаченно посмотрел на него:

— Мы ценим наше родство. И наше слово. О чем еще ты говоришь?..

Ча зашипел с видом величайшего отвращения. Потом сказал:

— Да будет так!.. Я дам вам возможность. Но всего одну! И поторопитесь!..

— Одна-единственная возможность — это все, что нам надо, — сказал ему Конан. — А насчет быстроты, ты уж не сомневайся.

— Я не буду пользоваться магическим оружием, — сообщил ему Ча. — Приберегу на потом. Я сотворю иллюзию. Отвлеку демонов. У вас будут считанные мгновения, чтобы вытащить ваших драгоценных родственников сюда наверх. Потом придется бежать, и по возможности быстрее, чем демоны. Ибо я ничем не смогу вам больше помочь!

— Давай, — сказал Конан. — Действуй. Скажи нам, когда будешь готов.

Бронвит сидела на жестком камне, обхватив руками колени. Она ждала. Она не осмелилась открыть остальным то, что ей недавно посчастливилось заметить. Истрадавшиеся меньшие могут не утерпеть и как-нибудь выдать пробудившуюся надежду, и тогда их мучители сразу поймут: что-то не так. Бронвит только произвольным движением натянула на плечи продранный плащ, хотя в пещере было тепло.

Она видела троих мужчин, заглянувших в пещеру сверху, через каменный край. Две головы были всклокоченными, черноволосыми. Третья сверкала почти сплошной лысиной. Теперь Бронвит гадала, померещилось ей или один из мужчин в самом деле был Куланн? Но если так, то кто был тот, второй киммериец?.. Конечно, оба могли оказаться и ее родственниками. Даже скорее всего, что так.

Мог, правда, и Куланн явиться за ней в одиночку, презрев все ужасы и опасности ради данного когда-то слова. Но чтобы его родич согласился riskовать головой ради девчонки из клана Муррохов?..

Немного подождать, и она узнает ответы на все свои вопросы. А пока надо подготовиться к действию. Чтобы, когда настанет решительный миг, не оплошать, отвоевывая свободу младшеньким и себе. Бронвит была здесь самой старшей. Она за них отвечала. Перед кем? Перед собственной совестью.

Бронвит была высокой, сильной и красивой девушкой, даже не слишком исхудавшей в заточении, несмотря на более чем скудную пищу, которой им приходилось довольствоваться. Остальная ребятня тоже умудрилась не особенно ослабеть и зачахнуть. Киммерийским детям было не привыкать к лишениям. Вот с чем они никак не могли примириться, так это с несвободой, и примерными узниками отнюдь не являлись. Кожа у каждого была обильно расплосована ударами шипастых бичей, что таскали с собой чешуйчатые охранники-полуящеры. Бронвит украшало даже побольше страшных отметин, чем всех остальных. Она всякий раз пыталась защищать младших. За что и платила собственной кровью.

Томясь в ожидании, она вполголоса напевала печальную песенку. Ее лицо над краем синего плаща светилось красотой, несломленным мужеством и разумом. И, что самое прекрасное, разум этот был здоровым. Чтобы сохранить его таковым, Бронвит понадобилось немало усилий, особенно в последние недели. Или это были не недели, а целые месяцы?.. Счет времени легко терялся в пещерах. Иногда пленников вытаскивали на поверхность и заставляли трудиться внутри огромной ямы, исполняя работу непонятного предназначения. Вот только невозможно было понять, какие отрезки времени разъединяли эти ночи: день? или несколько дней?..

Еще Бронвит знала, что только ее твердость удерживала маленьких подопечных от отчаяния. И как следствие — от безумия.

Это тоже было непросто. Ребятишек уволокли из дому демоны Преисподней. Некоторые видели, как демоны

убили их старших родственников, а потом сожрали тела. Памятуя об этом, киммерийские подростки стоически отказывались от мясных обрезков, которые мучители время от времени предлагали им в пищу.

Но хуже всего была неизвестность. Зачем их сюда привели? Для какой цели держали? Что за судьба ждала впереди?.. До сих пор Бронвит думала, что самая худшая участь, которая только может выпасть человеку, — это рабство. Подумаешь, смерть!.. Смерть приключалась достаточно часто, ее смешно страшиться. Как и все киммерийцы, достигшие возраста самостоятельных решений, Бронвит давно уже поклялась, что скорее убьет себя, чем позволит, чтобы ее насильно увезли на чужбину и продали в рабство. Но этот плен... Слишком близко был дом, а значит, еще оставалась надежда. Мучительная надежда, до недавних пор казавшаяся несбыточной.

Бронвит сидела на камне и гадала, скоро ли придут те, кого она видела наверху.

Постепенно усталость взяла свое, и девушка готова была задремать, но внезапная тишина, воцарившаяся в пещерах, тотчас выдернула ее из объятий сна. Неожиданное прекращение сатанинского гвалта потрясало не меньше, чем поначалу — постоянный истошный крик вокруг.

Те из тварей, что имели шеи, всю изворачивали их, сисясь посмотреть наверх, где происходило нечто поистине необыкновенное.

Там, под самым потолком, прямо из воздуха возникало невиданное существо. Оно постепенно принимало отчетливую форму, и форма эта была отчетливо человеческой, если не считать гигантских размеров. Лик существа был величествен и безмятежен, тело и конечности — безупречно соразмерны. Рук, правда, оказалось несчетное множество, и все двигались. Существо как бы исполняло замысловатый танец под неслышимую музыку.

И от пяток до макушки оно было ярко-синего цвета...

Нелюди-стражи между тем несколько пришли в себя от первоначального потрясения и выражали свое смущение и замешательство какофонией кваканья, шипения и хриплого клекота. Бронвит затруднилась уловить связь между необыкновенным видением и тройкой отважных незнакомцев,

но то, что неожиданный поворот событий мог способствовать побегу, было для нее очевидно.

— Будьте готовы, — тихо сказала она своим подопечным. — Может, это наш шанс!..

Подростки осторожно задвигались, разминая затекшие ноги. Чтобы не подкачали, если в самом деле последует отчаянный рывок на свободу!

Потом Бронвит услышала негромкий переливчатый свист и, оглянувшись, увидела двоих мужчин, скорчившихся у стены каменной загородки. Один из них в самом деле был Куланн. Ее Куланн. При всем самообладании, сердце у Бронвит встрепенулось в груди, точно горный олень. Второй человек оказался незнаком ей. Ясно было только, что Куланн привел с собой родственника: у незнакомца были те же характерные черты лица, присущие всем Канахам. Куланн поманил девушку жестом, Бронвит подала знак остальным, и подростки, низко пригибаясь, почти ползком поспешили к двоим мужчинам, которые без лишнего промедления помогли им перелезть через ограждение. Часовые, торчавшие поблизости на посту, продолжали безмозгло таращиться на пляшущее видение под потолком. На счастье беглецов, никто из их противников, кажется, не был обременен излишним умом.

Перебежав вдоль стены пещеры, мужчины повели беглецов по узенькому карнизу, который поднимался, извиваясь, по стене к тому самому выступу, где Бронвит их увидела в самом начале. Даже младшие ребятишки ступали по предательски узкой тропке уверенно, точно горные козлята. Подсадив последних малышей на спасительный выступ, мужчины забрались туда сами. Невероятно, но их до сих пор не заметили!.. Должно быть, благодаря завораживающему танцу, еще длившемуся над головами охранников...

По-прежнему незамеченными они достигли устья тоннеля.

— Куланн... — начала было Бронвит, но старший из мужчин перебил:

— Не время! — И проворчал: — Бегите-ка лучше. Там, подальше, найдете зажженный факел и кучу негорелых.

Возьмите их и топайте прямо, никуда не сворачивая. Лестница выведет вас в Обитель Крома. Вылезайте наружу — и быстренько вниз, через Поля Мертвых. Если не будете мешкать, друзья встретят вас раньше, чем успеют сцапать демоны!

Куланн пояснил:

— Это Конан, мой двоюродный брат.

— Конан... — повторила Бронвит. И вспомнила, что ей уже доводилось слышать это имя.

Тут подал голос всклокоченный мальчишка лет двенадцати от роду:

— А с какой бы стати Муррохам доверять собаке Канаху?

Усмехнувшись, Конан развернул паренька и увесистым шлепком пониже спины направил его в сторону далекого выхода:

— Там, снаружи, только что разослали Кровавые Копья, малыш. Вот настанет мир, тогда и выясним отношения.

— Не сердись на него, — сказала Бронвит. — Это мой брат, и упрямства в нем не меньше, чем в любом из мужчин нашего клана. А вы двое что собираетесь делать?

— Прикроем ваш отход, — ответил ей Конан. — Тот пляшущий вендийский идол — всего лишь иллюзия, созданная нашим приятелем колдуном, и рано или поздно демоны допрут, что к чему. Давайте-ка делайте ноги!

Бронвит быстро, с необыкновенной страстью поцеловала Куланна — и побежала. Подростки последовали за ней, за исключением мальчишки, обозвавшего Конана собакой. Он сказал:

— Еще не хватало, чтобы Муррох убежал, а Канах прикрывал ему спину! Я остаюсь с воинами!

И паренек выпятил тощую грудь, подхватив с полу острый обломок камня.

Конан проговорил с полной торжественностью, без малейшего намека на иронию:

— Мы прикрываем тыл, воин Муррохов. Это опасно. Но кто знает, что там таится впереди, в этих пещерах? Быть может, еще большая опасность. Кто же защитит от нее беглецов?

Какой-то миг мальчишка помедлил в задумчивости.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Удачи вам, мужи Канахов.

И, не выпуская камня из рук, он со всех ног помчался туда, где уже мерцал во тьме огонек факела.

Конан вновь усмехнулся:

— Ты присмотрел жену из хорошей семьи, родич. Такие, как эти брат и сестра, составят гордость любого клана.

Куланн улыбнулся. Это была улыбка человека, обретшего душевный покой.

— Я пришел за ней, как велела мне клятва. Теперь я могу умереть и не стыдясь предстать перед Отцом Кромом... — Он прислушался к тому, как вновь переменялся доносившийся снизу гвалт, и заметил: — Как бы не случилось это совсем скоро, двоюродный брат! Хитрость колдуна, похоже, раскрыта!

— Пошли, — сказал Конан.

И они рысцой, стараясь не оступиться в потемках, направились следом за беглецами. Вскоре сзади послышался шум погони. Канахов утешало только одно: самого побега стражники не видели, а значит, понятия не имели, в какую из множества дыр юркнули бежавшие. Наверняка они разделятся, чтобы обшарить весь лабиринт. Конану и Куланну, таким образом, не придется биться против всех сразу.

Темнота и непривычная обстановка подземелий немало замедлила их бег, так что шум погони вскоре приблизился. Киммерийцы, не сбиваясь с шага, разом вытащили мечи. Впрочем, первая стычка произошла с врагами, выскочившими спереди, а не сзади. Из какого-то узкого бокового тоннеля возникла пара людей-насекомых. В каждом — не менее семи футов росту, угловатые тела блестели в отблесках света, точно спинки жуков. Множество рук — или лап? — сжимало странного вида оружие, с которым они и устремились в атаку.

Конан увернулся от удара зазубренного меча, занесенного раскроить ему череп, и резанул тварь поперек груди, отколов пластину плотного, точно рог, хитина. Существо зашипело и попыталось ухватить его свободной

суставчатой лапой. Клешня впилась в левую руку Конана, причиняя невероятную боль. Силы тварь оказалась ужасающей, и киммериец понял, что следует разделаться с ней как можно быстрее, иначе — смерть. Безвыходность положения удвоила силы. Конан приставил конец меча к тому месту, откуда только что снес естественный панцирь, и пырнул изо всей мочи. Раздался треск, и голубое лезвие неожиданно проломилось насквозь. Человек-насекомое издал отвратительный вопль, выпустил руку Конана и попытался высвободиться сам. Воин схватил рукоятку меча обеими руками и вырвал оружие из раны. Хлынула желтая жидкость, мерзко пахнувшая кислотой. Тварь рухнула на пол и стала корчиться в предсмертных муках, гремя панцирем о камни.

Конан стряхнул с меча поганую кровь, обернулся и увидел, что Куланн прижал своего супротивника к стене пещеры. Существо неуклюже отмахивалось корявым копьем. Куланн наседали на него со всем пылом свершившейся мести. Сперва он отсек монстру лапу по локоть. Потом подрубил колено. И наконец снес ему, уже падавшему, безобразную голову. Конан заинтересованно проследил взглядом полет отрубленной головы. Та пролетела, вращаясь, немалое расстояние по направлению к большой пещере. И с невнятным шлепком приземлилась где-то далеко за пределами видимости.

— С этими не в пример легче справляться, чем с ящерами, — спокойно заметил Куланн.

— Зато пещеры они знают не хуже, — откликнулся Конан. — Хорошо бы больше с ними не сталкиваться!

Добравшись до подножия лестницы, они полезли наверх. Они явственно слышали за собой погоню, в том числе громкое шипение людей-ящеров. Пришлось прибавить шагу. По высоким ступенькам бежать было зверски неудобно, но выносливость, присущая горцам, выручила и на сей раз. Выбравшись наверх, оба дышали лишь немногим чаще обычного.

Обитель Крома была залита ярким солнечным светом. Демоны были вынуждены оставить погоню, только доносилось раздосадованное шипение. Киммерийцы остановились передохнуть.

— Солнечный свет, похоже, остановил их, — полуутвердительно проговорил Куланн.

— На время, — сказал Конан. — Они ведь выходили на солнце, когда отправлялись громить поселения. Лучше убраться подобру-поздорову, пока опять не собрали черное облако и не последовали за нами!

Они направились к выходу, и Куланн указал родичу на огарки факелов, брошенных беглецами.

— По крайней мере, сюда Бронвит с ребятами добрались благополучно, — сказал юноша. — Наверное, сейчас они пробежали уже полпути до подножия!

Они шагнули наружу из пещеры...

— Давай догоним их поскорее, — продолжал Куланн. — Я не успокоюсь, пока...

Тут они увидели, что их ожидало снаружи.

— Кости Крома!.. — хором выругались двоюродные братья и дружно рванули из ножен мечи.

— Еще двое!.. — сказал Старкад. — Вот только этих двоих нам живьем, похоже, не взять!..

Глава тринадцатая

ВОЛКИ ВАНАХЕЙМА

Мгновения, пока меч покидал ножны, хватило Конану, чтобы зрачки зорких глаз во всех подробностях запечатлели представшее зрелище. Перед устьем пещеры широким полукругом стояли вооруженные ваны. Их было здесь не менее сотни. Сбоку Конан заметил человека в богатом вооружении: наверное, вождь. Рядом с вождем держалось двое явных чужестранцев довольно странной наружности. Один ван валялся мертвым. Голова у него была проломлена зазубренным камнем. Подле него лежал на земле братишка Бронвит. Черные волосы подростка слиплись от крови. Саму Бронвит и остальных ребят-киммерийцев ваны держали между собой и пещерой.

— Ваны на склонах Бен Мора! — прокричал Куланн. Вид у юноши сделался полубезумный. Зрелище заклятых врагов, ванов, попирающих священную гору, подействовало

на киммерийца не хуже, чем вид демонов, оскверняющих святую землю народа.

Конан, отнюдь не потерявший самообладания, глухо зарычал:

— Делай как я!..

Ему не раз приходилось бывать в таких переделках. Ваны слишком растянули свой строй, устраиваясь полукругом перед пещерой. В глубину этот строй был один-два человека, не больше. Завязывать бой со всеми врагами сразу бессмысленно, а вот прорубить пленникам лазейку на свободу — отчего бы и не попробовать?.. Там, где стоял вождь, ванский строй показался Конану тоньше всего, и он выбрал для прорыва именно это место.

— Убить двоих собак! — приказал Старкад.

Его воины двинулись вперед, предвкушая усмехаясь, но успели сделать всего один шаг. Из глотки Конана вырвался дикий боевой клич, знаменитый военный клич киммерийцев. Молодой великан рванулся вперед. Навстречу ему из строя вышел какой-то ван. Он держал в руке топор и прикрывался щитом. Конан нанес стремительный удар снизу, рубанув по краю щита. Голубое лезвие, даже не задержавшись, снесло щит и врубилось воину в бок. Окровавленные железные чешуи полетели в лица стоявшим поблизости.

Конан же уперся ногой в грудь сраженному воину и отшвырнул прочь тело. Меч вышел из страшной раны, издав хлюпающий звук. Мгновенно развернувшись, Конан использовал энергию движения, напав на вана, подбиравшегося к нему справа. Он ударил наотмашь, не успев восстановить равновесия, но даже такой удар оказался достаточно мощным, чтобы рассечь рогатый шлем врага от виска до носовой стрелки, а заодно перерубить топором секиры.

Между тем двое ванов попробовали сладить с Куланном. Юноша нырнул вперед и кувырнулся прямо им под ноги, изумив и сбив с толку нападавших. Куланн же, катясь между ними, ударил правого вана снизу под щит, до кости разрубив бедро. Тот с воем свалился, а Куланн вскочил на ноги, оказавшись за спиной у второго. И обрушил быстрый удар на его шею пониже шлема. Голова свалилась на камни.

Тело еще не успело упасть, а Куланн уже поворачивался, чтобы схватиться со следующим...

Ванский строй и вправду распался. Образовалась прореха в несколько шагов шириной. Конан обернулся к пленникам и рявкнул:

— Бегите!

Бронвит первым долгом подоспела к брату и вскинула мальчишку на плечи. Благо тощее тело весило не больше мешка с мукой, которые она с детства привыкла таскать. Девушка первой устремилась в прорыв, и за ней понеслись остальные. Какой-то ван изготовился ухватить беглянку, но Куланн на миг оставил соперника, с которым рубился, и отсек вану руку еще прежде, чем та коснулась девушки. За это Куланну пришлось поплатиться неглубоким порезом поперек груди, но его ответный удар решил дело: разрубил и носовую стрелку шлема, и череп под шлемом.

Давая время пленникам скрыться, Конан яростно напал на ванов, заставив их попятиться еще больше. Храбрости его врагам было не занимать. Но этот вихрь стремительной ярости и умопомрачительного мастерства хоть кого мог заставить попятиться. Конан расколол еще чей-то щит, снес с какого-то шлема украшение в виде крыла, потом повернулся — и дал деру.

— Бежим!.. — заорал он, обращаясь к Куланну.

Юноша прекратил бой так же внезапно, как Конан, и беспрекословно последовал за родичем. Прошло целое мгновение, пока ваны поняли, что, собственно, произошло. Потом они устремились в погоню. Но гнаться, как скоро выяснилось, было бесполезно. Киммерийцев не отягощали доспехи — только оружие. И они летели вниз по склону, легконогие, точно горные козлы. Ваны, непривычные к горам и разреженному воздуху, тяжело и медленно ковыляли следом.

Старкад презрительно запыхтел, наблюдая, как его воины, запыхавшись, останавливаются после какой-то сотни шагов, а потом поворачивают и тащатся назад. Черноволосые тем временем почти совсем скрылись из виду.

— Чтоб я еще когда отправился в Киммерию с оравой ни к чему не пригодных молодых дуралеев!.. — плюнул

Старкад. — Отныне и впредь буду водить на черноволосых только опытных, проверенных воинов!..

Джаганат чуть улыбнулся, услышав из его уст «отныне и впредь». Старкад его улыбки не заметил.

— Если эти двое были типичными киммерийцами, — сказал волшебник, — я более не удивляюсь тому, что вы, ваны, предпочитаете нападать только на уединенные становища, притом по ночам и намного превосходящими силами...

— Мы их не ждали!.. — мрачно проворчал Старкад. — А люди мои — дурак на дураке. Кажется, чего проще — зайти со спины, когда одинокий враг дерется сразу с двоими! Обойди и руби его в свое удовольствие. Так ведь нет, даже и до этого не додумались. Приспичило, вишь, недоноскам ввязываться в единоличные поединки! Можно подумать, певцы про них поэмы складывать собирались!.. — Старкад подошел туда, где лежали на земле мертвые и умирающие. — Ну и дел натворили эти двое черноволосых. И хоть бы один шлем или кольчуга на двоих...

Предводитель остановился над телом самого первого павшего от руки Конана. Мертвый еще держал расколотый щит. Сквозь дыру во вспоротой броне было видно тело, разрубленное сбоку до позвоночника. От обнаженных внутренних органов шел пар.

Старкад выпрямился.

— Тот из двоих, что постарше и повыше, — это, наверное, кто-нибудь из ихних великих воителей, — высказал он свое мнение. — Сказали бы мне, что есть человек, способный нанести такой удар, я бы в глаза плюнул лежецу... Юнец тоже здорово дрался: бил, когда мог, туда, где не было лат... Но этот старший... — Старкад покачал головой, как бы не вполне веря увиденному. — Он же разрубил щит и броню, точно струйку дыма!.. — И, свирепея, повернулся к Джаганату: — Это что, какое-то волшебство? Я еще ни разу не видел таких мечей, как у него. Голубая сталь!.. Клинок небось заколдованный?

Джаганат отрицательно покачал головой.

— Я плохо разбираюсь в мечях, — сказал он, — однако никакой колдовской ауры не ощутил. Так что не

надо оправдывать неуклюжесть своих воинов, перекладывая вину на каких-то там сверхъестественных помощников киммерийца. Многие правители до тебя совершали эту ошибку!

Отповедь больно ужалила самолюбие Старкада; но прямо перед глазами была не менее обидная правда, и ван промолчал.

— Пошли внутрь, — сказал Джаганат. Они с Гопалом первыми вошли под высокие своды, Старкад двинулся следом.

Они остановились у подножия каменного исполина. Старкад уставился вверх, слегка подавленный величием статуи.

— Так вот он какой, старый Кром-из-Горы, — проговорил он наконец. — Велю-ка я своим людям развести костер побольше, да и рассмотрим лицо!

В голосе Джаганата впервые за все время послышался некий отзвук боязни:

— Не думаю, что тебе в самом деле хочется увидеть Его лицо...

Он смотрел вверх, в темноту, с таким видом, словно видел это самое лицо совершенно ясно.

Старкад глянул под ноги, на рваное отверстие в камне, на таинственные ступени, уводившие вниз. Оттуда доносилось шуршание. Чьи-то шаги?..

— Вот что, колдун, — проговорил предводитель отряда. — Пора уже тебе рассказать мне кое о чем, чего я не знаю. Что здесь делают все эти киммерийцы?.. Если не считать двоих воинов и девушки, беглецы были детьми и подростками. Они удирали из этой самой пещеры. И выглядели так, как если бы их долго держали в плену. А там, внизу, кто-то шуршит, и мне это не по нутру. Там кто-то есть. На кой ляд мы все приперлись в эту пещеру?..

Джаганат ответил ему со своим обычным высокомерием:

— О том важном деле, которое меня сюда привело, тебе знать незачем. Незачем тебе и бояться того, что внизу. Моя волшебная сила тебя защитит. Что же до киммерийцев... Все это — слишком высокие материи, уразуметь которые могут лишь могущественнейшие чародеи. Ты не

поймешь, даже если я попробую объяснить. Отдыхай и тешься мыслью, что все идет согласно задуманному мною! — И он сделал небрежный жест, как бы отмахиваясь от сущей чепуховины. — Завтрашний день мы посвятим отдыху, а я займусь необходимыми приготовлениями. Послезавтра — день осеннего равноденствия, когда я намереваюсь свершить свой обряд. Через час после рассвета все мои дела здесь будут полностью завершены.

Его слова ничуть не развеяли сомнений Старкада. Ван крепко подозревал, что волшебник был вполонину не так осведомлен, как пытался его убедить. А уж присутствие киммерийцев Джаганата и вовсе сбило с толку.

— Ладно, — смягчился наконец Старкад. — Потерпим до послезавтрашнего утра. Через час после рассвета выступаем домой. Ты учти, ни мгновения лишнего мы тут торчать не намерены. Когда черноволосые доберутся до родной деревни, сюда прямым ходом побегут все вооруженные киммерийцы, какие только сыщутся на три дня пути окрест!

Джаганат согласно кивнул, и тонкая улыбка вновь тронула его губы:

— Значит, времени у нас более чем достаточно. Покамест ты мне больше не нужен.

И Старкад вышел наружу, где топтались его воины. Дождавшись, пока ван больше не мог их подслушать, Гопал обратился к дяде:

— Все действительно обстоит именно так, как ты ожидал, дядя?..

Джаганат нахмурился:

— К сожалению, другие маги успели поработать здесь, племянник. Могущественные маги, владеющие высшими знаниями. И у кого-то из них хватило дурости открыть прямо здесь дорогу в наш мир демонам из иных измерений. А с этими тварями лучше не связываться, пока не приобретешь полной власти... Но вот кто все это учинил? Тот-Амон?.. Хатор-Ка?.. Минг Тзу?.. Не могу взять в толк, у кого хватило бы разом глупости и могущества... — Джаганат огляделся. — Но покамест на месте присутствую один я. А мы с тобой хорошо знаем, что никакие хитрости не помогут, если взыскующий высшей власти не сможет лично

присутствовать на рассвете в день равноденствия... — Джаганат вновь огляделся. — Еще я чувствую здесь какое-то странное, очень странное колдовство. И я опять-таки не могу понять, кому оно принадлежит. Знаю только, что ко всему этому... — он указал на дыру со ступеньками, — ...оно не имеет никакого отношения. — Его взгляд вновь скользнул вверх, к исполинской фигуре на окутанном сумраком резном троне. — И потом, этот Кром... Он совсем не таков, как я ожидал!

Гопал испытывал величайшее беспокойство. Сколько он себя помнил, его дядя всегда не просто говорил, а изрекал нечто, исполненное непоколебимой уверенности. Теперь было похоже, что некий соперник умудрился эту уверенность поколебать. И Гопалу казалось, будто сама земля готова уйти у него из-под ног.

— Ты победишь, дядя, — выговорил он неверным голосом. — Ты превзойдешь всех и обязательно победишь!

Джаганат стряхнул дурные предчувствия и снова заулыбался:

— Ничего не бойся, Гопал! Минует день равноденствия, и я стану величайшим из магов, когда-либо живших на этой земле!..

Достигнув дна долины, именуемой Полями Мертвых, Конан, Кулани и бывшие пленники остановились передохнуть. Тем более что многие из младших ребятишек были не в самом лучшем состоянии после долгой неволи.

Кулани взобрался на вершину одного из могильных холмов и посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

— Погони нет, — доложил он, вернувшись.

— Так я и думал, — ответил юноше Конан. Присев на камень, он принялся тщательно отчищать свой клинок. — Любой ван, попав в горы, превращается в мешок дерьма. Я всегда это говорил!

С удовольствием убедившись, что лезвие несколько не пострадало и не обзавелось ни единой зазубриной, Конан убрал его в ножны и поднялся на ноги. Бронвит склонилась над неподвижным братишкой. Она так и тащила его на плечах все это время.

При приближении Конана она с пробудившейся стыдливостью запахла на себе остатки плаща.

— Живой, — сказала она.

Конан наклонился и раздвинул на голове мальчика черные пряди, запекшиеся кровью. Кожа под волосами была рассечена, в ней зияла рваная рана, но черепная кость осталась цела.

— Поправится, — сказал Конан. — У Муррохов всегда были толстые черепа.

Куланн подошел к ним и спросил:

— А что там твой чужеземный приятель?

Конан пожал плечами:

— Мне-то откуда знать? У него там, в горе, был еще какой-то свой интерес... Так что без дела кхитаеза, наверное, не сидит. А позаботиться о себе он и сам прекрасно способен.

— Как же нам быть дальше? — спросила Бронвит. — Кое-кто из малышей не сможет завтра идти.

— А демоны непременно вылезут, когда опять станет темно, — добавил Куланн. — Где-то примерно тут мы встретили давеча двоих...

— Останемся здесь, — проговорил Конан. — Я своих вanam и демонам на растерзание не бросаю. Пока я дышу, больше ни одного киммерийского ребенка они не получат. Будем ждать... Войско скоро должно сюда подойти.

— А если оно не успеет и враги на нас нападут? — спросила Бронвит.

Конан обвел глазами могилы давно умерших героев:

— Коли так... Здесь, где спят великие предки, не самое худшее место для встречи со смертью!

Обшарив долину, беглецы набрали достаточно топлива, чтобы жечь костер до рассвета. Конан первым встал на стражу у верхнего входа в долину. Когда небо стало темнеть, он увидел, что к нему вверх лезет брат Бронвит. Голова у паренька еще кровоточила, но глаза были ясные, и шел он уверенно.

— Привет тебе, воин, — окликнул его Конан.

— И тебе привет, — отозвался подросток и уселся рядом с Конаном. — Меня зовут Бодхранн. Я весьма сожалею, что не смог посмотреть, как ты сегодня крошил

ванов. Моя сестра говорит, ты неплохо сражался... Для Канаха, конечно.

— Великая честь услышать такую похвалу от Мурроха, — сказал Конан.

— Но что эти ваны делали на Бен Море?..

— Я бы многое отдал, — сказал Конан, — чтобы узнать ответ на этот вопрос. Я, между прочим, видел там с ними двоих чужестранцев. И я почему-то не сомневаюсь, что именно они и привели сюда рыжебородых. Что-то чародеев нынче на Бен Море как блох!.. Те двое, если я еще не ослеп, были родом с Востока. И явно не дураки в колдовстве...

Мальчик пожал плечами:

— Какая разница? Они чужеплеменники. Они будут убиты за то, что осквернили прах наших мертвых. А что, правду сказала моя сестра, будто собралось великое ополчение?

— Да, это правда. Клань сошлись к Стоячему Камню и скоро придут сюда. Надеюсь, не позже чем завтра. Они идут быстро и времени не теряют. Какой бой будет! Такого наша земля еще не видывала.

Куланн присоединился к ним, явившись со стороны лагеря.

— Всех уложили, — сказал он. — Устроили как можно удобнее, хотя... А впрочем... Они сбили ноги, замерзли и изголодались, но до чего счастливы!

Конан хмыкнул:

— А ты бы на их месте не радовался?

— Мне надо с тобой кое-что обсудить! — сказал Бодхранн Куланну.

— Я слушаю, — ответил Куланн.

— Ты, значит, собрался взять в жены мою сестру?

— И возьму, — заверил его молодой Канах.

— А я тебе не позволю!.. Между нашими кланами распря. Чтобы получить Бронвит, ты должен будешь силой отобрать ее у родственников-мужчин!

И подросток воинственно выпятил костлявую челюсть.

— Кровавые Копья разосланы ко всем кланам, — напомнил ему Куланн. — Все распри отложены до лучших времен. А это значит — никаких похищений.

— Вот как!.. — Бодхранн выглядел озадаченным. — Но когда это бывало, чтобы парень и девка из враждующих кланов справляли свадьбу под Белым Щитом?..

— До сих пор не бывало, а теперь будет. Именно это мы с Бронвит и совершим, как только соберутся свидетели.

— Но так дело не делается! — упорствовал Бодхранн. У паренька самым нечестным образом уплывал из рук шанс на преотличную драку, и это злило его.

— А я рад, что все поворачивается именно таким образом, — сказал Куланн. — Может быть, мне пришлось бы убить тебя при похищении Бронвит.

— Тебе пришлось бы попытаться убить меня! — свирепо фыркнул Бодхранн. — Еще неизвестно, удалось бы тебе или нет!

И он пошел прочь. Худенькая спина прямо-таки излучала раненое достоинство. Конан улыбнулся, глядя ему вслед. Но смеяться не стал.

— А если назавтра войско не явится?.. — спросил Куланн.

— Ты свой обет выполнил, — сказал ему Конан. — Завтра, прежде чем стемнеет, уведешь ребятню вниз по склону. Там ты уже точно встретишь наших, и притом скоро. Я же должен буду дожидаться утра. Я свою клятву еще не сдержал...

— Я останусь с тобой, — спокойно проговорил Куланн. — Канах не должен идти в битву один, если жив родственник, способный оказать ему помощь.

Конан спорить не стал. Знал, что это все равно бесполезно.

Ночь прошла спокойно: демоны не стали охотиться за беглецами. А первые лучи солнца заиграли на наконечниках сотен копий, частым лесом надвигавшихся со стороны нижнего входа в долину. Дети разразились восторженными криками, приветствуя орду свирепых мужчин, быстро шедшую к ним без знамен и штандартов. Все воины были вооружены до зубов, но ни один не прикрывал свою плоть кольчугой и шлемом, лишь некоторые несли легкие щиты. Латы, как и прочие причиндалы изнеженной цивилизации, только помешали бы при стремительной атаке, излюблен-

ной киммерийцами. Не было здесь и стрелков из лука, но многие несли легкие метательные копыя. В Киммерии стрельбой не увлекались: дерева, пригодного для изготовления луков, здесь почти не росло.

— Ну, кому доводилось видеть зрелище прекраснее? — спросил юный Куланн. — Сколько воинов собралось вместе!

Лицо молодого человека светилось радостным предвкушением.

— Больше — видели, — проворчал Конан. — Лучше — нет!

В самом деле, вся вооруженная мощь Киммерии не сравнялась бы по численности с приличным полком иных армий, виденных Конаном на чужбине. Не многие кланы могли выставить более чем сотню вооруженных мужей подходящего возраста. Да и кланов-то в Киммерии насчитывалось не особенно много. Но Конан отнюдь не был уверен, что сколь угодно многочисленное регулярное войско любой, на выбор, цивилизованной страны способно было выиграть открытый бой у его ополчившихся соплеменников. Легендарное неистовство киммерийцев живо свело бы на нет любое численное превосходство.

Можно было различить раскраску, татуировки, косы и хвосты всех кланов. Сражаться вышли все, от мала до велика. Там были юнцы чуть постарше Бодхранна. И седобородые старики, чьи исхудалые руки, однако, еще сохранили достаточно силы, чтобы поднимать меч. Оружие тоже было всех мыслимых видов. От великолепных мечей предводителей до первобытных дубин диких Галла. И все это разношерстное воинство объединяло одно: свирепая гордость и независимый дух, тот самый дух, благодаря которому Киммерия на всем протяжении своей долгой истории так и оставалась непокоренной.

Вожди, как и полагалось, шли впереди. Скоро они уже беседовали с Конаном и Куланном.

— Стало быть, вы еще живы, — сказал им Канах. — И насколько я вижу, вправду разыскали наших в неволе!

— Не всех, — ответил Конан. — Некоторых. — И ткнул пальцем назад: — Там, внутри, еще много пленников...

Канах повернулся к Бронвит, стоявшей подле Куланна:
— Детям дадут еду и одеяла. Как только их покормят, ты отведешь их вниз, подальше от опасности.

Бодхранн шагнул вперед:

— Я остаюсь с войском!

Вожди только нахмурились: не дело подросткам вмешиваться во взрослый разговор. Конан вступился:

— Там, наверху, он убил вана. Камнем. Проломил ему голову!

Седобородый старый Муррох наградил Бодхранна одобрительным взглядом. И проговорил:

— Ступай к воинам нашего клана.

— На, возьми, — сказал ему Конан. Отстегнул от пояса кинжал в ножнах и бросил его Бодхранну в руки. — Вдруг у них не найдется лишнего оружия? Это тебе сгодится, пока в бою не заберешь меч у какого-нибудь мертвеца.

Муррох недовольно зыркнул на Конана и воспротивился:

— Следовало бы парню принять свое первое оружие из руки родственника!

Конан посмотрел на старого вождя и расплылся в широченной улыбке:

— А мы уже почти родственники, Муррох. Мой двоюродный брат женится на его сестре!

Старик покрутил головой, удивляясь выходкам бессостыжной молодежи, потом не выдержал и рассмеялся.

— Ваны на Бен Море! — напомнил Канах. — Не странно ли это?

— Когда ты выслушаешь мой рассказ, это покажется тебе далеко не самым странным, — пообещал Конан. — Но сначала надо кое-что сделать. Ванские скоты испортили многие наши курганы... Как только разобьем лагерь, надо будет все это поправить до темноты.

— Они за это заплатят, — сказал вождь Галла. Этот клан избирал своего предводителя, не передавая звания по наследству. — Я полагаю, нашим предкам по вкусу придется ванская кровь!

Вторая половина дня вправду ушла на восстановление разметанных могильников. В книгу великой ненависти к ванах при этом вписывалась новая глава. А вечером, когда

зажглись торфяные костры, воины слушали невероятный рассказ Конана, Куланна и Бронвита.

В заключение Конан поведал им все, что успел выяснить о боевых повадках демонов и об их слабых местах.

— Помните: вид у них действительно страхолюдный, но умирают они вполне исправно, — рассказывал он, стоя возле костра. — У тех, которые чешуйчатые, шкуры вправду крепкие, но не крепче ванских доспехов. Ударь посильнее — разрубишь или проткнешь. Еще у них толстые, тяжелые хвосты, и они пользуются ими в бою почем зря. Тех, что похожи на больших насекомых, убивать легче. Разбить панцирь — и готово. Ну, про то, как справиться с ваном, вы и так все знаете... Там еще были разные твари, с которыми мы пока не сражались, но они, без сомнения, так же смертны, как и все остальные. А еще там, в яме, мы видели какое-то страшилище размером с дракона, но такое странное, что я не возьмусь его описать. Боюсь, особого ущерба мы ему не причиним, даже если очень постараемся... Лучше оставить его на съедение кхитайскому колдуну!..

— А золотишка ты там в погребах не видал? — поинтересовался Вульфхере, светловолосый вождь маленького отряда асов, явившийся на помощь киммерийцам во исполнение некоего долга перед Конаном, о котором ни тот ни другой рассказывать не желал.

— Нет, не видел. — Конан равнодушно передернул плечами. — Честно говоря, я особо и не смотрел. И, по-моему, туда, в эти пещеры, за золотом ползет только непроходимый дурак. Пусть лучше демоны выберутся наружу и сражаются с нами в открытую! — Он осмотрелся и высказал последние соображения: — Завтра — осеннее равноденствие, и я должен выполнить то, что пообещал. И кажется мне, что без колдовских штучек тут не обойдется! Демоны, они солнечного света не любят, так что если захотят с нами разделаться, то ползут, скорее всего, нынче же ночью. Вы принесли с собой много торфа и дров. Это хорошо. Держите топливо поближе к кострам и будьте готовы разжечь их как следует, если на нас нападут! Пусть каждый выспится и как следует отдохнет, но я бы посоветовал спать с мечом под рукой!..

Глава четырнадцатая

СРАВНЯТЬСЯ С БОГАМИ

Хатор-Ка вновь чувствовала себя ученицей. Не слишком-то это приятно! После того как в течение нескольких десятков лет тебя числили среди наиболее могущественных магов Земли, опять оказаться у кого-то в учении. На самом деле возраст Хатор-Ка давно уже перевалил за сто лет; если она и выглядела совсем молодой женщиной, то благодарить за это следовало ее колдовское искусство.

Подходящий момент для того, чтобы выяснить, как, оказывается, ничтожны, а то и вовсе ошибочны были ее прежние познания...

Несколько последних дней она провела в доме у Тот-Амона. Великий волшебник взялся наводить последний глянец на ее колдовское образование, и Хатор-Ка была попросту потрясена, впервые как следует оценив истинный размах и глубину его знаний. До сих пор она полагала себя и еще нескольких магов равными Тот-Амону. Теперь она понимала всю смехотворность собственного заблуждения.

Странные существа из иных измерений, с которыми она после множества экспериментов кое-как устанавливала зыбкий контакт, были, оказывается, постоянными собеседниками Тот-Амона. Возраст его превосходил всякое вероятие, и он повелевал силами, о существовании которых Хатор-Ка совсем недавно даже и не догадывалась.

Словом, за несколько дней со времени не слишком удачного ночного налета Хатор-Ка продвинулась в колдовском ремесле едва ли не больше, чем за все предшествовавшие годы.

Тот-Амон держал в глубокой тайне свое истинное могущество. В течение столетий, которыми измерялась его жизнь, он много раз менял и внешность, и имена, замечая следы. И это ему удалось, дав неоспоримое преимущество над любым потенциальным соперником. Немало врагов уже пало жертвами собственной самонадеянности, посчитав себя равными великому магу.

— Ну а другие из нынешних? — однажды спросила его Хатор-Ка. — Неужели и они такие же всезнающие и могущественные, как ты?

— Нет. Ни один из них не сравнится со мной, — заверил ее Тот-Амон. — Джаганат думает, что ни в чем мне не уступит, но он примерно равен тебе — такой, как ты была, прежде чем попала ко мне. В далеком Кхитае, правда, есть Орден Серебряного Павлина... Вместе взятые, они, может, и смогли бы поспорить со мной. Но они — нераздельное братство, а поодиночке никто из них мне не соперник.

— Я знаю о них лишь по отдельным упоминаниям, — сказала она. — Может ли так случиться, что в этой битве за власть они бросят против нас свою совокупную силу?

— Ни в коем случае, — уверенно ответил Тот-Амон. — Они вообще не столько практикующие маги, сколько философы. Их познания в самом деле обширны, но есть разделы высшей магии, к которым они по своей глупости никогда не прибегают. В особенности это касается вызывания демонов. Не находят, видите ли, возможным! По их мнению, эти существа слишком злобны, слишком опасны для человечества. Чародеи из Ордена Серебряного Павлина проводят век в размышлениях и мечтах, но использовать свою силу ради достижения власти над миром? Нет, на это они не пойдут никогда... — И Тот-Амон слегка отмахнулся, закрывая тему, что с ним вообще-то редко бывало. — Не следует слишком задумываться о других магах. Они не стоят того. Мы неизмеримо возвысимся над ними, когда совершится обряд.

Хатор-Ка все думала об этом разговоре, направляясь в Тот-Амонов чертог для медитаций: ей предстояло получить последние указания перед тем, как произвести Великое Вызывание на рассвете близкого уже дня равноденствия.

Дверь в чертог окаймляли иероглифы, заключавшие в себе страшную мощь. Шагнуть через этот порог, не произнеся соответствующего заклинания, служившего противоядием, значило навлечь на себя страшную участь. Хатор-Ка негромко произнесла слова, которым научил ее Тот-Амон, и дверь беззвучно распахнулась, пропуская ее.

Великий чародей сидел внутри, прямо на полу. Комната ничем не украшена и даже не обставлена мебелью. Стены,

пол и потолок были сплошь черными, никакие иные цвета не присутствовали. Перед Тот-Амоном стояла простая чаша, вырезанная из обсидиана. Чашу наполняла чистая вода из реки Стикс.

Хатор-Ка в который раз удивилась потрясающей простоте колдовских приспособлений Тот-Амона, столь резко отличавшихся от многосложных устройств и ритуалов, к которым в своей практике привыкла обращаться она сама. Видимо, истинное совершенство в этом и заключалось. Для того, чтобы придать неодолимую силу волшебству, Тот-Амону мало что было нужно, кроме собственного могучего разума. Вот и теперь чаша с водой требовалась ему только для концентрации.

Он не поднял глаз на вошедшую.

— Подойди, Хатор-Ка, — сказал он. — Сядь напротив меня и взглядишь в воду Отца Стикса. Сегодня ночью мы с тобой отправимся в путешествие столь дальнее, что слово «расстояние» перед ним попросту исчезает. Нам предстоит миновать пределы нашей Вселенной и углубиться в чужую. Однажды тебе удалось привлечь кое-кого из ее младших обитателей, жертвоприношениями подманив их к своему храму. Ты сделала это, наведя над алтарем нечто вроде окна между мирами. В свою очередь, подобное стало возможно благодаря тысячелетнему соположению небесных тел, предсказанному Склосом... А теперь мы с тобой перенесемся в тот мир сами. Тебе предстоит увидеть некоторые из Сил того мира. Тогда ты поймешь, с какой мощью пыталась заигрывать. Итак, смотри в воду!

Хатор-Ка села и стала вглядываться в прозрачную, почти невидимую воду. Это было несложно. Самое первое упражнение, которое заставляют осваивать нового ученика. Медитация на воду была столь же древней, как само стигийское колдовство. Но в точности как мастер-музыкант каждый Божий день повторяет гаммы, разученные еще в ученичестве, так и продвинутому чародею никогда не мешает возвратиться к азам. Таким, например, как концентрация. Столетия занятий чародейством укрепили Тот-Амона в убеждении, что это было едва ли не важнейшим умением в любой из волшебных наук.

По мере того как Хатор-Ка смотрела в воду, и влага, и чаша постепенно исчезли. Волшебница сидела на самой небесной тверди, и вокруг не было ничего, кроме пустой тьмы, озаренной далекими, крохотными огоньками звезд. Множество раз она бывала здесь прежде, но всегда — одна. Теперь с нею был Тот-Амон, столь же невидимый, как и она сама.

— Мы далеко от нашего мира, хотя по меркам беспредельного пространства это совсем рядом, — прозвучал его голос. — Ты, верно, узнаешь звезды, которые мы видим с Земли. А теперь отправимся дальше, к самому краю Вселенной...

Звезды перед глазами Хатор-Ка стали превращаться в длинные стрелы, смещаться в стороны и наливаясь красным огнем. Потом стрелы слились в красные полосы. Это продолжалось бесконечно долго... Впрочем, времени, как и иным понятиям, здесь не было места.

Алые полосы начали постепенно редеть. Оставшиеся видимыми вновь начали превращаться в точки иссиня-белого света. Их было очень мало, и находились они в направлении, которое у Хатор-Ка смутно ассоциировалось с понятием «сзади».

— Каждая световая точка, которую ты видишь, — пояснил Тот-Амон, — есть не отдельная звезда, но скопище многих миллионов звезд. А теперь загляни в Бесконечность!

Хатор-Ка посмотрела вперед. И узрела Тьму. Столь законченную и совершенную, какой не видала еще никогда.

— Здесь проходит граница нашей реальности, — раздался голос Тот-Амона. — Здесь мы покидаем ее и переходим в чужую.

И сразу же вокруг что-то сместилось. Тьма впереди, казалось, не изменилась, но Хатор-Ка откуда-то знала, что тьма эта была совсем другой, чем мгновение назад. Повернувшись, оба чародея снова увидели перед собой огоньки. Но ничего общего со звездными скопищами известного ей мира они не имели. Необычные по форме, они переливались странными, неестественными цветами. Волшебники направились в сторону огней, но на сей раз с далекими звездами не произошло никаких превращений, хотя Хатор-Ка понимала, что и расстояния, и скорости были сравнимы.

Они неслись все вверх и вперед, минуя гигантские святилища образования. Только опыт и многолетняя выучка колдуньи не давали разуму Хатор-Ка повредиться под непомерным грузом увиденного. Она лицезрела живые создания немыслимых размеров, причем форма их подчинялась таким геометрическим правилам, которые обычный рассудок отбросил бы за полной абсурдностью. Порою перед ней представляли странные, вывернутые наизнанку миры, и то, чем занимались их обитатели, повергало в смятение даже ее закаленные чувства.

Тот-Амон ненадолго позволил им опуститься на поверхность некоего подобия планеты. По сравнению со многими виденными прежде эта планета выглядела почти обыкновенной. Не считая таких мелочей, как дисковидная форма с неравномерной толщиной да размеры — раз в тысячу больше ее родного мира. Нигде не было ни малейшего источника света, но это не мешало рассматривать все, что там имелось. А имелся там, среди прочего, город из пурпурного хрусталя и в нем башня во много миль высотой. Там, в этой башне, Тот-Амон на некоторое время задержался для беседы с местным волшебником. Тело этого волшебника составляли осколки многоцветных кристаллов полам с вещественным выражением музыкальных звуков, скрепленных запахом, обретшим зримую плотность. Волшебник как раз производил ритуал, назначенный уничтожить его мир и все, что там находилось. Ритуал был задуман частью в качестве стихотворного опыта, частью как шутка.

Оттуда они направились в самый центр новой Вселенной. Звезды, пронесившиеся мимо, постепенно делались реже, и наконец Хатор-Ка увидела впереди нечто столь громадное, что поначалу она этого просто не замечала.

Оно показалось ей средоточием всей тьмы мироздания.

Когда Хатор-Ка смогла хоть как-то оценить его форму, оно показалось ей схожим с тем усеянным щупальцами Ужасом, что некогда явился ей в храме, вызванный страшным и отвратительным тайнодействием. Это Существо, несомненно, весьма на него походило, только было неизмеримо громадней. И столь же неизмеримо злее, отвратительнее и ужаснее. Медленно-медленно Хатор-Ка начала постигать Его облик и природу... Потом она как

будто ослепла. Бездна зла, таившаяся в Нем, оказалась слишком велика даже для нее, и рассудок отказался повиноваться.

— Если ты хочешь быть магом из высших, Хатор-Ка, ты не должна отворачиваться даже и от подобного Ему, — неумолимо подстегнул ее беззвучный голос Тот-Амона. — Ты видишь перед собой одного из Богов этой Вселенной, причем далеко не главного. Я же нередко общаюсь с Теми, кто гораздо старше Его. И знай: эта Вселенная еще не так чужда нам, как другие. Есть много, много ужасней!

...Когда Хатор-Ка вернулась из предпринятого ими путешествия, возвращение в телесную оболочку показалось ей пробуждением ото сна. Только в этом «сне» не было ничего неясного или смягченного и он не спешил пропасть из памяти, подобно обычному сновидению. Был ли это в самом деле сверхчувственный опыт? Был ли Тот-Амон в самом деле так всемогущ, как ей казалось?.. Или он простым, но мощным внушением подчинил себе ее волю, заставив поверить в то, что было выгодно ему самому?..

Хатор-Ка упорно и долго искала ответы на эти вопросы. Кое-что общее со сном, несомненно, присутствовало. Некая нереальность. Отсутствие времени и расстояний, способность видеть без света. Однако все это вполне можно объяснить. При одном условии.. А именно: если маг в самом деле умел путешествовать в иные вселенные.

Ей было необходимо разрешить эту загадку, причем как можно быстрее. Ибо делить с Тот-Амоном власть она вовсе не собиралась. Но как решиться на измену, если он вправду настолько могуч?.. В тексте Склоса ничего не говорилось о разделении власти между двоими. Если она совершит весь ритуал одна, она одна и станет верховной правительницей, а все остальные принуждены будут повиноваться. В том числе и Тот-Амон, при всем своем сверхмогуществе, станет ее покорным слугой.

И Хатор-Ка решила рискнуть. Она хорошо понимала, что ей грозило в случае неудачи. Но тому, кто не рискует, о верховной власти не стоит даже мечтать.

Старкад волновался. Подобное с ним бывало не часто. Разбив лагерь перед входом в пещеру (в которую ни один из его людей входить не пожелал), Старкад уселся у костра и в который раз пожалел о том, что дал впутать себя в столь сомнительное предприятие. Спору нет, он страсть любил золото. Но все то золото, что принесли с собой чужестранцы, не могло окупить страшного риска, которому они себя подвергали. Он-то воображал, дурень, что дело сведется к быстрому проходу по земле киммерийцев, ну, там, к нескольким стычкам с черноволосыми, — естественно, при подавляющем перевесе ванов. Молодым воинам ни в коем случае не повредило бы небольшое кровопролитие, а золото. . Кто же когда против него возражал!

И вот теперь «небольшая прогулка» грозила обернуться всеобщей погибелью. Они уже потеряли несколько человек, и ради чего?.. Даже пленники, схваченные было, — и претличные пленники, между прочим! — благополучно удрали, так что оставалось утешаться воспоминаниями об убийстве одного-единственного киммерийца.

Вот чего удалось достигнуть Старкаду: за спиной у него оказалась пещера, битком набитая мерзостным колдовством и жуткими демонами, на которых вanam довелось уже посмотреть краешком глаза. А впереди, далеко внизу, горели костры в становище киммерийского войска. Войска, подобного которому черноволосые не собирали со времен осады Венариума.

Да, будет поистине удивительно, если хотя бы горстке его молодцов удастся выжить и возвратиться в пиршественные залы Ванахейма, чтобы хвастаться подвигами. Но если таковое все же случится, Старкад твердо намеревался быть среди этих немногих. Другое дело, что слишком многим вождям пришлось распрощаться со своим положением даже после менее злосчастных походов, чем его нынешний... Ванский вождь удерживался во главе своих людей благодаря собственной мощи, помноженной на личный пример и, конечно, удачливость. Кому охота следовать за предводителем, утратившим военную удачу?..

Старкадовы молодцы, сидевшие вокруг, предавались подобным же размышлениям. Кто-то зло смотрел на него, кто-то начинал грызть кромку пита. Потом Старкада от-

влекло от мрачных мыслей приближение двоих воинов, высланных ранее на разведку.

Один из них был Альфгар, его давний и весьма надежный сподвижник. Другого звали Хильдитон. Этот юноша имел репутацию отличного скалолаза: он вырос в горной деревне, где все мужчины с детства лазили по крутым утесам, собирая птичий пух.

Подойдя вплотную, разведчики опустились на корточки и шепотом доложили о том, что узнали.

— Плохо дело, Старкад, — качая седеющей головой, сказал Альфгар. — Мы обошли всю вершину: по бокам у нас отвесные неприступные скалы. Единственный путь вниз — через долину, по которой мы сюда поднялись.

Старкад повернулся к Хильдитону:

— Это так? Ни единого шанса?..

— Я-то, может, и слезу, — пробормотал юноша. — Но только днем и с хорошими веревками. Остальные... Нет, у остальных не получится. Тут ловкость нужна и большой опыт...

Старкад указал пальцем назад:

— А если перебраться прямо через макушку? Вдруг там склон удобней?

— Вершина слишком крутая, и к тому же там сплошной лед, — сказал Хильдитон. — Да и не разберешь, что там впереди, пока не влезешь на самый верх. Наверняка потеряем много воинов, а потом окажется, что все зря...

— Старкад, — сказал Альфгар, — пора обсудить, что мы будем делать, пока не поднимется солнце. Там, внизу, стоит при оружии весь народ черноволосых, и не позже как утром они полезут наверх. Хорошо бы, чтобы к тому времени нас уже тут не было. Толстый чужеземец хочет что-то такое совершить завтра на рассвете, в самый момент равноденствия. Я в колдовских делах ни уха ни рыла, но ставлю все свое золото, земли, скот, жен и рабов, что на уме у него определенно какая-то богомерзкая гадость. Давай-ка сматываться отсюда, и как можно скорее!

— Мудрые слова ты говоришь, старый друг, — ответил Старкад. — Если бы внизу стояли не черноволосые, а какой угодно другой враг, я бы сразу сказал: давайте спустимся к ним и попробуем договориться. Даже

асы ведут себя как разумные люди, когда ясно, что от сражения все равно проку не будет. Но ненависть киммерийцев так же черна, как их волосы... и сердца. Они плевать хотели на золото, да и жизнью, можно сказать, не дорожат. К тому же мы осквернили их святыню, так что они, понятно, обозлены. Говорил же я людям: не трогайте лучше эти курганы...

Альфгар пожал плечами:

— Откуда ж нам было тогда знать, что сюда прется все войско черноволосых? И потом, какой же воин откажется разорить могилу предков своих врагов...

— Ладно, что сделано, то сделано, — сказал Старкад. — Пролитого не поднимаешь. Киммерийцы здесь и жаждут нашей крови.

— Те двое черноволосых раскидали наш строй и пробились на волю, — проговорил Хильдитон. — А вдруг и нам тоже удастся? Если мы сумеем прорубиться сквозь их ряды, большей части отряда удастся вырваться. Тем более что черноволосые собрались сюда, в общем, не ради наших голов. Помнишь, мы прикончили гонца, несшего Кровавое Копье? Это случилось почти сразу, как только мы миновали границу. Значит, они собирали ополчение еще раньше. И совсем не ради нас. Если мы попробуем прорваться домой, очень может быть, что нас не станут преследовать. У них свои дела тут, на этой горе.

Старкад кивнул:

— Ты молод, но говоришь разумно. Я сам рассуждал сходным образом. Если нам удастся их миновать, то по дороге домой мы, между прочим, сумеем наловить еще и рабов. По деревням и кочевьям нынче совсем не осталось воинов для охраны. Так что и возвращаться с пустыми руками нам не придется!

— На чем бы мы ни остановились, — напомнил Альфгар, — мы должны приступить к делу до темноты!

— Вот и отлично, — сказал Старкад. Решение было принято, и на душе у него враз полегчало. — Велите людям готовиться, только чтобы все делали тихо. Идем на прорыв, потом — уносим ноги!

Двое мужчин, пожилой и помладше, быстро обошли лагерь, тихо переговорив с каждой кучкой сгрудившихся

ванов. Слушая их, воины сразу переставали раздраженно ворчать, а мрачно-угрожающие взгляды сменялись ухмылками радостного предвкушения. Какова бы ни была опасность, ваны, как и все уроженцы Севера, предпочитали ожиданию и неопределенности хорошую драку.

Отряд постепенно зашевелился, готовясь к ночному переходу и бою. Многие обвязывались поверх доспехов одеялами или плащами, чтобы железные чешуи в самый неподходящий миг не загремели о камни или о металл оружия и щитов.

Старкад было подумал, не приказать ли зачернить доспехи углем и сажей от костров, но не стал этого делать. Они еще могли ради скрытности замотаться в ткань, но ни один ван, идя в бой, который вполне мог оказаться для него последним, не станет намеренно портить своего внешнего вида. Если уж умирать, так непременно во всей красе!

Старкад был, в общем, доволен. Шансы спастись, конечно, невелики, но все-таки есть. А уж водить людей в битву всегда составляло для него первейшее удовольствие. Печалился он лишь об одном: им, похоже, предстояло погибнуть далеко от дома, а значит, песня об их героической гибели вряд ли когда-нибудь достигнет пиршественных залов Ванахейма. А ведь песни о подвигах и составляют посмертную славу героя. Его бессмертие. Старкад задумчиво посвистывал, пробуя пальцем лезвие топора. Лезвие секиры сохранило отменную остроту.

Размышления вождя были прерваны Джаганатом, бесшумно возникшим против него.

— Никак собрался куда-то, Старкад? — спросил вендиец.

— Да, — ответил ван. — Мы тут, знаешь ли, собрались немного пройти вниз по склону и чуток помахать с черноволосыми. А потом мы отправляемся домой. Ты можешь оставить свое золото при себе. Чует моя душенька: если я еще здесь задержусь, дожидаясь его, кабы не вышло так, что оно и вовсе мне не понадобится...

— Мне жаль расставаться с тобой, но если таково твое непереносимое желание, что ж... Я ни в коем случае не намерен становиться у тебя на пути. Зато могу предложить тебе одну штуку, которая, может статься, окажется небесполезной...

Старкад подозрительно прищурился:

— Это ты еще о чем?..

Чужеплеменник воспринял измену своего «эскорта» со странным благодушием, и Старкаду это не нравилось.

— Я приготовил всем вам охранительные амулеты. В них заключена священная сила, которая укроет вас и от глаз врага, и от его оружия. Гопал! Помоги мне раздать их людям...

— Весьма великодушно с твоей стороны, — сказал Старкад, когда чародей повесил ему на шею крохотный мешочек на шелковом шнурке. Младший вендиец тем временем раздавал сходные талисманы остальным воинам.

— Это самое меньшее, что я могу сделать для вас, — улыбнулся Джаганат.

Когда все было готово, ваны медленно, тяжело зашагали вниз. Вот скрылись из виду, и Гопал недоуменно обернулся к Джаганату:

— Дядя! Неужели эти северяне в самом деле такие глупцы, какими кажутся с виду?..

Джаганат снова улыбнулся и кивнул головой. От этого движения заколыхались все его бесчисленные подбородки.

— Их простота превосходит всякое вероятие, племянник. Им настолько неведома тонкость, что можно с ума сойти, предугадывая ходы, которые игрокам вроде них и в голову не придет совершить... Что ж, теперь они должным образом освящены и приготовлены для жертвоприношения. Воистину, самая угодная Силам жертва — это жертва добровольная. А эти дурни лезут на алтарь так охотно, что лучшего и пожелать трудно!.. Теперь, племянник, пойдем. Наши жалкие воины нипочем не остановят орду, готовую хлынуть снизу, а среди нее, не забудь, находится и тот киммериец, которого наняла Хатор-Ка... если, конечно, у моих посланцев не получилось и не помогло даже заклятое золото. Ставки так высоки, что мы ни в коем случае не должны рисковать! Я еще не выяснил в точности, кто именно привлек сюда демонов. Неясна мне и цель: ведь не затем же, чтобы переполошить всю страну?.. Зато я кое-что придумал. Есть у меня одно заклинание, которое должно бросить демонов против людей, засевших в долине. Таким образом мы избавимся и от угрозы со стороны киммерий-

цев, и пещеры очистим. Тогда я смогу произвести важнейший обряд спокойно и без помех...

— Твои замыслы, дядя, как всегда безукоризненно изящны!.. — приторно восхитился Гопал.

Далеко внизу, под ними, в недрах горы, в темном боковом тоннеле, сидел, скрестив ноги, тощий оборванный человечек. Время от времени он бормотал себе под нос какие-то древние, очень древние строки.

А потом вдруг заулыбался во мраке...

Глава пятнадцатая

БИТВА СРЕДИ МОГИЛ

Киммерийский лагерь тянулся поперек Полей Мертвых и вверх по склонам, примыкавшим к долине. Замшелые камни древних курганов были снова водворены на свои вечные места, следы осквернения в основном уничтожены. Однако настоящее очищение еще не стало возможно. Его совершали только кровью осквернителей, и никак иначе.

Конан шел по лагерю, вдыхая дымок горящего торфа и слушая негромкие разговоры воинов. В любом другом войске молодые, необстрелянные ребята наверняка возбужденно обсуждали бы то, что им вскоре предстояло. Обладатели кое-какого опыта хвастались бы прежними подвигами. Настоящие ветераны советовались бы между собой, проверяли оружие и доспехи, старались по возможности отдохнуть перед битвой.

Киммерийцы и в этом — как, впрочем, и во многом другом — вели себя не как все люди. Слушая обрывки случайных бесед, Конан убеждался, что говорили о самом обычном и повседневном: о женах и детях, о скотине, о междоусобной вражде, о посевах и жатве. Ни дать ни взять собрались не на смертный бой, а на ярмарку.

И снова, в который уже раз, Конан почувствовал себя в своей собственной стране чужаком...

Только в маленьком лагере асов он ощутил тот дух воинского братства, который был ему всего ближе. Золотоволосые воины весело смеялись, распевали песни, передавали

по кругу большой мех вина, привезенного с Юга. Несколько молодых киммерийцев, держась в почтительном отдалении, рассматривали своих союзников с таким видом, словно те были диковинными зверями.

Конан вступил в кружок давних друзей и завладел бурдючком. Перевернув его вверх тормашками, он направил струю золотистой жидкости себе в рот.

— Эй, эй, Конан! Оставь и на нашу долю немножко! — засмеялся Вульфхере. Волосы и борода у него были до того светлыми, что казались седыми. Он был лишь чуть постарше, чем Конан, но асы считали его великим вождем.

И сам он, и все его люди представляли собою разительный контраст с хмурыми и серьезными киммерийцами. Как и их двоюродные родственники ваны, асы куда как уважали внешнюю красоту и любили ею похвастаться. Доспехи у них были из полированной стали или бронзы, шлемы венчали рога, крылья, фигурки фантастических животных, причем очень часто покрытые золотом или серебром. На руках поблескивали золотые, искусной работы браслеты: и выше локтя, и на запястьях. На рукоятях мечей переливались драгоценные камни. Кое-кто из воинов вытаскивал полированные серебряные зеркала и при свете костра наводил красоту: расчесывал бороды, подкручивал длинные густые усы. При этом у костра звучало сразу несколько разных песен. Как и ваны, асы были не дураки повеселиться хоть дома, хоть в лагере. Они точно так же безумствовали в бою, а дома, в кругу семьи, томились и тосковали.

Конан сделал последний глоток и передал мех сидевшему рядом.

— Если это вино такое дорогое, — сказал он, — что ж вы эля с собой не прихватили?

— Эль занимает слишком много места, — ответил Вульфхере. — Этот-то бурдючок три раба замучились таскать по горам. Ты смотри, Конан, обеспечить нам завтра хорошую битву! Мы, чтобы ты знал, ради тебя отказались от та-акого замечательного налета на гиперборейцев...

— Веселье я тебе обещаю, — кивнул Конан. — Даже с избытком. Там будет кого насадить на клинок. Наверху полно не только демонов, но и ванов!

— Отлично, — похвалил Вульфхере. — Что касается демонов, эти твари и на Асгард в прошлом году нападали, только мы понятия не имели, кому мстить, пока не прибежал твой посланник. Чем бы ни кончилось дело, в Асгарде на пирах долго еще будут петь о завтрашней битве!

Одноглазый воитель, у которого во рту вместо многих зубов чернели дыры, вернул Конану бурдючок.

— Поехали вместе грабить, когда здесь все кончится, — предложил он. — Много лет минуло с тех пор, как ты последний раз ходил с нами по волчьей тропе. Я бы не отказался взглянуть, каким штучкам ты выучился, странствуя по югам!

— А почему бы и нет, Ульф? Обещать, правда, не берусь... Кто знает, вдруг завтра меня убьют? Или тебя?.. Вот покончим с раскалыванием вражьих щитов, тогда и станем загадывать!

— Заговорил как киммериец, — пробурчал Вульфхере. Конан улыбнулся:

— Потеря с родственниками...

Покинув асов, он пошел в верхнюю часть долины, туда, где стояли дозорные. Здесь не жгли костров, чтобы зрение караульщиков не отвыкало от темноты. Конан увидел Куланна и при нем еще одного юношу с волосами, связанными в хвост по обычаю Галла.

— Все спокойно, двоюродный брат, — доложил Куланн.

— Ну, это недолго протянется, — предрек Конан. — Через час, не больше, станет светать. А я уверен, что они нападут на нас еще до рассвета!

Некоторое время все трое стояли не двигаясь. Их глаза, уши и даже ноздри старались уловить любые знаки опасности, могущие исходить сверху.

Воин Галла что-то почувствовал раньше двоих других.

— Идут, — сказал он, раздувая чуткие ноздри. Вскоре и Канахи услышали легкий шум, доносившийся со склона. Это спускались враги. Они были еще далеко.

— Дурачье! — сказал Куланн. — Вообразили, будто могут проскочить мимо киммерийцев! В киммерийских горах!..

— Вам уже случалось их убивать, — сказал молодой Галла. — Идите поднимайте тревогу. Я останусь здесь.

Его глаза горели предвкушением. Убить врага!..

— Нет, так не пойдет, — возразил Конан. — Мы все отойдем обратно к кострам. Драться в темноте все равно без толку.

Галла недовольно заворчал, но подчинился.

Конан вступил в круг света ближайшего костра и сказал просто и коротко:

— Ваны идут.

Люди, сидевшие у огня, безо всякой суеты приготовили мечи и копья и стали ждать. Они только прекратили беседу: единственный признак того, что они приготовились к смертельному бою.

Приблизившись шагов на пятьдесят, ваны скинули плащи и одеяла, которыми прикрывали доспехи, дружно проревели боевой клич и ринулись на лагерь. Единственная возможность вырваться из ловушки состояла в том, чтобы как можно быстрее пролететь лагерь насквозь, держась плотно вместе, сомкнутым строем. Понимая это, ваны строились клином, и первым бежал вождь.

Киммерийцы вдохновенно устремились навстречу. Яростный восторг близкой схватки без следа смыл обычную строгую невозмутимость.

Взятый разгон пронес ванский клин глубоко внутрь киммерийского лагеря. Но, по мере того как приходилось проламывать очередную волну жаждущих возмездия черноволосых, клин терял скорость и наконец остановился совсем. Ваны отчаянно пытались удержать перед собой стену щитов. Киммерийцы, в жизни своей не ведавшие ни о стратегии, ни о тактике, наседали на них со всех сторон, завывая, точно адовы духи.

Конан был среди первых бросившихся навстречу ванской «свиной голове». Ему удалось нанести хорошо если один удар; потом его, как и всех остальных, отбросило прочь. Только огромная сила и отменное чувство равновесия позволили ему устоять на ногах. Упавших тяжеловооруженные ваны попросту растоптали.

Заметив позади себя невысокий выступ скалы, Конан с легкостью кота запрыгнул наверх. Клин поневоле разделся, обходя встретившийся валун, и Конан, действуя сверху, расколов чей-то череп. Другие ваны принялись

тыкать в него длинными копьями, так что ему пришлось спасти ноги. Потом он взвился в воздух и прыжком, которому позавидовал бы заморийский акробат, перелетел через два ряда ванов, чтобы снова приземлиться уже вне клина. Асы, сражавшиеся поблизости, громкими криками приветствовали его подвиг.

Взбежав на вершину ближнего кургана, Конан оглядел поле сражения. Ваны держали строй, защищаясь с отчаянным мужеством, но поступательное движение прекратилось. Значительных потерь они покамест не понесли. И не понесут, пока не удастся нарушить их боевые порядки. Киммерийцы превосходили числом, но вся эта численность пропадала втуне, пока держалась стена щитов. Как только удастся ее проломить, дело будет кончено в считанные мгновения. Конан посмотрел на склон. Никаких признаков того, что на помощь вanam спешило подкрепление.

Костры горели ярким огнем, так что кровавую резню между курганами освещало жутковатое зарево. Люди пели, ругались и наносили удары. Киммерийские мечи звенели, сталкиваясь с чешуйчатыми латами ванов. Ванские секиры раскалывали черепа и рассекали не прикрытые доспехом тела. Запах теплой крови бил в ноздри. Конан почти наяву услышал довольный ропот древних вождей своего народа, чьи могилы оросила кровь заклятых врагов.

Конан сбежал вниз с кургана и устремился на плотно сгрудившихся ванов. Его меч рассек чей-то щит и отрубил державшую его руку. Второй удар унес жизнь рыжебородого воина. Какой-то ван попытался тотчас занять место упавшего, но тяжелая дубина Галла вмиг проломила ему голову. Конан ворвался в образовавшуюся прореху и принялся рубить направо и налево. С каждым его ударом падало по врагу. Ваны лезли со всех сторон, стремясь сомкнуть строй, но Конан с мрачным упорством не давал им этого сделать, наоборот, расширяя и углубляя прорыв. За ним следовали другие, и ванский клин начал мало-помалу разваливаться.

Оглушительно лязгало оружие, страшно кричали умирающие. Земля под ногами стала скользкой от крови. Напряжение битвы достигло предела, люди в самом деле обезумели от ярости. Конан видел, как какой-то ас отшвырнул

в сторону щит, сорвал с себя кольчугу и, как в воду, нырнул в самую гущу врагов. Его, конечно, тотчас же изрубили в куски, но, даже умирая, он схватил ближайшего вана зубами за горло. Ваны завывали, кусая кромки своих щитов. Они топали ногами, и с промоченной кровью земли взлетали алые брызги.

Ванский клин распался сперва на отдельные группки, потом на пары бойцов, рубившихся спиной к спине. Потом остались одиночки, думавшие уже не о спасении — только о том, как бы утащить с собой на тот свет побольше врагов. Потом Конан разглядел вождя, примеченного им еще у выхода из Обители Крома, и поспешил сразиться с ним один на один.

Никому и в голову не пришло пощадить последнего уцелевшего вана. Столетия жесточайшей вражды не давали подобной мысли даже и зародиться. Сам ван распенил бы предложение жизни как тягчайшее оскорбление. Здесь, на Севере, если уж доходило до битвы, так и длилась она до конца. До последнего человека.

Завидев Конана, вражеский вождь расплылся в хищной ухмылке. Его доспехи еще оставались совершенно целы, и только на богато украшенном шлеме красовалось несколько мелких зарубок. Зато секира и все руки до плеч были в крови. В чужой, разумеется.

— Иди сюда, черноволосый, попляшем! — заревел он, обращаясь к Конану. — Поцелуй-ка красотку, отвергнувшую столько ваших молодцов! Быть может, ты ей понравиться?..

По виду Старкада было незаметно, чтобы сражение хоть как-то его утомило.

— Ванская кровь!.. Угощение праотцам!.. — ответил Конан, бросаясь вперед.

Старкад увернулся от его первого удара. И сам дал сдачи, да так, что Конан спасся только тем, что прильнул низко к земле. Удар секиры вдгон пришелся в землю в каком-то дюйме от спины киммерийца, успевшего проворно откатиться прочь. В следующий миг Конан был на ногах, и шлем Старкада зазвенел под его клинком. Ванский вождь отшатнулся назад, несколько оглушенный ударом, и Конан воспользовался этим, чтобы разрубить ему ногу. Еще прежде,

чем Старкад начал заваливаться, третий и последний удар раскрыл его тело от плеча до поясного ремня. Стоя над поверженным недругом, Конан взмахнул мечом над головой, сбрасывая с лезвия кровь и налипшие стальные чешуи.

Бой был кончен. Воины тяжело дышали, приходя в себя после недолгого, но страшного напряжения.

Канах подошел к Конану.

— Ты неплохо поработал, родственник, — сказал он ему. — Юношам полезно взглянуть, как рубятся настоящие воины.

— Вообще-то хвастаться нам особенно нечем, — ответил Конан, недовольно оглядывая кучи мертвых тел. — Мы слишком многих потеряли, разделяясь с какой-то кучкой ванов. Их ведь тут едва ли сотня! Наших, наверное, столько же полегло. Плохо это! Такие дела можно решать гораздо меньшей кровью...

— Все твои уловки не для нас, — пожал плечами Канах. — Да и ваны — отменные воины, не то что всякие там хилые жители Юга. А кроме того... — тут на лице старого вождя возникло нечто вроде улыбки, — что-то я не заметил, чтобы ты держался в стороне от сражения, обдумывая разные хитрости...

Конан покаянно усмехнулся в ответ:

— Ты прав, старейшина. В глубине души я такой же киммериец, как и все, и никуда тут не денешься... Знаешь что? Присмотри за ребятами, пускай не особенно расслабляются. Чует мое сердце, до рассвета нам придется драться еще!

— Это хорошо, — заметил Канах. — Не всем нынче выпало омочить кровью мечи. Жаль было бы уводить их домой ни с чем!

Небо на востоке начинало понемногу сереть, когда к ним в сопровождении Куланна подошел старый Милах. Ни тот ни другой не были серьезно ранены, но на оружии красовались зазубрины, говорившие, что его хозяева были в самой гуще сражения.

— Я сожалею, Конан, о том, что когда-то назвал тебя неженкой, — сказал Милах. — Я видел, как ты сражался. Ты все-таки еще не всю свою прежнюю силу и скорость успел растерять.

— Овсянка, — ответил тот. — Все дело в овсянке. Она, похоже, отбивает страх смерти...

Свет, зародившийся высоко над склоном, привлек внимание Конана. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но его лучи уже коснулись вершины Бен Мора. Вскоре они озарят и пещеру. К тому времени он должен был быть уже там.

Поднявшись на один из курганов, Конан разыскал принадлежавший ему узелок с вещами. Там, завернутая в плащ, сохранялась фляжка, врученная ему Хатер-Ка. Шагая по лагерю, Конан прихватил с собой горшочек с углями. В стенках горшка были отверстия, чтобы угли, спрятанные под слоем золы, получали воздух и не погасали. Он не собирался тратить время на высекание огня, когда доберется в пещеру.

Направившись вверх по склону, что вел от Полей Мертвых к Обители Крома, Конан обнаружил, что идет не один. Другие киммерийцы последовали за ним. Небо светлело, и, чтобы сражаться, больше не требовался свет костров. Между тем им еще предстояло выгнать с Бен Мора засевших там демонов, и ради этого они готовы были лезть хоть в пещеры.

По расчетам Конана, демоны уже должны были бы нанести свой удар. Он удивился, вспомнив их нелюбовь к солнечному свету. Потом вспомнил о темном облаке, которое им часто сопутствовало.

Воины взволнованно загомонили, увидев громадную яму, с некоторых пор появившуюся на склоне. Это было святотатством не меньшим, чем учиненное ванами осквернение могил.

Киммерийцы почти вплотную приблизились к яме, когда оттуда навстречу им потоком выплеснулись порождения Преисподней. Произошло это с отменной внезапностью: Конан едва успел выхватить меч. А в следующий миг он уже насмерть сражался с какой-то тварью, выглядевшей как помесь мотылька с обезьяной.

У твари был длинный рыжий мех, сморщенные крылья и большие фасеточные глаза. Конану, впрочем, некогда было особо присматриваться. Все его внимание занимал длинный меч, которым тварь метила его достать. Никаким

воинским искусством монстр не был обременен, — просто рубил и колот, изо всех сил стараясь убить. Примерившись к темпу его движений, Конан улучил миг и ударом меча разmozжил ему голову. Демон продолжал рубиться как ни в чем не бывало, только вслепую. Он свалился, лишь когда Конан начисто отсек ему голову. Да и тогда его тело все еще двигалось.

Повсюду кругом Конана неистово вопящие люди сражались с выходцами из ночного кошмара. Люди-насекомые умирали вправду как мухи, но за людей-ящеров приходилось платить жестокую цену. Конан почувствовал, как распирает грудь свирепая гордость за свой народ. Любая известная ему цивилизованная армия уже удидала бы, не чуя ног. Да еще наложив предварительно полные штаны от ужаса перед нечистью. А вот его соплеменники и с ними асы рвались вперед так, словно у них другого дела на свете не было, только стереть с земли осквернявших ее гадов.

Тут на Конана обрушилось завывающее нечто, состоявшее в основном из щупалец и перепончатых крыльев. Голубое лезвие рассекло тварь пополам, и сила удара до половины вогнала меч в землю. Конан выдернул клинок, и рассвет заиграл на голубой стали. Конан бросил быстрый взгляд вверх и убедился, что солнечные лучи почти уже добрались до устья пещеры.

За исход сражения беспокоиться определенно не стоило. Твари были далеко не бессмертны. А коли так, киммерийцы их перебьют. Всех до единого. Конан полез наверх. Дважды на него наваливалась еще какая-то нечисть, и дважды он стряхивал со своего меча поганую кровь.

Потом он оказался перед входом в пещеру.

Внутренность Обители Крома отчего-то странно дрожала. Далеко внутри, у самых ног изваяния, Конан заметил две человеческие фигурки. Они что-то делали перед подиумом алтаря. Киммериец пошел в ту сторону, собирая по дороге поленья. Подойдя поближе, он уверился в том, что заподозрил с самого начала. Перед ним были двое чужестранцев, пришедшие с ванами. Один из них, тот, что был поменьше, заметил Конана, и глаза у него округлились. Молодой чужеземец выхватил из-за кушака длинный кинжал и бросился к Конану.

Тот бросил наземь собранный хворост и разбил горшок с углями. Сухое дерево тотчас же занялось ярким огнем.

— Мерзкий варвар!.. — выкрикнул юноша, и по выговору Конан признал в нем вендийца. — Как смеешь ты!..

Его стремительный удар был ударом хорошо обученного убийцы. Трудно было даже разглядеть лезвие, метнувшееся к животу киммерийца.

Конан небрежно отмахнулся мечом. Вендиец с отчаянным криком отлетел прочь и прижал руки к окровавленной голове.

Костер между тем разгорелся как следует, а в пещеру проникли первые солнечные лучи. Конан вытащил пробку из пузырька, который так долго таскал с собой, и вытряхнул в огонь тонкую пыль, похожую на золу. И громко позвал:

— Хатор-Ka! Хатор-Ka! Хатор-Ka!..

Мощный голос прокатился по пещере, как гром. Но тут же у варвара зашевелились волосы: совсем рядом начало действовать могущественное волшебство.

Умом он понимал, что поручение выполнено, клятва больше не довлеет над ним — можно уходить прочь. Что-то, однако, заставило его задержаться, при всем том, что колдовских штучек он страсть как не любил.

Над пламенем возникло густое облако дыма. Потом, как будто издалека, послышался голос, распевавший на нечеловеческом языке. Дым начал оформляться, становиться плотнее. Голос приблизился, и Конан увидел перед собой в пещере стигийскую колдунью, столь же полную зла, сколь и прекрасную. Она стояла, не обжигаясь, прямо в огне, и ее одеяния развеивал ветер, которого Конан не ощущал. Потом она вышла из костра и направилась в глубь пещеры. На киммерийца она не обратила никакого внимания.

Конан, ведомый непонятной силой, последовал за Хатор-Ka.

Она остановилась возле края провала, что зиял возле ног Крома. Джаганат стоял в нескольких шагах от нее, выкрикивая заклинания. По жирной физиономии катился пот. Каждый из магов вел себя так, словно второго здесь не было. Потом из лестничного провала донесся низкий

рокот, и свет внутри пещеры странным образом изменился. Конан стоял неподвижно и молча, зажав в побелевшем кулаке рукоять меча. Что, однако, толку в мече, когда вокруг бушевали волшебные вихри?..

И в это время рядом с двоими возник третий. Из непроглядной темноты за статуей Крома вышел на свет некто величественный, облаченный в длинные ниспадающие одежды. Руки прятались в сомкнутых рукавах, голову венчал высокий, сложный убор. Откуда было знать Конану, что новоприбывший носил облачение кхитайского Мага Высшего Посвящения, притом с особыми атрибутами Ордена Серебряного Павлина! Киммериец просто сказал:

— А тебя, Ча, просто не узнать стало.

— Зато ты точно такой, каким был, — прозвучало в ответ. — Знаешь, что тут происходит? Дурацкий балаганный спектакль, затеянный двумя колдунами, которые поглупели до того, что взялись метить в Боги!

— Правда? — удивился Конан. — И как, выйдет у них?

— В принципе это возможно... — Ча выпростал из рукава одну тонкую, изящную руку и погладил белоснежную бороду и длинные усы, разметавшиеся по груди. — Однако на деле все будет так, как угодно настоящим Богам.

Рокот из-под земли звучал все настойчивее. Восклищения же двоих магов перешли в столь высокую тональность, что слух едва различал их. В это время снизу начала подниматься, возникать невозможная тень. Конан сразу узнал ее: это было то, что они видели в яме. Корчащийся ужас, состоявший из щупалец, присосок, суставчатых ног и зубастых пастей. У него были глаза как драгоценные камни. Конан не смог заглянуть в них и поспешно отвел взгляд.

Хуже всего было то, что от создания так и веяло жутким нечеловеческим разумом.

— Они призвали его из другой Вселенной, — сказал Ча. Сказал так спокойно, как если бы речь шла не о судьбах мироздания, а о заковыристом па деревенского танца. — Это некий божок, который, как они думают, придаст особую силу их заклинаниям. Они ошибаются. Существа вроде него не помогают жителям нашего мира. Те, кого твои родичи посчитали за демонов, тоже оттуда. Хатор-Ka

вызвала их в наш мир, приказав наловить пленников и держать их готовыми для принесения в жертву. Ты и твои киммерийцы не дали этому совершиться. Вендиец привел свои жертвы с собой, но они обманули его, ушли и умерли чистой смертью. Теперь ни у одного нет преимущества...

И тут голос Хатор-Ка дрогнул, в то время как Джаганат продолжал без запинки. Глаза колдуньи полезли на лоб: она как будто запоздало поняла нечто очень важное. И очень страшное. Висевшее перед нею страшилище любовным движением простерло к ней щупальца и ухватило за талию. Потом медленно подняло, не слушая отчаянно выкрикиваемых заклинаний. Пение сменилось пронзительным криком: житель иного мира подтащил ее к скопищу многочисленных пастей и...

Голос Джаганата торжествующе раскатился и внезапно смолк. В пещере воцарилась тишина. Затем Джаганат начал расти. Он увеличивался в размерах и делался все величественней, пока не возвысился над двумя жалкими фигурками людей.

— Сбылось пророчество Склоса! — выкрикнул он в восторге. — Я — господин всех магов Земли! Я буду царствовать до следующего пришествия Стрел Индры!..

— Ну уж нет! — яростно заорал в ответ Конан. — Не будут чужеземные колдуны править в Обители Крома!

Киммериец рванулся к возвеличившемуся волшебнику и, перехватив обеими руками рукоять меча, что было силы всадил благородный клинок в раздутое брюхо.

Его изумила странная легкость, с которой меч вошел в тело. Он выпустил рукоять и попятился...

Джаганат с легким удивлением посмотрел вниз. Потом улыбнулся:

— И ты думаешь, будто меч, выкованный руками смертных, способен мне повредить?..

Огромная рука ухватила черен и дернула наружу. Но вытащить почему-то не смогла.

Ча воздел палец и указал на меч, торчавший в животе Джаганата.

— Ты видишь перед собой, — возвестил он, — древний меч королей Валузии, выкованный четыре тысячи лет назад из обломков упавшей звезды — одной из Стрел Индры!..

Ярость исказила лицо Джаганата. Он принялся дергать меч, но только расширил рану. Оттуда хлынула кровь, потом дым — и наконец пламя. Джаганат безумно завыл и рухнул на пол пещеры. С потолка при этом посыпались камни. Тело несостоявшегося Бога начало съезживаться.

— Этого не может быть!.. — визжал он. Его голос, как и тело, быстро утрачивал сверхъестественность. — Я — Бог!.. Я владыка всех чародеев...

Конан снова шагнул вперед, взялся за меч и рванул на себя. Жирное тело наконец выпустило его, издав мерзкий хлюпающий звук. Джаганат откинулся на пол. Теперь это вновь был обычный толстый мужчина. Потом жизнь оставила его совсем.

Из глубины пещеры послышался нечеловеческий звук. Конан обернулся и увидел, что иномировое создание тянет к ним щупальца. Ча схватил его за плечо:

— А теперь бежим!..

Все его великолепное достоинство как ветром сдуло. Он подхватил свои долгополые одеяния, обнажив тощие сморщенные коленки, и во всю прыть рванул к выходу из пещеры. Конан последовал за ним без промедления. Позади них раздался каменный скрежет, от которого заколебалась вся вершина горы.

Стрелой вылетая наружу, Конан все-таки оглянулся. Злобная тварь все еще висела над полом, но кое-что изменилось. Потом до киммерийца дошло. Трон Крома был пуст. Конану понадобилось время, чтобы осознать это. Еще он увидел, как гигантская каменная ступня опустилась откуда-то сверху на заматавшегося иномирового божка и вкуче с телом Джаганата безжалостно растерла его по каменному полу пещеры...

Глава шестнадцатая ПРОЩАЙ, КИММЕРИЯ!

Конан сидел на скальном выступе, кутаясь в плащ. С тех самых пор, как они с Ча выбрались из пещеры, на Бен Мор сыпался снег. В горы пришла зима.

Другое дело, любой житель Севера предпочитал холод и ветер зимы тому неестественному теплу, что совсем недавно царствовало на Бен Море.

Целый день и еще ночь воины кланов наводили порядок в пещерах, выводя на свет пленников, которых удалось разыскать. Многие были киммерийцами или принадлежали к иным северным племенам. Национальность некоторых не удалось определить даже Ча с Конаном. Люди свободно входили и выходили из зияющих тоннелей, тянувшихся от нижней ямы. А вот в Обитель Крома никто так и не заглянул. Не хватало решимости, и бесстрашные воины ничуть этого не стыдились.

Ча, вновь превратившийся в нищего ободранного гада, подошел к Конану и сказал:

— Вот теперь все хорошо. Нижние пещеры уже обваливаются. Скоро обрушится и эта яма. Все станет как прежде. Твой Кром не потерпит на Своей горе непотребства.

— А почему, — задумчиво спросил Конан, — у Хатор-Ка ничего не получилось?

— Ее вступай в союз с Тот-Амон. Его очень-очень большой колдун. Злой, но много-много умный. Его понимай, что с Богами шуток не шутят. Его делай вид, что давай ей полное Вызывание Сил, а сам утаивай ключевая строка. Моя думай, его решай: удобный случай избавиться от соперников!

— Надеюсь, — буркнул Конан, — мне с ним никогда дела иметь не придется.

Ча протянул руку ладонью вверх:

— Теперь твоя вернет моя амулет? Он у моя одна из лучших. Моги понадобятся!

Конан спрятал амулет в кулаке:

— Я за него, между прочим, заплатил. Что ты мне дашь?

Ча хихикнул:

— Моя погадать!

Конан согласился:

— Только предсказывай как следует. И уж соври что-нибудь хорошее... не как прошлый раз!

— Хорошо. Как тебе понравится, например, такое? Однажды твоя становишься король Аквилония. Ну как?

— Ладно, забирай свой амулет, — сказал Конан и снял его через голову. Естественно, он не поверил ни единому слову. Он бросил амулет Ча, и тот поймал его на лету.

— Пока! — хихикнул кхитаец. — Моя пошла ловить свой дракон!

С этими словами старик исчез между скал. Конан печально покачал головой. Пожалуй, ему будет не хватать паршивого раскосого кхитаеца...

Войско уже собралось внизу, на Полях Мертвых. Новый могильный курган отметил место погребения павших в бою. Киммерийцы уже окончили простой ритуал похорон и были готовы к отбытию.

Конан разыскал Канаха и остальных вождей.

— А с этими что будем делать? — спросил он, указывая на кучку освобожденных пленников, мерзнувших на зимнем ветру.

— Поделимся продовольствием и отпустим на все четыре стороны, я полагаю, — ответил Канах. — А впрочем, молодые воины уже поглядывают на спасенных девчонок. Из них получатся отличные жены, да и свежая кровь кланам не повредит...

Вульфхере, слышавший эти слова, усмехнулся:

— После пещер им даже Киммерия покажется сносным местом для жизни.

Они покинули склоны Бен Мора и вышли на прилегающие холмы. Время от времени какой-нибудь клановый отряд покидал общее войско, направляясь домой. Мир будет продолжаться до тех пор, пока последние не вернутся к себе. Потом снова начнутся междоусобные распри.

Но был момент, когда все ополчение задержало шаг и задрало головы кверху. Издалека, из-за облаков, долетело как будто бы хлопанье исполинских крыльев...

К тому времени, когда Конан снова вступил на земли Канахов, с ним оставались только его ближайшие родственники да маленький отряд из Асгарда. Уже близка была зимняя стоянка, когда они устроили последний привал. Конан и Куланн стояли плечом к плечу. Куланн обнимал свою Бронвит. Он спросил Конана:

— Не заимуешь ли с нами?

— Нет, — сказал тот. — Здесь мне не место. Неплохо, конечно, было бы заглянуть в знакомые места и повидаться с родней, но покамест мне еще не наскучило путешествовать. Я поеду с Вульфхере и проведу зиму у него в Асгарде.

— Что ж, счастливо тебе, родственник, — сказала Бронвит.

Конан уже повернулся идти, но что-то остановило его. Он вдруг по-новому ощутил тяжелый меч у бедра и почувствовал, что это был не его меч. Раньше он принадлежал ему. А теперь больше не принадлежал. Вот так-то. Конан снял меч с пояса и протянул Куланну вместе с ножнами:

— Держи. Это тебе для сына.

И сел в седло маленького горного пони из тех, на которых ездили асы.

— Не годится шастать туда-сюда без оружия, Конан, — сказал Вульфхере. Ас бросил Конану трофейный ванский меч, и киммериец повесил его на пояс.

— Конан! — окликнул Куланн. Непутевый Канах повернул пони, оглядываясь на родича. — Для которого сына? — серьезно спросил Куланн. — Мы их знаешь сколько хотим завести!.. Наверное, это первенцу? Мы, кстати, назовем его в твою честь...

Конан немного подумал, потом сказал:

— Самому достойному!

Вновь повернул лошадку и вместе с друзьями-асами поехал прочь с земли своих предков.

Победитель

РОМАН

Глава первая

МОРЕ БУРЬ

Два дня и три ночи бушевала буря на море, дико вздымались грозные, высокие, как горы, волны. Их пенные гребни жестоко сражались друг с другом, как в те времена, когда мир еще был молод и шла война богов и гигантов. Не напрасно море Вилайет прозвали Морем Бурь, называли его еще и Отцом Океанов, были и многие другие названия, которыми люди пытались выразить свой страх перед этим морем, потому что оно, обычно спокойное, со всех сторон окруженное сушей, иногда вдруг, совершенно неожиданно, превращалось в дикий первобытный хаос, настоящую могилу моряков.

Но не об этом думал человек, которого швыряло и кружило в волнах. На второй день шторма его корабль был разбит мощным ударом волны, и с тех пор он плыл по воле стихий. Он привязал себя к жалкому обломку корабельной мачты и паре досок. Бурное волнение и ледяная вода вымотали его почти до потери сознания. В голове оставалась лишь одна мысль: шторм гонит его к северу, а там море Вилайет сужается. Значит, скоро его выбросит на берег. Это был единственный шанс остаться в живых. Как только он начнет приближаться к берегу, надо будет освободиться от каната, которым он привязал себя к мачте, иначе его может расплющить в лепешку ударом о прибрежную скалу. За поясом у пловца был длинный и изогнутый кофский кинжал. Как следует размяв пальцы, окоченевшие в холодной воде, он готовился пустить в ход кинжал, едва впереди покажется берег. И только эта мысль и оставалась у него, а буря меж тем страшно завывала, и море взвивалось на дыбы под ударами ее плети.

Утром, на следующий день после бури, Давас встал рано. Он хотел посмотреть, что выбросило море на этот раз. Море уже принесло им множество интересных вещей, иногда среди них были предметы, которые удавалось выгодно продать. А прибылью никогда не следует пренебрегать. С этой мыслью он накинул на плечи плащ из местной, грубо спряденной шерсти и распахнул дверь своей маленькой лавки — она была самой дальней здесь, на севере, из всех торговых заведений братьев Кир, которые жили в городе Аграпуре и оттуда руководили торговлей.

Лавка располагалась на берегу крохотной бухточки у западного берега моря Вилайет, там, где его ширина не достигала и двух миль. В это утро море было спокойным. Вилайет представлял собой мелкое, со всех сторон окруженное сушей море, и потому если на западе штормовая погода вызывала сравнительно небольшое морское волнение, здесь при таком же ветре волны достигали поистине гигантских размеров. По этой же причине море Вилайет, в котором не было приливов и отливов, в штиль бывало гладким, как зеркало.

Давас увидел, что бурей вынесло на берег множество разной всячины: стволы деревьев, сор, массу водорослей. Много было принесено с юга. На берегу лежали мертвые рыбы и какой-то морской зверь, но янтаря, этого драгоценного подарка стихии, Давас не обнаружил. Конечно, выгоднее всего было бы найти обломки корабля, ведь на нем мог оказаться груз, а груз всегда можно продать. Давас решил послать своих слуг, чтобы они прошли подальше вдоль берега на север и на юг и поискали, нет ли где-нибудь обломков судна. Делать это надо было, разумеется, тайком, потому что здешние правители считали такую добычу своей собственностью. Давас хотел уже повернуть назад, как вдруг заметил человеческое тело.

Море часто выбрасывало из своих глубин мертвецов, но они-то вообще ни гроша не стоили. Украшений у моряков чаще всего не было, если не считать какого-нибудь кольца в ухе. А уж этот, в набедренной повязке, явно не был богатым пассажиром. Но зато утопленник был настоящий великан. Чтобы сбросить его в море, придется позвать нескольких слуг. Давас не хотел, чтобы дух этого парня

блуждал здесь, в окрестностях его лавки. Духи утонувших моряков должны жить в море. Там их родная стихия.

Давас уже собрался уйти, как вдруг услышал, что великан пошевелился и застонал. Давас замер. Значит, этот колосс был ранен, выбился из сил в борьбе со стихией, посинел от холода — и все-таки он был жив. Человека на берегу стало рвать морской водой. Давас побежал к дому, чтобы позвать на помощь слуг.

Конан проснулся в темной низкой хижине со стенами, сложенными из грубо отесанных плоских камней без штукатурки. Щели между камнями были законопачены мхом. В верхней части одной из стен было устроено нечто вроде большого люка с крышкой, которая держалась на петлях, так что при хорошей погоде этот ставень можно было поднять и закрепить в открытом положении. Благодаря этому приспособлению хижина служила и торговой лавкой, в окно подавались товары. Но сейчас ставень был опущен и завешен от сквозняка куском мешковины. В помещении громоздились бочки, мешки, ящики и тюки. На некоторых из них были надписи на туранском языке. В камине горели дрова — принесенные морем куски дерева, обломки досок. Из-за морской соли, пропитавшей древесину, дрова эти вспыхивали яркими искрами.

Конан лежал на звериной шкуре, укрыт он был грубым шерстяным одеялом. Стены хижины то поднимались, то опускались, словно при землетрясении. Конан знал, что это только кажется — потому что его долго носило по волнам. «Судя по всему, я жив», — подумал он. Для него эта мысль не была какой-то особенной или странной. За свою жизнь он пережил множество смертельно опасных ситуаций, их было так много, что и сам он не помнил сколько.

В хижине, кроме него, было по меньшей мере еще двое мужчин. Совсем уж недружелюбными они, конечно, не будут, ведь глотку ему перерезать они вполне могли раньше, при более благоприятных обстоятельствах. Заметив туранские надписи на тюках и ящиках, Конан решил начать разговор именно на этом языке.

— Где я? — Голос его скорее походил на хриплое карканье вороны, чем на голос человека, однако привлек внимание одного из мужчин, кутавшегося в теплый плащ. Черты лица у него были туранские. И ответил он Конану тоже по-турански:

— Добро пожаловать в землю живых, друг. Я рад сказать тебе, что земля эта — сухая, хоть холод здесь и собачий.

— Всякая суша лучше, чем море Вилайет в бурю, — отвечал Конан. — А ты, должно быть, торговец?

— Да, состою на службе у братьев Кир. — Торговец прижал к груди пальцы и слегка поклонился: — Мое имя Давас.

— А я — Конан из... — Он хотел сказать «из Красного Братства», но нашел лучший ответ: — Из Киммерии. Я служил на одном корабле. Шторм напал на нас где-то к югу отсюда. — В животе у Конана громко заурчало. Хозяин взмахом руки поздравил слугу. Тот тоже был туранец, но принадлежащий к низшей касте. Он принес резную деревянную чашу, полную дымящегося горячего вина с приношениями.

— Вот, пусть твой желудок немного отогреется, — сказал Давас. — Потом попробуем перейти на твердую пищу. Вероятно, ты много дней ничего не ел. Я видел, что ты исторг из своего желудка огромное количество соленой морской воды.

— Да уж, чем-чем, а ею я был сыт. Вот о другой еде и не думал, — уже чуть живей сказал Конан. Он выпил горячего вина, и ему, едва не погибшему в волнах, оно как нельзя лучше пошло на пользу. — Как называется эта страна? Наш корабль заходил в гавань неподалеку от северной границы Турана, как раз там мы и попали в шторм. — Конан счел необходимым умолчать о том, что они разграбили гавань и поселок.

— Тебя отнесло далеко на север, — принялся объяснять Давас. — Отсюда до крайней северной точки моря Вилайет не больше пятидесяти миль. Дальше к северу лежит страна Снежных великанов и драконов. Настоящих царств у нас тут нет, здесь правят мелкие князья. Каждый из них владеет обширными землями, но господство

правителя не простирается дальше пределов, в которых силен его меч.

Конан кивнул. То же самое можно было сказать о большей части северных земель, где вся жизнь была устроена примитивно, на основе племенных отношений.

Слуга принес миску с густым пахучим супом из мяса и уложенные стопкой лепешки, которые оказались жесткими, как кожа.

— А ты в этом году задержался здесь довольно долго, — заметил Конан, прожевывая лепешку. — Ты собираешься зазимовать в этих краях?

— Наверное, придется, — ответил Давас. Он налил и себе вина, потом во второй раз наполнил кубок Конана. — Последний корабль, который обычно приходит до наступления зимы, должен был появиться еще несколько дней тому назад, чтобы отвезти нас и оставшийся непроданным товар назад в Аграпур. Должно быть, что-то случилось. Из-за бури, наверное, корабля до сих пор нет.

Конан подумал: уж не тот ли это корабль, который он со своими друзьями захватил и разграбил?

— Конечно. В Вилайете судам грозит множество опасностей. А зимой станет тебя защищать кто-нибудь из местных князей?

— Может быть, — недовольно ответил Давас. — В конце концов, они ведь зависят от торговли с югом. Мы торгуем товарами, которые здесь не изготавливаются. И тем не менее все здешние правители немыслимо жадные. А кроме того, здесь промышляют шайки преступников. Да, зима будет суровой... Если перезимуем без ущерба для нашей торговли и останемся живы, то это будет большой удачей.

— Кто здешний правитель? — спросил Конан.

— Князя, который притязает на эти земли и называет их своим королевством, зовут Одоак. Его народ, вернее, его племя называется тунгами. Грубый это народ, так и смотрят, как бы урвать где золота или шелка и других роскошных изделий с юга. Они выменивают все это на свой мех и рабов, которых отбивают у других племен.

— Ты тоже занимаешься работорговлей? — насторожившись, спросил Конан. Вполне ведь могло оказаться,

что торговец спас ему жизнь вовсе не из благородных побуждений.

— Нет. У нас заключено соглашение с династией Яфдала о том, что мы ведем торговлю только неживым товаром, а работоторговлей заниматься предоставляем им. Чтобы перевозить рабов, нужны особые суда. Так что торговать товарами и рабами одновременно довольно невыгодное дело. А сейчас загон для рабов пустует, потому что работоторговец Яфдала уже месяц как уехал.

Конан почувствовал, как на душе полегчало. У него было еще немало вопросов, но сейчас его одолевала дремота, и он не стал больше ни о чем спрашивать.

В следующие два дня Конан постепенно оправился от перенесенных мучений. На третий день он был уже силен и крепок, как прежде, и с радостью отправился бы куда-нибудь дальше. Давас только диву давался, глядя, как поправляется этот парень. Он-то думал, что Конана придется выхаживать по крайней мере целый месяц. Давас присмотрелся к этому странному варвару. Конан, словно пантера, шнырял по округе и часто подолгу глядел на вершины поросших лесами гор. Если бы Давас был работоторговцем, он внес бы имя Конана в свой торговый список с такой пометкой: «Пол мужской, возраст около тридцати лет, очень силен, волосы иссиня-черные, глаза голубые, кожа светлая, но загорелая и огрубевшая, рост высокий, сложение крепкое, все зубы полностью сохранились. Родом с севера, первый сорт».

В один из редких солнечных дней в начале зимы Давас, укутавшись в одеяла, расположился на воздухе и кисточкой писал что-то на свитке, который лежал перед ним на низком столике. К нему подошел Конан. Киммериец был одет в короткую куртку из волчьего меха — ее дал ему Давас — и такие же штаны до колен. На ногах у него были грубые сандалии. Руки до плеч и ноги оставались голыми, что, видимо, отвечало его северной натуре.

— Что ты пишешь? — спросил он.

— Я вообразил, будто бы у меня есть кое-какие качества ученого. Ну а раз уж приходится провести тут какое-то время, пополняю мои путевые записи, хотя, Митра мне порукой, про эти северные земли много не напишешь.

— Здесь идут сейчас какие-нибудь войны?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что мне нужно чем-то заняться. До весны, как ты говоришь, сюда вряд ли придет какое-нибудь судно. А я, если не служу на корабле, воюю, я наемник. Если где-то идет война, я сумею заработать себе на жизнь.

— Оставайся лучше у меня, — предложил Давас. — Мне приятно твое общество. Ты побывал в разных краях. Я хотел бы узнать от тебя побольше про те места, где ты бывал. Продовольствия нам хватит на зиму, запасли достаточно. Кроме того, здешние рыбаки и охотники часто приносят мне свою добычу на продажу. Голодать нам не придется.

— С твоей стороны очень гостеприимно предлагать мне остаться. Благодарю тебя. Но не по мне это — сидеть сиднем несколько месяцев на одном месте. Если ты дашь мне на время какое-нибудь оружие, я тебе потом заплачу за него из того, что заработаю на войне.

— Ну хорошо, — вздохнул Давас. Он начал рисовать на столике упрощенную карту. — Вот здесь — мы. Севернее начинается степь. Здесь земля гористая, кругом дремучие леса, в основном хвойные. Больших рек нет, но есть много мелких речек, скоро они замерзнут. Кроме племени царя Одоака, здесь, на севере, есть люди бога Тора, торманны. Их вождя зовут Тотила. К востоку от владений этих двух властителей лежит страна царицы Альквины из рода камбров. Говорят, она очень красива. Я, правда, сам ее никогда не видел. И тот и другой правитель, и Одоак, и Тотила, хотя укрепить свое могущество, женившись на Альквине. Оба за ней ухаживают, но она никому не отдает предпочтения. И потому они беспрерывно воюют друг с другом. Есть и другие племена и правители, но по-настоящему что-то значат только эти двое.

— Не слишком богатый у меня выбор, — заметил Конан. — Пожалуй, я предложу свои услуги одному из них, а там посмотрим, не заплатит ли другой больше.

— Нет, никогда мне не понять — почему это войны презирают нас, торговцев? — сказал Давас. — Сами-то они торгуются из-за оплаты не хуже нас, когда мы набиваем цену на товар.

Конан ухмыльнулся:

— Наш товар единственный в своем роде. Вот, скажем, если эта рукоять меча, — он согнул руку, показывая могучие мускулы, — если она откажет, ее не так-то просто заменить другой. — Он откинул голову назад и громко захохотал, словно высказал очень смешную мысль. — Ну ладно. Какое у тебя оружие? Я еще не встречал торговца, у которого не было бы припрятано хотя бы два меча.

Давас приказал слугам принести оружие и доспехи. Конан очень тщательно все осмотрел.

— Это все, что у меня есть, — сказал Давас. — На юге нет сбыта. Держу их только потому, что здешние воины или те, кто воображают себя воинами, иногда покупают. С юга я привожу только клинки, потому что здешние вояки приделывают к ним рукояти своей работы.

Конан взял в руки один из мечей. Он был тяжелый и старомодный, но клинок был из доброй стали. Клинок расширялся, как лист растения, над узкой «талией» и заканчивался длинным острием. Рукоять была бронзовая, обернутая полуской кожи.

Панцирь был сделан из бронзовых пластинок и доходил Конану лишь до середины груди. Конан примерил несколько панцирей, пока не подобрал такой, который целиком закрывал его широкую грудь. Шлемы также были бронзовые и, как и панцирь, украшены выпуклыми шишечками. У всех шлемов были разные по форме щитки, прикрывавшие переносицу, щеки и затылок. На некоторых имелись украшения в виде фигурок зверей. Конан выбрал шлем со щитками, закрывавшими щеки, и украшением в виде маленькой серебряной фигурки кабана.

Для правой руки он взял толстый кожаный нарукавник с накладками из бронзы. Для левой руки ничего не нужно было, потому что ее должен прикрывать щит. Он выбрал один из щитов. Все они были одинаковы — круглые, состоящие из двух слоев перекрещенных дубовых досок различной толщины. Для прочности щит был обит внутри и снаружи железом. Потом киммериец подобрал для себя копье из дерева ясеня, со стальным наконечником. Теперь он был вооружен против любого врага.

— Здешние воины предпочитают бронзу, — заметил он.

— И выделывают ее здесь превосходно, — сказал Давас. — Железо они не умеют выделывать в той форме, какая им нужна, и его используют только для орудий труда или для укрепления щитов. Ты теперь вооружен как настоящий свободный воин. А кстати, не каждый может позволить себе купить панцирь, многие носят вместо него рубаху, сшитую в несколько слоев из оленьей кожи. Такая рубаха хотя бы греет в стужу, однако не защищает так хорошо, как панцирь. У вождей и царей вооружение и доспехи драгоценные, украшенные золотом, серебром и янтарем.

— А как здесь ведут боевые действия? — поинтересовался Конан, профессионал ратного дела.

— Я в войнах мало смыслю, — отвечал Давас. — По моему мнению, они дерутся как вооруженный сброд. Я видел армии Турана на параде у стен Аграпура. У каждого воина свое место в строю, все шагают ровно, как по линейке, и всадники скачут будто один человек на одном коне. А здесь! Собьются в кучу на поле и размахивают оружием, пока одна сторона не одолеет. Я слышал, что после таких битв, бывает, и вовсе никого не остается, кто может держаться на ногах.

— Значит, они воюют так же, как и все прочие племена севера, которые мне известны, — с удовлетворением подвел итог Конан. — Это хорошо, потому что сам я тоже с севера и сражаюсь так же, как они.

В это время слуга Даваса крикнул:

— Господин! Я вижу всадников!

Давас обернулся в ту сторону, где вдаль от берега начинались леса. На фоне темных деревьев едва различима была маленькая группа всадников.

— Четверо, — сказал Конан. Его зоркие глаза весело заблестели. — Все вооружены. Как ты думаешь, они замышляют что-то недоброе?

— Это мы узнаем, как только они будут здесь, — беспокойно ответил Давас. — Если это люди Одоака, то, скорее всего, они не станут нас грабить. Но может быть, это разбойники.

— Разбойники или солдаты. Не стоит бояться, их всего четверо.

Давас удивленно поглядел на Конана.

— А у тебя, друг мой, недурное мнение о себе, — сказал он.

Конан улыбнулся.

Всадники скакали на низкорослых крепких лошадях с лохматыми нестриженными гривами и хвостами. Такой же неряшливый вид был и у самих всадников. Из-под шлемов торчали темно-русые, а у кого-то рыжеватые волосы, длинные и нечесанные; бороды тоже были не стрижены и спускались на грудь. Все четверо были вооружены так же, как Конан. Всадники въехали во двор лавки Даваса. Один из них, с серебряным вороном на шлеме, опередил остальных и заговорил с Давасом, не спуская при этом глаз с Конана.

— Приветствую тебя, торговец! Мы — люди Одоака. Наш вождь желает знать, не вынесло ли недавней бурей ли берег что-либо ценное.

— Нет, ничего, кроме обломков дерева и разной дряни, — отвечал Давас. — Удалось ли вам захватить более богатую добычу на побережье?

Всадник указал на мешки, которые были навьючены на спине одного из коней:

— Нашли немного отличного янтаря и кораллы. — Потом он кивнул головой в сторону Конана, смотревшего на пришельца без тени смущения: — А кто этот человек? По его внешности я вижу, что он не принадлежит к нашему племени.

Прежде чем Конан успел что-либо ответить, Давас сказал:

— Это просто несчастный моряк, потерпевший крушение. Его вышвырнули на берег волны. От его корабля остался только обломок мачты, но и тот настолько просмоленный, что дерево не годится даже на дрова.

— Ты что, не слышал, о чем я спрашиваю? Меня интересует то, что имеет цену. Раз его выбросило на берег, значит, он — наша добыча и собственность короля. Здоровый парень, работорговцы выручат за него хорошие деньги.

Было время, когда за такие слова Конан не сходя с места раскроил бы череп нагледу. Но годы и жизненный опыт научили его благоразумной сдержанности, которая была тем более уместна здесь, в чужой стране. Поэтому он сказал:

— Я не хочу сражаться с тобой в доме моего друга. Если ты действительно собираешься продать меня работорговцам, то давай выйдем в открытое поле. И я выпущу из тебя кишки и задушу ими твоих дружков!

При этих словах Давас побледнел. Но предводитель всадников только ухмыльнулся:

— Ты осмелился дерзить человеку, за которым перевес сил — нас четверо.

— Тебя я убью первым. Против меня уже останется трое. А с тремя врагами мне не раз приходилось биться. И мне потребуется не больше трех ударов, чтобы покончить с ними. — Конан невозмутимо улыбнулся.

— Самонадеянный болван! — воскликнул всадник. — Твое счастье, что этот торговец находится под защитой самого короля. Смотри не попадись мне где-нибудь в другом месте! — И, не дав Конану времени ответить, предводитель всадников развернул коня и поскакал прочь со двора. Следом за ним двинулись и его спутники.

— А ведь дело было серьезное, — сказал Давас. Он не сразу пришел в себя и теперь с облегчением вздохнул. — За такие речи они могли прикончить тебя на месте.

— А что же мне было делать, по-твоему? Сдаться и позволить продать себя работорговцам? И потом, на самом деле вовсе не было причины для страха. Этот парень с вороном на шлеме — попросту надутый пузырь, напаяливший на себя бронзовый панцирь. А пузыря не стоит бояться, уж поверь мне. — Киммериец хлопнул Даваса по плечу так, что тот присел и едва удержался на ногах. — Пошли, друг, пора ужинать. Завтра я отправляюсь в путь, поеду искать удачи.

Глава вторая

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Конан отправился на север. Двор короля Одоака был не лучшим местом, где он мог предложить свои услуги в качестве воина, — так он думал, но всерьез это его не

беспокоило. Можно попытаться счастья и при дворе короля Тотилы. Что один хозяин, что другой — не все ли равно? Конан находился уже на расстоянии трех дневных пеших переходов от лавки торговца Даваса. Он шел по извилистым тропам в безмолвных лесах, опираясь на копье, как на посох странника. Прошлой ночью густыми белыми хлопьями начал падать снег. Конан порадовался, что друг Давас заставил его надеть теплый плащ, рубаху с длинными рукавами и длинные штаны. Он довольно долго пробыл в теплых южных землях, и его прирожденная выносливость и привычка к холодам несколько поуменились. Киммерийские родичи Конана только покачали бы головами с сожалением, если бы увидели, как тепло он одет для такой мягкой, по их понятиям, зимы.

Невысокие горы густо поросли сосновым лесом. Тишину лишь изредка нарушал жуткий волчий вой. Но киммерийца он не мог испугать. Зима только-только началась, и волки еще не оголодали настолько, чтобы нападать на людей. И вообще, вооруженный мужчина, здоровый и сильный, он не видел причин бояться волков.

И Конан шагал вперед спокойно, даже весело. Север — это его родина. Конечно, юг имеет множество привлекательных особенностей, однако здешние холодные земли нравились Конану гораздо больше. Он понимал, что за долгую зиму истомился от тоски по теплым краям, но сейчас, шагая по лесу, он радовался тому, что впереди — зима с непрерывными войнами, которые ведут между собой здешние северные короли. Прошло несколько минут, прежде чем Конан сообразил, что шум битвы, о котором он мечтал, раздается не в его голове, а слышится и правда где-то неподалеку в лесу.

Конан засмеялся и бросился бежать в ту сторону. Шум битвы! Эту музыку он любил больше всего на свете. Даже на расстоянии он знал по звуку: вот мечи ударяются в бронзовые щиты, а вот железный наконечник копья со звоном бьет по бронзовому шлему. Он знал даже тот характерный стук, с которым стальное оружие ударяет по деревянному щиту. Но сейчас он слышал еще и громкие крики. Похоже было, что какой-то маленький отряд или малая часть большого воинского формирования отражает

нападение врагов. Но насколько он знал северных воинов, они вряд ли стали бы безучастно следить за схваткой своего авангарда.

Конан взобрался на небольшую возвышенность и с ее вершины увидел внизу долину и выходящую по ней дорогу. Посреди дороги шло жестокое сражение между воинами в бронзовых доспехах. Конан присмотрелся к ним повнимательнее, одновременно прикидывая, стоит ли ему ввязываться и помогать одной из сторон.

Он начал спускаться с пригорка и на ходу заметил кое-что еще. Воинский отряд нападал на двоих — женщину и седобородого старика. Нападавших было много, но одежда и вооружение у них были такие же, как у женщины и старика. «Да, — подумал Конан, — лучше бы им завести у себя воинскую форму и знаки различия, как принято в армиях цивилизованных народов».

Он хотел устроиться где-нибудь на камне и спокойно полюбоваться зрелищем схватки, но тут его взгляд упал на одного из нападавших. Тот самый всадник в шлеме с вороном! Негодяй, имевший наглость помышлять о том, чтобы продать Конана как товар работоторговцам. Это решило дело.

Конан вскочил и с диким воинственным криком киммерийских ратников бросился к сражающимся. От его страшного вопля все замерли. Иные нападавшие обернулись в его сторону. Один из воинов двинулся с поднятым щитом ему навстречу. Конан, не сбавляя скорости, на бегу метнул в него копье. Воин прикрылся щитом, но железное острие копья пробило дерево и вонзилось в горло воина. Разделив надвое его бороду, копье прошло насквозь и на добрую ладонь вышло сзади у основания шеи.

Воин повалился на землю. И тут негодяй с вороном на шлеме узнал Конана.

— Чужестранец! — крикнул он. — Я предостерегал тебя! Зачем ты покинул двор торговца, безмозглый болван? Теперь прощайся с жизнью!

— Уж не ты ли угрожаешь моей жизни, жалкий червяк! — Конан ухмыльнулся. — Я, Конан из Киммерии, готов сразиться с одним из вас или со всеми разом.

Воин с вороном на шлеме был вынужден принять вызов — иначе он лишился бы всякого уважения своих соратников. И потому он вышел вперед и высоко поднял меч:

— Я — Агилульф из рода тунгов! Никто меня не утрашит!

Нападавшие и защищавшиеся воспользовались случаем и на время разошлись в стороны. Опустив оружие, они с жадным интересом следили за происходящим.

Конан встретил взгляд холодных серых глаз женщины. Он отсалютовал ей мечом. И тут же перестал замечать что-либо, кроме противника. Агилульф принял стойку опытного бойца, хорошо владеющего мечом: ноги чуть согнуты, плечи распрямлены, щит на уровне груди — чтобы легко было защитить им и ноги, и голову. Меч он высоко поднял и завел чуть назад, так что тот был почти у него за спиной. Теперь он мог одним лишь движением, вложив в удар всю силу, поразить голову, корпус или ногу противника, если тот не успеет прикрыться щитом.

Конан приготовился биться, как всегда, в свойственном лишь ему одному стиле. Он почти присел на корточки и, прикрываясь щитом, готов был броситься вперед. Меч он держал низко, у земли. Противник видел над краем щита Конана только его прищуренные глаза.

Агилульф ударил первым. Он метил в шлем Конана, но киммериец поднял щит и одновременно нанес удар мечом по ноге противника. Тот с молниеносной быстротой прикрывшись щитом. Мечи ударились о щиты. Агилульф попытался нанести следующий удар по незакрытому плечу Конана, но тот ловко уклонился и попытался поразить Агилульфа в бок. В последнюю секунду Агилульф отразил удар щитом. Ни один удар до сих пор не достиг цели. Сражающиеся отскочили друг от друга, и у зрителей вырвался дружный возглас одобрения — таким превосходным было начало поединка.

Теперь оба воина ходили друг за другом по кругу, подстерегая момент, чтобы нанести удар. У Агилульфа из-под шлема катились капли пота, но ловкости и увертливости у него не убавлялось.

— Не так-то просто победить лучшего бойца тунгов, а? Что скажешь, киммериец?

Конан злобно усмехнулся. И взмахнул мечом. Стоявшие вокруг зрители видели теперь только вихрь сверкающих клинков... как вдруг меч киммерийца рассек щит Агилульфа, словно тот был из пергамента. Рука Агилульфа была поражена — хрустнула кость.

Второй удар поразил ворона на шлеме — меч рассек шлем, череп, подбородок, и только панцирь остановил страшный удар. Конан с силой потянул к себе меч, чтобы освободить его из раскрытого черепа, и с горящим взором обернулся к соратникам Агилульфа:

— Кто следующий? Кто спляшет со мной танец мечей? Я жду! Выходите, вы, паршивые псы!

Тунги были потрясены гибелью своего вожака, но не утратили мужества. К тому же их было значительно больше. Они с ревом бросились на Конана, забыв в ярости про тех, с кем сражались до его появления. Устремившись к Конану, они оставили женщину и старика. Эти двое сразу же ударили им в спину. Развернувшись, бросив Конана, тунги теперь уже не могли. Все было против них.

Но это не значит, что схватка с тунгами оказалась детской забавой, совсем нет. Конан со всех сторон был окружен врагами. И только поразительная быстрота реакции и отличное оружие спасли его. Конан то пригибался под ударами, то подпрыгивал, уклоняясь от меча, и сам наносил разящие насмерть удары. Его противники наступали без всякого боевого порядка, и это было Конану на руку, так же как и слепая ярость, с которой каждый из них рвался вперед, чтобы убить его.

Вскоре атаки стали слабеть — седобородый старец и женщина поразили насмерть многих врагов. И в конце концов Конан остался один на один с последним из тунгов. Это был воин со светло-рыжей бородой, в рубахе из оленьей кожи. Несколькими ловкими ударами Конану удалось разнести в щепы его щит. Потом Конан поразил его быстрым ударом насквозь в горло — самым милосердным из всех смертельных ударов.

Умолк шум битвы. Конан огляделся по сторонам. На земле лежали жутко изуродованные мертвые тела, снег был не белым, а красным от крови. Кое-кто уцелел, эти люди

разыскивали среди трупов тех, кто еще был жив, и оказывали помощь раненым.

Конан вонзил меч в землю, бросил рядом щит и отстегнул ремешок своего шлема. Когда он снял шлем, его иссиня-черные волосы рассыпались по плечам. От шлема поднялось облачко пара — ничего не скажешь, жаркая была битва, особенно если ты сражался в полном воинском снаряжении.

К киммерийцу подошла женщина. За ней — седобородый старец. Она смерила Конана взглядом с головы до ног:

— Я — королева Альквина из рода камбров. — Ее серые глаза были холодны как лед. — Как ты попал в эти края?

Она была самой надменной из всех женщин, каких Конан когда-либо встречал в своей жизни. Но он почувствовал, что сейчас не время показывать характер.

— Я ищу работу для моего меча, госпожа, — ответил он с легким поклоном. — Услышал шум битвы, вот и пришел посмотреть, что да как. А этого Агилульфа я повстречал пару дней тому назад. Мне тогда очень не понравились его речи, ну вот я и решил поучить его приличным манерам.

— И это тебе удалось. Теперь Агилульф не больно-то речист.

— Почему эти подонки напали на тебя, госпожа? — Конан вытащил из земли свой меч и принялся тщательно его очищать.

— Ты что, считаешь себя равным мне и позволяешь себе задавать мне вопросы? Я возьму к себе на службу твой меч, чужестранец. А в советах твоих я не нуждаюсь. Найди себе коня и следуй за мной. — С этими словами она пошла прочь. Старик, казалось, хотел что-то сказать, но раздумал и поспешил за женщиной.

Конан, ничуть не задетый ее суровой отповедью, продолжал чистить меч. Потом он отправился на поиски нового копья, потому что его копье было сломано. Спутники королевь бегали по лесу и ловили разбежавшихся коней. Очевидно, этим людям было незнакомо искусство верхового боя, и, прежде чем вступить в сражение, они спешились.

В лесу бродило много лошадей, чьи всадники были убиты в сражении. Конан сел на коня и присоединился к свите королевы. Про себя он подумал, что, может быть, еще посмотрит, не лучше ли будет предложить свои услуги королю Тотиле.

Скакать им пришлось долго. Тени становились все длиннее и длиннее. За время пути Конан познакомился с теми, кто сопровождал королеву. Опытный солдат, он постарался запомнить имя каждого нового знакомого.

Как и почти все, кого он встречал в этих краях, люди Альквины разговаривали на одном из диалектов северного языка, который не слишком сильно отличался от того наречия, которое было в ходу у жителей Асгарда, Ванахейма и Аквилонии. Мужчины из свиты королевы были в основном белокожими. Глаза почти у всех были голубые или серые, волосы русые, темно-русые или белокурые. Ни у кого не было по-настоящему черных волос, как у Конана. Все взрослые мужчины носили бороды, причем иные брили щеки, чтобы были видны боевые шрамы. Ни боевой раскраски, ни татуировок ни у кого из них Конан не заметил. К поводьям у некоторых всадников были привязаны чело-веческие скальпы.

К Конану подъехал белокурый воин с серебряным кабаном на шлеме, таким же, как тот, что украшал шлем Конана.

— Отличное было сражение, киммериец. Я очень рад, что ты теперь с нами. Меня зовут Зиггайр. — Он протянул Конану мех, в котором булькало какое-то питье: — Вот, выпей пива. Оно, правда, малость несвежее. Но пока не прибудем в крепость, придется довольствоваться тем, что есть.

Конан сделал добрый глоток. Пиво было несвежее, но отличного качества. Он бросил мех назад Зиггайру:

— Спасибо, друг. Скажи-ка, а что, ваша королева всегда так резко разговаривает с людьми, которые предлагают ей свою службу?

Зиггайр горько усмехнулся:

— Такой уж у нее нрав. Она была единственной дочерью старого короля и с самого раннего детства привыкла держаться очень надменно. Но она добрая королева. Она

никогда не допустит, чтобы во главе ее народа встал неполноценный король.

Конан сообразил, что, говоря про «неполноценных», Зигтайр имел в виду князей каких-то других племен.

— Так что ни о чем не беспокойся, киммериец. Служи ей верой и правдой, сражайся так, как сегодня, и она будет обращаться с тобой по-хорошему и вознаградит щедро. Она очень щедра.

— Ну и то хоть какой-то просвет, — пробормотал Конан себе под нос. — А почему люди Одоака напали на вас? Раз уж я бился с ними, то хотел бы знать причину.

— Они хотели захватить Альквину, — сказал Зигтайр. Как и большинство северян, он запросто опускал королевские и прочие титулы. — Одоак хочет взять ее в жены. Поговаривают, что он уже убил свою последнюю жену, чтобы развязать себе руки и жениться на Альквине. Многие считают, что его намерение говорит о чрезмерном оптимизме. Я же думаю, что это просто наглость и бесстыдство.

— А у вас короли могут иметь только одну жену? — спросил Конан.

— Таков закон. Наложниц король может иметь столько, сколько ему под силу ублажить. Да только уже многим королям это не пошло на пользу.

— А что этот король Тотила? Я мало о нем слышал. Он, говорят, тоже ухаживает за вашей королевой? — осторожно выводил Конан.

— Да. Тотила и его любимчик колдун были бы не прочь устроить этот брак. Но Альквина презирает эту торманнскую свинью, и совершенно правильно.

Когда Зигтайр упомянул о колдуне, лицо Конана померкло. До сих пор во всех странствиях ему было, прямо скажем, мало радости от этих проныр. Но Зигтайр говорил о колдуне так, словно его не слишком тревожили всякие колдовские фокусы.

— А кто этот седобородый? — спросил Конан, указывая глазами на старца, который скакал рядом с Альквиной.

— А это наш колдун Рерин. Мудрый старый человек. Он умеет защищать нас от колдовства Йильмы — так зовут колдуна, который творит черные дела по приказанию Тотилы.

— У короля Одоака тоже есть свой колдун? — спросил Конан, подозревая самое скверное.

— Нет, во всяком случае я ничего такого не слышал. Колдунов мало, а Тотила богаче, чем Одоак.

— Какой колдун сильнее? — Конан знал, что всегда полезно знать относительную силу врагов и друзей.

— Не могу сказать. — Зигтайр напряженно размышлял. — У меня такое чувство, что всякий раз, когда один из колдунов творит свое заклятие, другой отвечает ему тем же, и потому заклятия взаимно уничтожают друг друга. Что до меня, так я только рад этому.

— Понимаю, — с искренней убежденностью согласился с ним Конан. — Когда эти колдуны, ведьмы, чернокнижники и прочий сброд вмешиваются в дела честных воинов, всегда жди какой-нибудь пакости, которую не уничтожить силой оружия. — Конан терпеть не мог все, что нельзя уничтожить силой оружия.

Уже стуслилась ночная тьма, когда они добрались наконец до укрепленных защитных сооружений вокруг дворца Альквины. Они увидели холм, превосходящий высотой все остальные холмы. Его вершина была окружена кольцом стены из гигантских каменных блоков. На этой стене был надстроен навес с галереей и палисад из столбов с заостренными концами. Путники подъехали ближе. Поднялись ворота в стене, пропустили всадников и опустили за ними.

Внутри кольца каменной стены находилось довольно много небольших строений: кузницы, конюшни, хозяйственные постройки. Конану бросилось в глаза большое количество домашней скотины. В центре крепости стоял дворец королевы — низкий, вытянутый в длину дом с двускатной крышей, на которой росла трава и паслись козы. На фронтонах имелись отверстия, через которые выходил дым. Любой южный правитель посмеялся бы, узнав, что подобное строение называют королевским дворцом. Но на севере в таком доме имелось все, что делает дворец дворцом. Здесь воины и их король праздновали свои праздники. Северяне не слишком чтили бы правителя, который прятался бы от их глаз.

Всюду пахло свежей древесины. Конан заметил, что люди живут здесь, видимо, с недавних пор. Вместе с

Зиггайром они отвели коней в конюшню, пристроенную к наружной стене, и там поручили их заботам конюхов. Выходя из конюшни, Конан более внимательно осмотрел каменную стену. Даже в сумерках было видно, что она построена в древнейшие времена. Она была сложена из громадных каменных глыб и всюду поросла плющом.

— Кто это строил? — спросил он.

Зиггайру от этого вопроса стало не по себе. Он сделал неопределенное движение и ответил:

— Гиганты, в глубокой древности. Не люблю об этом говорить. Пошли, пора садиться за стол. Выпьем доброго свежего пива.

Они направились к дому, и тут Конан увидел, что камбры сгружают с лошадей трупы убитых воинов. Слышался тихий плач. Женщины севера не оплакивают своих мертвецов так, как женщины юга, — им чужды пронзительные вопли и рыдания. «Как хорошо, — подумал Конан, — что зима только начинается. Еще можно вырыть могилы. Скоро земля промерзнет, и тогда придется хранить трупы до весны, где-нибудь в амбаре».

Зал, куда они вошли, был убран с роскошью, о которой невозможно было догадаться, глядя на дом снаружи. Дом был построен недавно, однако все деревянные вещи и утварь украшала искусная резьба работы замечательных мастеров. Хитросплетенные ленты орнамента, изображения диких животных, сцены из жизни великих героев, — почти всюду резьба была раскрашена яркими красками, которые добывались из растений. На потолочных балках висели оленины рога и прочие охотничьи трофеи. Стены украшали пестрые ковры, от них в помещении было словно светлее, они же защищали от сквозняков. Пол был выложен каменными плитами, и всюду был набросан тростник. Посреди зала над открытым очагом, в котором горело два огромных бревна, жарилось на вертелах мясо.

От запаха мяса у Конана потекли слюнки. Глаза слезились от дыма. В это время слуги расставили в зале столы и длинные лавки. Воины сняли с себя оружие и доспехи. Зиггайр показал Конану его спальное место возле стены на соломе. В стену здесь были вбиты деревянные крюки, на которые полагалось вешать шлем, пояс с ножнами для

меча, щит и панцирь. При любом нападении оружие было тут же под рукой. Киммериец поставил возле стены свое копье. Потом, развесив по местам прочее оружие, он уселся за стол. Каждый за столом сидел спиной к своему спальному месту у стены, так что никогда не возникало никаких споров о том, где кому садиться. К тому же в случае нападения каждый мог сразу же найти свое оружие. Здешние воины явно продумали все в ожидании прихода врагов.

Как только Конан сел за стол, к нему подошла девушка и поставила перед ним тяжелую просмоленную деревянную кружку с пивом. Киммериец осушил ее одним долгим глотком и со стуком поставил на стол. В этот же миг кружка снова была наполнена. Затем на стол подали блюда с дымящимся жареным мясом. На какое-то время все разговоры стихли: едва не погибшие голодной смертью солдаты вознаграждали себя за скудные порции пищи в дни похода.

Когда голод был утолен, воины начали рассказывать о своих подвигах, совершенных в сегодняшнем сражении. Каждый перечислял свои заслуги и прославлял храбрость соратников. И все в один голос восхваляли Конана, пришедшего на выручку, не говорилось только о том, что без его своевременного вмешательства отряд был бы попросту уничтожен.

Конан также встал и вознес хвалу храбрости своих хозяев, которые стали ему теперь и братьями по оружию. Потом он напомнил о некоторых занятных подробностях своей победы над Агилульфом. Слушатели внимали Конану с интересом профессионалов, перед которыми говорит великий мастер того же ремесла. Конан никогда не страдал от избытка скромности, вот и теперь он ничуть не преуменьшил свои возможности, говоря о предстоящих боях и битвах. Закончил он славословиями в адрес своей новой повелительницы и ее спутников и громко объявил о том, что с нетерпением ждет часа, когда сможет сразиться с ее врагами. Он сел, и пивные кружки громко застучали по столу в знак одобрения.

Тогда поднялась Альквина и, по обычаю севера, стала преувеличенно хвалить своих воинов, потом она раздала им дары. Слова, которыми она поблагодарила Конана, показались ему довольно сдержанными — ведь именно он

внес решающий вклад в дело ее освобождения. Но зато к дарам не могло возникнуть претензий. Он получил тяжелый золотой браслет, украшенный кораллами и гранатами. Вес одного лишь золота соответствовал годовому вознаграждению испытанного воина-мечника в южных странах. Конан надел браслет и высоко надвинул его на мощный бицепс правой руки. Он учтиво поблагодарил Альквину, но она как будто пропустила его слова мимо ушей.

Когда пришло время гасить факелы, Альквина объявила, что торжественное погребение мертвых состоится на следующий вечер в час захода солнца. Затем все отправились на покой. Альквина скрылась за тканым ковром, которым был отгорожен дальний конец зала. Ее колдун покинул дом и отправился в свою хижину, чтобы приступить к своим колдовским делам. Все остальные, завернувшись в плащи, улеглись спать на соломе.

Конану спать еще не хотелось. Он взял кружку с горячим, сдобренным пряностями пивом и вышел во двор. Его что-то тревожило, что — он не мог понять. Во дворе все было спокойно. Люди и звери спали. Только одинокий пес бродил вдоль стены. Наверное, он надеялся найти какое-нибудь лакомство, оставшееся после пира.

Киммериец увидел слабый свет, падавший со стены там, где были ворота крепости. Он пересек двор и поднялся по лестнице из бревен на верх каменной стены. Здесь вдоль палисада из кольев проходила деревянная галерея с навесом. Над воротами стоял дозорный, рядом с ним горели уголья в жаровне. При их свете Конан узнал одного из тех, кто сегодня вместе с ним сражался в лесу.

— Привет тебе, Хагбард, — крикнул он. — Холодно нынче, а? Неуютно стоять в дозоре?

Хагбард плотнее завернулся в плащ:

— Холоднее, чем должно быть в эту пору, Конан.

Действительно, стужа заметно усилилась, с тех пор как Конан впервые ступил на двор этой крепости. Он протянул Хагбарду кружку. Дозорный радостно отхлебнул теплого пива.

— Великаны мороза в этом году рано тронулись в путь на юг, — сказал киммериец.

Хагбард вернул ему кружку:

— Спасибо, друг. Да, это примета суровой зимы. Если станет еще холоднее, мы не сможем похоронить завтра наших убитых.

— А вы сжигаете мертвых?

— Нет, никогда! Воинов хоронят вместе с оружием, ремесленников — с их орудиями, женщин — с прялками и веретенами. Таков обычай. Даже детей мы хороним вместе с их игрушками, а крестьян — с их орудиями. Если завтра мы не сможем похоронить мертвецов, то построим для них дом, без внутренних стен, и там положим их лежать, пока земля не оттаяет.

Конан всматривался в хмурые и довольно жутковатые окрестности. Земля вокруг холма, на котором стояла крепость, была почти плоской, как равнина, чем разительно отличалась от всей этой страны, в основном покрытой лесистыми горами. При свете полной луны вдали на равнине вырисовывались очертания нескольких холмов. Тот холм, на котором стояла крепость, был самым высоким. На многих холмах также виднелись каменные стены укреплений. На равнине были правильные круги и линии, выстроенные из огромных каменных блоков. Здесь и там в них было устроено нечто вроде ворот — на два вертикально поставленных высоких камня положен плоский камень сверху.

— И давно вы здесь живете? — спросил Конан. Он коснулся ладонью заостренной верхушки одного из кольев палисада. Она была липкой от свежей смолы.

— Только с середины лета. Раньше мы десять лет прожили на нашем старом месте. Но поля истощились. Мало стало дичи в лесах и рыбы в реке. Вот и решили переселиться.

Большинство племен на севере вело полукочевую жизнь. Когда-то в давние времена целые народы, бывало, собирали все свое добро и уходили с насиженных мест, просто потому что хотели пожить в новых землях. Из-за этого часто вспыхивали большие войны. Но главной причиной перемещений было то, что почва истощалась, когда люди слишком долго возделывали ее, используя лишь самые примитивные способы земледелия.

Хагбард покачал головой:

— Мне кажется, лучше бы Альквина выбрала какое-нибудь другое место, а не это. Лучше бы нам оставаться в горах и лесах.

— Я понимаю, что тебе не по вкусу здешние края. — Конан выпил пива и заметил, что оно быстро остывает. — Здесь как-то не по себе становится. Холмы такие странные, и эти круги из каменных глыб... Почему вы именно это место выбрали?

— По мнению Альвины, эти стены, сложенные когда-то гигантами, представляют собой отличные оборонительные сооружения. Я не хочу сказать что-то недозволенное, но Альквина — не такой вождь, каким был ее отец Хильдрик. Он врагов убивал, а не прятался от них за высокими стенами.

— А ты знаешь что-нибудь об этой равнине? — спросил Конан.

— Много лет тому назад, — начал рассказывать Хагбард, — когда не родился еще мой дед, здесь жили гиганты. Здесь стояла их крепость. На протяжении многих поколений они воевали с богатыми. Но ни та, ни другая сторона не могла взять верх. И тогда гиганты призвали на помощь карликов, и те построили вокруг всей равнины огромную стену. В награду за службу они потребовали отдать им дочь короля гигантов. Стена была построена, свадьбу сыграли, но... — От дыхания Хагбарда поднимался пар — так холодно вдруг стало. — Но в первую брачную ночь невеста убила жениха, как и любая принцесса на ее месте поступила бы при таком неравном браке! И тогда за одну ночь карлики проделали в стене брешь, боги ворвались в крепость и перебили всех гигантов — те после свадебного пиршества спали мертвецки пьяные. О великом побоище напоминают только эти развалины, но мне думается, духи убитых гигантов и нынче здесь обитают.

Конан зябко поежился. Пиво было выпито. Теперь Конан тоже почувствовал результат неумеренности на нынешнем пиру — его клонило в сон.

— Обитают или не обитают — все равно, теперь они мертвы, — сказал он. — Спокойной ночи, друг. Пора мне пойти да отыскать мое место на соломе.

— Спокойной ночи, Конан. Будь другом, разбуди моего сменщика. Это Освин, он спит сразу рядом с дверью.

Конан пообещал, что не ляжет спать до тех пор, пока Освин не встанет и не отправится в дозор. Потом он спустился по лестнице вниз. Проходя через двор к дому, он заметил свет, который струился из маленькой хижины чародея Рерина. Помня недоброе слово всех колдунов на свете, Конан вошел в дом и, найдя Освина, который громко храпел во сне, разбудил его.

Потом он тихонько прошел вперед к слабо тлевшему огню в очаге. К радости Конана, там нашлась полная кружка пива. Он отпил порядочный глоток и тут снова задумался. Правильно ли он поступил, присоединившись к войску Альвины? Над этой безрадостной равниной и суровыми каменными развалинами нависли тучи недалекой гибели. Но пока что у него было золото, еда и кров над головой — он принял все это от королевы, а значит, не вправе был уклоняться от того, что ему суждено. Да и вообще он не любил размышлять о будущем. Конан отыскал свое место под стеной, завернулся в плащ и вскоре заснул так же крепко, как и все остальные воины.

Глава третья

В КРЕПОСТИ ТОТИЛЫ

Король Тотила в угрюмом настроении сидел на своем высоком троне. Его не радовали ни кубок, усеянный драгоценными камнями, ни искусство певца, который сидел возле очага и, перебирая струны, пел песнь за песнью. Тотила поставил локоть на резную спинку своего трона и подпирал кулаком подбородок. На каждом пальце короля торманнов сверкало драгоценное кольцо. Тотила был богаче всех королей на севере, но он возжелал того, чего не мог получить, — королевы Альвины из рода камбров.

Ее прекрасного тела он домогался почти так же страстно, как и ее земельных владений. Заполучи он эти земли, и его правый фланг был бы защищен, и тогда он поглотил бы Одоака с его тунгами, которые жили дальше на юге.

И Тотила стал бы самым могущественным правителем всего севера, он основал бы империю, какой человечество не знало со времен великого переселения северных народов, которое было много поколений тому назад.

В таких мечтах проводил свои дни Тотила. Однако он не ограничивался только мечтами. Когда-то он был лишь мелким главарем разбойничьей шайки, и в жилах его текла, быть может, всего одна капля королевской крови. Железной волей и беспощадной жестокостью он сумел создать маленькое, но крепкое владение. Под его началом служило много воинов. А то, чего не могли добыть мечи, обеспечивал человек, сидевший по правую руку Тотилы, — колдун Йильма.

Несколько лет назад этот человек пришел к Тотиле и заявил, что он родом из Гипербореи и что его судьба и судьба короля торманнов тесно связаны между собой. Тотила пусть защищает колдуна, а тот станет поражать врагов короля, если они окажутся вне досягаемости мечей, — вот что предложил королю колдун, и свое слово сдержал. Вместе эти двое обрели могущество и богатство. Но Тотила никогда подолгу не оставался довольным. Каждая победа, каждое маленькое королевство, которое он присоединял к своим владениям, лишь разжигали его жажду власти.

— Я хочу знать, маг, как живет королева Альквине, — сказал Тотила. Внизу, в зале, за длинным столом сидели и пировали его воины. Но настоящее веселье не удалось — настроение их правителя было мрачным.

— Слушаюсь, повелитель, — сказал Йильма. — Сейчас же пойду и подготовлю пруд. Мои посланницы, — он указал на двух сорок, которые сидели, нахохлившись, на спинке его стула, — рассказали мне, что сегодня она ездил верхом по своим владениям, а потом возвратилась в крепость.

И белобородый старик поднялся. На нем был плащ из шкур северного оленя, на голове красовались оленьи рога. Вся его одежда была увешана косточками и черепами мелких животных, и при каждом шаге Йильмы слышался сухой стук. Кроме того, одеяние колдуна украшали перья, когти и клювы разных птиц. Колдун встал, опираясь на необычный витой посох, и под перестук костей на своей

одежде пошел к выходу. Сороки поскакали следом. Все разговоры умолкали, когда он проходил мимо. Мужчины боялись этого человека почти так же, как короля.

Тотила еще некоторое время провел совещаюсь со своими советниками, но мысли его были где-то далеко. Затем он взял в руки шлем, который был подвешен на подлокотнике его трона. Слава об этом шлеме гремела по всему королевству. Тотила носил его и тогда, когда не предвиделось никаких сражений, он заменял королю корону. Бронзовый шлем с отделкой из золота и серебра, с острым, как птичий клюв, щитком над переносицей, с двумя широкими серебряными дугами, закрывающими брови и лоб. Щеки также прикрывали защитные полосы из бронзы. Посеребренные бронзовые зубцы, выполненные в виде птичьих перьев, закрывали затылок. По всему шлему шли искусно сработанные изображения воинов, а сверху шлем венчал орел с распростертыми крыльями, и глаза птицы сверкали алчностью и злобой.

Надев шлем, король накинул на плечи плащ. Он доходил до самой земли и был пятнистым. Этот плащ был шит из скальпов тех, кого Тотила убил своими руками. И не было среди его жертв никого рангом ниже, чем князь или оружейный мастер-кузнец. Большими шагами Тотила пересек зал. Меч, вложенный в ножны, он нес в руке. Короны и скипетра северяне не признавали. Здесь шлем, плащ и меч символизировали королевскую власть. Так было написано в древних рунах, содержание которых было известно лишь диким жителям севера.

Дворец Тотилы не был защищен ни каменной стеной, ни деревянным частоколом. Тотила похвалялся тем, что ему нет нужды бояться других королей и правителей и он может обойтись без оборонительных сооружений. Для защиты от врагов ему достаточно собственного войска, утверждал Тотила.

Сейчас он не спеша шел среди вспаханных полей. Здесь его рабы-крестьяне гнули спину от зари до зари, обеспечивая своим трудом жизнь свободных людей. На севере не росло ничего, кроме зерновых. Северяне промышляли также охотой и рыболовством, разводили скот, — тем и жили. Они питались преимущественно мясной пищей и с

презрением относились к тем свободным людям, которые занимались земледелием и мясо ели раза два в год, подобно жителям юга.

Тотила вошел в лес и направился по узкой, почти заросшей тропке, которая вывела его на лесную поляну. Стояла холодная зимняя погода, однако в лесу было приятно находиться — это была заслуга Йильмы. Колдун обладал большой властью над силами природы. Посреди поляны серебрился маленький пруд. Нигде не было видно ручья, который питал бы пруд своими водами; водостока пруд также не имел. Этот водоем никогда не замерзал зимой, даже если за пределами лесной поляны стояли трескучие морозы. На берегу пруда Тотила увидел колдуна, на плечах у того сидели сороки. Тотила подошел к волшебнику.

— Здесь ты увидишь, что произошло сегодня, — сказал Йильма и коснулся поверхности пруда концом своего волшебного посоха. В тот же миг в центре разбегающихся на воде кругов выступила отчетливая картина.

Тотила пристально вглядывался в нее. Теперь эти волшебные представления уже были ему привычны. А вот в первый раз он здорово струсил. Сейчас он видел перед собой на поверхности воды заснеженный лес и вереницу всадников, едущих среди деревьев. Эта картина открывалась ему как бы с высоты птичьего полета. Он увидел и других людей, которые устроили засаду и поджидали странников. Людей в засаде было гораздо больше. Глаза Тотилы сузились, превратившись в щелки. Он походил в эту минуту на хищную птицу, опустившуюся на верхушку дерева, чтобы оттуда спокойно наблюдать за всем, что творится вокруг.

— Это подданные Альквины, — сказал Тотила. — И она сама с ними. В засаде ждут воины Одоака. Если бы я только знал, что она уедет так далеко от своей крепости! Мои люди сумели бы отбить и взять королеву в плен. — Он обернулся к колдуну: — Почему ты ничего не сказал мне, когда было так просто схватить ее? — Тотила говорил спокойно, хотя от ярости у него потемнело в глазах. Он не осмеливался грубо разговаривать со своим колдуном, несмотря на то что именно по вине Йильмы они упустили

королеву. Тотила умел скрывать свои чувства, как ни один из северных властителей.

— До сегодняшнего дня их поход оставался для меня тайной, государь. Я подозреваю, что Рерин, чародей, — сейчас ты видишь его верхом на коне рядом с королевой, — наколдовал для них волшебный невидимый покров и сумел обмануть зоркие глаза моих пернатых разведчиц.

Тотила скривился. Он все же не был убежден, что может быть абсолютно уверенным в правдивости слов своего чародея.

— Ага! Вот они и попались! — возбужденно воскликнул он, увидев, что воины Альквины, спешившись, окружили свою королеву и приготовились к бою. Ясно было, что они готовы стоять насмерть и дорого отдадут свою жизнь. — Долго они не продержатся, — заметил Тотила, когда снег окрасился кровью. — Теперь, значит, придется отбивать Альквину у Одоака. — Он принялся злобно грызть ногти. — Ну а что, если он сделает ей ребенка, до того как я его убью? Паршивая история, колдун.

— Смотри, смотри, что там творится! — сказал Йильма.

Сражение в лесу закончилось так же внезапно, как началось. Теперь и ракурс изменился — как будто на высоте полета птица повернула голову. На лесной дороге стоял какой-то человек и, казалось, что-то кричал, но что, они не могли расслышать.

— Кто там такой? — удивился Тотила. — Какой-то молодой парень? Нет, это взрослый воин, хоть бороды у него и нет. Откуда он, какого племени?

— Судя по внешности, киммериец, — ответил Йильма. — Мой народ неплохо знаком с этим племенем. Они живут в горной стране, что лежит к западу от Гипербореи. Их бог носит имя Кром. Волшебство им, можно сказать, совершенно неизвестно, зато киммерийские воины не знают себе равных.

— Мои воины тоже не знают себе равных, — злобно возразил Тотила. — И я — лучший из них. Что нужно там этому парню?

— Смотри и увидишь. Это удивительно интересно.

Они увидели, как один из воинов Одоака вышел вперед и приготовился к поединку с чужаком.

— Поединок! — обрадовался Тотила. — Это Агилульф, лучший воин Одоака. Мечом он владеет как никто другой. Но страшный хвастун.

Бой начался. Засверкали мечи.

— Недурно бьются, оба! — с видом знатока заметил Тотила. — Теперь они знают, на что способен каждый из них в бою. Исхода поединка не придется ждать долго. — Король увлеченно следил за борьбой и при каждом новом ударе хлопал себя по ляжкам. — Ты сказал правду, колдун! Этот парень — действительно очень хороший воин.

За поединком последовало сражение с остальными воинами Одоака. Потом Тотила и колдун увидели, как собрали и погрузили на спины лошадей убитых и как чужак присоединился к отряду Альквины и вместе со всеми поспекал прочь. На красном от крови снегу остались лежать только трупы убитых воинов Одоака. И наконец картина на поверхности пруда побледнела и исчезла.

— Выходит, у Альквины теперь появился новый сильнейший воин, — подвел итог Тотила и поскреб подбородок. — Придется, видно, мне самому им заняться. Уже много лет не было у меня достойного противника. И к тому же, — он осматрел свой плащ, — к тому же черный — единственный цвет, которого пока еще нет на моем плаще. Из черных волос этого варвара выйдет отличный воротник, гораздо более красивый, чем воротник из волчьего меха.

— Теперь, когда одним из телохранителей Альквины стал такой замечательный воин, нам будет намного труднее захватить ее. Может быть, тебе лучше пока что забыть о ней и двинуть свои войска на Одоака? Он сегодня потерял много воинов, сейчас он слабее, чем когда-либо.

Тотила немного подумал:

— Нет. Я ведь уже объяснял тебе почему. Если уж я двинусь на юг, то ударю с такой силой, что выйду к пределам Заморы и Турана. Я проглочу Одоака с его племенем, как рыба заглатывает насекомое, выпрыгивая из воды.

Йильма понимал, что подобные мечты далеко превосходят возможности даже такого могущественного военачальника, как Тотила. На севере не было даже достаточного

количества людей, чтобы хотя бы в течение нескольких лет удерживать в повиновении столь обширные территории. Тем не менее Йильма желал сделать Тотилу величайшим королем севера.

— Если мой повелитель прикажет, то с помощью определенных заклинаний я могу призвать к нам на помощь союзников, которые беспрекословно слушаются моих повелений. Мне повинуются Великаны мороза всего севера и мертвецы, спящие под снежным покрывалом.

— Мне все равно, как ты это сделаешь, — сказал Тотила, который никогда не интересовался средствами достижения цели. — Позаботься лишь о том, чтобы мне был открыт путь к этой женщине и чтобы я мог сделать ее нашей королевой. И тогда я, как обычно, щедро тебя вознагражу.

— Твое желание — приказ для меня, — сказал Йильма. — Возвращайся теперь во дворец и садись пировать со своими воинами. А я останусь здесь на всю ночь до рассвета и потом буду занят до утра послезавтра. А дальше — посмотрим.

Тотила пошел обратно во дворец. Йильма снова коснулся вод волшебного пруда своим посохом и принялся издавать дикие пронзительные крики. За пределами поляны резко похолодало.

Глава четвертая

БИТВА С МЕРТВЕЦАМИ

На следующее утро Конан проснулся оттого, что кто-то распахнул входную дверь дома королевы Альквины. Внутри ворвался ледяной ветер, порог переступил едва не окоченевший дозорный. Захлопнув за собой дверь, он поспешил к очагу и вытянул над еще не остывшими угольями синие от холода руки. Конан встал. Сон как рукой сняло — Конан всегда мгновенно просыпался, если накануне не пил слишком много. Постепенно просыпались, кряхтя и охая, и другие мужчины. В такое холодное утро встать с постели действительно стоило немалых усилий.

Конан подошел к очагу. Его удивило то, что за несколько часов дозорный, закаленный молодой северянин, успел так страшно замерзнуть.

— Доброе утро, Регин, — сказал киммериец. — Разве на дворе так холодно?

— А ты выйди да сам убедись. — От холода у парня зуб на зуб не попадал.

Конан подошел к двери и приоткрыл ее.

— Ох, Кром всесильный! — Он поспешил захлопнуть дверь. На дворе мела метель и дул резкий студеной ветер — ничего подобного Конану еще никогда не доводилось испытать на севере. Слышно было, как трещат далеко в лесу деревья. Кто-то укутанный в меховую шубу подошел к киммерийцу.

— Открой мне дверь! — властно приказала Альквина. Конан повиновался.

Женщина вышла из дома. Конан изумленно смотрел на нее — она спокойно стояла, не обращая внимания на порывы ледяного ветра.

Через некоторое время она вернулась в дом и громко крикнула:

— Вставайте, эй, вы, ленивые парни! Нам нужно позаботиться о скотине, не то она погибнет от холода. Развести огонь, все ковры повесить на стены! — Она знаком подозвала к себе управляющего хозяйством крепости. Тот живо подбежал, на ходу подтягивая штаны. — Аслауф, надо загнать в конюшни и стойла весь скот, сколько сможет там поместиться. Задайте скотине побольше корма. Мы не можем допустить, чтобы погибла хотя бы одна лошадь или корова. Кур тоже загоните в конюшни, в хлев, в стойла. Если потребуется, загоним скотину и сюда, в дом. Потерпим, пока погода не изменится. Лучше какое-то время прожить, смирившись с запахом навоза, чем голодать всю зиму.

— Слушаюсь, Альквина, — сказал управляющий. И сразу же бросился созывать конюших, скотников, слуг и крестьян, чтобы передать им приказание королевы.

Альквина подозвала к себе Конана.

Пойдем со мной, чужестранец. Надо узнать, все ли хорошо у старика.

Конан не сразу понял, о ком она говорит. Потом он сообразил, что Альквина имела в виду старого волшебника Рерина.

— Одну минуточку, — сказал он и побежал взять свой меч.

— Зачем тебе меч? — удивилась королева.

— Вы ведь приняли меня на службу не ради меня самого, а ради моего меча, государыня, — ответил Конан, дерзко ухмыляясь. — Без меча я вряд ли на что-нибудь гожусь.

Альквина повела его к маленькой хижине возле крепостной стены. Конан восхищенно смотрел на ее волосы. Сейчас они были заплетены в толстую косу, которая слегка покачивалась при каждом шаге королевы. Меховая шуба полностью скрывала очертания ее фигуры, лицо же было нежным, с тонкими чертами.

— Нынче ночью старик был еще жив, — сказал Конан.

— Откуда ты знаешь?

— Я был тут на дворе, когда все остальные уже спали. Я разговаривал с дозорным там, у ворот. А возвращаясь в дом, заметил в хижине свет.

— Он служит мне и днем и ночью, — сказала Альквина. — Не так, как мои воины, которые сражаются раз в год по обещанию, а все остальное время только и делают, что обжираются мясом, да пьют мое пиво, да похваляются своими бранными подвигами.

У Конана усмешка сползла с лица. Эта женщина была сурова. Он постучал в дверь хижины, и та почти в тот же миг открылась. Лицо у старого волшебника было такое, будто он не спал всю ночь. Но в остальном он казался бодрым и полным сил.

Он кивнул Конану и пригласил Альквину в свое жилище:

— Входи! Я получил дурные известия.

Альквина вошла в хижину, Конан — тоже, хотя его никто не приглашал. Королева строго одернула его:

— Жди во дворе! Тебя никто не просил заходить.

— Черт побери, государыня! А если я отморожу себе зад, пока ты там греешься у очага волшебника? Я твой воин, а не слуга. — Он скрестил на груди руки и

прислонился плечом к дверному косяку. Лицо Альквины вспыхнуло. Она хотела было как следует отчитать грубияна, но тут старый волшебник слегка коснулся ее плеча:

— Пусть он останется здесь, Алькви́на. Этот чужестранец должен будет оказать нам чрезвычайно важную помощь в будущем, когда придется решать трудные задачи.

— Ну ладно... — Королева сразу же смягчилась. — Скажи, что означает это внезапное нападение Великанов мороза? Ведь такие холода — это неестественно!

— Совершенно верно, Алькви́на. Я убежден, что холода вызвал своим колдовством наш злейший враг Йильма.

— Кто это — Йильма? — спросил Конан. Ему показалось, что незнакомое имя похоже на имена гиперборейцев. А об этом народе у Конана было самое скверное мнение.

Разгневанная его дерзостью, королева грозно взглянула на Конана. Но Рерин снова успокоил ее, мягко взмахнув рукой:

— Йильма — колдун, юноша. Он творит черные дела по воле короля Тотилы. Вчера вечером, когда я ушел с мира в твоём доме, Алькви́на, я буквально почуял в воздухе запах его колдовства. Я долго всматривался в небо, но нигде не заметил его сорок. И тогда я понял, что весь воздух наполнен его злым колдовством. Я пошел к себе в хижину и всю ночь пытался определить, какое колдовство он пустил в ход.

— И что же ты установил? — спросила Алькви́на.

Конан страшно беспокоился. Он терпеть не мог, когда в дело начинали вмешиваться колдуны. Хижи́на этого старика также была полна вещей, которые внушали отвращение киммерийцу. С балки под потолком свешивались пучки сухих трав. Кругом стояли чучела маленьких животных, которые не водятся на севере. Были тут и разные сосуды и приспособления из стекла и бронзы, и Конан не мог определить даже, в каком городе эти вещи изготовлены.

— Он разбудил Великанов мороза, как вы и сами уже, наверное, заметили. Что касается его дальнейших черных планов, то пока они мне неизвестны, — сказал Рерин.

— Он что, надеется ослабить нас с помощью морозов, от которых погибнут скотина и люди?

— Я не знаю, возможно ли это, — отвечал старик. — Ведь жестокие холода поразят людей Тотилы точно так же, как и нас. Боюсь, нам уготовано что-то более страшное, чем стужа.

Алькви́на поднялась и направилась к двери:

— Я должна позаботиться о доме и хозяйстве, Рерин. Быть может, впереди нас ждет еще одна такая же холодная ночь. Я хотела бы, чтобы сегодня ты ночевал вместе со всеми в доме. Если злые духи всю ночь будут гулять на просторе, я не хочу, чтобы кто-то из моих подданных оставался ночью вне стен моего дома.

— Но, Алькви́на, ведь я должен, если я хочу выполнить свои обязанности и...

— Сегодня ночуешь в доме! — сурово оборвала его королева. Старик покорно склонил голову.

Королева вышла за дверь в обжигающую холодом снежную метель и начала отдавать приказания подданным. Конан шел за ней по пятам. К своему неудовольствию, он должен был признать, что королева умела командовать и распоряжаться не хуже настоящего военачальника, а их он повидал за свою жизнь немало. Люди загоняли в стойла скотину и лошадей, тащили в дом дрова и корм для скота. Конану и еще троим воинам было приказано выехать и посмотреть, что делается на близлежащих полях и в крестьянских усадьбах на окраине леса, где также жили подданные королевы Алькви́ны. Она разослала несколько таких дозорных отрядов по четыре всадника в разные концы своих владений и велела им скакать как можно дальше, но постараться вернуться в крепость до наступления ночи.

Ехать пришлось долго. Было очень холодно, кругом лежали покрытые снегами холмы и темные леса. Там и сям всадники видели замерзших насмерть мелких зверьков, которых ночью застигла стужа.

— Очень, очень мне все это не нравится, — сказал Зиггайр, когда около полудня они остановились, чтобы дать отдых лошадям. — Лесные звери всегда заранее знают, если погода вдруг резко меняется и приходят морозы. Нам, с нашим притупившимся чутьем, далеко до зверья. Сколько раз за мою жизнь наступали неожиданные холода, а только

ни разу такого не было, чтобы мороз оказался неожиданностью для зверей и застал их врасплох.

Конан только кивнул, он думал о чем-то своем.

Солнце уже опустилось за холмы на западе, когда они возвратились в крепость. Едва живые от холода всадники слезали с лошадей. Аלקвина выбежала им навстречу, чтобы скорей узнать новости.

— Большинство деревень хорошо перенесло наступление морозов, государыня, — доложил Зиггайр. — В отдаленных усадьбах погибло, как говорят, три пастуха и около десяти коров.

Королева выслушала доклад с мрачным лицом.

— Могло быть намного хуже. Сражение с воинами Одоака и эта стужа погубили более сотни человек. Наши силы ослаблены, но сегодня люди по крайней мере предупреждены. Они будут готовы встретить холод.

При упоминании о вчерашней битве Конан посмотрел в ту сторону, где возле крепостной стены лежали тела убитых, укрытые покрывалами.

— Почему их не похоронили сегодня? — спросил он.

— Мужчины пытались вырыть могилы, — объяснила Аלקвина, — но земля промерзла и стала тверже камня. Если в ближайшие дни не начнется оттепель, мы этой зимой не сможем похоронить их так, как предписано обычаем. Завтра я прикажу построить для мертвых особый дом за пределами крепости. Не сомневаюсь, что в эту зиму число мертвых увеличится. — Королева пребывала в самом мрачном настроении, однако по ней это было почти незаметно. Люди севера привычны к смерти и безжалостной суровой природе. Тот, кто решил стать правителем в северной стране, должен уметь побеждать и смерть, и силы природы. Королева обратилась к Конану: — Ты и трое твоих всадников вернулись последними. Заприте ворота, отведите в конюшню коней, а потом ступайте в дом.

В этот вечер не пировали, а просто ужинали. Пока не было ясности: то ли на дворе просто разыгралась непогода, то ли стужа предвещает небывало жестокие зимние морозы, — и потому каждому была выделена очень маленькая порция еды. Над очагом не крутились вертела с кусками мяса. Мужчинам пришлось удовольствоваться хлебом,

сыром и пшенной кашей. Каждому досталось всего по три кружки пива

Народу в зале было гораздо больше, чем накануне вечером. На длинных лавках, которые вообще-то предназначались для воинов и их жен, теперь сидели и слуги, и крестьяне, и дети, и прочие обитатели крепости. В дальнем конце зала, там, где в крайнем случае должны были разместиться на ночлег слуги, фыркали лошади и шумно вздыхали коровы. Однако никто не жаловался на неудобства или запах навоза, потому что от животных шло больше тепла, чем от огня в очаге.

В эту студеную ночь не выставили дозорного. Вместо него двое молодых парней забрались под самый потолок и смотрели через два дымовых окна, которые находились на фронтонах дома. Кто-то сказал, что едва ли необходимо держать двух дозорных — ведь в такую холодную ночь ни один враг не высунет носа из дому, так что вряд ли стоит опасаться. Но Аלקвина возразила, что бдительность требуется всегда, независимо от погоды.

Более или менее утолив жажду двумя кружками пива, киммериец только пригубил третью и тут согласился помериться силой с одним из воинов: кто первый прижмет к столу руку противника. Они поспорили на кружку пива. Конан легко одолел первого соперника и с наслаждением выпил пиво, которое выиграл. Тут же еще один парень захотел помериться с ним силой. В конечном счете Конан выиграл и выпил шесть кружек, потом рука устала — и рыжебородый силач крестьянин, с ручищами как бревна, мигом прижал руку Конана к столешнице. Тогда Конан предложил развлечься борьбой. Борцы катались по соломе так, что в испуге пускались наутек куры и свиньи, которые делили кров и тепло с теми, кто вскоре собирался их зажарить и съесть.

Наконец утихомирившись, Конан спокойно попивал пиво последнюю кружку и смотрел, как работает старый воин, который вырезал что-то из куска дерева. Сначала старик обугленной щепкой нанес на него рисунок. Это были искусно переплетенные растительные орнаменты и змеи. Потом он ловко вырезал острием лезвия секиры основные линии. Этим грубым боевым топором он орудовал

ловко, как хирург скальпелем. Для завершения работы он использовал нож, который служил воину орудием и за едой, и в бою, и на охоте, и где угодно еще. Конан восхищенно оцупал законченное произведение. Нигде не было ни одной зазубрины, ни одной шероховатости. За несколько часов зимним вечером этот старый человек создал такую прекрасную резьбу, на которую у резчика по дереву из Заморы ушла бы целая неделя, да он еще и работал бы множеством тончайших инструментов.

Старик выслушал похвалы Конана невозмутимо, только слегка кивнул головой и сказал:

— Завтра я раскрашу все красками, если только удастся развести их — как бы не замерзли...

Весь вечер Альквина сидела с хмурым, но очень решительным лицом. Она сделала все, что можно было сделать. Конан попытался ее развеселить, но она даже не слушала.

— Позаботься лучше о том, чтобы твоя рука, в которой ты держишь меч, завтра была сильна и надежна. Возможно, ты скоро понадобишься.

— Моя рука с мечом всегда готова к бою, — хвастливо ответил Конан. — Всегда готова тебе служить. Какого врага ты боишься?

— Молись, киммериец, чтобы у тебя никогда не было забот правителя. Сегодня мне приходится заботиться о том, чтобы мой народ пережил долгую суровую зиму. Другие правители, возможно, не столь осмотрительны, как я. Если зима будет суровой, чужие племена останутся без пищи и начнут нападать на тех, у кого есть запасы еды и корм для скота.

Конан кивнул:

— Правильно! Тут ты права. Иметь власть — это значит не только весело воевать, сидеть на троне и попивать вино из усыпанных драгоценными камнями кубков.

Через некоторое время Альквина послала нового дозорного на смену парню, который, стоя на потолочной балке, смотрел через дымовое окно. Потом она велела гасить факелы. Огонь в очаге на ночь почти погасили, люди и животные улеглись спать. Альквина удалилась в свои покои за ковром, который отгораживал дальнюю часть зала. Вскоре в битком набитом зале слышался только храп спящих.

Конан проснулся оттого, что паренек у окна под крышей закричал:

— Там кто-то есть! — В голосе его слышался страх.

Киммериец мигом вскочил на ноги и сорвал с деревянного крюка свой меч. В дверь дома кто-то громко стучал.

— Не открывайте дверь! — крикнул Конан. Люди просыпались, в темноте слышались стоны, проклятия, недоуменные вопросы. — Раздуйте огонь! — приказал киммериец. Расталкивая людей, он пробрался к двери, на ходу отшвыривая с дороги кур и визжащих поросят. Он быстро взобрался наверх.

— С какой стороны они пришли? — спросил он парня, пристально всматриваясь в темноту.

— Наверное, они перелезли через стену, — отвечал парень. — Я не спускал глаз с ворот крепости. В них никто не входил.

Внизу, перед входной дверью дома, было видно около дюжины мужчин. Они держали бревно и ударяли им в дверь. Странно было то, что и головы и туловища этих людей были покрыты коркой льда и снега.

— И всего-то? — удивился Конан.

Вдруг парень закричал:

— Ворота!

Конан поднял глаза и увидел, что еще двое пришельцев возятся с тяжелым засовом ворот.

Конан крикнул, обернувшись к залу:

— Я спущусь вниз! Воины, следуйте за мной, как только будете готовы. Но дверь не открывать! Вылезайте на крышу, а с нее прыгайте вниз. Слуги пускай поставят к двери все скамьи, столы — все, что только можно. — Он снова через окно посмотрел вниз, на тех, кто пытался высадить дверь.

— Ты правда хочешь спуститься туда, к ним? — с ужасом спросил его парень.

— Раньше или позже, но когда-нибудь всякий мужчина обязан что-то сделать, если он недаром ест хлеб, — глубокомысленно сказал Конан. Он выбрался через окно и прыгнул вниз. Меч он достал из ножен и держал в вытянутой руке, чтобы не споткнуться о него или, чего доброго, не напороться при приземлении. Прыжок удался: он согнул

колени и легко опустился на носки. Щита у Конана не было, он схватил меч обеими руками и крикнул чужакам:

— А вы — закаленные парни, раз уж вышли в такую стужу, чтобы напасть на нас! Кто вас послал сюда?

Один из чужаков повернулся лицом к Конану. Кровь у киммерийца застыла в жилах от ужаса. Глаза пришельца были закачены, видны были только белки. Движения казались какими-то скованными. И при каждом движении раздавался скрежет. Одежда была разорвана, в прорехах виднелись открытые раны и превратившаяся в лед кровь.

— Кром! — вырвалось у Конана. — Это же мертвец!

Мертвец шел прямо на Конана. Несмотря на скованность движений, он приближался быстро. Остальные продолжали размеренно бить бревном в створку двери.

Живые ли, мертвые — Конан знал лишь один способ, чтобы одолеть врагов. Как только мертвец протянул к нему руки с растопыренными пальцами, Конан изо всей силы нанес ему удар в бок. И ударил словно по стволу дерева — меч вырубил большой кусок мерзлого мяса вместе с костями. Из раны шурша посыпались кристаллы заледеневшей крови. Мертвец, казалось, и не заметил удара. Страшные пальцы-клешни сомкнулись на шее киммерийца и начали сдавливать.

Конан отбросил меч и в отчаянии вцепился руками в запястья мертвеца. Но ледяные пальцы неумолимо сжимали его шею, дышать стало невозможно, и силач киммериец рухнул на колени. В глазах у него потемнело. Ледяные пальцы все так же неумолимо сжимали шею. И безостановочно ударял таран в дверь дома. Собрав последние силы, Конан сломал ледяные руки в запястьях. Но только когда он обломал и все пальцы, которые, как сосульки, впились ему в шею, он снова смог свободно дышать. Мертвец взмахнул обрубками рук и ударил Конана по голове. И тут дверь дома подалась под ударами тарана.

Конан подхватил с земли меч. Он рубил и рубил страшный кусок замерзшего мяса, пока не удалось нанести удар по шее. Голова мертвеца покатилась в снег. Лезвие меча слегка затупилось от бесчисленных ударов по льду.

— Это мертвецы! — закричал Конан. — Берите топоры и дубины! Меч против них бессилен!

Рядом с ним один из воинов в ужасе устался на высокого мертвеца:

— Это же Хрульф, мой друг! Но ведь его убили позавчера, когда на нас напали из засады!

— Этих мертвецов разбудило какое-то колдовство, потому что мы не похоронили их! — крикнул в ответ Конан. — Мы должны убить их во второй раз, иначе они всех нас погубят!

Он разрубил мечом одного из мертвецов, которые били тараном в дверь. И тут дверь распахнулась. Из дома высыпали воины Альквины с факелами в руках. Конан успел увидеть, как один молодой боец упал на землю, — ледяные пальцы сдавили шею несчастного, мертвец зубами грыз его лицо. В доме был сущий ад. Женщины и дети кричали, от страха ревели и мычали коровы, ржали лошади. Животные чуяли, что творится что-то страшное, противное природе. Воины бились с ледяными чудовищами секирами и простыми топорами, нескольких уже удалось разбить в куски, словно ледяные глыбы.

— Ворота! — послышался чей-то крик. Обернувшись, Конан увидел, что главные ворота крепости медленно открываются.

— Скорее закройте ворота! — закричала Альквина. Она стояла рядом с киммерийцем, глаза ее блестели, волосы развевались на ветру.

— Назад в дом! — крикнул ей Конан. — Уж мы одолеем этих ледяных тварей! — Не дожидаясь, пока Альквина уйдет в дом, он бросился к воротам. Пускай они мертвецы — можно убить их и во второй раз. Но пришлось отступить — в воротах уже теснились целые полчища ледяных чудовищ. Они наступали в зловещем молчании, от которого кровь стыла в жилах. У многих не было руки или ноги. На теле каждого зияли страшные раны. В глазницах блестели кристаллы льда. Снег и лед покрывал их бороды, белел в разинутых ртах.

— Это воины Одоака! — воскликнул Конан. — Убитые, которых мы оставили в лесу после сражения!

Конан бросил меч и схватил большой камень — обломок, видимо когда-то свалившийся со стены. Собрав всю силу своих мускулов, Конан швырнул его в ближайшего

из врагов. Мертвец с грохотом рухнул наземь и больше не шевельнулся. Конан оглянулся в поисках другого подходящего камня. И тут он увидел, как здоровяк крестьянин, с которым он недавно мерил сил, крушит ледяное чудовище деревянной дубиной.

Вокруг шло побоище. Воины Альквины пустили в ход все, что могло служить оружием против заледенелых чудовищ. Конан мысленно возблагодарил богов за то, что после сражения в лесу, прежде чем бросить убитых на поле боя, победители догадались забрать их оружие. В этот миг киммериец услышал за своей спиной чей-то крик. Мгновенно обернувшись, он увидел, что одно из чудовищ сжимает в ледяных лапах королеву. Альквины отчаянно вырывались из ледяных объятий. И вдруг она лишилась сознания. Мертвец подхватил ее и вскинул на плечо.

Со сверхъестественной легкостью и быстротой чудовище бросилось к воротам. Другие мертвецы продолжали биться с живыми, хотя было ясно, что у них нет шансов победить людей. В это время сорвался с привязи сбесившийся со страху бык, он поддел рогами одного из мертвецов и бросил его на крышу дома. Конан пустился вдогонку за похитителем Альквины. Мельком он увидел еще, как один молодой парень плеснул на ледяного мертвеца из котла жиром и поджег его факелом.

— Отличная мысль! — крикнул ему Конан.

Мертвец со своей ношей был уже за воротами, на равнине, где высились каменные глыбы. Он бежал в сторону леса, на запад. Конан мчался со всей быстротой, на какую был способен. И сейчас его снова сбивало с толку — как это существо, у которого кровь в жилах превратилась в лед, может бежать с такой немислимой скоростью. Пар от дыхания киммерийца повис в воздухе, точно лента. Его черная грива развевалась на ветру подобно знамени. Всякий обыкновенный человек уже сто раз поскользнулся бы на заледенелой земле или оступился бы, не разбирая дороги в сумраке. Но не Конан! Ведь он вырос в горах. Его глаза различали все в свете месяца так же хорошо, как другой видит окружающие предметы при ярком солнечном свете в полдень.

Ледяное чудовище уже приближалось к Большим камням — огромному кольцу каменных глыб на краю равнины. Оно, казалось, чувствует, что Конан вот-вот настигнет его. Мертвец остановился и обернулся назад. В ту же секунду Конан схватил Альквины и вырвал ее из лап чудовища. При этом часть ее одежды осталась в руках у мертвеца. Конан быстро опустил бесчувственное тело королевы на землю и приготовился к схватке с мертвецом. Вид у того был ужасный — наверное, страшнее всех остальных, потому что голова мертвеца была разрублена вдоль надвое.

Глазные яблоки выкатились из глазниц и повисли над холодными мертвыми щеками — такой силы был смертельный удар, который нанес ему киммериец в лесном сражении.

— Агилульф! — в изумлении воскликнул Конан.

Убитый воин шел на него. Оружия у Конана не было. Он посмотрел, нет ли поблизости подходящего камня. Но ледяные руки уже тянулись к нему. Он схватил руку за запястье и попытался вывернуть ее за спину. Но другая рука мертвеца в это время уже обхватила его поперек туловища. Конан силился достать запястье этой руки. Но ухватиться за гладкую ледяную руку было почти невозможно. «Как хорошо, что я тогда разрубил Агилульфу даже челюсти, — мелькнула мысль. — Не то он загрыз бы меня зубами».

Они отчаянно боролись. Каждый старался схватить противника и задушить насмерть. Мертвец боролся с ловкостью живого человека. Но силой он обладал сверхъестественной. Вдруг он с размаху швырнул Конана спиной о каменную глыбу. У киммерийца посыпались искры из глаз. К счастью, в тот же миг ему явилась спасительная мысль. Здесь нет камня, который можно бросить в мертвеца, — значит, надо попробовать сделать наоборот.

Не прекращая борьбы, они постепенно перемещались все ближе к огромным опрокинутым каменным глыбам. Конану удалось высвободить одну руку. Он тут же схватил Агилульфа за ногу выше колена. Нечеловеческим напряжением сил он сумел поднять мертвеца над собой и швырнул его на камень. Раздался громкий треск костей. Мертвец

скатился в снег и лежал неподвижно. Но лишь какое-то мгновение. Он снова встал на ноги.

Конан опять поднял мертвого врага и с диким пронзительным воплем швырнул о камень. В этот раз треск костей был еще громче, но и теперь Агилульф встал. И в третий раз, в последнем сверхмощном напряжении сил, Конан высоко поднял его над головой. Мертвец был тяжелый, как мешок с камнями. Лишь более или менее целая кожа не давала ему развалиться на куски.

— Умри же наконец навеки! Проклятье Крома на твою голову! — С этим возгласом киммериец в третий раз обрушил мертвеца на камень.

Теперь мертвец остался неподвижным. Даже опытный лекарь навряд ли смог бы опознать в этой гряде ледяных обломков человеческое тело.

— Ну что, Агилульф, — насмешливо заговорил Конан, как только отдышался, — живым ты не смог меня победить. И что же, ты надеялся, что мертвому тебе повезет больше?

— Ты убил его дважды, — сказала Аלקвина. — Зачем же ты еще и издеваешься над ним?

Конан обернулся. Аלקвина стояла возле каменной глыбы, ее плечи вздрагивали.

— Я служил многим правителям, — сказал Конан, — но тебе угодить труднее всего. Ты ранена?

— Все тело болит, но, по-моему, никаких серьезных ран нет. — Она пыталась хоть как-то стянуть на груди порванное платье. Киммериец однако разглядел округлую грудь и стройные бедра. Королева стояла, гордо подняв голову, и, казалось, не ощущала холода. — Я пришла в себя, когда ты первый раз швырнул чудовище на камни. Так что я видела вашу схватку. И теперь я думаю, что правильно поступила, приняв тебя к себе на службу.

— А я уж боялся, что не доживу до того дня, когда услышу такие слова. — Конан ухмыльнулся.

— Работа еще не завершена, воин. Мне кажется, сегодняшнее нападение — только начало большой войны.

— Надо идти, государыня, — напомнил Конан. — Пойдем, вернемся в крепость. Нужно посмотреть, много ли погибло наших бойцов и какой ущерб нанесен хозяйству.

Мы, конечно, отбили нападение мертвых врагов, но это не помешает нам околеть от холода.

— Ты прав, — согласилась Аלקвина. Она была очень усталой, ветер трепал концы ее одежды, обнажая здесь и там белую кожу. Конан сильной рукой заботливо обнял королеву за плечи. Она не сопротивлялась.

Возвращаясь в крепость по залитым лунным светом полям, они еще издали увидели, что во дворе перед домом как будто горит слабый огонь. К счастью, вскоре стало ясно, что это не пожар. Можно было надеяться, что хотя бы сегодня морозной ночью у них будет крыша над головой.

Они вошли в ворота, и тут поднялся громкий крик ликования.

— Мы уже решили, что потеряли тебя, — сказал Рерин. — Все были настолько поглощены борьбой, что только сейчас, когда все наконец миновало, обнаружили твое отсутствие и поняли, что тебя похитило одно из этих ледяных чудовищ. — Голос старика дрожал от волнения и радости. — И тогда мы стали тебя искать, но безуспешно, нигде не было даже следа. Один молодой воин сказал, что видел, как ледяной мертвец потащил тебя с собой, взвалив на плечо и выбежав за ворота. Он видел и то, что следом бросился киммериец. Мы как раз собирались послать вдогонку поисковый отряд.

— Все враги уничтожены? — спросила Аלקвина.

— Да. Это дорого обошлось нам. Каждый мертвец стоит нескольких наших бойцов. Но все враги мертвы — дважды убиты.

— Там, на равнине, возле Большого кольца, лежит еще один. Чужестранец расправился с ним голыми руками. — При этих словах Аלקвины поднялся шум восхищенного изумления. — Принесите и мертвеца с равнины тоже сюда, — приказала королева. — За воротами сложите большой костер. Нам придется сжечь всех мертвецов. Сколько человек мы потеряли за сегодняшнюю ночь?

— Двух воинов, государыня, — ответил Зигтайр. — И трех крестьян. Если бы в самый решающий момент не вступил в бой киммериец, наши жертвы были бы намного больше.

— Да, — равнодушно отозвалась Альквина, — он держался мужественно. Ну, за дело, несите дрова для костра. Я хочу, чтобы мертвецы обратились в пепел, и мы развеем его по ветру.

— Стало теплее, — заметил Конан. По-прежнему дул ветер, но если раньше он был ледяным, то теперь казалось, что он веет теплом.

— И правда. — Альквина обернулась к старому волшебнику: — Что ты об этом думаешь?

— Теперь мне ясно, что замышлял Йильма. С помощью заклинаний он вызвал лютую стужу. Из-за нее мы не смогли сразу же похоронить убитых. И тогда он направил мертвецов против нас, чтобы они напали на крепость и открыли ворота. А в ворота вошли воины Одоака. Вернее сказать, вошли те, кто были воинами Одоака при жизни.

— Давайте сходим в гости к королю Одоаку, — предложил Конан. — Этого подонка, колдуна, я с превеликой охотой задушу собственными руками.

— Нет, сначала надо навести порядок здесь, — возразила Альквина. — Когда вспыхнет костер и мы сожжем мертвых, можно будет поговорить о том, как быть дальше. За дело!

До самого рассвета шла жаркая работа. Женщины наводили порядок в доме. Воины и крестьяне ушли в лес и валили деревья для костра. Запасы сухих дров было решено поберечь на будущее. Но и лесные сосны отлично годились для костра — они еще не отсырели от снега. Запряженные быками и лошадьми телеги свозили лес к крепостной стене. Там, возле ворот, из стволов был сложен огромный костер, сверху дрова полили жиром.

В костер были брошены трупы убитых — и друзей, и врагов. Убитых животных решили сжечь вместе с людьми. Солнце стояло еще высоко в восточной стороне неба, когда костер подожег. В огонь было брошено также оружие убитых воинов — если бы их хоронили в земле по обычаю, то оружие положили бы в могилу.

— Смотрите! — воскликнул Рерин. Языки пламени взметнулись высоко к небу. Волшебник поднял руку и показывал куда-то вдаль. Там, в вышине, кружили две сороки.

Глава пятая

КОЛДОВСКОЕ ИСКУССТВО

— Йильма! Ты подвел меня, — с угрозой в голосе произнес Тотила.

Волшебник только пожал плечами и плотнее запахнул плащ из оленьих шкур.

— Не я подвел, Тотила, а мертвецы.

— От мертвых я не могу требовать многого, — возразил король, едва сдерживая ярость. — Но от моего волшебника я ожидаю результатов, а не пустых отговорок! Сперва ты устроил этот жуткий холод, от которого у меня погибло огромное количество скота и рабов. А теперь, оказывается, твое мертвое войско подвело.

Король и колдун сидели в зале дворца Тотила и спорили. Меж тем воины веселились и пировали, радуясь тому, что миновала внезапно наставшая стужа.

Йильма поднялся с надменным видом:

— Если государь больше не нуждается в моих услугах, то, несомненно, найдется какой-нибудь другой король, который с радостью примет меня к себе на службу.

Тотила пошел на попятный:

— Ах, да нет же, Йильма, садись! Я сказал, не подумав. Нам надо выработать другой, хороший план действий, это же ясно. Но при этом нельзя допустить, чтобы обезлюдела вся моя страна. Хочет того король или нет, он должен заботиться о крестьянских плугах так же, как о мечях. Раньше, когда я командовал отрядом, где под моим началом был всего-то десяток человек, подобные мысли никогда не приходили мне в голову. Но теперь я понимаю, что потеря быков для правителя иной раз так же неприятна, как потеря воинов. Даже рабы имеют определенную ценность. — Тотила беспокойно теребил рыжую бороду унизанными перстнями пальцами. — Как же нам выйти из положения?

— Государь, дай мне поразмыслить об этом, — сказал Йильма. — Мне открыт доступ к некоторым колдовским тайнствам, с помощью которых я, может быть, найду выход. У меня имеется связь с некоторыми могущественными

силами Позволь мне призвать эти силы и посоветоваться с ними. Ты разрешаешь мне удалиться в мою хижину для общения с духами?

— Разрешаю, милостиво кивнул Тотила.

Йильма через весь зал направился к двери. При каждом шаге постукивали и побрякивали подвески на его плаще, люди при виде его умолкали. Потом воины снова начинали бросать кости или возобновляли прерванные состязания в силе. Король Тотила сидел на своем месте и о чем-то мрачно размышлял. То и дело он поглаживал свой плащ скальпы убитых князей и воинов.

В это же время держала совет со своим чародеем и воинами королева Альквина.

— Что нам делать, чтобы защититься от нападения Тотилы? Ясно как день он уничтожит всех нас до единого, если мы не предпримем ничего в свою защиту

— Сколько воинов у Одоака? спросил Конан

Несколько сотен, если он соберет все свое войско, ответила Альквина Больше, чем у нас А почему ты спросил об этом?

Почему бы нам не заключить с ним союз? Объединенными силами вы с Одоаком можете уничтожить Тотилу И от этого выиграли бы и ты и он Киммериец осушил кружку пива и поднял ее, чтобы кружку снова наполнили Как только лютая стужа прекратилась, Альквина распорядилась давать всем еды и питья вдоволь

— Ну нет! Уж я-то знаю, какова цена такого союза! — горячо возразила Альквина Я не лягу в постель этого борова, даже если мне предложат все королевства мира!

Значит, можно считать план похороненным, равнодушно заметил Конан

Тут вмешался Рерин

— Я боюсь, что следующее нападение Тотилы опять будет поддержано искусством его колдуна Да и зачем бы он стал подвергать опасности жизнь своих воинов, если этот негодяй Йильма может сделать вместо них всю грязную работу?

— Существует ли возможность убить этого колдуна? — спросил Зиггайр.

— Я в любую минуту готов заняться этим делом, — сказал Конан. — Вы мне только покажите, где он сидит, этот ведьмак; а уж я о нем позабочусь. В конце концов, ведь должен он иногда спать, как все люди! Вообще-то я никогда не убиваю безоружных. Но тот, кто поднимает мертвецов и натравливает на живых людей, не заслуживает ни сострадания, ни справедливости.

Альквина обратилась к Рерину:

— Что ты думаешь, скажи! Сможет Конан подкрасться к Йильме незаметно и убить его? Это был бы приказ совершить убийство, но я отдам его без колебания.

Старик покачал головой:

— Ни один колдун не достиг бы таких высот в своем мастерстве, как Йильма, если бы не позаботился о своей безопасности. Йильма окружил себя множеством ловушек и особой защитой, которая заблаговременно предупреждает его о грозящей опасности. Вспомните хотя бы о его сороках! Они в любую минуту могут устроиться здесь под сводами крыши и подслушивать наши разговоры. — Все лица поднялись кверху, все глаза с испугом обратились к темным балкам под потолком. — Ничего не выйдет. Птицы или другие существа предупредят его о близости наемного убийцы, как бы тайно, как бы хитро ни действовал наш воин.

— Проклятье Крома на его голову! — Конан с силой стукнул кружкой по столу. — Да ведь они смертные, в конце-то концов! Значит, как-то можно с ним справиться!

Но никто не знал, что ответить киммерийцу.

Йильма появился в этих краях десять лет тому назад, после того как был изгнан из своей родной страны Гипербореи завистливыми соперниками. В то время он мог бы отправиться и на юг, где находились богатые королевства. Колдун погрузился в состояние транса и многое выведал у южных чародеев. Сам Йильма был повелителем волшебных сил, что существуют в лесах и в снегах. Он владел волшебными искусствами севера, где живут Великаны мороза и тумана. Он повелевал духами, обитающими в скалах, деревьях и водоемах. На юге же действовали колдовские

силы столь же древние, но другого рода. Они подчинялись богу змеев Сэту. И потому власть Йильмы в южных странах оказалась бы, видимо, не такой большой. А учиться новым искусствам он был уже слишком стар.

И потому он направился в эту северную страну, раздираемую распрями королей, и выбрал себе такого короля, которым мог вертеть как только заблагорассудится. Ведь Тотила славился силой и неукротимым нравом, к тому же он был еще и хитер — он понимал, что совершенно ни к чему тратить богатства и терять воинов, если можно заставить работать на себя волшебника. Поэтому Тотила был идеальным орудием для выполнения планов Йильмы. Колдун задумал сделать Тотилу величайшим правителем всего севера, и тогда сам Йильма стал бы главным северным волшебником. Чародеи низшего уровня, такие, как Рерин, не могли помешать Йильме в выполнении этого плана, потому что они боялись общения и тем более союза с высшими волшебными силами.

Теперь Йильма, колдун Тотилы, шнырял по лесам и горам. Высоко в небе над ним летели его сороки. Они разведывали местность, чтобы никакой враг не мог незаметно подобраться к волшебнику. Блестящими глазами сороки внимательно осматривали лес. Йильма не обращал внимания на холод и снег, погода стояла самая обычная для зимы на севере. В мешке, который захватил с собой колдун, было немного еды. А много ему и не требовалось. Волшебникам не приходится всерьез заботиться о своей плоти.

На третий день своих странствий Йильма вышел на просторную пустошь. Причудливые растения и скалы не радовали глаз — наоборот. Все здесь было засохшим и уродливым. Йильма являлся на эту пустошь два или три раза в год и собирал здесь растения, какие не произрастали больше нигде во всей стране. Почти все, что росло на пустоши, обладало свойствами, которые Йильма высоко ценил. Но на сей раз он пришел не для того, чтобы собирать травы.

Он шел по пустоши все дальше и дальше, и растительность становилась все более скудной. Наконец исчезли последние травы. Земля дальше была промерзлая и покрытая

трещинами, она напоминала дно высохшего озера. Посреди этой пустыни возвышался округлой формы холм, увенчанный, словно короной, древней каменной стеной. Холм был похож на тот, на котором построила свою крепость Альквина. Опираясь на посох, Йильма поднялся на вершину холма.

Отсюда открывался широкий вид на окрестность. Но Йильма мог видеть только безжизненную пустыню, по которой пришел к холму, ни лесов, ни гор вдали как бы не было видно. Законы обычного мира не имеют силы в тех местах, где живут демоны.

В стене на вершине холма имелся узкий проход. Внутри каменной короны стояла похожая на улей хижина, сложенная из камней. Йильма приказал своим пернатым разведчицам наблюдать за происходящим вокруг и вошел под низкий свод хижины. В ней было темно и пахло чем-то затхлым. Колдун поспешил развести огонь, запалив ветки, которые собрал по дороге. В свете пламени из темноты выступили каменные стены и глинобитный пол. В хижине не было ни мебели, ни домашней утвари.

Йильма стал бросать в огонь мелкие предметы, которые доставал из своего дорожного мешка: кости, перья, комочки засохшей крови, травы и корешки растений, собранные раньше на пустоши... Над очагом поднялся разноцветный дым, он вскоре заполнил всю хижину, поскольку дымохода здесь не было. По непонятной причине дым, однако, не выползал наружу через входную дверь. Йильма глубоко вдохнул едкий пахучий дым и запел песнь-заклинание, раскачиваясь из стороны в сторону. Время от времени он ворошил угли в очаге своим посохом. В такт пению он монотонно встряхивал гремушку, сделанную из пустой высушенной тыквы, которую также принес с собой. Мало-помалу он начал терять представление о времени и пространстве. Хижина и заполняющий ее дым исчезли. Йильма перенесся в мир духов.

Всякий раз он не был уверен, что переход в это удивительное царство произойдет успешно. Мир духов и мир людей не имели четких границ, какими разделены страны и государства в реальном мире. Йильма уже не раз проникал в мир духов через одни и те же ворота, но еще ни

разу не случилось так, чтобы он очутился в том месте, куда попал в прошлый раз.

Сейчас он стоял на бескрайней равнине. Смеркалось. На небе блестели звезды, каких не увидишь в мире людей. В дальней дали выступали силуэты высоких гор, которые, казалось, медленно движутся, и в их движении словно таилась угроза. Йильма сидел на земле и все так же распеваля волшебные песнопения и раскачивался всем телом. Пламя очага пылало перед его глазами и здесь, однако он не видел ни дыма, ни углей.

К Йильме начали приближаться странные создания. Худые тела их казались изможденными, смотреть на них было жутко. Большие горящие глаза блестели в сумраке. Но ни одна из этих тварей не осмелилась ступить в волшебный круг света, исходившего от пламени. Спустя некоторое время эти существа скрылись. Теперь к огню приближилось громадное чудовище.

Это чудовище, направлявшееся по пустынной равнине к волшебнику Йильме, было просто ужасающего вида. Огромное вздувшееся туловище, жабя голова, глаза, пылающие свирепой, поистине демонической злобой. Изъеденная, словно пятнами проказы, кожа была усеяна бородавками гигантских размеров, складки ее висели мешками до земли. Весь вид чудовища внушал отвращение. Оно остановилось перед колдуном и уставилось на него, благоразумно выжидая. Потом демон заговорил свистящим шепотом:

— Чего ты хочешь? — Язык, на котором он говорил, понимали только демоны и немногие колдуны.

— У меня есть враг, — заговорил Йильма. — Еще я желаю, чтобы мой король получил в жены некую известную мне женщину. Ты должен убрать с дороги моего врага. Ты должен похитить женщину, чтобы я мог доставить ее моему королю.

— Эта женщина — тоже королева? — спросило чудовище.

— Да. Но она не тебе предназначена! Ты должен доставить ее сюда, на это место, живой и невредимой. Я требую этого на основании пакта, который мы заключили много лет назад.

Жаба-гигант с нескрываемой ненавистью уставилась на колдуна:

Я выполняю условия пакта. Ну, давай показывай мне все!

Пламя, разожженное колдуном, превратилось в кипящий огненный пруд, размером с тот, что на лесной поляне служил Йильме магическим орудием. В нем начали проступать картины и образы. Первым возник вид с птичьего полета на крепость Альквины и ее дом, который казался крошечным посреди каменного кольца стен на холме, вокруг простиралась усеянная огромными каменными глыбами равнина.

Здесь они живут, пояснил Йильма. — С середины лета королева поселилась среди Камней Мертвых.

Поразительная глупость выбрать для своего жилища именно это место, — прошипел демон. В его лишенных век глазах замелькали коварные злые искорки. На протяжении многих, многих орбитальных оборотов мы чувствуем воздействие странного излучения всякий раз, когда так или иначе соприкасаемся с этим местом.

Языки пламени снова взметнулись ввысь, и в них появился образ Альквины. Королева камбров сидела в своих покоях, она спустила с плеч одеяние, и во всей красе можно было видеть ее руки и грудь. Служанка расчесывала ее великолепные блестящие волосы, ниспадавшие по белым плечам, словно златотканый плащ. Лицо королевы было исполнено задумчивости. Но какие мысли таились за ее высоким челом, оставалось неизвестным. Она что-то сказала, однако не было слышно ни звука.

Королева красавица, если подходить к ней с человеческими мерками, — сказал Йильма. Теперь в пламени показался волшебник Рерин. Старик стоял на галерее, которая проходила с внутренней стороны частокла над крепостной стеной. Вот он, мой враг! Он тоже волшебник, но его искусство в сравнении с моим ничтожно. Кроме того, он ведь не заключал пакта с тобой.

Слабак, прошипел демон со скучающим видом. Но тут к Рерину подошел еще кто-то. Этот человек был высок и крепок, бросались в глаза его иссиня-черные длинные волосы. — А это кто еще?

— Это новый предводитель воинов Аלקвины, — сказал Йильма. — Всего-навсего искатель приключений, ничего не значащая фигура.

Демон взглянул на Йильму с такой злобной ухмылкой, что даже выдавший виды колдун на мгновение почувствовал страх. Жаба ткнула лапищей в сторону черноволосого мужчины:

— Его окружает аура необычайной судьбы.

Йильма вгляделся как можно пристальней, но не заметил ничего необычного. Он пожал плечами:

— Многим при рождении предназначена особая судьба, но большинство так и умирает, не дожив до того часа, когда эта судьба могла бы исполниться.

На картине, явившейся взору в языках пламени, Рерин поднял голову и посмотрел, казалось, прямо на колдуна и демона. Подняв руку, он показывал на что-то вверху. Черноволосый человек тоже посмотрел вверх. Затем он схватил копье, которое стояло рядом, прислоненное к частоколу, и с силой метнул его в небо. Копье полетело напрямик в колдуна. Но в последний момент ракурс вдруг изменился, и копье исчезло из вида.

Йильма усмехнулся:

— Этот глупец Рерин научился проверять, нет ли в небе моих верных слуг.

— Мы схватим их всех, — заявил демон. — Королеву, волшебника и этого черноволосого.

— Волшебника ты должен убить, — потребовал Йильма. — Воин... — он равнодушно махнул рукой, — делай с ним что пожелаешь. А вот королеву ты обязан доставить мне невредимой. Разум ее, пожалуй, пускай страдает от всего, что ей предстоит выдержать в пути. Моего короля интересует в основном ее тело. Она должна сохранить красоту и способность рожать ему здоровых наследников.

— Об этом можешь не беспокоиться, с ее телом ничего плохого не случится, — пообещал демон. — Но мне нужно некоторое время, чтобы направить все в нужное нам русло. Короче, когда ты будешь в состоянии транса, я сообщу тебе о том, что королева у меня и ты можешь ее забрать. Ты пойдешь снова в то место, откуда сегодня

перенесся сюда, в наш мир, и совершишь те же действия, что сегодня. И тогда я передам тебе королеву в соответствии с условиями пакта, который мы с тобой заключили.

— Так и сделаем, — подтвердил Йильма.

Он взмахнул рукой — и пламя погасло. Колдун снова оказался в каменной хижине. Перед ним на земле лежала уже остывшая зола. Снаружи доносился стрекот сорок.

Конан стоял в дозоре и хмуро поглядывал вокруг. Эта равнина внушала ему глубочайшее отвращение. Все было хорошо — с воинами он быстро нашел общий язык, к королеве как к правительнице тоже нельзя было придираться. Но эти каменные глыбы, стоявшие здесь с древнейших времен, своим видом наводили на него смертельную тоску. Мощные каменные столбы — нет-нет, они не могли быть созданы человеческими руками, в этом Конан был абсолютно уверен. Они были слишком громадными, чтобы люди могли установить их даже с помощью каких-то орудий и приспособлений. Холодные, надменные громадины, окруженные безмолвием. Киммериец ни минуты не сомневался, что среди этих камней бродят духи тех, кто их установил здесь. Старик Рерин был с ним согласен, но Аלקвина, выбравшая это место для своей крепости, считала, что кольцо каменных глыб может служить хорошим оборонительным сооружением при защите от врагов, которых было немало.

Тихо падал снег. Над воротами крепостной стены Конан велел соорудить для дозорного маленькую сторожевую башенку. Скорее даже навес на четырех столбах, чтобы укрываться под ним от дождя и снега. Со всех четырех сторон башенка была открытой, и отсюда можно было беспрепятственно следить за подступами к крепости.

Конан услышал чьи-то шаги на лестнице и быстро повернулся. Наверное, кому-то из его товарищей не спится, вот он и пришел скоротать время за разговорами. Как же велико было удивление Конана, когда он увидел королеву.

— Добрый вечер, государыня, — сказал он, вкладывая меч в ножны.

— Ты очень осторожный человек — обнажаешь меч, даже когда кто-то подходит со стороны двора, — сказала Альквина.

— Я потому и дожил до моих лет, что никогда не считал, что если человек подходит ко мне сзади, то он непременно мой друг, — ответил киммериец. — Кроме того, мне столько раз приходилось стоять в дозоре вне очереди, и все из-за того, что я не встречал подобающим образом военачальников, которые проверяли, не спит ли солдат на посту. Я не скоро одолел эту науку, но зато она мне очень пригодилась, когда я служил в армиях южных стран.

— А я вот просто диву даюсь, если оказывается, что дозорные не спят на посту. Приходится по ночам устраивать проверки. А как поступают начальники в южных армиях с дозорными, которые засыпают на посту?

— По-разному. Где сразу тащат на виселицу, где — ограничиваются поркой. Но я не советовал бы тебе применять такие наказания. Северные воины совсем не то, что южные.

— Мне просто не спится сегодня. — Альквина подошла к Конану и встала рядом, облокотившись на деревянную ограду. Она молча вглядывалась в очертания огромных каменных столбов, которые внушали Конану такую тревогу. — Я хотела зайти к Рерину, но он уже лег спать. Ты один не спишь во всей моей крепости.

— Что же мешает твоему сну? — спросил Конан и почувствовал, что начинает злиться. — Пир удался на славу. Я заметил, что и ты выпила пива, прямо скажем, порядочно. Парни храпят себе в доме, отсыпаясь за прошлую ночь. Скотина в стойлах. Мертвецы пока что больше не показываются.

— Не смей говорить со мной насмешливым тоном! У меня есть причина для беспокойства. — Альквина снова обернулась к освещенной луной равнине: — Я чувствую, что там вдали что-то происходит. Конечно, это место совсем неподходящее, не годится тут жить. Лучше было бы обойтись обычными деревянными стенами, какие строили люди испокон веков для своей защиты.

— Теперь поздно что-то менять, не стоит из-за этого беспокоиться, — серьезно сказал Конан. Ему неприятно

было говорить об этой равнине. Хватило с него и одного сражения с ледяными мертвецами. Теперь, когда их нападение было отбито, он надеялся, что больше уже не придется иметь дело со всякой нечистью. Простой, честный бой с Тотилой — да, вот это его устроило бы. Честно сражаться с настоящими людьми настоящим оружием — тут все ясно и понятно, и не играет роли, если перевес сил у противника. — Нам надо продержаться здесь до весны. А весной пошлите меня с отрядом в горы. Я наверняка найду там место, удобное для сооружения крепости и защиты ее от врагов.

— Может быть, весной будет поздно. — Голос Альквины чуть дрожал, но не от холода. — Вероятно, мне все-таки придется пойти на союз с Одоаком.

Конан как ни отгонял эту мысль, а все-таки подумал, что бессонница королевы вызвана отсутствием достойного мужского общества. Определенно, она не выходила зимней ночью из дома ради того, чтобы побеседовать с Зигтайром или другим воином. В отличие от него, Конана, они не обладали таким богатым набором качеств, которые нравятся женщинам. Конан как раз собрался перейти от теоретических обоснований к практике, но тут его замечательный план был расстроен Рерином. Старик, крихтя, взобрался на галерею именно в тот момент, когда Конан еще на один шаг приблизился к королеве.

— Я думала, ты уже спишь, — сказала Альквина и быстро отошла от Конана.

— Я тоже! — буркнул киммериец.

— Мне приснился зловещий сон, — объяснил Рерин. — Я совершенно убежден, что Йильма замышляет против нас что-то недоброе. И потому я решил проверить, хорошо ли несет свою службу дозорный. Тебя, госпожа, я, однако, не рассчитывал увидеть здесь.

— Похоже, эта галерея становится излюбленным местом встреч, — сказал Конан. — Но ведь мы уже несколько дней не видели в небе проклятых сорок. Почему же ты думаешь, что Йильма именно сегодня ночью выкинет какую-нибудь штуку?

— Как раз потому, что мы так давно не видели его птиц, — объяснил старик, досадливо поморщившись. —

Разве у тебя не возникло подозрений из-за этого, а, юноша?

— Чем реже я вижу всяких там колдунов да волшебников, тем мне веселее, — съязвил Конан. — Это же относится и к духам, которые у них на посылах. А мне встречались и куда более опасные существа, выполнявшие задания колдунов, чем сороки. Но все равно, птицы эти, по-моему, зловредные.

— Я тоже почувствовала что-то скверное, — сказала Аלקвина, оставив без внимания колкости Конана. — Какие-то странные тени похитили мой сон.

— Раз уж мы заговорили о снах, — дерзко перебил ее Конан, — где, интересно, моя смена? Мне, между прочим, тоже требуется иногда несколько часов сна — со странными тенями или просто так.

— Пойдем, Рерин! — рассердившись, сказала Аלקвина. — Поговорим в моих покоях, не будем мешать великому герою, который так утомился.

Они спустились вниз. Конан стоял, сложив руки на груди, и мрачно смотрел им вслед.

«Глупости! Есть, в конце концов, и другие женщины. Не у одной ее матери красавица дочь», — подумал он. Век человеческий настолько короток, что на свете полным-полно печальных вдовушек, и многие из них недвусмысленно дают понять, что срочно нуждаются в утешении. Киммериец уже успел наговорить комплиментов здешним красавицам, но Аלקвина задела его за живое по-настоящему.

Разумеется, страна ее была очень мала, однако правила королева успешно, причем всегда ее первой заботой было благосостояние подданных. До сих пор Конану очень редко встречались такие правители. Воины были преданы своей государыне, хотя она вовсе не казалась эдакой воинственной амазонкой. Но главное — Конан находил ее сказочно прекрасной, и он был глубоко уязвлен тем, что она относилась к нему так равнодушно. Понятное дело — королева, конечно же, не снизойдет до того, чтобы всерьез и надолго увлечься каким-то прожженным авантюристом, но разве она не может себе позволить небольшое приключение? А если так, то с кем же, как не с Конаном? Гордость воина была унижена.

Со стороны дома приближался огонек. Значит, королева передумала? Нет, это был Атаульф, шел с горящим факелом сменить Конана на посту. Атаульф, зевая, поднялся по лестнице и лениво потянулся. Потом воткнул факел в жаровню с углями под навесом.

— Ну что, много врагов высмотрел? — сонно спросил он Конана.

— Заткнись! — отрезал тот. — Почему так долго не шел? Я тут задницу едва не отморозил.

— Не сердись, Конан! Я не опоздал. Просто на посту всегда кажется, что твоему сроку конца не будет. Давай отправляйся теперь на боковую!

Конан ворча спустился вниз во двор. Уж он посчитается с этой заносчивой бабенкой — королева там она, не королева... Он задумался о том, кого осчастливить из трех красоток, что строили ему глазки. Нет, ничего не получится — все давно спят, так что охоты до развлечений в этот час ни у кого нет. Да на самом деле гораздо больше его в теперешнем настроении устроила бы хорошая потасовка. Эх, да чего там, лучше всего пойти и лечь спать. Он вошел в дом и пробрался к своему месту возле стены. Но только он снял панцирь и развесил на крючьях оружие, в покоях у королевы у дальней стены дома раздался крик.

— Кром всемогущий! Да что ж это, опять не прилечь?! — Конан схватил свой меч и побежал на крик. Зал освещался лишь слабым огоньком очага. Не тратя времени на извинения и просьбы дать дорогу, Конан подскочил к ковру перед входом в покои Аלקвины и, вспоров его мечом сверху донизу, бросился вперед.

Яркий, неестественной силы свет заливал помещение. Конан потерял способность что-либо различать. Послышалось рычание какого-то зверя и снова — громкий человеческий крик.

— Аלקвина! — крикнул Конан, выхватывая меч из ножен. Свет бил в глаза. — Где ты? — Тут послышался странный певучий звук. В доме поднялся шум, но никто не спешил на подмогу. — Аלקвина! — И вновь никакого ответа.

Свет стал постепенно слабеть. Стихли крики и рычание, но однотонный певучий звук не прекращался. Наконец

Конан снова обрел способность видеть. Все в покоях королевны было разгромлено, мебель переломана, подушки испорчены, словно их рвали чьи-то когтистые лапы. Бревна, из которых была сложена задняя стена дома, оказались прожженными насквозь. В огромную выжженную брешь он увидел следы на снегу.

Киммериец огляделся: откуда идет этот странный звук? И увидел Рерина — с плотно закрытыми глазами тот сидел на полу, обеими руками держа перед собой посох. Вокруг старика клубилось голубоватое облако, которое колыхалось в такт его жалобной песне.

— Хватит завывать, старик! — накинулся на него Конан. — Где Альквина?

Рерин открыл глаза. Пение тут же стихло, облако растаяло. Колдун смотрел на Конана застывшим от ужаса взглядом.

— Демоны! Явились демоны и хотели унести нас обоих! Я произнес волшебное заклинание против них. Меня оно защитило, но я не смог спасти Альквину! — Старик ломал руки в ярости и отчаянии.

— И на что ты вообще годишься? — бросил Конан.

Он подошел к брешу в стене. Концы бревен почернели. Но они не обуглились — они расплавились! Киммериец потряс головой. Как настоящий воин, он не подал вида, что поражен этим сверхъестественным явлением.

— Не может быть, чтобы дерево расплавилось, — сказал он.

— И не может быть, чтобы демоны похищали королев, — сказал Рерин. — И все-таки так оно и есть! В погоню!

Из-за ковра выглядывали испуганные физиономии.

— К оружию! — приказал Конан. — Мы вернем Альквину.

Поскольку снова предстояло сражение с врагами не из плоти и крови, кое-кто из воинов собирался в путь без особого воодушевления. Конан махнул рукой одному из конюхов:

— Эй, оседлай нам двух лошадей, живо!

— Не надо, — остановил его Рерин. — Животные ни за что не подойдут близко к этим чудовищам и даже не

поскачут по их следам. Мы должны преследовать их пешком. И поторопимся — нельзя терять время.

Конан протолкался через толпу в зале к своему месту и надел панцирь и шлем. Вернувшись в покои королевны, он взял старого волшебника за плечо и командовал:

— Вперед! Пошли скорей, колдун, пока след не протылся.

Они выбрались через брешь в стене наружу. Стояла темная зимняя ночь. Следы на снегу принадлежали не человеку, не походили они и на следы зверя, какие Конан знал. Вдруг с крепостной стены крикнул дозорный:

— Там на равнине что-то движется! Они подходят к Большому кольцу каменных глыб! Прямо к середине кольца!

Таща за собой Рерина, Конан зашагал по следу к Большим камням. Здесь, в этих колоссальных каменных глыбах, также было прожжено отверстие с оплавленными краями. От ужаса волосы зашевелились на голове у Конана, но желание спасти Альквину было сильнее страха. Он обернулся к людям во дворе:

— Мы должны вернуть королеву! Кто со мной? — Вперед вышел Зигтайр и еще несколько храбрых мужчин. — Эх, будьте вы прокляты, несчастные трусы! — крикнул Конан остальным. — Ну, вперед! Скорее!

Они прошли сквозь созданный сверхъестественной силой туннель. Следы заметало снегом, но еще какое-то время они могли оставаться различимыми. Мужчины несли факелы и старались подбодрить друг друга.

— По-моему, я больше чем достаточно побегал за этой женщиной по проклятой равнине, — пробормотал Конан. Потом он спросил Рерина: — Какие эти твари с виду?

— Мне не удалось хорошо разглядеть их. Подобные создания не предназначены для жизни в нашем мире, и поэтому они не сохраняют свой облик неизменным в течение длительного времени. Мне казалось, что ростом они со взрослого человека, и вообще у них вроде бы человеческая внешность. Больше я ничего не могу о них сказать.

— Зачем они похитили Альквину? Почему они хотели похитить и тебя?

Вдали высились гигантские камни Большого кольца. Над ними мерцал странный свет.

— Об этом можно только гадать, — сказал Рерин.

— Так гадай! Ты-то им понадобился, наверное, не из-за твоих прекрасных глаз, а?

— Очевидно, это новые козни Йильмы. Тотила желает непременно заполучить Альквину. А я — ее единственный защитник от колдовства Йильмы.

— Препаршивый защитник, если хочешь знать мое мнение, — не сдержался Конан. — Вот с Тотилой я был бы рад повстречаться. Он же сильнее всех своих врагов, и воинов у него предостаточно, так нет, пользуется услугами колдуна. По-моему, он малость зажил на этом свете.

Они приблизились к каменному кольцу и тут увидели возле гигантских ворот, сложенных из трех плоских камней, целую свору странных тварей. Над отвесными каменными столбами, соединяя их, полыхали жуткие мосты огня. Дальше за воротами бушевало огненное море. Над уродливыми головами чудища держали вытянутыми лапами Альквину.

— Она там. — Конан указал концом меча на королеву. — Мы должны освободить ее!

Воины сгрудились за его спиной и вытаращенными глазами в ужасе смотрели на открывшуюся им картину. Ни один не вышел вперед.

Рерин высвободил плечо из сжимавших его пальцев Конана и сделал попытку как-то упрочить свой пошатнувшийся авторитет:

— Я пойду впереди. — Он горделиво поднял голову, почти одолев дрожь. — Следуйте за мной!

Старик вытянул перед собой посох и вступил в круг. Языки пламени кружили вокруг вихрем, но не касались Рерина. Конан не отставал ни на шаг. Сердце его громко стучало. Пламя вдруг приняло вид маленьких страшных тварей с клешнями, когтями и крыльями как у летучей мыши. Они набросились на Конана. Он отбивался мечом, но клинок проходил сквозь тела этих бестий, не причиняя им вреда. Они кружились вокруг Конана с диким хохотом.

— Не трать силы, — предостерег его Рерин. — Эти твари — плод твоей фантазии.

— Так дай мне что-нибудь, что можно разрубить, будь оно все проклято! — Конан был вне себя от ярости.

— Они расплываются, — сказал старик с испугом.

Конан, прищурившись, взгляделся в огонь. За воротами, сложенными из трех гигантских камней, как будто брезжил свет дня. Монстры со своей драгоценной ношей проскользнули в ворота.

Подойдя к воротам, Рерин остановился и сказал:

— Дальше нам нельзя идти. Там начинается страна призраков.

— Клянусь Кромом, я не вернусь в крепость без Альквины! И ты тоже! — Конан крепко ухватил мага за одежду. В правой руке он сжимал обнаженный меч.

И киммериец двинулся вперед, в иной мир.

Глава шестая

В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Конан прошел в каменные ворота и тут потерял вдруг всякую способность ориентироваться. В течение нескольких мгновений, не соизмеримых с единицами времени, ему чудилось, что он летит в зияющую пропасть. Конан подумал, что оказался в бесконечной пустоте между двумя мирами. Он едва не потерял сознание. Из последних сил сжимал он свой меч и край одежды Рерина.

Внезапно это ощущение исчезло, и Конан с размаху ударился пятками о твердую землю. Он тотчас же отпустил старика и, подняв меч, бросился вперед, чтобы уничтожить врагов, которые тут могли оказаться. В голове у него уже прояснилось. Никто, однако, не нападал.

— Альквина! — крикнул он. Ответа не последовало.

В ярости Конан побежал вперед, стараясь обнаружить следы демонов, похитивших королеву. Нигде ничего. Он спохватился, что надо спросить волшебника, — быть может, он сумеет дать объяснение всем этим непостижимым вещам. Рерин, оглушенный, сидел на земле.

Возвращаясь назад, к Рерину, киммериец огляделся по сторонам.

Вместо темной зимней ночи, из которой они пришли сюда, вокруг разливался на удивление тусклый дневной свет. Конан помог старику подняться и сказал робко, что было ему совсем не свойственно:

— Извини, что я так грубо тебя схватил, старина. Я думал, если мы поторопимся, то, может быть, еще успеем спасти королеву.

— Понимаю. — Рерин расправил складки своего одеяния. — Мне кажется, за нами больше никто не последовал, или я ошибаюсь?

Конан взглянул в сторону ворот. Отсюда открывался точно такой же вид, как с равнины, но здесь оказалось, что ворота стоят на лесной поляне. За воротами был виден лес.

— Никто, — ответил он. — Меня это не удивляет. Уже то, что они вообще прошли с нами так далеко, говорит о мужестве наших парней. Легче ведь найти себе нового правителя, чем решиться войти в страну демонов.

— Но ты-то решился, — заметил Рерин.

— Я хочу вернуть ее, — уверенно сказал Конан.

— Ты храбрее большинства мужчин.

— Может быть, — кивнул Конан. — Но я тоже, как и все остальные, испытал сильный страх.

— Тот, кто способен преодолеть страх ради служения своему повелителю, — герой. Аלקвина действительно в тебе не ошиблась.

— Настанет время, когда я заслужу и награду, — хмуро сказал Конан, которому наскучили долгие разговоры. — Похитители были всего в нескольких шагах впереди, когда вошли в ворота. Почему же теперь их тут нет?

— В мире призраков действуют свои законы, не те, что у нас. Может быть, похитители очутились в каком-то другом месте. Нам посчастливилось — мы с тобой оказались здесь вместе.

— Скоро узнаем, посчастливилось ли. — Конан снова огляделся вокруг. — Что же это за страна?

Поскольку речь идет о стране призраков, то вид у нее был вполне соответствующий. Конан и Рерин стояли на

лесной поляне, окруженной холмами. Свет голубого неба был немного необычным. Небо было более ярким и как бы более близким. Кроме того, его словно бы заволгло, — было пасмурно, и все выглядело так, будто они находятся под водой. В тумане плавали какие-то призраки, но пока что угрозы от них вроде не было.

— Здесь как в море, — сказал Конан. — Как в Куше, если смотреть в море под водой через хрустальные наглазники, которые надевают чернокожие ловцы жемчуга.

— Если позволишь заметить, нам в самом деле посчастливилось, — сказал Рерин. — По-моему, мы в стране призраков. Дело в том, что в мире духов, как и в мире людей, существует множество стран. В состоянии транса я побывал во многих из них, но ни в одной — наяву. В иных странах человек мгновенно теряет рассудок. Эта страна, к счастью, приемлема для жизни. Мы попали сюда через ворота, которые расположены в северной части мира людей. Место, где мы сейчас находимся, более или менее похоже на северные области земли. Если бы мы прошли через ворота, которые находятся в Куше, то очутились бы, пожалуй, в каких-нибудь джунглях. Но есть места и похуже, чем джунгли мира духов.

— Ну а возможность вызволить отсюда Аלקвину — есть? — спросил Конан, чтобы не дать возможности волшебнику слишком отвлечься.

— Наверное. Но нужно время. И еще целый ряд магических веществ. Растения нужны, минералы. Будем надеяться, что они здесь найдутся.

— Время, похоже, у нас есть. Вещества найдем, если они здесь имеются. Ну а потом ты сможешь доставить нас обратно в настоящий мир?

— Да. Через ворота, такие же, как эти. Но это должно произойти в строго определенное время и...

— Хорошо. — Конан отсек лишние объяснения. — Здесь есть люди? — Он посмотрел на какое-то существо, которое летело по воздуху на крыльях, состоящих, казалось, из тонких перепонки, и не обращало внимания на прищельцев.

— Что-то вроде людей... Я видел их, когда находился в трансе. Это не настоящие люди, как ты или я... Они...

— Сколько времени нужно тебе, чтобы узнать, где мы должны разыскать Альквину?

Старик огляделся вокруг:

— Некоторые необходимые мне растения здесь растут. Другие, наверное, тоже найдутся где-нибудь неподалеку. Потом мне надо будет развести огонь, совершить определенные действия, потом еще волшебные заклина...

— Разбуди меня, когда что-нибудь узнаешь. — Конан снял шлем и панцирь и улегся на землю. Спустя миг он уже крепко спал.

Рерин удивленно покачал головой. Даже во сне киммерец не разжал пальцев, стиснувших рукоять меча.

Конан проснулся оттого, что старик тронул его за плечо. Рерин отпрянул — Конан с молниеносной быстротой вскочил на ноги и обнажил меч.

— Да ведь это я, Конан! Я установил, в каком направлении нам надо идти на поиски Альквины. Довольно неопределенно, но все же нам не придется бродить без толку.

— Хорошо, — сказал Конан. Он вложил меч в ножны и надел панцирь и шлем. — По крайней мере здесь не очень холодно.

Погода стояла такая, какая бывает в мягкие весенние дни на севере: холодно ровно настолько, чтобы напоминать о том, что зима еще не распрощалась насовсем. Конан сложил свой плащ и перекинул его через плечо. Жизнь бросала его в разные необычайные земли. Это неотъемлемо от жизни, если она — одно сплошное приключение. Теперь он опять очутился в необычайном месте, но и здесь киммерец был готов идти своим собственным путем.

— В путь! На поиски Альквины! — скомандовал он.

На какое-то время Альквине показалось, что она лишилась рассудка. Вот только что она сидела в своих покоях и спокойно беседовала со старым Рерином. И вдруг бревенчатая стена начала плавиться, и в ослепительном свете ворвалась свора страшных демонов. Как в кошмарном сне, уродливые твари схватили ее своими лапами. Она рассчитывала позвать мужчин на помощь своим обычным властным голосом, но вместо этого пронзительно закричала.

Когда они потащили ее прочь, она успела услышать голос Конана. А потом ее закружило вихрем всевозможных звуков и образов, и теперь она окончательно потеряла способность ориентироваться.

Она в смятении огляделась по сторонам. Где она? В первую минуту она даже боялась вдохнуть — воздух вокруг с виду был плотным, как вода. Но, осторожно вдохнув, она с облегчением почувствовала, что воздух самый обыкновенный. Может быть, что-то случилось с ее глазами? Но нет, все близкие предметы она отчетливо различала. К несчастью! Потому что теперь она увидела все ужасающее безобразие своих похитителей.

Они отдаленно напоминали изможденных людей, вернее, казались непристойной карикатурой на человеческий образ. Все были разные. На мордах у них были клювы, как у попугая, а вместо зубов — щупальца, пасти их сейчас были разинуты от безумного хохота. Большие выпученные глаза без век, и в каждом глазу по два зрачка. Руки со множеством пальцев покрывала серая грубая и чешуйчатая кожа. А запах! Он был еще более гнусным, чем их облик. Чудовища положили Альквину на землю и теперь, видимо, держали совет. Они следили за ней настороженно, однако ничего угрожающего в их поведении пока не было.

Альквина села и огляделась. Удивительная была здесь трава! Сине-зеленая, очень короткая и упругая. Альквина никогда не видела такой травы. Некоторые деревья показались ей знакомыми, у других же были кроны как будто из перьев и витые стволы. Над деревьями летали пестрые птицы, в страхе спасаясь от похожего на земноводное чудовища с перепончатыми крыльями. Во всяком случае место, куда попала Альквина, не имело ничего общего со странами севера. Было холодно, но совсем не так, как в стране, откуда ее похитили.

Серые чудища увлеченно спорили и вскоре совсем перестали следить за Альквиной. Они квакали и пищали, многопалые лапы бурно жестикулировали. По их поведению Альквина догадалась, что чудищам это место также незнакомо и они стараются не привлекать к себе внимания. Но кого или чего они боятся? Как бы там ни было, следовало

полагаться на то, что враг врагов королевы окажется ее другом.

У нее не оставалось сомнений, что все происшедшее подстроил своим колдовством Йильма по указке Тотилы. Что же будет дальше? Она не знала. Знала она только то, что рассчитывать может лишь на себя. Ни один из воинов не последовал сюда за нею. Да и как бы они смогли? Альквина силилась перебороть нахлынувшее чувство безнадежности. Нет, она ведь королева и не имеет права вести себя как какая-нибудь забитая кухарка! Прежде всего ей надо бежать от этих невыразимо отвратительных чудищ.

Вдали за вершинами деревьев в сумраке виднелись горы. На склоне ближней горы стоял дом, но если это дом, то он был невероятных, огромных размеров. И в нем наверняка живут великаны, такие же огромные гиганты, как те, что когда-то построили стены на равнине, где стоит ее собственная крепость. Бежать к этому дому было бы глупостью, подумала Альквина.

Но сейчас был самый подходящий момент для побега! Похитители по-прежнему горячо спорили и были озабочены, похоже, не столько наблюдением за пленницей, сколько собственной безопасностью. Альквина осторожно подобрала под себя ноги.

Как только визг и кваканье в очередной раз возвысились до пронзительнейших нот, Альквина вскочила и бросилась бежать. Позади послышались ужасные вопли, но она не обернулась. Она бежала в сторону леса. Вот голоса ее преследователей сделались громче. Что-то уцепилось за край ее шубы. Она вырвалась и помчалась что было духу. Обеими руками она придерживала подол платья, путавшегося в ногах, но сбросить платье не могла, потому что при одевании и раздевании ей всегда зашнуровывала платье служанка.

Наконец она оказалась под защитой деревьев. Она надеялась, что в лесу демоны потеряют ее из виду. До сих пор они вели себя очень умно. Как преследуемая охотниками косуля, королева, не разбирая дороги, бежала по лесу. Чем гуще становился подлесок, тем пронзительнее и истощенней визжали демоны.

В лесу было темно и страшно, но Альквина не позволила себе бояться еще и леса. Голоса преследователей стали тише, однако она не замедлила шаг, хотя уже задыхалась. Она перебралась через ручей, воды которого текли удивительно медленно.

На берегу она без сил повалилась на землю под высоким растением с золотыми мясистыми листьями и в изнеможении прижалась к его стволу. Как ей казалось, она оторвалась от погони настолько, что преследователи не могли увидеть, куда она спряталась. Нервы Альквины были напряжены до предела, она с усилием вслушивалась в тишину, боясь услышать шум погони. Но лишь раз донесся какой-то хлюпающий звук, а больше не было ничего, кроме обычных для леса шорохов.

Она очнулась от полудремы, разбуженная звуком тихих шагов чьих-то больших осторожных ног. Она не знала, как долго пролежала вот так, почти без сознания. Сумрак сгустился. Альквина все еще не пришла в себя, ноги и руки у нее были словно свинцом налиты. Наверное, это последствия пережитого шока. От цветов растения, под которым она пряталась, исходил густой аромат. Она хотела отвести от лица ветви с листьями, но не смогла поднять руку. И Альквина с ужасом увидела, что крепко прижата к земле побегами дерева, спускавшимися сверху, как воздушные корни. И теперь ее глазам открылось жуткое зрелище: всюду под деревом лежали кости зверей!

Стараясь не шуметь, она начала бороться. Зеленые оковы понемногу ослабели. Оказалось, что тонкие, как волос, корешки проросли даже сквозь ее платье. Отрывать их было больно, на коже оставались раны. Альквина возблагодарила Имира за то, что чьи-то шаги разбудили ее, прежде чем растение-убийца ее погубило.

С трудом разорвав последние лианы, она ползком выбралась из-под дерева и некоторое время лежала, тяжело дыша, не в силах пошевелиться.

Темнота быстро сгущалась. Постепенно исчезло одурманившее Альквину воздействие ядовитых цветов. Вскоре погас последний солнечный луч и воцарился сумрак, мерцающий, как перламутр. Но что же это за место? Альквина боялась демонов, боялась жителей этой страны, боялась

зверей, но разве могло прийти ей в голову, что следует остерегаться даже растений? Лишь теперь она по-настоящему осознала всю глубину своего одиночества и всю опасность положения. Никогда раньше она не была так одинока. Она дрожала, и не только от холода. Куда идти? Силы ее были на пределе, но она боялась заснуть хотя бы ненадолго.

Она с трудом поднялась на ноги и оглядела себя. Отороченное мехом платье было порвано и обнажало тело гораздо больше, чем это подобало благородной даме-северянке. Нежная кожа покраснела, кровоточили многочисленные мелкие раны. «Хорошо еще, что здесь не очень холодно», — подумала Альквина.

Над вершинами деревьев поднялась луна, и стало светлее. Луна была почти такая же, как та, которую знала Альквина, только намного больше и зеленоватого цвета. Альквине раньше никогда не случалось очутиться так далеко от дома, однако она знала, что раз на небе луна, значит, она в какой-то земной стране.

Демонов нигде не было ни слышно ни видно. Запаха их также не ощущалось. Куда же ей идти, в какую сторону? Она выбрала наиболее удобный путь — вниз по склону, вдоль берега ручья. Стояла тишина. Лишь изредка плескалась в воде рыба.

Через некоторое время она вдруг заметила, что ручей этот — какой-то странный. Она остановилась и бросила на воду светлый листок. Так и есть — вода в ручье текла не вниз, а вверх по склону! Ни один человек, как бы много он ни путешествовал по свету, не рассказывал, что видел подобное.

Едва не падая от усталости, Альквина побрела дальше. В конце концов она начала засыпать на ходу — она споткнулась и с размаху ударилась о ствол дерева. Было ясно, что нужно хотя бы немного отдохнуть. Но где найти безопасное место? Она вышла на поляну. Здесь не росло ничего, кроме короткой травы. Отойдя на самую середину, как можно дальше от деревьев и кустов, она улеглась. Из-за усталости она не почувствовала ни холода, ни неудобства. Темные крылья сна милостиво опустились над нею.

Альквина проснулась. Все тело болело, ноги ныли, было холодно. Но она отдохнула и вновь обрела способность ясно мыслить. После такой ночи благородная дама родом из цивилизованной страны или умерла бы, или по крайней мере очень ослабела, но в суровых северных землях даже королевы были закаленными, как сталь.

Альквина огляделась и тут с ужасом увидела, что совсем рядом с нею стоит невысокое дерево. Когда она устроилась здесь, чтобы поспать, никакого дерева не было. А сейчас оно стояло в двух шагах от нее, из земли тянулись мощные корни. Альквина взглянула внимательнее — да, корни медленно, почти незаметно движутся. С ветвей свисали длинные, покрытые шипами лианы, относительно предназначения которых у Альквины не было сомнений.

Она поскорее встала и зашагала прочь от опасного дерева. Теперь, при свете дня, она увидела, что находится у подножия горы. Выше на склоне стоял огромный дом, который она заметила еще раньше, когда была пленницей демонов. Но ведь это невозможно! Дом был так далеко! За прошедшее время она не могла одолеть даже часть такого большого расстояния. Или это просто похожий дом и стоит он на другой горе? Альквина ведь не сомневалась в том, что, бросившись бежать от демонов, устремилась не в горы, а как раз в противоположную сторону. Еще одна загадка! Но она решила пока не задумываться об этом. В любом случае подходить близко к этой крепости не следует. Вид ее не сулил ничего хорошего. У Альквины не было ни малейшего желания познакомиться с обитателями столь мрачного жилища.

Солнце, имевшее самый обыкновенный вид, согрело Альквину. Ей очень хотелось есть. Но что же здесь съедобно? Здесь, где растения способны передвигаться и пожирать живые существа, невозможно было угадать, что ядовито, а что нет. Для охоты у нее не было оружия, ставить ловушки она не умела. Удиль рыбу нельзя без удочки, сети или хотя бы веревки и крючка. Альквина могла стойко переносить лишения, но без еды она быстро ослабнет. И тогда искать пропитание будет еще сложнее. Но главное — тогда сама она легко может стать чужой добычей.

После долгого утомительного перехода она достигла подножия горы. И тут услышала позади себя страшный шум. Кляня себя за то, что беспечно прошла напрямик через большую поляну, а не по краю леса, она бросилась под деревья на другой стороне поляны. Деревья были опасны, но все-таки вряд ли они способны гоняться за убегающей жертвой. Послышался стук копыт. Прямо к ней мчался охваченный паническим страхом конь с рогами в форме лиры. Бока у него были в бурых и белых пятнах. Он несся прямо на королеву, но она успела заметить, что этот зверь с вращающимися глазами ничего вокруг не видит. Ей это было знакомо — загнанный охотниками обезумевший зверь.

Не успела она спрятаться под деревьями, как на поляну вылетели охотники. Бежать уже не имело смысла. Альквина гордо подняла голову и ждала. Охотники имели вид людей и скакали вроде бы на лошадях, но полной уверенности в этом у Альвины не было. На всадниках были фантастические пестрые одеяния из кожи, материи и перьев. Лица скрыты масками. На лошадях, если это лошади, — шелковые чепраки. И еще у лошадей были головные украшения в виде оленьих рогов и какие-то другие, ни на что не похожие. Вообще из-под чепраков виднелись только копыта, и они были как настоящие конские копыта, но разноцветные. Один из всадников поднял небольшой лук — оперенная стрела вонзилась в бок зверя с рогами в виде лиры. Он пошатнулся и повалился наземь в нескольких шагах от Альвины. Всадники подъехали и окружили ее. Говорили они на языке, похожем на щебет птиц. Кто-то, кажется, обращался к ней.

Альквина покачала головой:

— Не понимаю.

Всадники как будто удивились. У того, кто заговорил с Альвиной, на лице была маска в виде головы ястреба. Теперь он поднял ее на лоб, как забрало шлема. У него оказалось лицо цвета слоновой кости и волосы словно серебряные нити. Вместо глаз — лишенные выражения серебряные шарики.

— Ты пришла из мира людей? — спросил он и улыбнулся. Стали видны ровные белые зубы.

— А разве есть какой-то другой мир?

Видимо, они нашли этот вопрос чрезвычайно смешным, потому что поднялся громкий хохот. Смех был тонкий и пронзительный. Теперь и другие сняли маски. Все они были похожи между собой, как братья и сестры. Очевидно, среди них были и женщины, но об этом было трудно судить из-за пышности и просторности их нарядов.

Из лесу выбежали маленькие, похожие на карликов человечки, однако всадники не обратили внимания на их появление. Карлики и не взглянули на Альвину, а принались свежевать убитого зверя.

— Кто ты такая? — спросил главный всадник.

— Я — Альквина, королева камбров, — гордо ответила она. И снова все засмеялись.

— Что это за камбры? — полюбопытствовал другой.

— Камбры — мои подданные, мой народ. Мне не известно, ни в какой я стране, ни как я сюда попала, но я должна вернуться домой. Прошу оказать мне гостеприимство, пока я не найду дорогу назад. — У нее не было ни малейшего представления о том, кто такие эти всадники, но их платья и убранство коней свидетельствовали о том, что охотники — особы благородного происхождения. Гостеприимство люди высокого положения во всех странах считали своим долгом, — во всяком случае, в тех странах, о которых Альквине доводилось слышать. Она думала, что закон гостеприимства и здесь — закон.

Станные охотники посоветовались на своем птичьем языке, и тот, кого она считала главным, сказал:

— Ну ладно. Ты будешь нашей гостьей. Можешь сесть на моего коня.

— Благодарю. — Она хотела сесть на коня за спиной всадника.

Этот всадник был не очень высок и довольно щеделушен, но обладал нечеловеческой силой. Он подхватил Альвину и легко, как перышко, усадил на коня перед собой.

Карлики с невероятной быстротой разделали тушу и уже уносили ее по частям. Один нес рога, другой шкуру. На поляне они оставили только копыта и внутренности.

Охотничья ватага поскакала по широкой дороге, ведущей в гору. Альквина сидела расправив плечи и старалась сохранять независимый вид. Ей было стыдно за

свое разорванное платье, едва прикрывавшее наготу. Но она не пыталась как-то поправить его, потому что эти усилия только ухудшили бы дело.

— Кто ты? Какое имя носит твой народ? — спросила она всадника, с которым ехала.

— Меня зовут Хаста. Мы — геты, правители этой страны, Страны призраков.

Название страны было очень странное!

— Откуда ты знаешь мой язык? — спросила Альквина.

— Многие из нас владеют языком людей. Все, кто занимается великими искусствами, должны знать язык людей. — И как бы в подтверждение его слов, к ним обратился другой всадник, догнавший их. Он был похож на Хасту, но заговорил, как показалось Альквине, женским голосом:

— Вероятно, ты попала в беду, моя дорогая. Я дам тебе в замке подходящую одежду.

— Альквина, — сказал Хаста, — это моя сестра Сарисса. Она достигла совершенства во многих искусствах.

Дамы улыбнулись друг другу. Альквине улыбка Сариссы чрезвычайно не понравилась, но, с другой стороны, она ведь никогда раньше не видела таких лиц, как у этих двоих. Может ли она верно судить об их выражении?

— А вот и наш дом! — Хаста небрежно взмахнул рукой.

Альквина подняла голову и, к своему несказанному удивлению, увидела тот самый огромный дом, куда ни при каких обстоятельствах не хотела попасть. Он был построен из зеленовато-черного камня. Но Альквина нигде не обнаружила ни швов, ни кладки, — казалось, здание вырублено из цельного куска камня немислимых размеров. Двери и окна были разбросаны по фасаду без всякого порядка, и их очертания словно бы расплывались. Альквине подумалось, что, должно быть, эта крепость построена не человеческими руками, а выросла из-под земли.

Они проскакали под сводом колоссальных ворот, в которых всюду были вырезаны в камне странные, пугающие своим видом фигуры. Альквина поспешно отвела глаза. Они остановились, и сразу подбежали карлики и подхватили поводья коней.

Альквина ожидала увидеть двор, но из ворот они верхом проскакали прямо в зал небывалых размеров и освещенный только светом, падающим через узкие окна под потолком. Вся крепость Альквины могла бы разместиться в этом зале.

Сарисса повела ее по лестнице наверх, затем в широкие двери. Каменный свод покоился на плечах гигантов, лица этих каменных исполинов были искажены страданием, тела согнулись под чудовищной тяжестью. В своей массивности и громадности замок казался зловещим и мрачным.

Сарисса взяла Альквину за руку и вела все дальше через покои, украшенные великолепными мозаиками и полные драгоценной утвари. Они подошли к деревянной двери, также украшенной изумительной тонкой резьбой. Створки распахнулись, хотя ни человек, ни карлик к ним не прикоснулся.

Сарисса прошла вперед и стала снимать с себя пестрый кожаный наряд.

— Входи же! Здесь наша купальня. — Она проводила Альквину в помещение, полное благовонного тумана. Посредине был бассейн с водой. Здесь, как и везде в замке, было тепло, однако огня Альквина нигде не заметила.

Сарисса сняла верхнее платье. Теперь Альквина увидела, что, несмотря на внешнее сходство с братом и всеми остальными охотниками, Сарисса была женщиной. На ней осталось лишь что-то вроде упряжи, состоящей из кожаных ремней и колец, к которым прикреплялось платье. Все было открыто. Все признаки женщины благодаря этим хитроумным конструкциям лишь подчеркивались. Тело Сариссы было таким пышным, что Альквина рядом с ней сама себе показалась маленькой девочкой.

— Снимай-ка это тряпье, моя дорогая, — сказала Сарисса и тут же начала стаскивать с Альквины, дрожавшей всем телом, то, что когда-то было платьем. — После ванны ты сразу почувствуешь себя лучше.

Альквина медлила. Дома они мылись в маленьком помещении, где были раскаленные камни, ведра холодной воды и жесткие щетки. Все свободные женщины всегда мылись вместе, поэтому нагота Сариссы Альквину не смущала. Но странно было то, что ей предлагали целиком окунуться в воду.

Сарисса расстегнула последнюю застежку своей сбруи. Теперь она горделиво стояла без единой нитки на теле. Она так явно гордилась своими пышными формами, что Альквине захотелось показать, что и она сложена не хуже. Но вдруг на нее напал необъяснимый страх. Она посмела только робко протянуть вперед дрожащую руку. Сарисса с жестокой усмешкой схватила ее, как хищник добычу, и повела Альквину вниз по ступеням к бассейну. Едва теплая вода коснулась ног Альквины, разом перестали болеть все ссадины и раны, оставшиеся после борьбы с корнями дерева-убийцы. Приятное ощущение тепла вытеснило все мысли. Никогда еще Альквина не чувствовала себя так хорошо. Она сидела на каменной скамье, по шее погрузившись в теплую воду.

Потом Сарисса хлопнула в ладоши. Умиротворенное состояние Альквины не было нарушено даже тем, что в купальню вдруг вошли мужчины и женщины, одежда которых состояла лишь из шелковых набедренных повязок. Они несли золотые и серебряные подносы. Один из мужчин подал Альквине бокал с красным вином. Когда он поклонился, она заметила, что шея его охвачена широким железным кольцом — такие ошейники на севере надевали рабам.

— Это слуги? — сонным голосом спросила Альквина.

— Рабы. Наши игрушки. Служат для обеспечения удобства и для развлечений.

Альквина увидела, что спина одной прелестной девушки исполосована красными рубцами — следами плетей. Она показала на них:

— Они часто позволяют себе дерзости?

Сарисса пожала плечами:

— Наверное. Но может быть, просто кто-то захотел развлечься бичеванием. — Она отпила глоток вина. — Может быть, даже я сама. Не помню.

В другое время подобное признание привело бы Альквину в ужас, но сейчас, как ни странно, она даже не очень удивилась. Она подняла над водой ногу. Кожа снова стала нежной, раны почти полностью исчезли. Она не замечала, что все поглядывают на нее с улыбкой. Потом она принялась за лакомства, которые принесли рабы. Весь мир ви-

делся ей в розовом свете. Никогда в жизни она не испытывала такого блаженства.

Обе женщины вышли из бассейна. Рабыни вытерли их мягкими пушистыми простынями. Подобная роскошь Альквине даже не снилась. Вот так и только так должна жить настоящая королева! Да как же она раньше обходилась без всех этих вещей? Не одеваясь, они перешли из купальни в спальные покои Сариссы. Кровать здесь была больше, чем вся спальня, в которой дома спала Альквина и две ее служанки.

— Теперь мы оденем тебя подобающим образом, — объяснила Сарисса и обрушила на головы рабынь целый поток приказаний на своем языке. Рабыни принялись открывать сундуки и комоды, приносить драгоценные камни, шелковые шали, румяна и помаду.

Под наблюдением Сариссы они одели Альквину, нарумянили ее лицо, покрыли ярким лаком ногти, подкрасили красным губы. Ее шею увешали цепочками, на руках и ногах заблестели браслеты. Вокруг пояса замкнули золотую цепь с драгоценными камнями. Все вещи были очень искусной работы, дорогостоящие и ничуть не похожие на тяжелые и грубые северные украшения.

— Ну вот, полюбуйся, моя дорогая. — Сарисса, сама так и не одевшись, подвела ее к высокому зеркалу.

Альквина изумилась, увидев, как преобразилась ее внешность.

Драгоценности и краски поразительно оттенили ее красоту. Но чего-то не хватало. Словно во сне, она поняла, что осталась голой — ничего, кроме цепочек, бус и крупного рубина в пупке, на ней не было. Украшения, казалось, были нарочно подобраны так, чтобы выигрышно подчеркнуть все округлости ее тела. Впечатление наготы было более сильным, чем если бы она просто осталась голой. Каждая пядь ее тела словно бросала бесстыдный вызов.

— А платье мне дадут? — испуганно спросила Альквина.

— Незачем. Не хватает лишь одного... — Сарисса взяла из рук раба какую-то вещь и надела ее на шею Альквины. Королева воспринимала все происходящее настолько замедленно, что прошло немало времени, прежде чем она, с

широко раскрытыми от ужаса глазами, наконец поняла, что это — железный ошейник.

— Моя новая игрушка, — засмеялась Сарисса.

Глава седьмая

АДСКИЙ СКОРПИОН

— Как можешь ты в этой проклятой стране быть уверенным, что мы идем в правильном направлении? — спросил Конан. Уже три дня они со старым волшебником странствовали в мире призраков. Киммериец был окончательно сбит с толку постоянно меняющимся характером местности с ее расплывчатыми чертами.

— Первый урок мира призраков: никогда не доверяйся своим органам чувств, — ответил Рерин. — Голоса деревьев и зверей говорят мне о том, где мы находимся и куда должны идти.

— Этим-то деревьям я не поверил бы, даже если б они сказали мне, что меня зовут Конан. Впрочем, я не понимаю их языка. — Конан со злостью обрубил мечом торчащую на пути ветку. — Деревьям, которые пожирают людей, нельзя доверять!

Рерин засмеялся, что с ним бывало редко:

— Разве это так уж необычайно, если деревья пожирают людей? Ведь в этом мире, откуда мы пришли, люди питаются растениями. Так почему бы этим зеленым созданиям не поступать так же?

— Это против природы, — заявил Конан. — Я допускаю существование зверей, которые питаются людьми. Каннибалы мне тоже встречались. Но растения должны стоять на месте, корнями в земле, а не гоняться, как охотники, за своей жертвой.

Они не спали уже несколько ночей, чтобы избежать встреч с опасной растительностью этой страны изменчивых форм.

— Здешние звери намного хуже, — предупредил Рерин. — Удивительно, что до сих пор мы их почти не встречали.

У Конана подвело живот от голода.

— Лучше бы уж встретили. Ни лука, ни копья у меня нет, но я уже так проголодался, что и мечом уложу оленя.

Погода, по сравнению с севером, стояла теплая, и Конан снял с себя все, кроме куртки из волчьей шкуры и коротких штанов; вещи он завернул в плащ и нес за спиной. На поясе у него висели меч и кинжал.

Они шли на закат солнца — какой бы стороне света он в этом мире ни соответствовал. Вскоре впереди открылось глубокое ущелье. Река на его дне текла в гору. Такое они уже не раз видали. Однажды они вышли на берег реки, вода в которой бежала у одного берега вверх, а у другого — вниз по склону горы. Конану привелось путешествовать во множестве удивительных стран, но ни одна из них не была столь необычайна, как эта.

— Тихо! — шепнул Рерин.

Конан прислушался. Какой-то шорох, как будто кто-то ползет. Зоркие глаза Конана различили какое-то движение над склоном холма, с которого они только что спустились. Там словно бы показалась чья-то чешуйчатая спина — громадный зверь шел по ту сторону холма. Длиной он был никак не меньше половины мили.

— Кром! Что это было? — спросил Конан, когда спина чудовища скрылась из виду. — По-моему, прародитель всех ползучих гадов.

Рерин покачал головой:

— Я не могу сказать точно, но мне кажется, это не здешнее животное. Даже представить себе не решаюсь, кто или что могло призвать его сюда.

— Значит, наше счастье, что мы спустились в ущелье. Если б мы шли медленнее, он нас заметил бы. Если у него есть глаза. А вдруг еще много таких тварей? Тогда, пожалуй, дела наши не блестящи.

— Пожалуй! Нам грозит смертельная опасность! С той самой минуты, как мы покинули мир людей.

Из кустов вдруг с шумом вылез новый зверь. Он был похож на свинью — длинное рыло, короткие ноги с копытами. Подслеповато прищурившись, он смотрел на людей и раздувал ноздри, втягивая незнакомый запах. Конан, не теряя времени, поднял с земли камень и метко швырнул

его в зверя. Получив удар между глаз, тот мертвым упал на землю. Конан ухмыльнулся:

— Вот и наш ужин! — Он вытащил свой кинжал и подошел к зверю.

— Простым камнем ты владеешь не хуже, чем мечом, — заметил Рерин.

Конан разделявал тушу свиньи.

— Киммерийским парням самим приходится заботиться о своем пропитании чуть не с того времени, когда они научатся ходить. А я много ночей скоротал в горах, сторожа стада нашего клана. В те голодные ночи ни заяц, ни олень не ускользали от меня, если оказывались в пределах броска камнем. С пращей получается лучше, но в крайнем случае и без нее можно обойтись.

— И я в этом убедился. Сейчас разведу костер, хоть это и может привлечь к нам внимание.

— По мне, так лучше сражаться, чем голодать, — заявил Конан. — Да и все равно я хочу потолковать с жителями этой страны. Так что пусть приходят.

Скоро жаркое из свинины — назовем это блюдо так — зашипело над огнем. Конан отрезал прожарившиеся куски и жадно отправлял их в рот, спеша утолить голод. Рерин ел не так жадно, но тоже отдал должное жаркому. Пока они ели, Конан то и дело вскакивал и отрубал мечом лианы, которые подбирались к ним с ветвей ближайших деревьев.

— Зверь этот хоть и пойман в стране демонов, но вкусный, как самый лучший кабан из какой-нибудь нашей страны, — похвалил Конан, чавкая.

— Молись, чтобы и все остальное здесь оказалось таким же безвредным, — мрачно заметил в ответ Рерин.

— Выше голову, чародей! Мы живы, мы свободны, и мы разыскиваем женщину, которой оба поклялись верно служить. В жизни бывает гораздо хуже. — Конан поднял камень и швырнул им в кусты, вид которых его раздражал. — Мы могли бы уже быть мертвыми или сидеть на цепи.

— Восхищаюсь твоей способностью сохранять спокойствие в самой скверной ситуации.

Конан пожал плечами:

— Я никогда не считал, что имеет смысл беспокоиться, прежде чем что-то действительно случится. Если тебе грозит опасность, можно сразиться с врагом или убежать. Но пока опасности нет, что можно сделать? Какой смысл заранее беспокоиться?

Рерин вздохнул:

— Ну, все-таки какой-то есть... — Он стал смотреть в огонь, и с его лица постепенно исчезло всякое выражение. Конан знал — это означает, что старик погружается в состояние транса. Киммериец спокойно продолжил свой ужин в ожидании момента, когда старик вернется в обычное состояние.

Через несколько минут волшебник заморгал глазами — он снова вернулся к действительности.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Конан. — Узнал, где находится Альквина?

— Ей грозит опасность. Но не смертельная. Никто не замысливает убить ее.

— Ну-ну! Как это понимать? Или ей грозит опасность, или нет.

— Я не совсем понял. Насколько я мог видеть, она убежала от своих похитителей. Они всюду ее ищут. Но она угодила в лапы другим. И они тоже затевают что-то плохое против Альквины.

— Вот уж чему я ничуть не удивляюсь в этой проклятой стране. Так ты узнал, где она?

— Место, где она находится, было скрыто от меня туманом. Боюсь, что она во власти людей, которым ведомо колдовство, причем колдовство высокого уровня. Но прежде чем ее скрыл туман, я увидел огромное здание, похожее на замок. Мне кажется, она там.

— Замок... Сколько уже мне их встречалось — замков, пограничных крепостей, тайников с сокровищами и храмов. Любую построенную людьми крепость можно взять, а спрятанные в ней сокровища похитить.

— Как видно, у тебя по этой части богатый опыт, — заметил Рерин. — Но боюсь, этот замок построен не людьми.

— Это плохо. Да ты еще сказал, тут не обошлось без колдовства. Все равно мы должны сделать все, что в наших

силах. — Конан бросил через плечо обглоданную кость. Они услышали, как кто-то или что-то принялось с хрустом ее грызть. Конан улегся спать. Вместо подушки положил свой панцирь, укрылся плащом из волчьей шкуры. — Побудешь пока дозорным, потом я тебя сменю. Не подпускай близко эту зеленую нечисть. — И, не выпуская рукояти меча, Конан захрапел.

Рерин закрыл глаза и, подняв руки, начал молиться:

— Отец наш Имир! Во имя интересов человечества благодарю тебя за то, что ты сотворил лишь немногих таких, как он. Но от имени Альквины и самого себя благодарю тебя за то, что ты послал его нам.

Высоко в башне замка, в помещении, где было множество странных приспособлений, стоял возле жаровни с углями Хаста. Зал был полон всевозможных запахов, слышались дикие голоса зверей и птиц. Хаста жадно вдыхал дым, поднимающийся над жаровней, в которой тлели на углях лепестки цветов. Его серебряные глаза были лишены всякого выражения, но по телу пробегали судороги. В зеркале, перед которым стоял Хаста, отражалась не его фигура, а кружащиеся клубы разноцветного дыма. Хаста что-то говорил, однако его речь представляла собой поток нечленораздельных звуков и слов, каких не встретишь ни в одном человеческом языке.

Дверь тихо отворилась, и вошла Сарисса. На ней было одеяние из прозрачной материи, с капюшоном, которое не столько скрывало, сколько подчеркивало ее формы. Она молча ожидала, не желая мешать брату, который пребывал в трансе. Сарисса, как и он, имела власть над некими волшебными силами, однако они не могли защитить ее от жестоких мук, которым Хаста подвергал сестру, когда бывал ею недоволен.

Сариссе уже надоела новая игрушка — невольница сидела где-то в углу, измученная, и горько плакала. Кроме того, Сарисса почувствовала, что в замке произносится важное колдовское заклинание. Так же безошибочно, как земные существа узнают голос любимого человека, Сарисса чувствовала флюиды, исходящие от колдовства брата. Она

решила пойти посмотреть. И сама Сарисса, и все ее подданные больше всего на свете страдали от скуки. И потому они тратили уйму времени на то, чтобы найти какой-то новый способ убить время. Сарисса почувствовала, что в колдовстве брата появилось что-то новенькое, и надеялась поразвлечься.

Хаста вздрогнул и вышел из состояния транса, которое было усилено действием наркотических веществ. Он заметил Сариссу. Подойдя сзади, она нежно обняла его и положила подбородок ему на плечо:

— Что ты узнал, братец?

— Наша новая рабыня представляет собой объект длительных поисков, сестра. По-видимому, какой-то глупый волшебник из мира людей дал ход таким событиям, от которых может погибнуть и наш, и человеческий мир.

— Какая прелесть! И все из-за моей новой куколки? А она правда королева? Так она утверждает.

— Да. Во всяком случае, по разумению людей. Впрочем, она незначительная, мелкая королева. Но... Она что, сумела тебя капельку заинтересовать?

— Она просто восхитительна! Ты даже не представляешь себе, до чего она высокамерна, и это при том, что ей приходится покоряться моей воле. Сломить эту гордыню — задача столь же захватывающая, как обуздание дикой лошади. Уже сейчас все это... доставляет мне удовольствие.

— Я и сам ею займусь, — сказал Хаста, не помышляя больше о своих колдовских делах.

— А кто ее ищет? Мы ведь можем послать слуг и устроить отличную засаду. — Для обитателей замка любой повод применить насилие был бы великой радостью.

Хаста показал на зеркало, в котором выступили какие-то образы:

— Вот видишь? Слути повелителя Страны демонов. Они ее схватили, но ей удалось сбежать. — В зеркале показались серые изможденные демоны, они рыскали по лесу, низко пригнув к земле головы с птичьими клювами, точно шли по следу.

— И только они? — Сарисса была разочарована. — Эти твари слишком глупы, в них нет ничего интересного. Неудивительно, что они ее упустили.

— Думаю, повелитель демонов пустит в погоню за ней одного из своих охотников, — убежденно сказал Хаста. — А такая погоня обещает быть интересной. Но есть и кое-кто еще. — В зеркале появилось новое изображение: по полю шли старик и молодой человек. — Старик — волшебник из мира людей. Как и королева, он не является значительной фигурой в их мире.

— А этот второй? — Сарисса вдруг преисполнилась внимания. — Нечасто попадаете такой экземпляр!

— Насколько я мог установить на расстоянии, это настоящий герой, — снисходительно объяснил Хаста. — Почему он ее разыскивает, узнать не удалось. Может быть, тут замешано чувство, у которого в нашем мире нет соответствия.

— Да ведь они прекрасная пара! — воскликнула Сарисса. — Королева и герой! В нашей коллекции это была бы единственная пара, в которой двое действительно созданы друг для друга.

— Может быть, — скептическим тоном заметил Хаста. — Но наши данные далеко не полны. Нужно провести побольше испытаний.

— Ну конечно! Кого пошлем туда?

— Как раз об этом я и думал. Что скажешь насчет адского скорпиона?

— Отлично! Это именно то, что нужно! — Сарисса была в восторге. — Если он выживет, значит, он и правда герой.

— Тогда помоги мне произвести ритуал.

В течение нескольких часов эти двое исполняли различные действия, которые были необходимы, чтобы вызвать из самого отдаленного закоулка их мира некое создание. При этом они совершали такие вещи, которые в мире людей называются мерзостью. Но они считали это нормальным и даже полезным и черпали в этом силу.

Рерин и Конан шагали по открытому полю, направляясь к подножию горы. И вдруг у обоих закружилась голова и они перестали ориентироваться в пространстве. Им казалось, что они падают в бездну, в то же время все вокруг

содрогалось, как при землетрясении. Но когда все закончилось, они очутились в том же месте, где были раньше. Это случалось уже не раз. В мире призраков такие вещи были обычным явлением.

— Ну и что изменилось? — Конан злился. — Ведь путь-то наш остался свободен!

— Боюсь, что нет. — Рерин показал ему на трещину впереди на холме. Раньше ее не было. За ней открывался вход в глубокую пещеру. В мире призраков ни один предмет не сохранял долгое время свою форму и не оставался на том же месте. Все призрачно расплывалось и менялось.

— Вот уж это мне совсем не нравится! — Конан развернул плащ и, достав панцирь, надел его, затем решительно затянул под подбородком ремешок шлема. — Давай-ка обойдем подальше эту пещеру. Она сильно смахивает на убежище какого-нибудь демона.

— Согласен с тобой. Слишком уж гостеприимно раскрылась перед нами эта пещера. Боюсь, нами заинтересовались некие враждебные силы...

Не упуская из виду опасный вход в пещеру, они далеко обошли его стороной. Но когда они были уже на безопасном, как они думали, расстоянии, враг вышел на бой. Дико вскрикнув, Рерин схватил киммерийца за плечо и в страхе показал назад. Из пещеры вылезало существо, какого не увидишь и в кошмарном сне.

— Кром! — У Конана перехватило дыхание.

Чудовище было громадным, как слон. У него было множество ног. Спину покрывал защитный роговой панцирь, как у черепахи. Мощные передние ноги заканчивались огромными клешнями. Вместо хвоста было несколько змеевидных отростков, сейчас они торчали вверх, словно султан из перьев. Впереди между клешнями виднелась крохотная головка с двумя щупальцами, которые, подобно живым антеннам, шарили в воздухе.

Рерин и Конан застыли на месте. Они понимали, что даже легким движением могут выдать себя. Независимо от того, какими способностями обладало это чудовище, зрение, судя по всему, в их число не входило. Секунду-другую ситуация оставалась неизменной. Потом антенны прекратили свое бесцельное движение по кругу и направились

прямо в сторону людей. Чудовище медленно двинулось к ним.

— По-моему, пора бежать, — сказал Рерин сдавленным, ничуть не подобающим его званию волшебника голосом. Они бросились бежать. Всякий, кто видел бы в эту минуту волшебника, поразился бы тому, как шустро поспевает он на своих тонких ножках за быстроногим киммерийцем.

А Конан бежал что было духу. Но с каждым мгновением угрожающий шум погони становился все громче. Нет, не может эта неуклюжая туша бегать так же быстро, как выросший в горах киммериец! Тут Конан обернулся назад и с ужасом увидел, что кошмарный монстр, благодаря огромному количеству ног, мчится так быстро, как ни одному человеку и не снилось.

И тогда Конан принял молниеносное решение, как это всегда с ним бывало в подобных ситуациях. Он резко остановился и выхватил из ножен меч. Нет, он отдавал себе отчет, что против чудища у него вряд ли есть шанс. Но он сообразил, что дальнейшее бегство ослабит его силы. А в таком случае лучше уж сразу принять бой. Вдали он слышал шаги убежавшего Рерина. Больше он ни о чем подумать не успел.

Чудовище наклонилось к Конану, изогнув громадное туловище. Как всегда, часть сознания Конана работала с молниеносной быстротой, направляя его удары и движения, замечая все сильные и слабые стороны противника.

Слабых сторон оказалось досадно мало. Скрытое под панцирем тело было неуязвимо, как стены крепости. Крохотную головку с двумя жизненно важными щупальцами защищали могучие передние ноги со страшными клешнями. Насколько уязвимы змеи-хвосты, Конан пока не мог установить. Оставались ноги. Они были довольно тонкие и членистые. Все это с быстротой молнии пронеслось в голове Конана. И он бросился на врага.

Он бежал ему в лоб. Чудовище взмахнуло жуткими клешнями. Мало кто из людей обладал таким чувством времени и так владел собой, как Конан, — только он мог в последний момент с поразительной точностью уклониться от удара, прежде чем ножницы-клешни рассекут его пан-

цирь. Он кубарем прокатился по земле и очутился под боком у чудовища. По сравнению с колоссальным туловищем ноги монстра выглядели тощими, но они были толщиной с ногу взрослого мужчины и покрыты защитной хитиновой броней. Конан со всей силой обеими руками занес меч и ударил по ноге чудовища.

Ему удалось разрубить две ноги в месте соединения суставов. И тут же Конан снова откатился от чудовища, спасая свою жизнь. Он отважно бросился повторить удавшийся маневр и перерубил еще одну ногу, как вдруг, словно по внезапному наитию, взглянул вверх. Один из хвостов-змеев метил ему в голову. На конце хвоста был прозрачный пузырь и жало, из которого сочилась зеленая вязкая жидкость. Киммериец едва успел отскочить в сторону — хвост ударил туда, где он только что стоял. От травы поднялся зловонный дым, когда на нее брызнули струи зеленой жижи.

Конан пустился бежать. Чудовище устремилось в погоню. Конан с радостью заметил, что оно уже не так быстро мчалось, как до нападения. Он выиграл время и подготовился к следующей атаке. Было ясно, что потребуется много времени, чтобы перерубить столько ног, сколько нужно, чтобы сделать чудовище небоеспособным. Но ничего другого не оставалось. Он повторил маневр, выведя из строя еще две ноги, и ускользнул от ядовитого хвоста. Но теперь чудовище било уже тремя хвостами. Спасением Конан был обязан скорей случайности, чем своей увертливости. Чудовище зафиксировало тактический прием Конана и изменило свою тактику. Очевидно, оно обладало чем-то вроде интеллекта. Конану надо было найти новый маневр.

Он вновь бросился на чудовище, держа меч обеими руками. Оно широко развело клешни, чтобы настичь врага, когда он метнется прочь от удара хвоста. Но киммериец нанес удар прямо по маленькой головке и, прокатившись кубарем под брюхо чудовища, рубанул по ноге. Он все время наносил удары по ногам с одной стороны туловища, потому что таким образом скорее мог лишить чудище возможности передвигаться. И снова засвистели в воздухе змеи-хвосты. Но Конан был уже на безопасном расстоянии, когда они обрушились на землю и задымилась трава.

И опять он побежал прочь. Теперь чудище передвигалось уже заметно медленнее. И сильно хромало. Отлично, здорово! Но что делать дальше? Если эта тварь обучаема, то теперь она подготовилась ответить на уже известную тактику какой-нибудь новой выходкой. Перед Конаном стояла труднейшая задача, и у него было безумно мало времени на ее решение.

Он не испробовал еще один прием. Толку от него, возможно, будет мало, но зато он выиграет время. Он стал ждать, пока одна из клешней не попытается его разрубить. Как только это произошло, он вскочил на клешню, затем взобрался по ноге на спину чудища. Нанес пробный удар и понял, что броня непробиваема и тверда, как сталь. К тому же на панцире он едва мог удержаться. Змеи-хвосты его здесь не доставали, но он боялся потерять равновесие и скатиться к ним. Поэтому он быстро спрыгнул со стороны бока, чтобы перерубить еще две ноги.

Спрыгнув, он споткнулся о камень и растянулся навзничь. Прежде чем он успел вскочить на ноги, конец хвоста чудища обрушил удар прямо по его панцирю. Едко запахло растворяющейся бронзой. А второй хвост уже целился ему в лицо. Даже молниеносно быстрая реакция Конана не могла бы его спасти. Но тут смертоносное жало вдруг было отброшено в сторону. Лишь мелкие брызги упали на лицо Конана. Они жгли огнем, но это было не страшно. Он мигом вскочил и пустился бежать что было духу — к Рерину, который стоял поодаль.

Они отбежали на некоторое расстояние и оглянулись. Чудовище все так же невозмутимо преследовало их, не смотря на раны.

— Здóрово, старик, что ты можешь что-то сделать своим посохом, а не просто опираешься на него при ходьбе, — сказал Конан.

— Снимай скорее панцирь. Яд уже почти проел бронзу, сейчас и до кожи твоей доберется!

Конан не стал возиться с застежками, а быстро перерезал ремни кинжалом. Чудесный бронзовый панцирь дымился и растворялся на глазах под действием яда. Конан

был бы рад вытереть лицо — ведь на него попали капли ядовитой жидкости. Но на это не было времени. Боль была терпима. Пустяки! Ну прибавится еще пара шрамов к тем многочисленным отметинам, которые уже его украшали. Чудище снова наступало.

— Если б у него были глаза, я через них проткнул бы ему мозги, — сказал Конан.

— У него нет мозга в нашем понимании, — поспешно объяснил Рерин. — Вместо глаз и ушей у него щупальца. Если бы тебе удалось вывести их из строя, то убить его уже не составило бы труда.

Страшилище было уже в двух шагах.

— Есть у тебя в запасе колдовство, которое может мне помочь, старина?

— Нет.

— Э, не беда!

Чтобы добраться до щупалец, нужно было поразить голову. Один раз это получилось, но теперь эта тварь готова к такому нападению. Кроме щупалец, на голове были челюсти, ими оно пожирало свою добычу. Конан раздумывал: если он сам не может добраться до головы, надо заставить чудище сделать так, чтобы он ее достал.

В этот раз чудовище начало вертеться и кружиться, стараясь захватить Конана между клешней и хвостом, но при этом не подпустить его к своим ногам. Киммериец отскочил от хвоста, бывшего, точно хлыст, и ловко вскочил на клешню, уцепившись за сочленение ее частей. Он опасался, как бы чудище не швырнуло его к ядовитым хвостам. Но все-таки удалось добраться до его челюстей.

Как только одно из щупалец оказалось в пределах досягаемости, Конан ударил мечом. Мощное тело чудовища содрогнулось. Конан ударил еще — и щупальце отвалилось от головы. Чудище билось в жутких конвульсиях. Конан соскочил на землю. Теперь монстр попытался схватить его второй клешней. Конан без труда увернулся, подпрыгнул и мощным ударом начисто снес второе щупальце.

Соскочив на землю, он бросился бежать. Чудовище издавало какие-то визгливые звуки, но киммериец не остановился, пока не оказался рядом с волшебником.

Только теперь он обернулся назад. Исполинское тело чудища дергалось на земле. Поднялся столб дыма — это ядовитая едкая жидкость разъедала тело. Скоро от ужасающего монстра осталась лишь дымящаяся кучка золы.

— Это было не создание природы, — объяснил Рерин. — Когда та его часть, что служит для жизнеобеспечения, поражена, всю массу ничто уже не соединяет и она превращается в дым. — Старик тяжело дышал. Конан тоже запыхался.

— Ты, старик, проявил потрясающую отвагу, когда отбросил посохом это страшное жало. Не будь тебя, лежал бы я сейчас убитый. Спасибо тебе. В твоём одряхлевшем теле, старая ты клыча, живет отважный дух.

— С благодарностью принимаю комплимент, — улыбнулся Рерин. — Я понимаю, что ты хотел сказать нечто приятное.

Конан оглядел свой меч, проверяя, не нанес ли яд чудища ему вреда. К счастью, ничего подобного не случилось. Он вложил меч в ножны и стал собирать прочие вещи.

Сарисса с восхищенным видом отвернулась от зеркала:

— Разве не чудесно? О таком мужчине я до сих пор лишь мечтала! Настоящий герой! А как мы его поймаем?

— Есть разные способы, сестричка, — усмехнулся Хаста. — Но зачем нам утруждать себя? Раз они ищут нашу рабыню-королеву, то сами к нам и придут. Интересно, однако, как он ее заберет.

Сарисса заулыбалась, предвкушая удовольствие.

Глава восьмая

ЗАМОК ГИГАНТОВ

На пятый день пребывания в Стране демонов они повстречали другой поисковый отряд. Конан предостерегающе поднял руку. Рерин тут же застыл как вкопанный. Старик ничего не слышал, но за время скитаний привык

полагаться на невероятно тонкий слух варвара-киммерийца.

— Кто-то за нами крадется, — прошептал Конан. — Но они на редкость неуклюжи.

— Люди или какие-то иные существа?

— Двуногие, если только это что-нибудь здесь значит. Их довольно много.

— Слишком много для нас?

— Узнаем, когда я проверю, чего стоит их мужество. — Конан чуть вытянул меч из ножен.

Потом он присмотрел подходящую для встречи с врагом лесную поляну. Последние два дня они шли по лесу, где кусты и деревья, как им и положено, прочно сидели в земле. Благодаря этому они могли ночью сносно выспаться.

На краю леса появились призрачные фигуры. Они походили на людей, но людьми не были. У них было слишком много пальцев на руках, уши длинные и острые. Исхудалые серые странники боязливо жались к деревьям. Когда они приблизились, меч Конана со свистом вылетел из ножен.

— Стоять! Что вам надо? — крикнул Конан.

— Мы ищем женщину, — прошипел один из серых. Ему не давались звуки человеческой речи, однако Конан понял его слова. — Женщину из мира людей. Она нужна нашему хозяину. Если она у вас, отдайте ее нам, не то вы умрете!

Конан мрачно усмехнулся:

— Нам она тоже нужна. Вы ведь те, кто ее похитил. Как же она от вас убежала?

Демон только злобно зашипел в ответ. Конан услышал, что Рерин бормочет волшебные заклинания. Серых демонов было, кажется, двенадцать, но ростом они были невелики и силой, видимо, не отличались. Ни у кого вроде бы не было оружия. И вдруг их предводитель сделал какой-то замысловатый жест рукой и прошипел что-то, что Конан принял за колдовское заклятие.

Он уже готов был раскрыть демону череп, но тут Рерин поднял вверх свой посох, шагнул вперед и произнес заклинание. Демон закрыл морду руками, словно ослепленный ярким светом, и отступил.

— Если бы ты убил его в этот момент, когда я произносил заклинание, то вся его волшебная сила обрушилась бы на тебя, — сказал Рерин. — И ты рассыпался бы на месте.

Предводитель демонов отдал какой-то приказ, и серые твари затрусили обратно в лес.

Прежде чем скрыться, предводитель обернулся и угрозил:

— Мы еще схватим и вас, и женщину. Будет послан Охотник! — И с этим он исчез.

— А вот это совсем не радует, — сказал Конан, вкладывая меч в ножны. — Кто их хозяин?

— Без сомнения, один из владык Страны демонов, — обескураженно отвечал Рерин. — Если он проявит к нам серьезный интерес, то моя жалкая магия вряд ли нас выручит.

— Ну, до сих пор мы неплохо продвигались с помощью твоей магии и моего меча, — утешил его Конан. — Может быть, все-таки сумеем вместе с Альквиной вернуться в настоящий мир. Я всегда полагался на собственную силу и боевое искусство. И тебе советую.

— Ох уж эта самонадеянная молодежь! — вздохнул Рерин.

Под вечер они вышли к замку. Словно огромный дракон, он высился над горным склоном. Конан окинул необычного вида башни и крепостные стены взглядом воина, который привык находить слабые места подобных сооружений.

— Надо подойти ближе, — заявил он. — Здешний воздух слишком плотный, и я не вижу деталей. А обычно проникаешь в крепость как раз через разные мелкие щелочки. Ты уверен, что Альквины там?

— Уверен. Ты, вероятно, не чувствуешь, но это место излучает ауру зла и колдовства. Меня так и пробирает до мозга костей.

— А какие люди там живут? Вид у замка такой, будто его построили гиганты.

— Вполне возможно, что ты прав. В Стране демонов обитает множество разных племен. Раньше их было еще больше. Среди них были и великаны. Наверное, в древ-

нейшие времена этот замок был жилищем гигантов. Но я думаю, что люди, которые живут там сейчас, скорее похожи на нас с тобой. Хотя бы внешне. Нутро у них не имеет ничего общего с человеческим, так же как и у демонов, которых мы недавно повстречали.

— Они смертны? — спросил Конан. — Стальной клинок возьмет их?

— Думаю, да. Ни один из обитателей этой страны не является по-настоящему бессмертным. Некоторых, правда, трудно уничтожить, в чем ты убедился, сражаясь со скорпионом.

Конан беспокойно оглядывался:

— А что эти люди едят? Я не вижу ни обработанных полей, ни деревень, ничего вроде торговой лавки. Любого главаря разбойников и тот держит при своем убежище десяток крестьян.

— Здешняя жизнь не подчиняется тем же правилам, что жизнь в мире людей, — терпеливо объяснял Рерин. — Жители замка, уверен, не ломают себе голову над тем, как раздобыть кусок хлеба. Может быть, они удовлетворяют потребности тела с помощью волшебных таинств. Но может быть, они вампиры и питаются кровью своих жертв — людей.

— Как бы там ни было, раз они прячутся за такими толстыми стенами, значит, чего-то боятся. А раз боятся, значит, они уязвимы. Но убедиться в этом мы сможем только на месте. Пошли!

Уже наступила ночь, когда они подошли к подножию циклопических стен. На небе мерцали странные, разноцветные звезды. Большая зеленая луна светила зловещим светом в густом и плотном, как вода, воздухе. Конан ощупал стену в поисках трещин или мест соединения каменных блоков, за которые он мог бы уцепиться.

— Кром! — тихо произнес он. — Все из цельного куска! Ни одной щелочки!

— Эти стены созданы магией, а не руками человека, — сказал Рерин. — Я знаю одно волшебное заклинание, с его помощью мы могли бы очутиться на верху стены. Но те, кто в замке, тогда почувствуют, что совсем недалеко от них колдует кто-то пришлый.

— Я и без колдовства заберусь на эту стену. Она каменная, шершавая и зернистая, как вулканическая лава. Если и выше она такая, то я заберусь.

Рерин ощупал камень и с сомнением покачал головой:

— Только тот, в ком сочетаются качества обезьяны и горной козы, может туда забраться. Боюсь, мне это не под силу. Если бы у нас был канат, ты втащил бы меня наверх. Но, видно, придется мне остаться внизу и ждать, пока ты не найдешь канат.

— В любом случае тебе лучше ждать здесь. Спрячешься где-нибудь на краю леса и жди, пока я не приду с королевой. Если люди в замке так хорошо разбираются в колдовстве, как ты говоришь, то от тебя там будет мало толку. Я могу потерпеть неудачу, а тогда какой смысл погибать нам обоим? Если до рассвета я не вернусь, попытайся применить свое искусство. Может, оно пригодится там, где не пробиться мечом.

— Да поможет тебе Имир! — взволнованно сказал Рерин. — Снова скажу: королева поступила правильно, взяв тебя на службу, Конан.

— Я уверен, что Имир присматривает за порядком там, в этом замке. — Конан на минуту задумался. — На Кромато определенно нельзя положиться. Он никогда не беспокоится о том, что происходит за пределами Киммерии, да и о том, что в ней, — не слишком сильно. — Он хлопнул Рерина по плечу: — Ну, ступай, старина. Спрячься лучше. Будь готов прийти нам на помощь, когда мы спустимся со стены. Я, понимаешь ли, уверен, что за нами будет погоня.

И Конан повернулся к стене. Разведя в стороны руки, он шарил по ее поверхности, нащупывая мелкие углубления и выступы, за которые мог бы уцепиться. Медленно, с огромным трудом он начал карабкаться вверх, находя опору для ноги, снова подтягивался. Пядь за пядью он мучительно медленно, но упорно полз вверх по стене.

Лишь немногим удалось бы подобное восхождение, и мало кто поднялся бы по такой стене, не выбившись из сил, без дрожи в руках и ногах. Но, взглянув на киммерийца, когда он взобрался на верх стены, нельзя было догадаться, какой трудный путь он одолел. Он стоял на

широкой галерее, где никого, кроме него, не оказалось. Входа в замок нигде не было видно. И он пошел куда глаза глядят.

Крепостного двора за стеной не оказалось. Замок был построен словно из цельного куска камня, на котором там и сям были разбросаны башни и эркеры. Конан увидел здесь и множество статуй, изображавших людей, все они были до омерзения безобразны. Одни стояли на галерее, другие как бы высывались из стен замка. В целом замок походил на создание потерявшего рассудок камнереза.

Стояла гнетущая тишина. Конан то и дело замедлял шаг и прислушивался. Нигде ни звука. Он втянул носом воздух — нет, дымом не пахло. Но если здесь не жгут огонь, как же они готовят еду, как отапливают свой замок, эти люди? Но вот Конан подошел к приземистой башне с низкой конусообразной крышей. Дверь, по обеим сторонам которой стояли каменные стражники, больше всего походившие на скелеты, была открыта. За ней зияла чернота.

Медленно и осторожно, с обнаженным мечом в руке, Конан переступил порог. Свободной рукой он нащупывал в темноте дорогу вдоль стены. Он сделал два шага, и впереди разверзлась пустота. Он с опаской пошарил внизу — там была лестница. Снизу поднимался теплый воздух, его дуновение принесло звуки дикой небывалой музыки — барабанов и цимбал. Теперь Конан почувствовал и запах дыма, но дрова так не пахнут — это дым от ароматических палочек.

Киммериец спустился не меньше чем по ста ступеням, лишь тогда в одной из комнат он заметил свет. Беззвучно, как привидение, он подкрался к двери, из которой тот струился. И замер, пораженный. Перед ним простирались роскошно убранные покои, с разбросанными повсюду подушками, с коврами, которые казались сотканными из чистого золота. Свет исходил от бесчисленных свечей, стоявших в стенных нишах. В их сиянии был какой-то зловещий отблеск.

И тут взгляд Конана упал на женщину, которая лежала на покрытой диковинными мехами постели с золотыми

подушками. Вместо одежд на женщине были только драгоценные ожерелья. У Конана дух захватило при виде открывшейся ему красоты ее великолепной груди и бедер. Женщина лежала на спине, но отвернувшись, и лицо ее Конан не мог видеть. Она или спала, или была одурманена каким-то веществом. Конан бесшумно вошел и, быстро подойдя к постели, коснулся подбородка женщины концом меча:

— Проснись, женщина! Ответь мне на несколько вопросов!

Женщина с трудом повернула голову и открыла глаза. Тут и у Конана глаза широко раскрылись.

— Альквина!

Прошло некоторое время, прежде чем Альквина начала что-то различать. Конан меж тем рассмотрел, что ее шею охватывает широкое железное кольцо, цепь от которого была прикреплена к кольцу, вделанному в пол.

— Конан? — прошептала Альквина. — Это действительно ты? Или это опять один из тех страшных снов, которыми мучают меня эти негодяи с помощью своих зелий и колдовских заклинаний? Если так, то это самая жестокая пытка, какой они могли меня подвергнуть.

— Это действительно я. Но я, конечно, пока еще не знаю, чем мог бы доказать это. — Конан обеими руками взялся за цепь и рванул изо всех сил. — Прежде всего надо бежать отсюда. Потом уж я точно придумаю, как лучше всего доказать тебе, что я не сон. — Он натянул цепь с такой силой, что на лбу у него вздулись и, казалось, вот-вот лопнут жилы. Но даже колоссальная сила Конана не смогла порвать цепь или вырвать из пола кольцо. Конан выругался. У Альквины прояснело в голове, и она осознала, что лежит здесь перед ним голая.

— Королеве не подобает показываться своему подданному в таком виде. — Альквина попыталась прикрыться, но, разумеется, двух ее рук для этого было недостаточно.

Конан пожал плечами:

— А вот на юге люди не забивают себе голову такими пустяками. Там даже королевы иногда прикрывают свое тело меньшим количеством украшений, чем те, что на тебе сейчас. — Он окинул ее восхищенным взглядом: — Чего

бояться? Ты сложена так же, как все женщины. Но может быть, я не совсем прав. Надо бы получше разглядеть...

— Есть более важные дела, — перебила его Альквина. — Ты не можешь освободить меня от этой цепи, да?

— Погоди. Я не хотел поднимать лишний шум, но... — Он широко замахнулся и с силой ударил мечом по цепи. Раздался звон, брызнули искры, но единственным результатом удара явилась только зазубрина на лезвии меча. — У них тут неимоверно твердая сталь, — сказал Конан со злостью и ощупал зазубрину.

Альквина тихонько ахнула — это было единственное предостережение, но Конану его хватило. Присев, он мгновенно повернулся на месте. Взмах меча — и он рассек врага поперек туловища. Два обрубка повалились на пол, кровь брызнула Конану в лицо. Но еще и еще вбегали враги — в дверь, которой — Конан был абсолютно уверен — здесь только что не было.

Это были мужчины. На всех были железные ошейники и набедренные повязки из белого шелка.

Вооружение их состояло из копий и мечей.

Кое у кого были еще небольшие щиты. Один из них приставил острие копья к животу Конана. Тот схватил за древко, рывком подтянул к себе врага и снес ему голову мечом.

Тут появились люди в роскошных одеяниях. У них были серебряные глаза. Не принимая участия в схватке, они встали в стороне и наслаждались зрелищем боя. Конан упал на колени — над его головой просвистело лезвие меча. И тут он вспорол нападавшему живот, откуда вывалились внутренности.

— Беги, Конан! Их слишком много! — крикнула Альквина.

Конан оскалил белые зубы. Глаза его были налиты кровью от ярости. Казалось, он обезумел.

— Я уйду отсюда вместе с тобой или погибну! Клянусь Кромом, эти собаки будут до самого рассвета грызть сталь моего меча!

Богато одетым зрителям пришлось по вкусу эти слова. Но Конан устрашающе быстро уменьшал число их слуг. И тогда один из зрителей поднял руку, произвел какое-то

странное движение и что-то запел. Сверху вдруг упала сеть и накрыла киммерийца. Вне себя от ярости, он размахивал мечом, однако сеть оказалась прочнее стали. Она стягивалась все плотнее, и скоро Конан уже не мог пошевелить ни рукой ни ногой. Ему оставалось лишь изливать свою ярость в проклятиях, и уж тут-то он дал себе волю.

Среди зрителей находилась одна женщина. Она подошла и наклонилась над киммерийцем. От ее раскрытой ладони поднялось облачко дыма, который Конан поневоле должен был вдохнуть. Последняя мысль, мелькнувшая у него, прежде чем он потерял сознание, была о том, что женщина изумительно прекрасна.

Конан очнулся. Он лежал на каменном полу в темнице. Ничего нового в этом не было. Разве что в прошлом никогда к нему не применяли излишние меры предосторожности — такими он их нашел.

Состояли они в том, что с него сняли всю одежду, а на шею надели железное кольцо. Четыре тяжелых цепи тянулись от кольца в четыре угла застенка. Такое количество железа, пожалуй, многовато, подумал Конан, ведь и тонкую цепочку, которой была прикована Альквина, он не смог разорвать.

Поскольку заняться было нечем, Конан подергал за цепи. Все четыре были до того прочные, что зло брало. В каждую сторону он мог сдвинуться едва на один фут. Длина цепей не позволила бы даже задушить ими врага.

Чувствовал себя Конан хорошо, несколько синяков было не в счет. Отрава, от которой он потерял сознание, видимо, не оказала никаких побочных действий на его организм. Голова была ясная, но живот подвело от голода.

— Принесите чего-нибудь поесть! — крикнул он. — Чтоб Эрлику вашей крови напиться! — Ответа не последовало. Конан завопил во всю мощь своего голоса: — Вы что, уморить меня голодом решили, раз увидели, что сталь меня не берет?

И опять — никакого ответа. Он огляделся по сторонам. Застенок представлял собой помещение неправильной кубической формы; похоже, его вырубили прямо в скале. Из узкого оконца под потолком лился слабый свет. И была здесь еще дверь — круглая, из мощных брусьев. Конан

никогда еще не видел круглых дверей. Он не мог взять в толк, как она открывается — нигде не было видно петель.

Конан перевернулся на живот и начал тереть одно из звеньев о каменный пол. Было ясно, что это напрасный труд, но он все же надеялся таким образом хоть немного сточить металл, чтобы перервать цепь. При условии, что ему дадут на это время.

Примерно через час однообразной работы он осмотрел цепь. Там, где он скреб ею по полу, звено чуть больше блестело, вот и все. Конан хотел было уже продолжить свое бессмысленное занятие, как вдруг дверь поднялась вверх и исчезла в стене. Что ж, одной загадкой меньше!

Послышались шаги. Затем вошла женщина с подносом в руках. Конан ожидал увидеть рабыню с железным ошейником, но перед ним стояла одна из тех, кто в качестве зрителей наблюдал за его боем. И если он не ошибся, это была та женщина, что заставила его потерять сознание. Конан был не вполне в этом уверен — все зрители походили друг на друга, как братья и сестры.

— А ну поди сюда, ты, потаскуха лупоглазая! — приветливо обратился к ней Конан. — Уж я сверну тебе красивую твою шейку!

К удивлению киммерийца, она ответила ему на языке, который он понимал:

— Но тогда ты не сможешь полакомиться вкусными вещами, которые я тебе принесла!

Конан принялся, и рот его наполнился слюной.

— Ну ладно, — сказал он. — Ты права. Давай сюда еду, а я, так и быть, оставлю тебя в живых.

— Но сперва примем меры безопасности. О, это пустяки!

В каменных плитах пола что-то загремело. Конан с изумлением увидел, что из пола вылезли две скобы, которые защелкнулись у него на щиколотках. И тут же что-то рвануло его руки назад и замкнуло скобами за спиной. Теперь он был скован не хуже быка на бойне.

Женщина присела на пол рядом с ним и поставила возле себя поднос. На ней было совсем прозрачное одеяние, которое ровным счетом ничего не скрывало. Несмотря на голод, Конан при виде ее тела почувствовал аппетит совсем

другого рода. А она поддела вилкой кусок мяса и сунула Конану в рот.

— Меня зовут Сарисса, — сказала она. — Можешь называть меня госпожой.

— Не собираюсь, — буркнул Конан. — А как насчет вина?

— Дерзость может повлечь за собой мучительное наказание. Такой у нас порядок. — Она поднесла к его губам хрустальный кубок.

— А мне к боли не привыкать. Так что лучше не старайся меня запугать.

Сарисса продолжала его кормить.

— Ты еще никогда не испытывал такой боли, какую я могу тебе причинить. У меня в запасе есть кое-какие чрезвычайно утонченные способы. — Смех Сариссы, рассыпавшийся, как жемчужины, был мелодичным, но холодным как лед. — Но нет! Боль — это удел простых рабов. А ты не простой, ты — особенный. Тебя я не хочу укротить. Ты будешь самым замечательным экземпляром в моей коллекции.

— В какой еще коллекции?

— В моей коллекции человеческих уникумов. — Она сунул в рот Конану кусочек хлеба. От запаха ее дорогих духов Конана бросало то в жар, то в холод. — До сих пор среди моих игрушек не было ни одного настоящего героя. У нас тут такая скучная жизнь! Тобой мы сможем развлекаться долго, и развлекаться на славу. Ты сражаешься, как дикий зверь, и у тебя такое несравненно прекрасное тело. — Она, не смущаясь, стала его гладить. Ей явно нравились эти сильные мускулы и мощные бедра. Конан, боясь пошевелиться, молча сносил ее ласки.

— Каких развлечений ты ожидаешь от меня? — спросил он, хотя ответ был ему уже ясен.

— Испытаем твоё мужество, проверим, настоящий ли ты герой. У нас так редко бывают представления, для которых требуются отвага и сила. — Теперь она поглаживала его плечи и затылок.

— Не сомневаюсь. Сегодня я видел, как ваши мужчины стояли в сторонке и смотрели, меж тем как рабы дрались вместо них.

— Ты был великолепен, — сказала Сарисса и надавила ему на живот, чтобы проверить крепость брюшного пресса. Он был тверд, как ствол дерева. — Никогда не думала, что один-единственный человек способен устроить такую бойню. Просто захватывающе-прекрасное было зрелище.

Конан презрительно фыркнул:

— Необученные рабы — разве это достойный противник? Если ты находишь такие вещи интересными, то ступай лучше к мясникам. Настоящий бой с этим не имеет ничего общего.

— Ну, мы придумаем что-нибудь другое, чтобы как следует тебя раззадорить. — Она внимательно осмотрела его мускулатуру и, по-видимому, осталась довольна.

— Почему вы не отпустите меня на свободу? И Альвину тоже. У тебя нет никаких прав держать нас здесь.

— Права? У нас есть вы. Вы нам принадлежите. И это — единственное право. Моя маленькая королева-рабыня такая занятая. Почему ты так упорно стремишься заставить ее? Ведь я гораздо красивее.

— Об этом можно поспорить. Но ей я дал клятву в верности, я ее подданный. И я пришел сюда за ней, чтобы освободить ее из лап чудовищ, которые ее похитили.

— Мне непонятны эти смешные слова насчет верности. Мы здесь живем только ради удовольствия и ради кое-каких приятных вещей. Но тебе этого никогда не понять. Одно можешь усвоить твердо: ты в нашей власти и будешь делать то, что мы велим. Покорись — и твоя жизнь определенно станет очень, очень интересной.

В лексиконе Конана не было слова «покориться». И он без обиняков сообщил об этом Сариссе. Но в ответ на залп ругани и проклятий она только усмехнулась. Потом погладила Конана еще раз, встала и направилась к двери:

— Нам всем будет чрезвычайно приятно посмотреть, как тебя уничтожат. — И круглая дверь со стуком упала на свое место.

— Да все вы тут просто сумасшедшие, — пробормотал Конан. Скобы, охватывавшие его щиколотки и запястья, исчезли. Он снова лежал на каменном полу и пытался распилить о камни непокорные звенья цепи.

Глава девятая

ГОСПОДА РАЗВЛЕКАЮТСЯ

Конана, заснувшего на каменном полу темницы, разбудил какой-то звук. Он приподнялся и сел, прислушиваясь. Железный ошейник лежал на полу, цепи его больше не сковывали. Он осмотрел ошейник, но не обнаружил ничего похожего на замок.

— Опять колдовство, — проворчал Конан и бросил ошейник на пол. Вероятно, звон и разбудил его, когда ошейник сам собой упал на каменные плиты.

Он встал и хорошенько потянулся, чтобы размять онемевшие мускулы. Потом бросился ходить взад и вперед, словно тигр в клетке. Никакого сомнения — его освободили от оков по какой-то пока неизвестной причине. Но что бы ни ожидало впереди, он хотел быть готовым ко всему. Дверь с грохотом поднялась и скрылась в стене.

Конан пригнулся и ждал. Он был безоружен, однако мог пустить в ход руки, ноги и зубы. Но никто не появился. Осторожно, как крадущийся к добыче волк, киммериец двинулся к открытой двери. И гигантским прыжком метнулся в круглый проем. Он очутился в пустом коридоре. Враг по-прежнему не показывался. В правой стороне коридор вел к нескольким круглым дверям. Слева было темно.

Дверь за спиной Конана, громыхнув, опустилась.

— Уж не вообразили ли вы, что я хочу туда вернуться и там спрятаться? — крикнул Конан. Он был уверен, что за ним наблюдают.

И Конан зашагал по коридору налево, туда, где чернела тьма. Не пройдя и нескольких шагов, он споткнулся о свой меч — тот лежал на полу. Конан мигом схватил меч. Как только рука сжала знакомую рукоять, настроение Конана мгновенно улучшилось. Теперь не хватало только кого-нибудь, кого он мог бы уложить этим мечом. И лучше всего — из этих, с серебряными глазами.

— Эй! Не худо бы и из одежды что-нибудь! — крикнул он. Тишина. — Ну и ладно, — пробормотал Конан. — Лучше голым, но с мечом, чем разодетым в пух и прах, но безоружным.

Он двинулся дальше по темному коридору. То, что ему вернули меч, могло означать лишь одно: оружие скоро ему пригодится.

Конан вышел к лестнице, ведущей наверх, и поднялся. Нигде не было светильников или окон, но в воздухе разливался странный рассеянный свет, так что дорогу он кое-как находил в этом полумраке. Лестница привела к еще одной круглой двери. Почему-то Конан был убежден, что эта дверь не ведет в новую темницу. Диск из деревянных брусьев медленно поднялся.

Не дожидаясь, пока дверь полностью откроется, Конан кубарем покатился вперед, как только отверстие стало достаточно большим. За порогом он мгновенно вскочил на ноги.

Перед ним в круглом зале стояли двое до зубов вооруженных мужчин. Они были испуганы неожиданным появлением Конана. Он тут же ринулся в атаку. В этом замке у него не было друзей. Всякий, кого он встречал здесь, за исключением Альквины, мог быть только врагом. Подняв меч, он бросился к тому, что стоял справа. Конец меча вонзился в щель между ошейником и нагрудным панцирем врага. Выдернув меч, Конан двинулся ко второму воину, меж тем первый качнулся и замертво рухнул на землю. Из горла его хлынула кровь.

Второй был осторожнее. На нем тоже был панцирь, причем очень замысловатой работы — таких Конан еще не видел. Он состоял из бесчисленных металлических пластинок, которые соединялись между собой так, что воин мог свободно двигаться. Уязвимых мест почти не было. Зазор между панцирем и железным ошейником воин прикрывал щитом. Конан кружил вокруг него и метил удар в глазную прорезь шлема. Вообще он больше любил удар всем мечом, но против воина в таких доспехах лучше было действовать острием. Угрожая противнику, он одновременно не подпускал его к себе, а сам тем временем искал его уязвимые места.

Враг в обеих руках сжимал длинный кривой меч. Он был заточен с одной стороны, но, видимо, очень остро заточен! Конан был гол, и ему совсем не хотелось отвратить этого клинка. Дверь за спиной Конана уже опустилась на прежнее место.

И тут враг сделал выпад. Даже в доспехах он был невероятно ловок. Конан отразил удар. Зазвенели клинки. Описав мечом полукруг, Конан ударил и поразил врага в плечо. Тот чуть пошатнулся, но его панцирь выдержал удар меча. И оба противника снова заняли позицию для наступления.

Вновь первым напал воин в доспехах — он полагался на их прочность. Но в этот раз Конан не отбил удар мечом. Он бросил меч и подскочил к своему врагу, молниеносно схватил его за запястье — воин разжал пальцы и выронил меч. Конан вывернул ему руку за спину.

Напрасно воин пытался высвободить руку. Конан заводил ее все выше и выше за спину. С сухим треском она выскочила из плечевого сустава. В сражении доспехи защищали воина, но в рукопашной борьбе от них было мало проку. Конан отпустил его руку и схватил за шлем. Крутанув его так, что лицо врага почти повернулось за спину, Конан не услышал треска. Но если только он не мог вертеть головой, как сова, то, значит, был мертв. Конан разжал руки. Воин повалился наземь.

Теперь Конан смог оглядеться. Помещение было около десяти шагов в диаметре. На высоте примерно двенадцати футов вдоль стен шла галерея с колоннами, и на ней стояли люди в роскошных пестрых нарядах. Их серебряные глаза сверкали радостью — они сполна насладились зрелищем спектакля, который разыгрался внизу.

— Отлично, о мой герой! — воскликнула Сарисса. — Ведь это лучше, чем воевать с необученными рабами? Ты сражался с воинами элитной гвардии одного из повелителей Страны призраков.

Весь с головы до ног одетый в золото мужчина крикнул ей:

— Давай попробуем теперь выставить против него троих! Уж тогда-то он точно будет побежден!

— Нет, — ответила Сарисса. — Теперь мы придумаем что-нибудь другое. Но вот — что?

Зрители возбужденно переговаривались. Конан увидел, что среди них стоит на коленях Альквина. На ней по-прежнему ничего не было, кроме ожерелий. Лютая злоба

охватила Конана — он увидел, что прекрасное тело Альквины исполосовано красными шрамами. Она была прикована к перилам галереи. На лице ее было выражение ярости — такой же, как у Конана.

— Вы могли бы дать ему хотя бы одежду! — крикнула Альквина.

— Зачем? — зло возразил Конан. — Уж мне-то есть чем гордиться, не то что здешним самцам!

— Ах, какая примитивность! Очаровательно! — обрадовался кто-то из зрителей-мужчин. — Очевидно, он умеет не только сражаться, но и кое-что еще!

Конан поманил его к себе:

— А ну, спускайся, ты, изнеженный слютяй! Я выпущу тебе кишки!

В ответ раздался громкий смех. Конан мысленно прикинул расстояние от пола до балюстрады. Высоко, но он сможет, подпрыгнув, ухватиться за нижний край ограждения, потом подтянется. А там уж останется пустячное дело — пошвырять вниз этих расфуфыренных мартышек и освободить Альквину. Дорогу отсюда они как-нибудь найдут.

Этот план особенно понравился Конану тем, что предстояло расправиться с сереброглазыми бестиями, которым мало того, чтобы просто убивать свои жертвы, — нет, им надо ради удовольствия еще и поиздеваться над ними. Первым Конан убьет хлыща в золотых одеждах. Сарисса? Нет. Врожденная робость всегда удерживала Конана от того, чтобы убить женщину, какой бы опасной та ни была.

Конан, как тигр, рванулся с места и, подпрыгнув, повис, одной рукой ухватившись за балюстраду. Другой рукой он сжимал меч — ведь в зубах было бы не удержать тяжелое оружие. Но ничего, он подтянется и на одной руке. Удалось! И тут, когда он уже готов был броситься на своего врага в золотых одеждах, его поразил страшный удар. Словно огонь пробежал от его руки, державшейся за перила, по всему телу. В жизни Конан не испытывал ничего подобного. Он без сил сорвался вниз на окровавленный каменный пол.

Когда киммериец пришел в себя, то увидел, что лежит все там же, в круглом зале. Но никаких зрителей на галерее не было. Он сел. Каждое движение причиняло сильную боль. Конан знал, что боль эта не является результатом падения с галереи. Скорее всего, это последствия того чудовищного удара, который он получил, когда подтягивался наверх. Конан выплюнул кровь, которой был полон его рот.

Воинов, которых он убил, уже куда-то уволокли. Но, к удивлению Конана, посреди зала лежали его вещи.

Он быстро оделся. Ему отдали даже украшения, в том числе и массивный браслет, подарок Альквины. Хотя он и бросил тогда задорный ответ насчет своей наготы, одетый, он чувствовал себя гораздо лучше. Конан вложил меч в ножны и надел шлем. Не хватало только плаща, но тот остался у Рерина, который ждал в лесу. Теперь надо было поискать выход из этой проклятой западни.

Двери были закрыты. Конан поглядел наверх, на коварную балюстраду. Что, если она и сейчас таит опасность?

Он разбежался и подпрыгнул. Теперь его меч был в ножнах, и он ухватился за ограждение обеими руками. Легко подтянулся. Сокрушительного удара не последовало! Впереди Конан увидел открытую дверь и, не долго думая, прошел в нее, на всякий случай обнажив меч. Он не собирался покидать замок без Альквины и решил обыскать все помещения, чтобы найти ее.

Как и раньше, у него было ощущение, что за ним наблюдают. А что делали бы эти люди, не будь у них возможности ради своего удовольствия мучить чужаков, забредших в их замок? Все они одинаковы, эти цивилизованные народы — сами не обладают воинскими доблестями, вот и нравятся им глазеть на тех, у кого они есть. Ну да ладно! Уж он-то кое-что им покажет, пусть полюбуются в свой последний час, пока он их не прикончит.

— Ну, теперь-то что? — крикнул он. — Скорпиона вашего адского я уничтожил, с воинами расправился! Чьей смертью теперь угодно полюбоваться? Ну же, вы, трусливые евнухи!

Он шагнул по длинному коридору, в который выходило множество открытых дверей. Но, заглядывая в них, Конан не обнаружил в залах ничего интересного для себя. В другое время он не прошел бы так просто мимо: в залах было полным-полно сокровищ. Однако впервые в жизни Конана не привлекала легкая добыча. Он хотел найти Альквину и поскорей бежать из кошмарного замка. Поскорей вернуться в действительный мир.

Поиски привели Конана в просторный зал, откуда разбегались ходы и коридоры. Посреди зала лежала Альквина. Теперь на ней не было даже ожерелий — их сняли. На руках и ногах у нее были оковы, Альвина не могла даже пошевелиться.

Конан замер на пороге. Ловушку он чуял мгновенно. Никакого сомнения — как только он войдет, на него набросятся. Он тянул время, чтобы сообразить, каким образом лучше действовать. Альвина была без сознания. Однако она не была прикована цепями к полу, а лежала, связанная, на шелковых подушках, причем нагота ее выглядела особенно соблазнительно. Какой спектакль они затеяли на этот раз?

Конан усмехнулся. Ясно было, что не удастся разрубить путы на руках и ногах Альквины обычным оружием. Значит, придется тащить королеву на себе. А раз так, одна рука у него будет занята, и двигаться свободно он не сможет. Но если они все рассчитали именно так, то плохо они знают киммерийцев, и в особенности Конана!

С видом человека, который вообще не знает, что такое заботы, он вразвалку подошел к ложу королевы. Он поднял ее и взвалил к себе на левое плечо. При этом все-таки шлепнул легонько по хорошенькой попке:

— Не бойся, Альвина. Сейчас мы отсюда выберемся.

— Я поверю в это не раньше, чем окажусь на свободе. — Голос Альквины звучал глухо — она уткнулась носом в волчий мех куртки Конана. — И вот что, никому из поданных воинов не позволено подобным образом обращаться с королевой!

— Ага, ты уже отлично соображаешь и снова обрела все свое королевское достоинство. Клянусь Кромом: ни одна женщина, которой я когда-либо служил, не была такой

недотрогой. Я пришел за тобой в Страну демонов, бьюсь тут с чудовищами и людьми ради тебя, а ты обижаешься за какой-то шлепок по твоему королевскому задку. После избиения плетью он должен был показаться тебе нежной лаской.

— Немедленно опусти меня на землю, противный грубиян! — Альквина дернулась — хотела бы топнуть ногой, но не тут-то было.

— Допустим, я так и сделаю. И что? Как тогда вызволить тебя отсюда?

— Хотя бы неси меня так, чтобы я могла тебя видеть, а не дышать этой противной волчьей шкурой.

— Нецелесообразно. — Конан опять ее шлепнул, и шлепок получился звонкий. — Теперь помолчи-ка и предоставь мне наше освобождение. — Как ни сопротивлялась Альквина, Конан держал ее крепко.

— Освобождение! Идиот! Тебя заманили в ловушку! Даже ребенок понял бы, что здесь западня!

— Я все знаю, женщина, — сказал Конан с необычной для него мягкостью. — Я уже не раз попадал здесь в ловушки и пока что из всех выбирался невредимым. Скажи-ка лучше, где эти люди сходятся, чтобы заниматься колдовством?

— Где сходятся?.. Разве ты не хочешь как можно скорее бежать отсюда?

— Не выводи меня из себя своими вопросами! Они же хотят, чтобы я попытался бежать. Они всюду поставили опасных преград, на всех дорогах. И потом, я терпеть не могу оставлять в живых своих врагов. Так где лучше всего их искать?

Альквина застонала сквозь зубы от ярости.

— Такой храбрец — и такой немыслимый болван! Пусть Имир найдет на меня кару, если я когда-нибудь еще возьму к себе на службу героя!.. Надо подняться на центральную башню. Насколько мне известно, это место — там. По крайней мере, именно там Сарисса и ее дружки забавляются с помощью плеток и прочих орудий пытки. Я почти уверена, что свои гнусные церемонии они устраивают тоже там. В башне много всяких странных магических предметов. А на стене там висит огромное зеркало. В нем они видят все, что происходит в замке.

— Да, похоже, это именно то место. Ну пошли! — Придерживая на плече королеву, Конан осмотрел входы в коридоры, которые разбегались от этого зала. Невероятно острое чувство пространства подсказало Конану, какой коридор вел к центру замка. И он бегом пустился туда.

— Куда они подевались? — недовольно спросила одна из дам.

— Сейчас где-нибудь появятся, — успокоила ее Сарисса.

Все собравшиеся смотрели в большое зеркало, которое, подобно гигантскому глазу, обшаривало своим взглядом все закоулки замка; порой взгляд где-то задерживался, затем скользил дальше. Варвар Конан остановил свой выбор как раз на том коридоре, о котором все забыли, когда Сарисса придумала устроить ему ловушку с Альквиной в качестве приманки. Определенно, решили они, у киммерийца в неволе помутился разум. И вот он бесследно исчез.

Собравшиеся в башне особы заранее распределили между собой все выходы из замка, и каждый должен был устроить на своем участке всевозможные ловушки и сигнальные устройства. Величайшим их удовольствием стало заключать пари о том, по какой дороге направится Конан и насколько далеко сумеет уйти. И о том, сколько ему осталось жить.

Разумеется, существовали определенные правила игры: запрещалось применять отравляющие газы и такое колдовство, против которого у несчастного человека не было совсем никакой защиты. Они старались сохранять видимость того, что дают Конану шанс с оружием в руках пробить себе дорогу на волю, — ведь именно вооруженная борьба была его главным достоинством и для зрителей могла послужить самым приятным развлечением. Если бы, против ожиданий, он преодолел все препятствия и вырвался на свободу, то Сарисса получала привилегию убить его тем способом, который она сочтет наилучшим. И в любом случае ему, с Альквиной или без нее, не дадут уйти. Это испортило бы всю игру.

— Пора бы ему уже появиться, — сказал один из зрителей, подавив зевок. — Ведь, в конце концов, это скучно.

В зеркале был виден коридор, а в его глубине — отвратительное чудовище с гнусными щупальцами, которое притаилось, подстерегая добычу.

— Не меня ли ждете?

Все, повернувшись, уставились на дверь. В ней стоял киммериец. Через плечо у него, как была голая, лежала Альквина. Все потеряли дар речи. Конан опустил Альквину на пол. Дальнейшее она могла видеть своими глазами.

— Ну вот, испортил нам игру, негодник! — капризно сказала Сарисса.

— Сыт по горло вашими играми, — бросил в ответ Конан.

— Тогда прямо сейчас я его и убью. Никто не против? — И Хаста, подняв руку, начал производить странные пассы.

Однако, прежде чем он успел опомниться, Конан подскочил к нему одним прыжком и по самую рукоять всадил меч в его голову. Высвободив клинок, он дважды взмахнул им — и двое господ, стоявшие по обе стороны от Хасты, с воплем повалились наземь, обливаясь кровью.

Остальные оцепенели от ужаса. Они не могли постичь того, что разыгралось перед их глазами, — казалось невероятным, что на них действительно напал представитель живых существ, стоящих на более низкой стадии развития. Конан прикончил еще троих, прежде чем прочие бросились к выходу. Киммериец наносил смертельные удары с такой точностью и быстротой, что все прежние его сражения по сравнению с этим боем показались бы медлительными, как схватка под водой. Он не преследовал беглецов, но с оставшимися расправлялся без жалости.

И наконец остался кто-то один. Конан вытер с лезвия меча кровь, у которой был необычный цвет. На полу сидела Сарисса, обхватившая руками жалкие останки своего брата.

— Ты убил его, — произнесла она едва слышно.

— Разумеется, убил. Очень жаль, что ты так сильно предавалась скорби. Прозевала первоклассное представление. — Он махнул рукой в сторону громоздившихся горой трупов. Серебряные шарiki-глаза убитых быстро тускнели.

— Я должна позаботиться о торжественной церемонии похорон моего брата, — сказала Сарисса.

— Позже этим займешься. — Голос Конана был тверд, как гранит. — Если я тебя оставлю в живых. — Он схватил труп Хасты за край одеяния и со всей силы швырнул прямо в большое настенное зеркало. Раздался звон, от которого до основания содрогнулся замок. Конан рывком поднял Сариссу на ноги:

— Если тебе дорога жизнь, женщина, иди показывай нам кратчайшую дорогу на волю!

Сарисса в страхе заковыляла к выходу. Конан снова подхватил Альквину, устроив ее теперь уже так, чтобы она могла видеть, куда они идут. Королева была настолько потрясена недавним сражением, что без всяких колких замечаний попросила:

— Заставь ее снять с меня веревки.

— Сейчас меня больше устраивает, что ты остаешься связанной, — возразил Конан.

Сарисса повела их вниз по винтовой лестнице. Конан ни на миг не терял бдительности. От Сариссы он ожидал любой подлости. Он знал, что она попытается его убить. Это было лишь вопросом времени.

К его немалому удивлению, Сарисса вывела их на площадку перед крохотной дверцей. За ней было поле. Конан приставил к спине Сариссы острое меча.

— Теперь ступай туда, к лесной опушке. Я не отстану от тебя ни на шаг. Учти, женщина, я слежу за каждым твоим движением. Только попробуй сделать какой-нибудь колдовской жест или произнести заклинание! Будет то же, что с твоим братом.

Боясь даже согнуть спину, Сарисса пошла к лесу. Там, под прикрытием деревьев, она замедлила шаги. Но Конан заставил ее пройти еще изрядное расстояние. Если его не устраивала скорость, он подталкивал Сариссу концом меча.

— Здесь можешь остановиться, — сказал он, когда они отошли достаточно далеко от замка.

Из-за деревьев вынырнула темная сгорбленная фигура. В руках у человека был узелок.

— Альквина! — радостно крикнул Рерин. — Он и правда вызволил тебя из ужасного замка!

— Так и есть. — Альквина бросила гневный взгляд на киммерийца, который опустил ее на землю, словно узел с поклажей. — Рерин, если у тебя есть чем мне прикрыться, я была бы тебе очень признательна, мой старый друг.

Конан по-прежнему не спускал глаз с Сариссы. С того момента, как было разбито магическое зеркало, она не произнесла ни слова и вообще ни движением, ни жестом не выдала своих чувств, если что-то чувствовала.

— Не знаю, Рерин, что с ней делать, — сказал киммерец. — Если мы ее отпустим на все четыре стороны, она непременно устроит нам какую-нибудь пакость. И с собой ее взять мы не можем.

— Тебе нечего бояться, — безжизненным голосом сказала Сарисса. — Разбив большое зеркало, ты уничтожил вместе с ним и меня, и весь мой народ. В этом древнем изделии жила единая душа всех принадлежавших к нашему племени. Ты, ограниченный варвар, ее убил.

— Ограниченный! — вскрикнул Конан. — Да если б я знал, что расколотить эту стекляшку — значит и вас всех уничтожить! Да я разбил бы его при первой же возможности! Но и этого можно было избежать, женщина. Вот обошлась бы ты с Альквиной по-хорошему и не сделала бы меня игрушкой для своих дешевых развлечений, так мы с Альквиной сейчас находились бы уже на пути домой, и твой брат остался бы у тебя, и твой замок, и твои проклятые забавы. — Конан был не из тех людей, что щедро расточают жалость тому, кто сам виноват в своем несчастье.

— Она сказала правду, — подтвердил Рерин слова Сариссы. — Она полностью лишилась своей магической ауры.

— Ну ладно. — Конан вложил меч в ножны. — Больше ты нам не нужна. — Он даже не посмотрел в сторону Сариссы, когда она медленно и печально поплелась назад, в замок.

Когда она скрылась из виду, Альквина обратилась к Рерину:

— Друг мой, ты знаешь волшебное заклинание, которое освободит меня от магических уз?

Рерин наклонился и осмотрел веревки, которыми были связаны ее ноги и руки.

— А разрезать ножом вы пробовали? — спросил он.

— Об этом я и не подумал, — сказал Конан, вытащил кинжал и с легкостью перерезал веревки.

— И не подумал! — воскликнула Альквина. От гнева румянцем залилось не только ее лицо, но и плечи. Вне себя от злости, она, похоже, совсем забыла о том, что так и сидит голая. — Ты нарочно не снял эти веревки, чтоб вытворять со мной в замке все, что заблагорассудится!

— Иногда бывает очень кстати, если королева не может пошевелиться и не мешает воину спокойно выполнять его долг, — невозмутимо ответил Конан.

— Ума — палата! А ты подумал, что бы я делала, если б они тебя убили, а я осталась бы связанной?

— Я уверен, что ваше королевское величество сделали бы все возможное и отбивались бы — как это было до моего прихода.

— Смотрите! — Рерин поспешил прервать спор, который, того и гляди, мог превратиться в ссору между королевой и ее защитником.

Они обернулись назад. Замок, который казался таким мощным, на глазах рушился. Его очертания расплывались, трепетали и таяли. Все внутри словно сгнило, и стены обвалились.

— Как медуза, выброшенная морем на сушу, — заметил Конан, почесывая щетину на подбородке.

— Это шаткое сооружение держалось только силой магии, — объяснил Рерин. Тут он обратил внимание на отросшую щетину Конана. — Сколько времени ты пробыл в замке?

— Дня три или четыре, а что? — удивился Конан.

— Нет! Девять, а то и десять дней, — не согласилась с ним Альквина.

— Но я провел в лесу всего одну ночь, после того как Конан перелез через стену замка. В этом мире, мире призраков, даже время не имеет четких границ.

— Надо искать дорогу домой, — сказала Альквина. — И поскорее! Мне здесь страшно. И еще я беспокоюсь о моих подданных. Что-то у них там, дома?

— Есть хочу! — заявил Конан. — Рерин, давай-ка разведи огонь. Сейчас я принесу нам жаркое. — И он скрылся в лесу.

Рерин и Альквина устроились у костра. На королеве был за неимением другой одежды плащ волшебника.

— Ну, что ты думаешь теперь о предводителе своих воинов? — спросил маг.

— Он словно герой старинной легенды. Никогда еще мне не встречался такой воин, как он. Но он такой необузданный и своенравный! Не знаю даже, то ли он служит мне, то ли подчиняется одним своим прихотям.

— Он наделен выдающимися способностями. А тебе ведь нужен король, Альквина, в твоём дворце. Ни один из правителей ближайших королевств тебе не нравится. Ты сделаешь большую ошибку, Альквина, если не возьмешь в мужья этого киммерийца. Королевства у него нет, значит, он не захватит твои владения. А если он встанет во главе твоего войска, тебе не придется опасаться никаких врагов.

— Может быть, какое-то время мы с ним ладили бы. Но однажды я убила бы его во сне, спящего, — ответила Альквина.

Глава десятая

ПРИ ДВОРЕ СЕВЕРНЫХ КОРОЛЕЙ

Одоак, повелитель тунгов, подышал на замерзшие пальцы. Его жирное тело было укутано драгоценными мехами. За спиной Одоака стояли несколько воинов элитной гвардии, рядом с ним было воткнуто в снег копье. Все ждали появления крупного оленя, которого должны были выгнать сюда загонщики. Вдруг справа от них раздался треск ветвей.

— Это олени! — сказал племянник короля.

— И без тебя слышу, мальчишка! — хмуро осадил его Одоак. И, подняв копье, приготовился нанести удар. По старинному обычаю, право первого удара всегда принадлежало королю, затем уж разрешалось ударить воинам его ближайшего окружения, в соответствии с занимаемым положением.

Великолепный олень мчался в вихре снега. Глаза его дико вращались, язык высунулся сбоку из-под губ — олень

был измучен погоней и страхом. За ним с криком и шумом бежали охотники, загонявшие оленя навстречу ватаге высокопоставленных охотников.

Король Одоак вышел вперед и, крикнув, метнул копье. Бросок был сильный, но копье пролетело далеко от цели, лишь задев ветвистые рога. От испуга олень остановился.

Одоак изрыгал проклятия, а олень вдруг повернулся к охотникам и, наклонив голову, бросился на них. Теперь попасть в него было очень трудно. Племянник короля, юноша по имени Леовигильд, схватил свое копье, высоко занес его и, пробежав три шага, метнул в оленя. Скользя между рогов над головой оленя, копье вонзилось точно ему в загривок. Горделивое животное пошатнулось и пало наземь. Сердце и шейная артерия были пробиты.

Юноша стоял и улыбался, все его поздравляли, все хлопали по плечу. И вдруг все замолчали — к ним подошел король. Лицо его было искажено злобой. Он размахнулся и, ударив по щеке, сбил парня с ног.

— Бесстыдный наглец! Я поразил бы его, если б ты не толкнул меня под руку! Ты думал, я не заметил, как ты пролез вперед? Не дал мне убить оленя, и точно так же ты хочешь отнять у меня трон!

При этом взрыве ярости все воины стояли молча. Они знали, что никого рядом с королем в момент его броска не было и что промахнулся он только из-за собственной неловкости, но никто не осмеливался заговорить об этом вслух и уличить короля во лжи. Приступы безумной ярости в последнее время случались с ним все чаще: Одоак чувствовал, что силы его с каждым днем убывают и по причине старости, и из-за неводержанности в еде и питье.

— Ты не прав, государь, — сказал Леовигильд. Оскорбленный, он смертельно побледнел, но не мог поднять руки на родича. — Я метнул копье, потому что был мой черед. А что я всегда тебе честно служил, все могут подтвердить.

— Так думай и дальше о том, чтобы верно мне служить, ты, наглый выскочка! — Оскорбительный тон Одоака был невыносим. — Пройдет еще много лет, прежде чем Имир призовет меня к себе, а раньше и не надейся занять мой трон!

Одоак зашагал прочь. Он с радостью убил бы своего племянника — всех прочих соперников он уже уничтожил, даже своих сыновей. Но, по обычаям страны, королю полагалось назначить престолонаследника, а Леовигильд, единственный сын убитого Одоаком родного брата, был последним мужским отпрыском королевской династии. Если бы он убил юношу, знать сочла бы себя вправе свергнуть Одоака и избрать королем кого-либо из своих рядов. Пока Леовигильд был ребенком, он не представлял собой угрозы. Да и когда стал юношей — тоже. Но сейчас он уже достиг совершеннолетия, и Одоак намеревался что-либо против него предпринять.

Кто-то из знатных воинов хотел помочь Леовигильду подняться на ноги, но он встал сам, упрямо оттолкнув доброхотов.

— Такой удар не следовало бы оставлять без ответа, даже при том, что он нанесен королем, — сказал молодой человек, опасаясь потерять уважение воинов.

— Но что же ты можешь поделать? — ответил ему седовласый воин-аристократ. — Ведь ты не хочешь, чтобы тебя постигла участь всех твоих родичей-мужчин. Ты должен ждать своего часа, юноша. И долго ждать не придется.

Успокоившись, Леовигильд пошел во дворец к остальным воинам.

В этот вечер Одоак после пиршества отослал прочь всех, кроме самых высокородных и храбрых воинов. Наполнив роги медом, они ждали, когда их властитель заговорит. Жирная туша Одоака заполняла собой трон. Крохотные глазки заплыли жиром. С минуту он неотрывно смотрел на Леовигильда. Юноша бесстрашно выдержал этот взгляд. Леовигильд был хорош собой — светловолосый, с короткой курчавой бородкой, обрамлявшей твердый подбородок. Глаза его были голубые, ясные — совсем не похожие на тусклые, порой же от злости наливавшиеся кровью глаза его дяди. Одоак ненавидел юношу за его молодость, силу и красоту почти так же сильно, как и за его честолубие. Ненависть подогревало то обстоятельство, что воины все чаще обращались к Леовигильду за советами и поощрением.

— Мои воины! — начал Одоак. — Пришло время, пора нам подумать о будущем нашего королевства. Уже много

лет нам, тунгам, угрожают две опасности. Одна исходит от Альквины, королевы камбров. Другая — от Тотилы, повелителя торманнов. — При последних словах Одоак едва не брызгал слюной от злобы, всячески стараясь скрыть свой страх перед Тотилой под маской презрения. На самом деле он испытывал к Тотиле жестокую зависть — ведь, начав свой путь как главарь разбойничьей шайки, Тотила сумел возвыситься до властителя могущественной страны. Одоак, напротив, получил королевство в наследство от отца и едва справлялся с обязанностями правителя, действуя с помощью предательства и заказных убийств. — Разумеется, я давно уничтожил бы обоих врагов, если бы не их проклятые колдуны, Рерин и Йильма. Я человек умный. Я предложил Альквине свою руку — почетный для нее брачный союз! Присоединив ее владения и ее подданных, я мог бы не опасаться никаких врагов. И что же, приняла эта высокомерная потаскуха мое предложение, как это сделали когда-то две мои жены? — Он обвел гневным взглядом собравшихся и стукнул кулаком по подлокотнику трона. — Нет! Ничего подобного! Она держалась так, будто я, Одоак, не король тунгов, не великий властитель, чей древний род восходит к самому Имиру, а жалкий батрак! — Одоак с трудом подавил свою ярость, от которой едва не задохнулся, и продолжал: — Я стерпел это унижение, эту наглость. Но теперь с этим покончено! Настало время перейти к действиям! Несколько недель назад мне стало известно, что Альквина исчезла при странных обстоятельствах. — Удивленные новостью, все оживленно заговорили. — У меня нет сомнений, что это — дело рук Йильмы, любимого чародея Тотилы. Сейчас люди Альквины сидят в своей крепости. Правителя над ними нет. Там нет ни одного человека королевской крови, значит, некому их возглавить. Они сбились в кучу и ожидают возвращения королевы. По-моему, им долго придется ждать. Сейчас самое время нанести удар и захватить их, опередив Тотилу.

Воины разразились криком ликования. В короле они сомневались, ведь силы его убывали, а приступы ярости, напротив, усиливались. Но они беззаветно верили его чутью, когда дело шло о поживе. В прошлом он был выдающимся военачальником. Быть может, сейчас, когда был

составлен этот план, в короле вновь загорелась искорка прежней силы. Раз уж правители живут тем, что уничтожают соперников, то всех вполне устроил план, по которому тунги должны захватить камбров, не оставив эту добычу ненавистным торманнам.

— Я не уверен, что это наилучший путь, дядя, — сказал Леовигильд. Старый король воззрился на него с нескрываемой ненавистью. Юноша спокойно продолжал: — По моему мнению, довольно бесчестно было бы нападать на подданных Альквины, в то время как судьба королевы неизвестна. Высокие особы не должны так поступать друг с другом.

— Ах, да что ты говоришь? — сказал Одоак угрожающе тихим голосом. — А мы вот всегда так поступали друг с другом здесь, на Севере. Сильные пожирают слабых. Я эту науку воспринял от моего отца, а тот — от своего. Так было всегда. Так было еще во времена войны богов и гигантов.

Многие одобрительно закивали при этих словах, потому что обычай предков был для тунгов единственным законом, которого они слушались, помимо закона силы. Но нашлись и такие воины, которым захотелось, чтобы Леовигильд продолжил свою речь.

— Я считаю, что этот путь не есть путь мудрости. Допустим следующее: быть сильным и жестоким хорошо. Да и как иначе может выжить народ? Но, по-моему, хорошо, кроме того, быть мудрым и действовать по серьезном размышлении. И поэтому вот мой совет: если мы завоюем камбров, то и они, и мы потеряем многих воинов. Мы станем слабее. А впереди будет неизбежная война с Тотилой. По-моему, лучше послать гонцов к камбрам и предложить им союз с нами против Тотилы до того времени, когда вернется королева Альквина. Это выгодно в обоих случаях. Если Альквина не вернется, камбры поневоле признают тебя, дядя, своим королем — ведь у них нет другого правителя, а с тобой они связаны военным союзом. Если Альквина вернется, она вряд ли отвергнет твоё предложение вступить в брак, потому что ты будешь спасителем ее народа. Более того, ее народ потребует от нее согласия на ваш брак, потому что, так или иначе,

замуж ей выходить придется. — Исполненная зрелой мудрости речь столь молодого человека была встречена возгласами одобрения.

Если бы не эти возгласы, если бы юноша изложил свои предложения дяде с глазу на глаз, то, возможно, Одоак с ними согласился бы и выдал их потом за свои собственные мысли. А так он только расвирипел еще больше.

— Плаксивые причитания старой бабы! Храбрецы тунги никогда не пойдут за таким малодушным ничтожеством! Да этот трус не может быть отпрыском нашего королевского рода! Я убью его! — Одоак грузно поднялся и схватился за меч. Несколько человек удержали его и усадили на трон.

К Леовигильду обратился старый воин, тот, что во время охоты предостерег юношу от опрометчивых действий:

— Тебе лучше уйти, мой мальчик. Мы не допустим, чтобы король с тобой расправился. Но находиться здесь тебе нельзя.

Леовигильд, бледный как полотно, покинул зал. Через некоторое время Одоак несколько успокоился.

— Этот мальчишка слишком долго испытывал наше терпение, — заявил он. — Его следует изгнать. Он не только трус, но и изменник. Благодарю за то, что удержали меня, — добавил он лицемерно. — Ни при каких обстоятельствах я не хотел бы пролить кровь родича, даже если он готов предать нас.

После этих слов в зале воцарилось красноречивое молчание. Его нарушил старый рубака, с угрюмым выражением на суровом лице:

— Тем самым вы лишаете престол наследника, государь. Разве таков обычай наших предков? Начнется мятеж, если люди узнают, что у вас нет наследника.

Одоак в замешательстве не сразу ответил:

— Ты что же, считаешь, я уже стар и ни на что не годен? Напрасно! Вот уладим дело с камбрами, и я женюсь. На Альквине или на какой-нибудь другой женщине. Не пройдет и года, как у меня будет наследник. Даю в том клятву!

— Мы рады это слышать, государь, — сказал старик. Одоаку почудилась в его тоне насмешка, но полной

уверенности в этом не было. Старик продолжал: — А что известно об этом черноволосом предводителе воинов Альквины? Не доставит ли нам неприятностей этот парень?

Обрадовавшись перемене темы, Одоак сказал:

— Я говорил о нем с торговцем Давасом. Обычный наемник, чужестранец, скитается в поисках приключений. Здесь у него нет ни друзей, ни врагов. Как говорят, оружием своим он владеет неплохо. Однажды ему крупно повезло — он убил Агилульфа. А потом, как мне сказали, он исчез. В ту же ночь, когда исчезли Альквины и колдун Рерин. Все это лишний раз подтверждает то, что мы должны совершить нападение как можно скорее. Камбры остались без королевы, волшебника и предводителя воинов. Когда еще подвернется такой счастливый случай? — Он обвел взглядом собравшихся — все глаза горели воинственным блеском. — Итак, заточите поострее ваше оружие, воины! — Потом Одоак обернулся к своему верному слуге; звали того Вудга: — Обойди все усадьбы и созови воинов. Со времени нашего последнего зимнего похода прошло много лет. Напомни всем, что нужно взять с собой столько провианта, чтобы хватило не меньше чем на две недели. После победы отъедемся, уж приберем к рукам запасы камбров!

Эти слова были встречены громким ликованием. О несчастном Леовигильде забыли. Одоак откинулся на спинку трона и довольно улыбнулся. Почти любую проблему, какой бы сложной она ни была, можно разрешить простым способом — маленькой войной с перспективой взять хорошую добычу.

Уже много часов скакал Леовигильд верхом на коне. Он не знал, куда податься. Никто его не преследовал. Никто не пытался его удержать, когда он уложил свои нехитрые пожитки на спину второй лошади и поскакал со двора. Быть может, быстрая смерть от руки кого-нибудь из людей Одоака была бы лучшим уделом. А сейчас он был презренным изгнанником, его вышвырнули за дверь, как безродного бродягу. На севере человек, не имеющий

родичей или семьи, является буквально приговоренным к смерти.

Его низкорослая мохнатая лошадка привычно рысила по снегу. От ее ноздрей поднимался пар, но она уверенно находила дорогу среди снежных наметов. В дни недавней лютой стужи поверхность снега схватило твердым настом, и сейчас он похрустывал под копытами.

Куда же податься изгнаннику? Все имущество Леовигильда состояло из двух лошадей, меча, шлема и превосходного бронзового панциря. На вторую верховую лошадь он погрузил также праздничное платье, костюм для верховой езды, короткое копье, щит из кожи и раскрашенного красками дерева. Да еще та одежда, которая была на Леовигильде, — вот и все. Однако ему никогда не пришла бы в голову мысль, что можно отправиться искать защиты у кого-то из богатых землевладельцев и стать крестьянином. Лучше умереть с голоду! Вооруженный воин знатного рода всегда может присоединиться к отряду наемников какого-нибудь князя. Это занятие хотя бы почетно. Но в таком случае ему еще далеко ехать, а в одиночку он едва ли останется жив в дальнем путешествии. Но тут Леовигильд снова подумал о том, что он является законным наследником престола королевства тунгов, — ни при каких обстоятельствах он не откажется от своих прав.

В невеселом раздумье он вспомнил и об Альквине. Если верить слухам, то и она сейчас находится как бы в изгнании. Возможно, тут замешан гнусный колдун Йильма, — тогда положение Альквины хуже, чем его собственное. Леовигильд никогда не видел королевы, но, судя по рассказам, она была дивной красавицей. Мысль о том, что красивую молодую женщину вынудят выйти замуж за Одоака, внушала отвращение.

Леовигильд хотел избежать столкновения с торманнами и с камбрами. Времена были еще более беспокойными, чем обычно. Никакой закон не защищал путника-одиночку. Многие люди, малодушно трусившие на поле боя, развлекались тем, что подстерегали путешественников и убивали, прежде измучив их пытками.

И тут Леовигильд вспомнил про одну долину на Севере. Много лет назад он обнаружил ее во время охоты. Там

никто не жил. Долина тянулась вдоль границы владений камбров и торманнов. По этой долине он может пробраться незамеченным за пределы обоих королевств, а там уж, наверное, найдется какой-то выход из положения. Может быть, он предложит свои услуги какому-то князю, до тех пор пока не представится случай вернуться домой и отстоять свое право на престол. Одоаку, несомненно, осталось жить недолго.

Под вечер Леовигильд устроился возле входа в долину и развел костер. Казалось невероятным, чтобы кто-нибудь обнаружил его здесь. В эту долину мог забрести разве что охотник или пастух в поисках отбившейся от стада коровы.

Леовигильд завернулся в свой теплый плащ и хотел уже лечь спать, как вдруг увидел в долине вспыхивающие среди деревьев призрачные огни. В испуге он схватился за амулет, висевший на шнурке у него на шее, и произнес заклинание, оберегающее от злых сил. Огни приблизились, и тут оказалось, что они ничуть не страшнее, чем догоравшие в его костре угольки.

— Имир! — пробормотал Леовигильд. — Я же не малое дитя, которое пугается блуждающих огней и прячется от них под одеялом. — Он заставил себя засмеяться и снова лег. Ничто его больше не беспокоило, однако спал он плохо, и всю ночь его мучили кошмары.

На следующее утро, сев верхом на коня, Леовигильд внимательно оглядел простирающуюся перед ним глубокую и поросшую густым лесом долину. Снега здесь было мало. Но это могло объясняться тем, что снег не проникал сквозь кроны деревьев. И все же чувствовалось что-то недоброе в этом пустынном месте. Леовигильду пришлось хорошенько прищипорить лошадь — иначе она не сдвинулась бы с места. В тот, первый, раз он пришел сюда пешком. Это было в середине лета, но и тогда сумрачная долина навела на него тоску.

В долине было теплее, чем на равнине, и тише. Растительность здесь также отличалась от окружающей. Вместо обычных елей и сосен вокруг стояли дубы. Они были невысоки, но поражало то, как густо они росли. Леовигильд проехал вперед, и подлесок заметно поредел, скакать стало легче. Дно долины было неровное, там журчал по камням

узкий ручеек. Густой мох и свисающие со склонов корни деревьев и плющи придавали этой долине некое странное очарование, однако оно почти терялось в безрадостном и тусклом сумраке.

Леовигильд поглядывал по сторонам в надежде на охотничью добычу — хорошо было бы поберечь скудные запасы провизии, которые еще оставались в переметной суме. Но крупного зверя видно не было, а мелкие звери уже впали в зимнюю спячку. Тем не менее Леовигильд держал наготове свой лук тисового дерева.

Он уже начинал жалеть о том, что выбрал путь через эту долину. Конечно, воины Тотилы и воины Альквины его здесь не найдут, но зато похоже было, что в долине могут объявиться драконы или великаны. В воображении Леовигильда возникли и ведьмы, обитающие в пещерах или под кустами. Ему казалось, что из-под поросших мхом камней выглядывают гномы. Он постарался отогнать эти видения.

— Бабы сказки, которыми пугают детей! — пробормотал он. — Людей мне следует остерегаться, а вовсе не кобольдов. — Приободрившись, Леовигильд дал шпоры коню. Впереди открывался просвет между деревьев и лежал глубокий снег. Дальнейшее разыгралось в считанные мгновения: он направил коня к снежному холму, и сугроб вдруг взлетел на воздух, взметнув тысячи белых хлопьев. Конь заржал и взвился на дыбы так резко, что юноша не удержался в седле и упал наземь. Он лежал, охваченный страхом, а высоко над ним взвилось в воздух страшное существо из кошмарного сна. Огромное, толщиной с человека змеиное туловище, треугольной формы голова. Злобные сверкающие глаза уставились, казалось, прямо на Леовигильда. Он понял, что обречен: громадное, древнее, как сама земля, чудовище...

— Снежный змей! — вырвалось у него.

Путешественники рассказывали, что им приводилось видеть гигантских змеев с белоснежной кожей. Они встречались в землях к северу от границы лесов, там, где солнце по шесть месяцев не заходит и по шесть месяцев не появляется на небе. Но никто никогда не встречал снежного змея в здешних лесах.

Вторая неоседланная лошадь Леовигильда в страхе умчалась прочь в дальний конец долины. Конь же, сбросивший Леовигильда, стоял, словно окаменев от ужаса. Леовигильд лежал без малейшего движения, и чудовище, наделенное лишь примитивным умом, направило свое внимание на коня. Змей разинул пасть — Леовигильд увидел загнутые внутрь зубы, с которых стекала желтая вязкая слюна. Змей метнулся вперед — Леовигильд услышал лишь страшное предсмертное ржание несчастного коня, затем ужасающий хруст костей.

Преодолевая боль, юноша слегка приподнялся. На одном из гигантских белых колец выпирали из-под кожи ноги его коня. Ледяной озноб пробежал по спине Леовигильда — чудовище проглотило коня целиком!

Но сейчас он мог спастись. Даже такому гигантскому монстру требовалось время, чтобы сожрать лошадь. Леовигильд ощупал свои руки и ноги. Боль была дикая, но ползти он все-таки сможет.

Он медленно пополз в сторону. Змей пристально следил за его движениями и силился изрыгнуть труп лошади. Это было невозможно из-за загнутых внутрь зубов чудовища. Змею пришлось снова проглотить коня. И всякий интерес к крохотному двуногому зверьку у него пропал.

Кряхтя от боли, но уже опомнившись от пережитого страха, Леовигильд вскарабкался на дерево. Многочисленные ссадины кровоточили. Чувствовал он себя так, будто на него разом напали все воины Одоака. Потом Леовигильд медленно зашагал дальше, на ходу обдумывая свое положение.

Он и раньше чувствовал себя покинутым и несчастным, но теперь все было намного хуже. У него осталось лишь платье, что было на нем, меч и кинжал, да еще более или менее уцелел он сам. Вторая его лошадь с поклажей укакала куда-то далеко вперед. В случае удачи он ее поймает. Леовигильд был готов проклясть свою судьбу, однако его удержала от этого мысль, что он все же не окончил свои дни в желудке пресмыкающегося.

Он остановился и перевел дух. Боли стали настолько нестерпимыми, что он согнулся пополам и уперся руками в землю.

— Имир, отец наш! Благодарю тебя за то, что я остался в живых. — Леовигильда не покидало подозрение, что Имиру до него мало дела. Но никогда не мешает поддерживать с богами добрые отношения.

— Ах! Такой молодой человек и такой благочестивый!

Леовигильд рывком поднялся при звуке этого человеческого голоса. Нигде никого.

— Покажись! — крикнул он.

— А вот я, прямо перед тобой!

Леовигильд пригляделся внимательнее, насколько позволял сумрак, и наконец разглядел. Перед ним всего в двух-трех шагах была большая, заросшая мхом скала. С ее вершины свисали длинные плети растений, отчего верхняя часть скалы походила на лицо человека. А в темных углублениях сверкали самые настоящие глаза! При иных обстоятельствах Леовигильд снова ощутил бы ледяной озноб страха, но после встречи со снежным змеем этот человек-камень показался ему лишь странным.

— Что ты за создание? — спросил он.

— Я могу задать тебе такой же вопрос, глупец!

Теперь Леовигильд увидел, что на камне сидит крошечный человек. Он так походил на окружающие камни и мхи, что Леовигильд не мог понять, то ли он одет в ломотья, то ли одежда на нем из мха.

— Я — Леовигильд, наследник престола королевства тунгов. Моего коня проглотил большой белый змей. Сейчас я ищу мою вторую лошадь.

— Что привело тебя сюда, в место, которого люди избегают с тех пор, как первый человек ступил на эту землю? — Человек поднял руку — она была несоразмерно большая — и почесал бурый, как древесная кора, подбородок.

— Это уж мое дело. Я хочу только пройти через эту долину дальше на север. Надеюсь миновать ее за два дня, но пешком идти придется гораздо дольше.

— Возможно, ты проведешь здесь еще больше времени. Гораздо больше, чем ты предполагал, — сказал уродливый человек.

Леовигильду вспомнились страшные сказки, которые он слышал в детстве. В них говорилось о пещерах и горах, куда гномы заманивали странников музыкой или

таинственными огоньками. Всю ночь они веселились с гномами, а покинув на рассвете их царство, обнаруживали, что на самом деле прошло двадцать лет или еще того больше.

— Уж не вздумал ли ты околдовать меня? — Леовигильд взялся за меч. После падения с лошади он не совсем оправился, но уж с этим-то коротышкой разделается в два счета.

Человечек громко захохотал. Его смех звучал так, как если бы застучали друг о друга два камня.

— Самое-то долгое время — смерть. Вы, людишки, так мало живете, — говорил он медленно, словно для него время не играло вообще никакой роли.

— Мне надо найти мою лошадь, — нетерпеливо повторил Леовигильд. — Здесь — твоя долина. Я был бы очень признателен тебе, если бы ты помог мне искать. Если не хочешь — пойду один. Не задерживай меня. — Он решительно повернулся, чтобы уйти.

— Не спеши, не спеши, мой мальчик! — Человечек поднялся на камне во весь рост. Леовигильду он не достал бы и до пояса, но зато толщина его превосходила рост в два раза. На несоразмерно длинных руках играли мощные мускулы. Леовигильд усомнился, что с легкостью одолеет этого человечка в поединке.

— Ну, пойдем поищем твою лошадь. И клянусь, один ты в этой долине недолго останешься в живых. — Гном поднял и положил на плечо дубинку. Это была корявая дубовая палица, длиной с ногу взрослого мужчины, старая, до блеска отполированная. Человечек вскинул ее на плечо с легкостью, словно это был ивовый прут. И вот они бок о бок зашагали вперед.

— Что же ты за человек? — спросил Леовигильд. — До сих пор я еще не встречал таких, как ты, хотя ты живешь совсем недалеко от моих родных мест.

— Я не человек, я нибелунг. Мое племя поселилось здесь на Севере задолго до того, как пришли люди — обладатели длинных ног и короткой жизни. Вы редко нас видите, потому что это нас устраивает. У долины настолько дикий пустынный вид, что заглянуть сюда отваживаются лишь немногие. Да и они быстро поворачивают назад, по-

тому что на них нападает необъяснимый страх. А те, кто устраивается на ночлег поблизости от долины, мучаются страшными снами.

— И со мной так было! Я не повернул назад только потому, что долина — единственный безопасный путь через земли моих врагов. — Эти слова вырвались у Леовигильда как бы против воли. Он вовсе не собирался признаваться в том, что от кого-то бежит.

— Может быть, мы, маленькие нибелунги, тебе поможем, — сказал его спутник. — Меня зовут Хугин. Иди теперь за мной, не отставая, Леовигильд. Много, что кажется тебе в этой долине обыкновенным, таит опасность.

— Некоторые опасности я уже познал, — сказал Леовигильд.

— Верно. Но если ты не заметил даже такое громадное существо, как снежный змей, то как же разглядишь маленьких, но не менее опасных? — Мшистые брови нибелунга поднялись и снова опустились, как крылья летучей мыши.

— А как это снежное чудовище очутилось в долине? — спросил Леовигильд. — Оно знакомо мне из самых древних наших сказок. Я слышал, что такие твари обитают в странах вечного снега, далеко на севере.

Они перебрались через несколько древесных стволов, которые лежали поперек долины со времен великой бури, что разыгралась здесь в древнейшую эпоху.

— Несколько змеев этой породы живет там, на Севере, — пояснил Хугин. — Раньше их было гораздо больше и обитали они на широких пространствах. Очень, очень давно — в такие древние времена, о каких вы, люди, и понятия не имеете, — весь мир был скрыт снегами и льдами. В те времена на земле хозяйничали снежные змеи, мамонты и гигантские обезьяны. Льды отступили на север, а вместе с ними и снежные чудовища. Но порой в мозгу этих северных жителей пробуждается древний инстинкт, который гонит их в южные края. Они вскоре возвращаются на Север, потому что не выносят жары и не находят на Юге привычной пищи. Тот змей тоже не задержался бы здесь надолго, но твоя лошадь пришла к нему, оголодавшему, как раз кстати. Теперь змей будет много дней спать.

Леовигильду казалось невероятным, что всего в нескольких часах езды отсюда стоят сосновые леса его родины. Эта долина была уголком какого-то другого мира.

Не все здешние опасности были такими диковинными, как снежный змей. Хугин обратил внимание Леовигильда на змеиное гнездо во впадине на берегу ручья. Гадюки этого вида Леовигильду раньше никогда не встречались. Если б Хугин его не предостерег, он наверняка угодил бы ногой в змеиный выводок. Кое-где на пути они замечали отпечатки копыт, и поэтому Леовигильд был пока спокоен: они идут по следу убежавшей лошади.

Около полудня им пришлось сделать большой крюк: из чащобы на их пути слышался громовой хrap. Леовигильд все же не удержался и с любопытством заглянул в просвет между ветвями. К своему удивлению, он увидел спящего кабана, превосходившего размерами крупного быка. Клыки его были длиной с человеческую руку. Первая мысль Леовигильда была об охотничьем копье, но он тут же опомнился: всех сетей и копий королевского двора Одоака не хватило бы, чтобы прикончить этого огромного зверя. И все завершилось бы кровавой резней и гибелью охотников.

И вдруг Леовигильду пришла в голову совсем другая мысль.

— Хугин, — заговорил он, — несколько дней тому назад исчезла королева камбров. Ее имя — Алькви́на, и, как я слышал, она необыкновенно красива. Предполагают, что вместе с нею находится ее лучший воин, черноволосый чужестранец, о котором рассказывают, что он необыкновенно силен и ловок в бою на мечах. Они не проходили этой долиной?

— Нет, — ответил Хугин. — Если бы проходили, я бы услышал.

— Жаль. — Леовигильд разочарованно вздохнул.

Мишистые брови нибелунга снова поднялись:

— А тебе, видно, очень важно узнать, где скрылась прекрасная королева?

— Так и есть! Я многое отдал бы за то, чтобы узнать это. Если только королева жива. Это очень важно и для моего, и для ее народа.

— И для тебя самого! — добавил Хугин с трескучим смехом. — Я отведу тебя к тому, кто, может быть, расскажет тебе о твоей исчезнувшей королеве... и о многом другом. Ты только ступай за старым Хугином.

— К кому ты меня ведешь?

Хугин не ответил.

Чем дальше на север они продвигались, тем шире становилась долина. Неожиданно перед ними раскрылась маленькая полянка.

Там, под дубом, стояла и щипала траву лошадь Леовигильда. И вдруг он увидел, что лошадь привязана к дереву.

— Кто поймал и привязал мою лошадь? — спросил он.

— погоди, скоро узнаешь. — Хугин подошел к дубу. Леовигильд увидел, что на земле там лежит узелок — это были его вещи. Все, что он нагрузил на лошадь. Леовигильд сразу воспрянул духом.

— К кому ты привел меня, Хугин? — спросил он. Дело в том, что ему уже успели порядком надоест голоса, принадлежащие неизвестно кому.

— Посмотри наверх! — откликнулся с дерева женский голос. Леовигильд поднял голову и всмотрелся.

На толстом нижнем суку стояла на особой площадке маленькая хижина. Над крышей вился дымок от огня, которого видно не было, так же как и обладательницы голоса.

— Покажись! — крикнул юноша.

— Если хочешь меня увидеть, войди в мой дом, молодой человек!

Как ему показалось, голос прозвучал чуть насмешливо. Ладно! По обычаю земляков Леовигильда, тот, кто шел к другому в дом, не должен прятаться, чтобы ясно было, что у него честные намерения. А хозяину дома полагалось выйти на порог и приветствовать гостя и быть при этом невооруженным или хотя бы не касаться рукой оружия. У обитателей этой долины обычаи были удивительные, поэтому-то Леовигильд и не заподозрил подвоха. Да и голос ведь был женский — юношу это успокоило, что объясняется его молодостью и неопытностью.

На стволе дуба он заметил торчащие, как ступени лестницы, сучья. Не сняв с себя меч, он довольно ловко забрался наверх. Если ты охотишься в северных лесах на

кабанов и медведей, то на деревья залезать поневоле научишься. Но когда он увидел женщину, которая, скрестив ноги, сидела на пороге хижины, Леовигильд едва не сорвался вниз, потеряв равновесие. В последнюю минуту он ухватился за сучок, и тот спас ему жизнь и, что еще важнее, позволил сохранить достоинство.

Леовигильд ожидал увидеть особу женского пола, но в остальном похожую на уродца нибелунга Хугина. А перед ним была молодая и дивно прекрасная женщина. Не было на ней и грубого одеяния из мха — на ней вообще одежды не было. От волнения и неожиданности в голове у Леовигильда закружилось.

— Иди сюда, садись! — пригласила женщина еще более весело, чем прежде.

Леовигильд сел рядом с нею. Как он ни прятал глаза, взгляд его вновь и вновь обращался к этой женщине. Никогда еще не встречал он такой красавицы! Волосы у нее были как вороново крыло — большая редкость для северян, а кожа такая нежная и светлая, что казалась почти прозрачной. На сердцевидном личике с высокими скулами ярко блестели большие раскосые глаза изумрудно-зеленого цвета. Она была хрупкая — тонкий стан, и при этом полная грудь и округлые бедра.

В горле у Леовигильда пересохло, и он не сразу смог заговорить:

— Я... М-м... Благодарю тебя, госпожа, за гостеприимное приглашение.

Никогда в жизни он еще не казался сам себе таким глупцом. Потом он удивился про себя — как же она не боится замерзнуть? Конечно, в долине было немного теплее, чем на равнине и в лесах. Но все равно здесь было так холодно, что даже он, закаленный северянин, не мог обойтись без подбитого мехом плаща.

— А ты, верно, чувствуешь себя очень неудобно? — спросила она.

— Прости, но в тех местах, откуда я пришел, не часто можно повстречать голую женщину. — Любезностям северяне не придавали слишком большого значения.

— А-а, понимаю! Не тревожься, мой народ не страдает от холода так сильно, как твой.

Леовигильду очень хотелось повернуть разговор в другое русло.

— Хугин сказал мне, что ты можешь ответить мне на некоторые вопросы, они очень важны для меня. Я не хочу утруждать тебя, но был бы благодарен за любую помощь.

— И как же ты думаешь меня отблагодарить? — Понять что-то по выражению ее зеленых глаз было невозможно. Леовигильд не мог взять в толк — то ли она над ним потешается, то ли говорит серьезно. Лицо ее оставалось невозмутимым, но за этой маской могла таиться и насмешка.

— Как видишь, имущества у меня немного. Но все, что у меня есть, я готов тебе отдать.

— Не беспокойся, я не потребую от тебя ничего, что ты не захочешь сам мне отдать. — Она достала из корзины несколько кусочков коры и бросила их в огонь, горевший в маленьком очаге. Над огнем поднялся ароматный дым. Она глубоко вдохнула его раз, другой...

Когда и Леовигильд вдохнул этого дыма, в носу у него начало щекотать. И странная скованность напала на него. Глаза слезились, он смотрел на женщину и видел ее отчетливо, словно вокруг прибавилось света.

— Как тебя зовут? — спросил он без обиняков.

Она сидела закрыв глаза. Когда, услышав вопрос, она их открыла, то Леовигильду показалось, что взгляд изумрудно-зеленых глаз блуждает где-то в дальней дали.

— Мое настоящие имя тебе знать нельзя. Тот, кто его узнает, получит власть надо мной. Зови меня Аталия. Племя мое — столь же древнее, как племя Хугина. Но если нибелунги — существа из земли и воды, то наши стихии — огонь и воздух. Нам ведомы тайны прошлого и будущего. Итак, спрашивай!

Леовигильд не раз слышал о ведьмах и ясновидящих, которые предсказывают будущее и владеют искусством ворожбы. Но он всегда считал их или мошенниками, или слегка помешанными. Эта женщина была совсем другой. И лицом и телом — прекраснее, чем любое видение его грез и снов, но притом она оставалась такой же чуждой ему, как гном Хугин. Но может быть, она действительно наделена даром прорицания? О чем же спросить ее? Леовигильда интересовало его будущее, но в сказках его народа

герои, которым предсказывали их гибель, предпринимали все, что было в их силах, чтобы избежать несчастья, и неизбежно все, что бы они ни сделали, лишь приближало неотвратимую смерть.

Потому что Богам не угодно, чтобы смертные узнавали слишком многое о своем будущем. Прошлые Леовигильда не интересовало. А вот в настоящем было много такого, что приводило его в смятение. Может быть, великий Имир и прочие, менее значительные, боги не станут возражать, если он узнает кое-что о положении дел за пределами этой долины. Леовигильд спросил:

— Где сейчас Альквина, королева камбров?

Аталия закрыла глаза и глубоко вдохнула ароматный дым. После продолжительного молчания она заговорила медленно, каким-то новым, низким голосом:

— Она сейчас не здесь, не в этой долине... И не в этом мире, который ты знаешь...

Леовигильд почувствовал огромное разочарование. Эта женщина говорила загадками, как драконы в сказках.

— Ты хочешь сказать, что она умерла?

— Нет. Есть многое, кроме смерти. В иные из таких миров открыт доступ волшебникам... В иные смертные попасть не могут... Она очутилась там под действием темных сил.

— Йильма! — прошептал Леовигильд. — Она там одна?

— За ней последовали двое мужчин. Один — старик, маг. Другой очень высокого роста. Волосы у него черные, как мои. Он необычный человек, он отмечен печатью необычной судьбы. Но на севере он не останется, судьба этого чужестранца не исполнится здесь, в северных лесах.

— Это, наверное, ее волшебник Рерин и предводитель воинов, его имени я не знаю. Ну, тогда ее положение не такое уж отчаянное! А что сейчас с ее народом, с камбрами?

После длительной паузы Аталия сказала:

— Они остались без правителя и пребывают в отчаянии. Если на них нападут, они будут с легкостью захвачены врагами, потому что сердце камбров не с ними.

Прежде чем задать следующий вопрос, Леовигильд тщательно взвесил каждое слово.

— Я не спрашиваю тебя о том, что мне делать. Не спрашиваю и о том, сколько мне еще осталось жить. Скажи, каким был бы наилучший образ действий в моем положении?

Она улыбнулась:

— А ты осторожен. Это хорошо, ведь осторожные люди живут дольше, чем горячие головы. Я дам тебе ответ. Не считай его предсказанием будущего. Ступай к камбрам и их королеве. Добрая ли, злая, — но твоя судьба совершится в их владениях. И помни: только нечестивец попытается избежать своей судьбы.

— Хорошо, я пойду к камбрам.

У Леовигильда словно гора с плеч свалилась. Решение было принято. Теперь ему не придется ломать себе голову. Он уйдет отсюда, из этой долины, и направится в крепость Альквины, что стоит на равнине посреди огромных каменных глыб. После диковинных приключений в долине мрачные камни с их устрашающими очертаниями могли показаться почти приветливыми.

— Осталось выяснить насчет благодарности за мою помощь, — сказала Аталия. В ее зеленых глазах теперь засветилось какое-то новое выражение.

— Что я должен тебе дать? — спросил Леовигильд.

Она встала и словно по воздуху перелетела к нему в объятия. Сквозь одежду он почувствовал жар ее нагого тела, которое было горячее, чем у любой смертной женщины.

— Я ведь уже сказала тебе, — зашептала Аталия, — ты ни о чем не будешь жалеть. — И она медленно повела его в свою хижину.

Занимался морозный день. Зиггайр стоял в дозоре. Как уже не раз за последние недели, он вглядывался в каждый камень большого каменного круга на равнине, понапрасну надеясь, что Альквина вдруг снова появится в том месте, где она так непостижимо исчезла. Зиггайр призвал воинов выйти в поход против Тотилы, убить короля и взять под стражу его колдуна Йильму. Как и большинство остальных, Зиггайр не сомневался, что исчезновение Альквины

устроено колдуном. Может быть, им удалось бы тем или иным способом заставить Йильму вернуть камбрам королеву. Несколько человек согласились, но другие — почти все — испытывали слишком большой страх перед Тотилой и Йильмой. Призыв Зиггайра не поддержали.

Но что это? Кажется, там, на западе, что-то движется? Да, к крепости приближался всадник на низкорослой лошади. В это время года путешественники были большой редкостью. Может быть, сюда скачет чей-то гонец? Или это странствующий бард, который за ночлег и горячий обед потешит их своими песнями? Всадник подъехал ближе, и Зиггайр увидел приятного молодого человека в богатом платье, какое носят знатные люди.

— Кто ты? — крикнул Зиггайр со стены.

Молодой человек поднял голову и улыбнулся:

— Леовигильд, в прошлом принц тунгов, а ныне — изгнанник. Кто сейчас возглавляет камбров вместо королевы Альквинны? У меня есть важные новости.

Король Тотила скучал. Зимой в жизни только и было, что еда, сон и игра. Так проходили долгие зимние дни. Весной же снова начиналась охота, война, разбойничьи походы — увеселения, подходящие человеку знатного рода. Иногда и зимой выезжали охотиться, но сейчас миновал уже праздник середины зимы — дичи в лесу было мало. Если не удавалось подбить оленя или кабана — а такое случалось, — то приходилось довольствоваться копченым мясом и вяленой рыбой.

Но могло быть гораздо хуже. Тотила помнил зимы, когда его воинам приходилось питаться сыром и пшеничной кашей, словно рабам или слугам. При этой мысли Тотила передернулся, как от озноба. Лучше уж честная гибель в бою, чем такое жалкое прозябание. Он слышал о жизни королей на юге, где весь год цветет весна, где пьют не прокисшее пиво, а игристое вино. Вот так должен жить король! И Тотила хотел жить так. Нужно было только разделаться с соседями. Уж тогда он продвинет свою границу на юг и там, вблизи заморийских пределов, поставит свою новую столицу.

Но то были лишь мечты о будущем. Пока что перед ним стояла другая задача — как покорить соседей? Помочь в ее решении мог колдун Йильма, на которого король все более полагался. Тотила не был до конца убежден, что поступает правильно, доверяясь Йильме, но что оставалось делать? Королю нужен советчик, ибо истинная задача короля — война.

Как по заказу, Йильма вдруг появился в зале. Почти никто из воинов не обратил на него внимания. Они призывали к колдуну. К тому же зимой они играли в кости неторопливо, обдумывая каждый ход, сосредоточенно — ведь время все равно некуда девать.

— Я принес важное известие, государь, — сказал Йильма.

— Самое время чем-то развлечься, — ответил Тотила. — Правильно ли мое предположение, что ты хочешь сообщить мне что-то об Альквине? Ты пришел сказать мне, что твои союзники-духи, которых ты так превозносил, уже доставили тебе Альквину и ты готов привести ее ко мне?

— Нет, государь. Как я уже говорил тебе, в мире духов время течет совсем не так, как у нас. Здесь проходят недели, а там это два или три дня. — Колдуну сделалось не по себе от вопросов властителя. В мире духов, должно быть, стряслось что-то нежелательное. У него не было даже слабой догадки о том, что могло помешать осуществлению такого великолепного, тщательно продуманного плана. Йильма опасался, что терпение Тотилы скоро лопнет. Но сейчас у колдуна было чем его отвлечь.

— Речь идет о наших соседях, тунгах и камбрах.

— Ах вот оно что! — Любопытство Тотилы проснулось. Он взял свой шлем и принялся вертеть его в руках. Как и все воины-северяне, король ценил тонкую работу по металлу.

— Я получил известие, что король Одоак изгнал своего наследника, молодого Леовигильда. Несколько дней назад юноша укакал со двора, и никто не знает, что с ним стало.

Тотила захохотал громовым хохотом:

— С наследником покончено! Этот безмозглый боров Одоак собственными руками роет себе могилу. Раз у него

нет больше наследника, тунги с радостью признают меня своим новым правителем. А Одоака я убью.

— У тебя тоже нет наследника, государь, — умерил колдун его пыл.

Король мрачно взглянул на него, сдвинул брови:

— Будет! Только приведи ко мне Альквину. Не забывай — я гораздо моложе Одоака. Никто не усомнится в том, что я способен дать жизнь наследнику престола. Я доблестный воин. В моих жилах течет королевская кровь. Ни народ Альквины, ни народ Одоака не посмеют воспротивиться тому, что я стану их правителем. Если я женюсь на Альквине — а она также ведет свой род от древней династии, — то наш сын будет наследником, против которого никто не посмеет возражать. Я прав или нет, колдун?

— Ты прав, государь. Но мне известно о камбрах кое-что еще. После того как мои союзники похитили Альквину, камбры бездействуют, сидят в своей крепости на равнине Больших камней. Мне удалось узнать, что Одоак задумал извлечь выгоду из нынешнего положения камбров, лишившихся правительницы. Он нападет на них в ближайшие дни.

— Зимний военный поход! — радостно воскликнул Тотила. — Кто бы мог подумать, что в старике Одоаке так силен дух предприимчивости! Обычно он всю зиму пьянствует. — Тотила замолчал. Он взвешивал все возможности, которые открылись перед ним после полученного известия. — Так, теперь мне понятен ход его мыслей. Он изгнал наследника. Теперь он должен как можно скорее доказать, что по-прежнему является выдающимся военачальником. В противном случае воины убьют его и признают своим королем молодого Леовигильда. Напасть на меня Одоак не посмеет, зато камбры представляют собой заманчивую цель.

Йильма кивнул. Он получил еще одно подтверждение правильности своего выбора. Тотила годился для того, чтобы стать не простым, а великим королем. У этого человека был быстрый ум, твердая рука и не было совести.

— Настолько заманчивую, что я сам по ней ударю, — заявил Тотила. — Проглочу разом оба народа. Нельзя упустить такую возможность. Воины! — крикнул он громовым

голосом. — Готовьтесь в путь, прощайтесь с родными! Нам предстоит зимний военный поход.

Поднялся оглушительный радостный шум. И вот уже второй народ севера начал готовиться к войне.

Глава одиннадцатая ОХОТНИК ИДЕТ!

— Ты уверен, что знаешь, куда мы идем, старина? — спросил Конан. Он шагал впереди Рерина и Альквины и смотрел, нет ли где врагов с телом из плоти и крови, с кем он мог бы сразиться. Рерин же напряг все свое чутье, чтобы вовремя заметить опасное колдовство.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным здесь. То есть не очень уверен. Где-то впереди находятся ворота. Через них мы сможем вернуться в наш мир и очутиться в том месте, из которого перенеслись сюда. Кроме этого, я почти ничего не могу сказать.

Они шли через лес, деревья в нем были высокие и росли густо. Порой над кронами пролетали большие призраки с трепещущими крыльями. Но те твари, что попадались внизу, были маленькими и сами уходили с дороги людей.

— Я молюсь Имиру, чтобы нам поскорее вернуться назад! — сказала Альквина. На ней была рубаха Конана. Киммериец накинул на плечи свой плащ из волчьей шкуры. Оторвав край рубахи, Альквина кое-как смастерила себе обувку. Было не очень холодно, поэтому они не мерзли в этой одежде.

Они еще ничего не ели с самого утра, а вчера разделили на троих маленького зверька, убитого Конаном. Но люди севера привычны к лишениям.

— Ох, Эрик Черный! Да когда же мне попадетса зверь! — Конан терял терпение. В животе у него громко урчало.

— Стой! — сказал Рерин.

— Ну что такое?

— Я что-то чувствую... Не знаю... Что-то совсем близко. Оно исполнено зла этого мира.

— Ты можешь сказать, какое оно? — спросила Альквина.

— Нет, ничего подобного я не видел в трансе. Оно не такое, как обитатели замка, и не такое, как демоны, которые тебя похитили. Больше я ничего не могу сказать.

— Надеюсь, это не еще один адский скорпион? С меня вполне хватило одного, — сказал Конан.

— Нет, по-моему, нет, но... — Рерин поднял голову. — Смотрите!

Они взглянули туда, куда указал Рерин. На дальнем холме виднелась фигура всадника на коне. По ветру развевался длинный широкий плащ. Лицо было скрыто под сверкающим серебряным шлемом. В прорезях для глаз полыхал зловеющий красный огонь. На таком большом расстоянии невозможно было разглядеть оружие и доспехи всадника. Конан вспомнил, о чем говорили демоны, когда он спрашивал их об Альквине: «Будет послан Охотник!»

— Если это человек, — сказал он, — то и он сам, и его конь гораздо больше нормального роста. И он определенно не желает нам добра.

Альквина обратилась к Рерину:

— Ты думаешь, это человек?

— Мне кажется, вряд ли здесь существуют настоящие люди, — отвечал старик. — Кроме нас и, возможно, нескольких пленников, которых они похитили из мира людей. Но что это — я не могу сказать.

И вдруг всадник резко повернул кони и во весь опор поскакал прочь.

— Мне очень не нравится этот всадник, — сказала Альквина.

Конан пожал плечами:

— В этом проклятом плотном воздухе никак было не разглядеть его. С виду — вроде великан, но, может быть, размеры искажены, как при миражах. — На самом деле Конан совсем не предполагал, что они увидели мираж, но не хотел еще больше пугать своих спутников. Если этот всадник затекает что-то против них, то беспокоиться лучше не заранее, а тогда, когда опасность станет угрожать непосредственно.

Они продолжили свой путь по лесу. Постепенно он сменился скудно поросшей деревьями и кустами равниной; здесь бежали ручьи и кое-где светлели луга. Конан заметил, что эта местность похожа на ту, куда они с Рерином попали в самом начале, едва очутившись в Стране демонов. Настроение Конана улучшилось, тем более что и видимость здесь была лучше — теперь он увидел бы врага еще издали и смог бы подготовиться к бою.

Заночевали они на лугу. Конан сделал себе копье из крепкой ветви и подбил животное, похожее на косулю. В этот вечер они поели отличного жаркого.

— Завтра утром будем у ворот, — сказал Рерин. — Я отчетливо чувствую, что они очень близко. Чуть-чуть осталось идти.

— А что всадник? Ты чувствуешь его присутствие? — спросил Конан.

Рерин сосредоточился. Прошло несколько минут.

— У меня нет уверенности. Видишь ли, всякий магический предмет окружен особой аурой, которую может обнаружить тот, кто обучен этому искусству. Но аура бывает более сильной или более слабой. Сильная аура может перекрыть слабую, — так, мы не видим огонек свечи при ярком солнечном свете. Здесь магические ауры перекрывают одна другую, и различить их трудно. Сигнал, который исходит от ворот, очень сильный и отчетливый. А всадник... — Рерин пожал плечами, — у него не столь сильная аура, но очень, очень зловеющая.

— Конан, как думаешь, сможешь ты победить этого жуткого всадника? — спросила Альквина.

— Конечно. Если он смертен... А он наверняка смертен!

— Почему ты так в этом уверен?

— Потому что на нем шлем, — ухмыльнулся Конан. — Бессмертному не нужны доспехи. Он носит шлем, потому что не хочет, чтобы раскроили его череп.

— Надеюсь, ты прав, — сказал Рерин. — Мое чувство говорит мне, что завтра мы узнаем о нем намного больше.

На следующий день они шли по гористой местности с мощными скалистыми образованиями и редкими низкорослыми деревцами. Воздух был все таким же плотным, похожим на воду, все формы и очертания призрачно

расплывались. В какой-то момент им показалось, будто вдали послышался топот копыт. Они продвигались вперед с предельной осторожностью, опасаясь, что враг ударит прежде, чем они достигнут ворот.

— Вот они! — воскликнул Рерин, когда они поднялись на небольшую возвышенность. Внизу, во впадине, перед ними стояли каменные ворота, такие же, как те, через которые они вошли в Страну демонов. Колоссальные каменные столбы вздымались над землей, покрытой травой, в которой, казалось, не было ни зверьков, ни насекомых. Настороженно, с опаской они подошли ближе.

— Сколько тебе потребуется времени? — спросил Конан волшебника.

— Час, а может быть, и два. Но не больше. — Рерин достал из своей котомки пучки трав, камешки, косточки и прочее. — Алькви́на, помоги мне собрать хворост и развести огонь. Надо спешить. Но при колдовстве нельзя ни о чем забыть. Если я пропущу хотя бы одно слово или жест, все придется начинать сначала.

— А я могу чем-то помочь? — спросил Конан. Ему была ненавистна сама мысль о том, что придется участвовать в колдовстве, но он был готов преодолеть отвращение, если от этого зависело спасение жизни.

— Стой на страже. Если появится наш преследователь, нельзя, чтобы он мне помешал.

— Постараюсь не подпустить его близко, — пообещал Конан. — Приступайте к работе! А я поднимусь вон на тот пригорок и буду поглядывать по сторонам.

Поднявшись на холм, он увидел вокруг все тот же пейзаж. Кто же он, этот всадник? Какими силами располагает? Конан с сожалением вспомнил о своем панцире. Он не привык всецело полагаться на защиту доспехов, однако понимал, что в ближнем бою панцирь мог спасти ему жизнь. Сейчас у него были только меч и шлем. Щита не было. Пустяки! Не так давно он сражался вообще голый и все же остался жив. Киммериец присел на камень и стал ждать.

Рерин и Алькви́на сидели у огня, разведенного перед воротами. Конан слышал волшебные песнопения и видел поднимающийся над огнем густой дым, который то и дело

менял свой цвет и медленно окутывал столбы ворот. Голос старого мага то поднимался до тонких жалобных нот, то становился низким, угрожающим. Наблюдая за этими колдовскими действиями, Конан стиснул зубы. Он даже вздохнул с облегчением, когда услышал грохот тяжелых копыт.

Киммериец поднялся и вынул из ножен меч. Поджидая всадника, он невозмутимо опробовал лезвие большим пальцем.

Всадник вынырнул из леса. Похож на человека и сидит на чем-то, что похоже на коня. Но чем ближе он подъезжал, тем яснее Конан видел, что ни человека, ни коня нет. Они были словно бы сделаны, вернее, отлиты из цельного куска. Сверкали доспехами, но разглядеть их не удавалось из-за широкого плаща всадника. Теперь это существо шло прямо на Конана. Глаза у коня полыхали сквозь прорези в гладком наголовнике тем же багровым огнем, что у всадника.

— Расстояние достаточно! — крикнул Конан. — Что привело тебя сюда? Не вздумай помешать этим людям! — Он махнул рукой в сторону Рерина и Алькви́ны, а сам между тем не спускал глаз со всадника.

— Я — Охотник, — произнес голос, звук которого был странно гулким. — Я пришел, чтобы отвести всех вас к моему повелителю.

— Кто же он? — Ответ был, в сущности, безразличен киммерийцу, но он старался выиграть каждую секунду, чтобы Рерин успел закончить свои волшебные действия.

— Я служу владыке Страны демонов, — отвечал стальной всадник. — Следуй за мной!

— Если нам захочется нанести визит твоему владыке, то мы и сами найдем дорогу. Убирайся! — крикнул Конан. — И если тебе дорога жизнь, не пытайся задерживать нас!

Не проронив более ни слова, Охотник бросился вперед. Он едва не сбил Конана с ног. Обыкновенная лошадь, перед тем как пуститься в галоп, чуть подается назад и приседает на задние ноги. Здесь же — ничего похожего! Все четыре ноги оторвались от земли одновременно. С ошеломляющей скоростью конь несся на Конана. Всадник не шелохнулся, однако в его правой руке вдруг блеснул длинный клинок. Он обрушился на Конана. В последнюю

секунду тот отскочил — клинок лишь отсек край его волчьей шкуры.

Инстинктивным движением Конан нанес удар в бок коню, рассчитывая отрубить ногу всадника. Сталь звонко ударила по ножному доспеху. Конан тут же отпрыгнул в сторону. Ранить всадника не удалось. И, к удивлению Конана, ему показалось даже, что под доспехом вообще не было ноги.

Все еще не оправившись от удивления, он ожидал следующей атаки. Конан не любил занимать в сражении оборонительную позицию, но понимал, что глупо переходить в наступление, до тех пор пока он не будет знать сильные и слабые стороны противника.

Новая атака. Теперь всадник низко пригнулся к шее коня и сделал попытку насадить Конана, точно курицу на вертел, на свой клинок. Однако Конан уже приготовился и бросился влево, чтобы нанести удар по левому боку всадника. Конан как следует размахнулся — но тут в левой руке всадника вдруг вырос второй клинок. Он был в четыре фута длиной. Сталь обрушилась на голову киммерийца — он отчаянно отбил удар. Ему удалось отвести клинок врага и уберечь голову, но он получил рану в левое плечо.

— Кром! — вскричал Конан. — Откуда еще этот клинок? Эй, Рерин, долго еще?

— Несколько минут! — крикнул в ответ Рерин. — Заклинания уже произнесены, но нужно немного времени, чтобы все исполнилось.

— Постарайся ускорить дело! Он так сражается — я еще такого не видал!

Стальной всадник вновь наступал. Конан уже знал, что сражается не с живым существом. Разумнее было бы броситься наутек, а не подставлять себя под удары. Но киммериец помнил о своем долге. Пока он дышит, пока в груди бьется сердце, он будет защищать свою королеву от этого Охотника. А тот мчался на Конана, поднимая оба клинка. Он держал их в широко расставленных руках. Конан ждал, поднимая меч обеими руками над правым плечом. Отскочить в сторону было нельзя, а раз так, он раскроит голову коня. Никогда еще ему не встречался враг в таких доспехах, которые не мог бы разбить хороший удар мечом.

Охотник был уже в десяти шагах. И тут из лба коня, точно между глаз, вырос метровой длины рог, который вдобавок вращался, как сверло. Серебром блестящие острые зубы. Конан подхватил с земли камень и швырнул в голову всадника. Он попал точно в глазную щель на шлеме. Конь вздрогнул. Но вращающийся рог был уже на расстоянии ладони от груди Конана. Киммериец подпрыгнул и изо всей силы ударил всадника по плечу. Тот чуть пошатнулся. Но лезвие меча даже не оставило на его доспехах заметного следа.

При следующей атаке Конан схватился за плащ всадника, чтобы стащить его с коня. Плащ тяжело соскользнул на землю — и тут Конан наконец увидел, с кем он сражается. Шлем всадника был гладкий, зато доспехи на всем туловище состояли из множества подвижных стальных колец, соединенных друг с другом. Хитрый механизм скреплял всадника с конем так, что они составляли единое целое — человек-зверь.

Охотник готовился к очередному нападению, Конан же тем временем искал — где же у этой штуковины слабое место? Стальные кольца были пригнаны друг к другу так плотно, что между ними не прошла бы и иголка. Но должен же быть какой-то доступ к более уязвимым внутренним частям машины! Конан лихорадочно соображал. Единственная щель — это прорези для глаз. Может быть, там, за ними, и не глаза вовсе, а скорей всего какие-то части, не столь невосприимчивые к ударам стального меча, как доспехи всадника.

Когда конь помчался на него, Конан был в полной готовности. В точно рассчитанный момент он сделал шаг в сторону, увернулся от клинка в правой руке Охотника и схватил его за руку. Уцепившись за нее, он перемахнул на коня, за спину всадника. Меч пришлось бросить, и Конан выхватил из-за пояса кинжал.

Он уже ударил было кинжалом в глазную прорезь, как вдруг на спине всадника, там, где должен проходить позвоночник, выскочил целый гребень остро заточенных лезвий. Конан мгновенно отпрыгнул и скатился вниз по крупу коня. И вовремя! Потому что там, где он сидел секунду назад, из спины коня выросли такие же блестящие

ножи. Конан подхватил с земли свой меч. Да когда же кончится этот кошмарный сон? Он ненавидел чувство беспомощности.

— Сюда! — закричал тут Рерин. — Ворота открылись!

Конан бросился бежать со всех ног. Внутри ворот кружил разноцветный бешеный вихрь. Альквина махала ему руками. Конан не осмелился оглянуться назад, чтобы увидеть, близко ли Охотник. Гигантскими шагами сбежав с холма, он втолкнул Рерина и Альквину в ворота. И только тогда оглянулся — он не мог оставить этих двоих без прикрытия.

Враг летел стрелой, но был все же достаточно далеко — Конан как раз успел попятиться и войти в ворота.

Все вокруг завертелось. Он потерял в этом вихре всякое представление о пространстве. А потом почувствовал страшный холод. Он стоял по шиколотки в снегу. Воздух был холоден и чудесно прозрачен. Конан сделал несколько шагов. И тут увидел, что вокруг столпились люди. Он стоял в окружении толпы на равнине Больших камней. Стоявшие вокруг были воинами Альквины. Другие люди бежали к ним из крепости.

— Прочь от ворот! — крикнул Конан.

В толпе поднялся крик ужаса — Охотник во весь опор промчался сквозь ворота. И вдруг, словно оцепенев, замер на месте. Он как будто высматривал в толпе людей свою добычу. И Конан лихорадочно огляделся. Он искал подходящее оружие. Наконец увидел. Один из воинов держал копье двенадцатифутовой длины — такими копьями пехота сражается со всадниками.

— Реккаред! Дай мне твое копье! — крикнул Конан.

Воин перебрал копье Конану, не отводя взгляда от страшного всадника. Конан осмотрел наконечник копья — длинный и узкий, как раз то, что надо!

При звуке его голоса всадник повернул голову. И конь пустился вскачь. На сей раз уже из боков коня выросли две длинные изогнутые сабли, а из груди две алебарды. Но стальной конь двигался уже не так уверенно и быстро, как раньше.

По толпе пробежал ропот восхищенного изумления, когда непобедимое — так всем казалось — чудовище из

стали начало приближаться к крохотной в сравнении с ним фигурке Конана. Разве в силах человек из плоти и крови остановить эту адскую машину. Никто не сомневался, что киммериец будет сметен и рассечен на куски.

А Конан стоял, сжимая в руках древко копья. У него только одна попытка — победить или погибнуть. Глазные прорези в шлеме всадника были узкими. «Нужно вогнать копье в них наискось, иначе повисну на древке, но ничего не добьюсь», — подумал Конан.

Охотник наступал. Конан ударил копьем и попал точно в левую прорезь. Внутри раздался треск. И тут Конана отбросило назад. С дикой решимостью он не выпустил из рук копья, несмотря на то что по рукам пробежала болезненная сильная дрожь.

Из прорези посыпались искры и повалил дым. Воздух наполнился странным запахом — так бывает, если где-то недалеко в землю ударит молния. Охотник завертелся волчком вокруг собственной оси. Конан, казавшийся по сравнению с ним крохотным, уцепившись за древко, кружился в воздухе. Крепкое ясеневое древко не сломалось. И тут сноп синих искр взметнулся из глазных прорезей Охотника. Из всех щелей доспехов поползли струи дыма. Всадник повалился на спину коня. Конь содрогнулся и замер. Настала мертвая тишина.

Конь и всадник застыли и казались ледяной фигурой. Охотник был мертв — если только он когда-либо был живым.

— Что это было? — спросила Альквина. Она и все остальные подошли к киммерийцу.

Зиггайр пояснил:

— Мы увидели сполохи огня над большими воротами, государыня. И прибежали сюда. Мы подумали, что, может, это ты и твой маг вернулись. Но пойдем скорее в крепость. Здесь, на равнине, мы в большой опасности.

— В опасности? — Альквина удивилась. После уничтожения Охотника никакие опасности не страшны — так она думала.

— Сюда идут наши враги, — сказал Зиггайр. — Надо укрыться за крепостной стеной и обороняться.

Кто-то крикнул:

— Смотрите!

Все посмотрели на металлического Охотника. С невероятной быстротой его покрывала ржавчина. Со скрежетом и треском отвалилась рука, потом подогнулись ноги коня, и Охотник с грохотом повалился наземь и треснул пополам. Изнутри посыпались шестеренки, рычажки, колесики и многое другое.

— Он не мог остаться невредимым в нашем мире, — заметил Рерин.

— Я безмерно счастлив, государыня, знать, что ты в безопасности!

Альвина отвела глаза от ржавых обломков и увидела перед собой красивого молодого человека с белокурыми длинными волосами и бородой.

— Я Леовигильд, племянник короля тунгов Одоака.

Альвина метнула на него грозный взгляд, но каждому было ясно, что юноша возбудил ее интерес.

— Разве мою крепость взяли враги, коль скоро племянник и наследник Одоака находится среди моих воинов?

— Я уже не наследник, — ответил юноша. — И клянусь, я не враг тебе. Пойдем в крепость! Там ты сможешь надеть более подходящее платье. А затем обсудить все спокойно и не спеша.

Альвина приняла подобающий королеве гордый вид, кивнула молодому человеку и направилась к крепости. За ней последовали и все остальные. Конан шел последним. Он чувствовал, что его несколько обошли почетом. Его великий подвиг уже заслонили собой последние политические события. Рерин подошел к нему:

— Не отставай, Конан! Во дворце тепло и поесть дадут. Если ты надеялся покрыть себя вечной славой, то надо было пригласить барда. Пускай бы присутствовал при твоих подвигах и воспел их потом.

— Она что, действительно так низко ценит мою службу? — обиженно сказал киммериец. — Пока этот зеленый юнец превратится в настоящего воина, пройдет не один годик!

— Воины приходят и уходят, — отвечал Рерин. — Альвина же королева. Она должна заботиться о благе своего

народа. Скажу тебе по секрету, я говорил с ней о том, чтобы сделать тебя принцем-регентом и...

— Эге! Да я весной сяду на первый же корабль, который пойдет на юг. Если я пожелаю получить королевство, то я его завоюю! Клянусь Кромом! Королевства — приданого за женой — мне не нужно!

— Тогда все в порядке. Леовигильд — из королевского рода, Альвина тоже. Может быть, соединившись, они спасут свои народы от гибели.

Глава двенадцатая КРОВЬ НА СНЕГУ

Конан сидел, мрачно уставясь в свою кружку с пивом, и молчал, а в это время королева камбров и изгнанный наследник престола тунгского королевства держали совет. Как ни противно было киммерийцу признавать чье-то превосходство, однако он не мог не заметить, что Леовигильд, при всей своей молодости, вел речи мудрые и полные отваги, хотя и не лишённые, на взгляд Конана, чрезмерной осторожности. Воины Альвины слушали юношу с такой почтительностью, какую Конан не ожидал встретить по отношению к чужаку в народе, состоявшем сплошь из сородичей. Но, разумеется, общие правила не распространялись на особ королевской крови. Короли и королевы должны заключать браки с чужестранцами, иначе потомство их обречено на вырождение.

— Альвина, прежде всего нам предстоит столкновение с двумя противниками, — объяснял Леовигильд. — Первый враг — это тунги во главе с моим дядей. Второй и гораздо более опасный враг — это торманны и Тотила. Одоак — подлый убийца, наносящий удар из-за угла. С возрастом он впал в слабоумие. Тотила же — выдающийся воин, и он в расцвете сил. Кроме того, он не позволяет своим воинам раскисать в безделье. Численность камбров невелика. Пожалуй, здесь, за каменными стенами, ты сможешь отразить нападение войск одного из твоих врагов, но не обоих сразу.

— Я думаю, до этого все же не дойдет, — возразил Зиггайр. — Почему бы торманнам и тунгам не вести борьбу между собой? Зачем им нападать на нас?

— Обоим королям нужна королева, — сказала Алькви-на. — Им нужна я. Скоро они узнают, что я вернулась, и начнут действовать. А счета они будут сводить потом, после того как завоюют нас.

— Верно, — поддержал ее Леовигильд. — Я, по-моему, знаю даже, как будут разворачиваться события. Тотила предложит Одоаку заключить временный союз. Тогда оба короля со своими войсками нападут на крепость. Взяв ее, они начнут войну между собой за Альквину, ее земли и ее народ. А так как мой дядя не просто слабоумный, но и глуп, как пробка, то он пойдет на союз с Тотилой. Тотила же не дурак — ведь он сумел создать свое королевство буквально на ровном месте. В один прекрасный день при осаде он попросту подошлет к Одоаку убийц. Тунги останутся без короля. Я изгнан. Значит, тунги присоединятся к военному походу единственного оставшегося военачальника — Тотилы.

Эта четкая оценка положения была встречена одобри-тельными возгласами.

— В свои юные лета ты говоришь очень мудро, — ска-зал Рерин. — Итак, мы должны придумать, как избежать несчастья.

— Давайте выйдем в открытое поле и сразимся с Одоаком, — предложил Зиггайр. — С ним и с тунгами нам легче справиться, чем с Тотилой. Победим их и скроемся за крепостной стеной. И будем ожидать прихода Тотилы.

— Даже если мы разобьем тунгов, то потеряем при этом много сил, — возразила Алькви-на. — К тому же Тотила сможет захватить крепость, если в ней не будет воинов.

Конан улыбнулся. Никто здесь не предлагал решения, которое на юге любой царице было бы яснее ясного. И всего-то — выйти замуж за более слабого из врагов и потом спокойно зарезать его спящего. Но нет — на севере королева пошла бы на такое лишь ради кровной мести. А так как у Альквины не было основания враждовать ни с

одним, ни с другим королем, то подобная идея и не при-ходила ей в голову.

— Я не считаю себя вправе советовать вам что-то в области военной тактики, — сказал Леовигильд. — Мой военный опыт весьма невелик. Да я и не могу выступить с оружием в руках против моего народа, пусть даже я изгнанник. Но я готов воевать с Тотилой. Постойте! Ведь один из нас до сих пор не сказал ни слова. Сильнейший из воинов королевы Альквины — не только непобедимый боец. Он служил в армиях многих стран мира. И мне кажется, ему известны выходы из положения, о которых мы с вами даже не догадываемся. Конан, скажи, что ты обо всем этом думаешь?

Конан отер губы тыльной стороной руки. Здесь, на Севере, высоко ценились не только воинские доблести, но и мудрый совет. И этим армии северян также отличались от тех войск, в которых он когда-то служил на Юге.

— В открытом сражении у нас шансов нет. Даже если придется воевать с одним из королей. Победить обоих сразу — нечего и думать. Здесь всем это ясно. У меня есть мысль, каким образом мы могли бы существенно ослабить их армии, прежде чем начнется осада крепости или про-изойдет сражение в поле. Для этого требуется ловкость и мужество. Алькви-на, ты должна созвать всех своих охот-ников и ловчих.

— Ловчих? — удивилась Алькви-на. — Зачем?

— Они знают местность лучше всякого воина. Если сюда придут Одоак и Тотила, им придется пробиваться сквозь снега, они будут продвигаться очень медленно. Мы поставим дозоры ловчих поблизости от больших дорог, чтобы они сообщали нам о продвижении вражеских войск. Навстречу врагам мы вышлем не армию, а многочисленные конные отряды. Они внезапно нападут на врага во время перехода, сколько-то человек убьют, а затем повернут коней и умчатся. Потом нападение нужно будет повторить в другом месте. Как только противник приготовится к сражению и его воины построятся «черепашей», мы не мешкая отступим и скроемся в крепости. Новое нападение предпримем через день или два. Даже если убиты при этом будут немногие, мы победим их, прежде чем они подойдут к стенам крепости. Потому

что, столкнувшись с неизвестной тактикой, даже самые испытанные храбрецы теряют уверенность в себе.

— Никогда не слышал о таком способе ведения войны, — сказал Зигтайр, покачивая головой.

— Одоак и Тотила наверняка тоже о нем не слышали, — сказал Леовигильд. — По-моему, Конан предлагает нам единственный приемлемый путь.

— Против Одоака мы сможем применить нашу тактику несколько раз подряд. Но не против Тотилы, — предостерег Конан.

— Почему? — спросила Альквина.

— Из-за его проклятых сорок! Тотила живо узнает, что и как мы делаем. Йильма с помощью этих зловерных птиц будет следить за нами. А как спрячешься от летающего врага?

— Может быть, под прикрытием леса? — предложил Леовигильд.

— Они увидят на снегу наши следы, ведущие в лес, — возразил Конан.

— По-моему, я могу помочь вам, — вмешался Рерин.

— Говори! Нам нужна любая помощь. — Альквине не терпелось услышать совет волшебника.

— Против Йильмы и его сорок мне никогда не удавалось выдвинуть надежную защиту. — Старик вздохнул. — Его искусство значительно превосходит мое. Но я знаю одно колдовское заклинание, с помощью которого можно вызвать зимой недолгий, но сильный снегопад. Как только мы спрячемся в лесу, снег заметет наши следы, и сороки их не увидят.

Конан улыбнулся и как следует отхлебнул из кружки.

— Ну, старик, — сказал он, — может быть, именно тебе мы будем обязаны победой.

Ловчие королевы были крепкими парнями невысокого роста. Одеты они были в грубое сукно и теплые меховые куртки. Цвет кожи у них был несколько темнее, чем у воинов. Глядя на них, Конан пришел к мысли, что предки охотников жили здесь задолго до того, как пришли белокурые люди. Ловчие ведали лесами, они приводили высо-

кородных охотников в такие места, где скорее всего можно было напасть на дичь. Ловчие пользовались многими привилегиями и служили королеве верой и правдой.

— Несколько человек из вас проведут наши наступательные отряды в места, подходящие для устройства военных лагерей, — давал разъяснения Конан. — Другие пусть велют слугам носить туда корм для лошадей. Третьи пойдут по пятам за двумя войсками, которые двинутся на нас. Необходима осторожность — враг ничего не должен заметить. Идите выше по склонам — так они не увидят ваших следов на снегу. Я уверен, что противник выберет для своего продвижения широкие дороги, которые проходят у подножия холмов. Вы будете действовать группами, одни из вас будут вести постоянное наблюдение за противником, другие — доставлять эти сведения нам. Если вас обнаружат, не вступайте в бой, предоставьте это воинам, а сами постарайтесь убежать. А сейчас идите к Зигтайру. Он каждому из вас даст задание.

Ловчие ушли. Теперь перед Конаном стояла труднейшая задача. У него был один, от силы два дня на то, чтобы дать воинам необходимые указания о ведении боевых действий верхом на коне. Хорошо еще, что научить их надо было только тому, как наносить удары и немедленно затем отступать. Сложные маневры кавалерии — тут потребовались бы месяцы жесточайшей муштры. Мечи у камбров были слишком короткие, для верхового сражения они фактически не годились. И Конан стал учить воинов, как наносить удары копьём, не спешиваясь.

На площадке перед крепостной стеной были поставлены столбы, а к ним привязаны чучела из соломы. Воины на всем скаку били в них копьями. Стоило кому-нибудь промахнуться — он вылетал из седла, а остальные так и покатывались от хохота.

— Здесь не место для забав! — одернул весельчаков Конан. — Идет война! Не вкладывайте в удар всю свою силу — сохраняйте равновесие. От вас требуется вышибить врага из седла, нужно только вонзить в него копьё, на несколько дюймов. И сидите в седле свободно. При броске чуть придерживайте коня. Это не обученные кавалерийские лошади, имейте в виду, — нельзя, чтоб они пугались.

Тут один из воинов снова вылетел из седла, и все захохотали. Конан в отчаянии застонал сквозь зубы.

К вечеру, когда уставшие солдаты повели коней во двор, Конана подозвала к себе Альквина.

— Есть надежда? — напрямик спросила она.

— Они понемногу учатся, — уклончиво ответил киммериец. — А наш враг еще никогда не сражался с верховыми. В этом наше величайшее преимущество. И потом, наша цель — ослабить врагов, а не окончательно разбить.

— На большее, видно, не приходится и надеяться. Может быть, благодаря тебе, Рерину и Леовигильду нам удастся выстоять при нападении.

— Мальчонка и правда такой замечательный? — Конана злило то, что королева так явно отдает предпочтение Леовигильду.

Она холодно посмотрела ему в глаза:

— Разумеется. Когда Одоак умрет, тунги, несомненно, присягнут ему в верности. И тогда мы сможем заключить с ним союз против Тотилы.

— Династический брак и, как его следствие, объединение двух народов?

— Ну да. Таков обычай всех королевских родов. Если мы уничтожим Тотилу, то, возможно, и торманны изберут нас своими правителями. У Тотилы нет наследника.

— Вот и отлично! — Вне себя от ярости Конан резко повернулся и хотел уйти.

— Конан! — окликнула его Альквина. Он остановился. Всю злость вдруг как рукой сняло. Альквина стояла возле крепостной стены, такая маленькая, но царственно гордая. Голос ее звучал мягко:

— Конан, когда королева думает о своем будущем, она делает это не как женщина, слушающая лишь голос своего сердца, а как повелительница. Она всегда должна помнить о благе своего народа. Мне жаль, но это так. — Альквина пристально посмотрела ему в глаза и, не сказав больше ни слова, повернулась и пошла прочь. Конан еще долго глядел ей вслед.

В этот вечер во дворце шел веселый пир. Правда, в пиве Альквина воинов ограничила. Еще до рассвета они должны были выехать из крепости и первый раз напасть

на врага из засады. Победа их ждет или поражение — неважно, все равно это нападение никогда не будет забыто, ведь в нем будет впервые применена новая тактика. Некоторые старые воины сомневались в тактике, завезенной из чужих стран. Да разве может воин сражаться по-настоящему, если он не чувствует твердой почвы под ногами? Несмотря на сомнения, никто не был уныл или грустен. Да это и немислимо было бы для северян вечером накануне битвы. Всех переполнял воинственный задор.

Конан оторвал кусок от зажаренной телячьей ноги. Конечно, воины Альквины не были обученным войском. Но он не слишком высоко ценил настоящие армии. Кроме того, ему уже случалось вести в бой дикие орды. А эти люди храбры и преданы королеве. Тут кто-то тронул Конана за плечо. Рядом с ним стоял Леовигильд.

— Конан, — заговорил юноша, — я считаю, что ты — спаситель нашего народа. Твои заслуги не останутся без вознаграждения. Когда все уже будет позади, ты сможешь стать великим военачальником. У тебя будут земли, кресты, слуги. Дай только мне взойти на престол, уж я вознагражу тебя по чести.

Конан взял юношу за руку повыше локтя и усадил на скамью рядом с собой. Потом наклонился к нему и сказал, подчеркивая каждое слово:

— Три вещи, мальчик... — Он загнул блестевший от мясного жира палец. — Первое: я служу не тебе, а Альквине. Награда за службу — ее дело, а не твое. Во-вторых, — он загнул второй палец, — никогда не поздравляй никого с победой, которая еще не одержана. Боги этого не любят и не раз уже карали подобную самонадеянность. И третье, — Конан загнул третий палец, — весной я поплыву на юг. Земли и прочее трудновато было бы взять на борт судна. Поэтому награду я потребую золотом, если Кром и Имир даруют нам победу.

К удивлению Конана, Леовигильд только усмехнулся:

— Поистине, киммерийцы так свирепы и суровы, как о них говорят. Благодарю тебя за мудрое наставление. О вознаграждении мы поговорим позже. В настоящее время ты — величайший воин всего Севера, а я нищий изгнанник,

который рад и тому, что ему позволили участвовать в сражении. Пусть победа достанется тому, кого пожелают оспастливать боги.

Теперь и Конан улыбнулся. Он хоть еще и упрямылся, но уже понемногу начинал на свой лад любить этого парня. Конан ответил:

— Кому бы она ни досталась — скоро снег окрасится кровью.

Конан окинул взглядом свое маленькое войско. Впереди был еще один бесценный день, они могли провести военные учения здесь, в полевом лагере. Он собирался научить солдат находить укрытия в лесу и бросаться в бой не раньше, чем будет дан сигнал к атаке. Все воины были разделены на шесть отрядов. На каждое вражеское войско — по три отряда. Целый день ушел у Конана на то, чтобы научить бойцов атаковать врага одновременно с трех сторон. У него так и не было уверенности, что после внезапной атаки воины Альквины не ввяжутся в длительный бой, а, как он их учил, обратятся в бегство. Но теперь жребий был брошен.

Вечером, когда воины спешили и стали устраиваться на ночлег, Конан все же был ими доволен. Он сделал все, что мог.

И тут в лагерь прибежали несколько ловчих. Не успев отдышаться, один из них, молодой кучерявый парень с коротким копьём в руках, доложил:

— Мы выследили торманнов, предводитель! На дорогу сюда у них уйдет около восьми часов — они идут медленно. Сейчас они, наверное, сделали привал и находятся в шести часах пути отсюда.

— Они выслали вперед разведчиков? — спросил Конан.

Парень отрицательно потряс головой:

— Нет. Они идут все вместе, впереди только несколько всадников. Мы видели и короля Тотилу. Мы узнали его по мантий из человеческих скальпов.

— Хорошо, — сказал Конан. — До наступления рассвета ты отведешь один отряд в то место, что находится

поблизости от дороги, по которой идут торманны, и пригодное для засады.

Прошло не больше часа, и другие ловчие также доложили Конану, что выследили тунгов — те шли несколько южнее. Если все пойдет как задумано, то завтра к полудню воины Альквины нанесут врагам первый удар.

Как было условлено, Конан возглавил отряды, выступавшие против тунгов, Леовигильд — отряды, готовившие нападение на торманнов. Конану совсем не нравилось такое разделение обязанностей, потому что Тотилу и его воинов он считал более опасным противником и предпочел бы сражаться с ним сам. Но Леовигильд не хотел воевать против собственного народа. Воины отрядов, шедшие в бой с Тотилой, потребовали, чтобы их возглавил отпрыск королевского рода, раз уж сильнейший из воинов, Конан, должен был повести за собой другие отряды. Многие воины рассчитывали при этом также показать в бою доблесть и преданность человеку, который, по всей вероятности, скоро станет их королем.

Зимнее солнце еще не поднялось над горизонтом, когда все уже были готовы к выступлению. Конан отвел в сторону Зигтайра, который должен был повсюду следовать за Леовигильдом и в случае необходимости мог взять на себя командование. Зигтайр должен был также дать сигнал к наступлению.

— Зигтайр, не давай Леовигильду возможности самому вступить в бой с Тотилой. Для мальчика это верная смерть. Тотила слишком опытный воин для такого зеленого юнца.

Зигтайр ответил после недолгого молчания:

— Сделаю все, что в моих силах. Но как можно удержать молодого, горячего парня, если он ищет славы? Я уверен, что он хочет доказать Альквине, что он не только умен, но и отважен.

Конан хлопнул приятеля по плечу:

— Сделай что сможешь. Дело предстоит опасное для всех нас. — Затем Конан повернулся к воинам: — По коням! — и сам вскочил на своего низкорослого северного жеребца. Подъехав к Леовигильду, киммериец поднял руку: — Ну, ни пуха ни пера, принц!

Леовигильд как положено ответил на охотничье напутствие и добавил:

— Еще увидимся, Конан. Либо в доме Альквины, либо — у Имира.

Глухо застучали копыта, поднимая снежные вихри, и вскоре войско разделилось на два отряда. Один направился на запад, другой — на юг.

Конан, спешившись, стоял под деревом и держал коня в поводу. Все его воины также укрылись под деревьями, откуда, однако, могли видеть дорогу, бежавшую далеко внизу. Тунги продвигались вперед и уже миновали два из трех отрядов Конана. Киммериец со своим отрядом хотел атаковать голову колонны. Рука его сжимала рукоять меча.

Он долго искал в оружейной палате Альквины, пока не нашел, меч такой длины, чтобы годился для сражения верхом. Меч этот, очевидно, был изготовлен оружейниками Аквилонии. Может быть, подарок какого-нибудь князя — давние дела. Наверное, никто этим мечом не бился, ведь для боевого стиля камбров он не годился.

Теперь тунги были достаточно близко. Конан тихо командовал:

— По коням!

Воины убрали куски дерюги, которыми были укрыты морды коней, и схватились за копья. Лица у всех были полны решимости. Конан вынул из ножен меч и кивнул Хагбарду, который стоял к нему ближе всех. Воин поднес к губам охотничий рог и протрубил громкий и протяжный сигнал к атаке. С воинственным кличем камбры ринулись вниз по склону холма.

Шедшие по дороге в смятении уставились на мчавшийся к ним небольшой отряд конников. Не может быть! Таких атак не бывает! Почему они верхом? Чтобы сражаться, нужно спешиться! Почему они не произносят традиционных оскорбительных речей, почему не похваляются своей силой перед началом боя? Но людям Одоака размышлять обо всем этом было некогда — всадники уже теснили их.

Конан наклонился вперед и взмахнул мечом. Его противник не был готов принять такой удар и не успел при-

крыться щитом. Меч разрубил его бронзовый шлем. Поток хлынула кровь, воин как сноп повалился на землю. Конан оглянулся и увидел, что его воины бьются на славу, нанося удары копьями. Кое-кто не устоял все же перед искушением и бросил копье, хотя Конан строжайше это запретил. Теперь у них остались только короткие мечи.

Один из тунгов метнул в Конана копье. Конан отбил удар и глубоко разрубил плечо врага. Тот с проклятьем упал. И тут Конан увидел жаркую схватку, которая шла вокруг толстого седобородого человека в великолепных доспехах. Это же Одоак, а вокруг бьются его телохранители! Конан попытался пробить себе дорогу туда, но его конь, не привычный к сражениям, не слушался и не шел в эту свалку.

— Хагбард! — крикнул Конан. — Труби отход!

По сигналу Хагбарда большинство воинов Конана повернули назад и ускакали в лес. Конан еще немного ожидал — он хотел увидеть, многие ли послушались сигнала. Как он и опасался, несколько человек бились словно одержимые — настоящие берсерки! Все они потерпели поражение и были убиты.

Отряд собрался в лесу. Конан пересчитал воинов. Они потеряли десятерых. Меньше, чем он предполагал. А с этого дня потеря у них будет еще меньше, потому что горячие головы и глупцы уже погибли.

— Прямо сейчас все повторим? — спросил его какой-то воин, у которого из-под шлема текла кровь.

— Нет, не сегодня, — ответил Конан. — Коня еще не привыкли. Сегодня мы подыщем хорошее место для лагеря, а завтра утром повторим атаку. Завтра совершим два или три нападения — сколько успеем до темноты.

В этот вечер воины сидели у костра и так радостно обсуждали атаку, как будто одержали великую победу, а не устроили незначительную стычку с врагом, в которой было убито и ранено не больше двадцати воинов противника. Конан мрачно усмехнулся. Завтра вечером эти парни уже не будут так заодно похваляться своими подвигами. Они поймут, что партизанская война, которую они ведут, дело длительное, суровое и опасное, да к тому же и славы приносит мало.

— О чем ты задумался, Конан? — спросил Хагбард. — Разве мы плохо справились с задачей?

— Вовсе нет. Большинство сражалось лучше, чем я предполагал.

Хагбард улыбнулся:

— Тунги сбились в кучу, как овцы! Им против нас не устоять.

— Сегодня мы напали на них внезапно. Завтра внезапности уже не будет. И только вопрос времени — чтобы тунги поняли, как им сразаться против всадников, которые к тому же сидят верхом на непривычных к войне лошадях.

— Ты думаешь, они быстро поймут, что к чему? — спросил Хагбард, разом став серьезным.

Конан кивнул:

— Сегодня они наносили удары по всадникам, словно по пешим. Но скоро они сообразят, что гораздо легче сначала убить коня. Как только станет ясно, что тунги метят в коней, а не в конников, нужно будет уходить обратно в крепость.

Тотила проклинал неожиданный снегопад. Вчера дважды на его людей напали всадники, сегодня один раз. Над головой Тотилы низко пролетели две сороки и уселись на плечи Йильмы.

— Видели они что-нибудь? — недовольно спросил Тотила.

— Нет, мой повелитель, — отвечал Йильма. — Снег идет очень густо. — Он помедлил. — Я чувствую, что с этим снегом что-то неладно. Здесь не обошлось без колдовства. Этот снег — не обычного происхождения.

Тотила ненадолго задумался. Вчера обе атаки всадников произошли во время сильного снегопада. И сегодня то же самое.

— Все сюда! — крикнул он. — Строиться «черепахой», щитами наружу! На нас сейчас нападут!

Колонна воинов быстро перестроилась, образовав круг. Щиты воинов были обращены наружу. Все были озлоблены и готовы к сражению. Вчера и сегодня всадники вынырнули

откуда-то внезапно, как блуждающие лесные огни, и так же быстро скрылись. Воины Тотилы не успели излить на врагов всю свою ярость. Но теперь король приготовился достойно встретить проклятых всадников. Торманны ждали в молчании.

Леовигильд нервничал, стоя в ожидании на опушке леса. Он и воины его отряда слышали, как внизу шли враги, но не могли их увидеть. Об этом Леовигильд не подумал, когда одобрил предложение волшебника наслать снегопад. Снег, скрывший их от глаз сорок, мешал и им самим что-либо видеть. Леовигильд обратился к Рерину:

— Это никуда не годится. Мы имеем превосходство, только если видим врагов. Вероятно, снегопад — все-таки не очень хорошая оборона.

— Он был нашей единственной надеждой, — возразил Рерин. — И мы уже удачно совершили три атаки. — Он пристально вгляделся в снежные вихри. — Пора! Сейчас снег начнет редеть.

— Они остановились, — доложил Зигтайр, не отходявший от Леовигильда.

— Тотила не дурак, — принялся Леовигильд рассуждать вслух. — Три раза мы нанесли ему удар во время снежной бури. И теперь он уже ждет нападения — ведь снова идет снег. — И тут Леовигильд принял решение: — Зигтайр, скажи, приведи сюда два других отряда. Раз торманны остановились и больше нет колонны, бессмысленно нападать на них тремя маленькими отрядами. Вместо этого мы сосредоточим все силы для одного мощного удара.

— Этим ты нарушишь приказ Конана, — предостерег Рерин.

— Конан далеко, а я здесь, — сказал Леовигильд.

— Занимайся лучше своими колдовскими делами, Рерин, — поддержал его Зигтайр. — А воевать предоставь воинам. — И, быстро развернув коня, он поскакал прочь. Многочисленные вмятины и царапины на панцире Леовигильда свидетельствовали о его готовности броситься в самую гущу схватки. Камбрам только того и нужно было.

— Не тревожься, — с улыбкой успокоил Леовигильд старого мага. — Я уверен, что Конан принял бы точно такое решение, будь он здесь.

Снег еще не начал редеть, когда два других отряда присоединились к Леовигильду.

— Внизу нас ожидает столкновение с «черепахой», — объявил он. — Нам нельзя разделяться. Напротив, ударим все разом в одном месте и пробьем оборону. Не давайте втянуть себя в мелкие стычки или поединки. Помогайте друг другу. Мы должны пробить стены из щитов. Только так мы нанесем врагу ощутимый удар. Когда услышите сигнал рога, немедленно скачите назад в лес.

— Где мы ударим? — спросил Зигтайр.

— Там, где находится Тотила. Вы все его уже видели. Следуйте за мной. Как только я увижу Тотилу, я поскачу к нему. Если нам удастся убить Тотилу, победа нам обеспечена — так я думаю. Итак, вперед! На врага!

С дикими воплями всадники поскакали за Леовигильдом. И только Рерин остался в лесу и стоял, с тревогой глядя им вслед.

— Вот они! — воскликнул Тотила и злобно усмехнулся, вытаскивая из ножен меч. — Посмотрим, как они умеют биться с воинами, когда те хорошо подготовились! — Бойцы Тотилы радостно завопили.

Очутившись в пределах досягаемости копий врагов, нападающие резко повернули коней и помчались вдоль стены из щитов. Тотила знал, что они хотят увидеть его. Но он и не думал прятаться. Его шлем и мантия были знамениты на всем Севере. Тотила с нетерпением ждал схватки, чтобы помериться силами с лучшим воином камбров.

Во главе всадников скакал красивый белокурый юноша, он еще в первых атаках обратил на себя внимание Тотилы своей храбростью. Несомненно, то был молодой Леовигильд, изгнанный Одоаком. Но Тотила высматривал среди врагов черноволосого воина. Именно его он считал достойным противником. Вместе с тем убить племянника и наследника Одоака тоже не помешало бы — так Тотила совершил бы ловкий политический маневр.

Леовигильд увидел Тотилу. Тот стоял среди своих воинов, но не прятался за их спины, не то что Одоак со своими телохранителями. При виде бесстрашного короля Леовигильд разом забыл о всех советах, которые получил от Конана, Рерина и Зигтайра. Подняв копье, он ринулся на Тотилу. Но прежде чем Леовигильд приблизился к стене из щитов, Тотила крикнул своим бойцам:

— Бейте по коням! Пешие они нам не страшны!

Леовигильд с силой метнул копье в человека с блестящим шлемом на голове, облаченного в плащ из чело-веческих скальпов. Но Тотила с легкостью отразил метившее в него острие. Если бы Леовигильд вспомнил в эту минуту один из мудрых советов Конана, то посторонился бы, уступив дорогу другим всадникам, и дал бы им также попытать счастья в бою с Тотилой. Но нет, он в ярости выхватил меч из ножен и нанес удар, стараясь попасть в блестящий шлем. Тотила без труда отразил удар щитом. Леовигильд соскочил с коня и теперь уже пешим атаковал Тотилу. Король с надменной улыбкой отбил атаку. А затем на безумного смельчака удары посыпались с такой яростной быстротой, что он едва успевал защищаться. О том же, чтобы нападать на Тотилу, не было и речи.

В отчаянии Леовигильд попытался все же ударить Тотилу по колену. Тот увернулся с неожиданной для такого рослого человека ловкостью. Промахнувшись, Леовигильд по инерции шагнул вперед и при этом чуть опустил свой щит. Первый удар Тотилы обрушился на шлем юноши, второй разрубил его бронзовый панцирь.

Тотила уже занес руку для последнего, смертельного удара, но тут камбры подоспели и оттеснили его копьями назад. Высокий воин-камбр, наклонившись, подхватил Леовигильда за загривок и вскинул на своего коня. Затем он поднес к губам рог и протрубил сигнал к отступлению. И всадники умчались, словно снежный вихрь.

Тотила снисходительно выслушал хвалебные речи своих воинов, видевших его поединок с Леовигильдом. Потом он спросил их о том, велики ли потери врагов. Не меньше дюжины — таков был ответ.

— Много ли потеряли мы?

— Около десяти человек, — ответил седовласый воин, перевязывавший себе раненое предплечье.

— Следовательно, это нападение ничего им не принесло, — торжествующим тоном сказал Тотила. — Итак, в ясную погоду птицы нашего Йильмы предупреждают нас об их приходе. В снегопад, когда от сорок нет толку, мы и без них знаем, что враги придут. Бояться нам нечего. Двинемся на крепость Альквины и поскорей покончим со всем этим.

Торманны с радостными криками последовали за своим королем.

Возвращаясь в крепость, Конан и его воины вечером остановились посреди леса и разбили лагерь, чтобы переночевать. Здесь их догнали другие отряды камбров. Об их приходе доложил ловчий. Киммериец поднялся со своего места у костра и ждал. Увидев, что у Зигтайра перед седлом положено чье-то безжизненное тело, Конан сразу почуял недоброе. Он помог опустить юношу на землю. Опытный глаз Конана сразу заметил тяжелые раны головы и груди, — было очевидно, что Леовигильд получил их в пешем бою с каким-то воином, который значительно превосходил его ростом. Конан обернулся к Зигтайру и Рерину.

— Тотила? — спросил он.

Зигтайр кивнул. Потом он описал Конану весь бой. Рерин достал из своего мешка целебные травы и занялся ранами Леовигильда.

Когда Зигтайр закончил свой рассказ, Конан только головой покачал.

— Разом ударить всеми силами по их обороне — это был правильный ход, — сказал он. — Но спешиваться и вступать в бой, да еще с таким противником, как Тотила, — это редкая глупость.

— А как, по-твоему, следовало вести себя молодому человеку знатного рода, увидевшему Тотилу, такого гордого короля, во главе войска? Разве мог Леовигильд поступить по-другому? Честь обязывала его сражаться с Тотилой на равных, то есть спешившись.

Стоявшие вокруг камбры закивали головами в знак одобрения слов Зигтайра. Их король должен быть таким, чтобы и в военных походах, и в сражениях он всегда был первым. Если во имя чести Леовигильд готов рискнуть своей жизнью, то лучшего короля и быть не может. И камбры ни за что не отказались бы от такого правителя.

Конан усмехнулся, поглядев на их суровые лица:

— Камбры, норманны! Нет, вы же просто тупые дураки! Но и я тоже ваш, северянин. — Он опустил глаза на простертое тело Леовигильда: — Он будет вам хорошим королем... Если выживет.

— Раны опасны, но я сумею их вылечить, — сказал Рерин. — Надо отвезти его в крепость. В моей хижине я смогу сделать для его исцеления больше, чем здесь.

Конан распорядился, чтобы построили носилки, и позвал к себе нескольких ловчих.

— Они быстрее доставят его в крепость лесной дорогой, чем лошади в упряжке, — сказал он Рерину. — Я и все остальные поскачем следом и позаботимся о вашей безопасности.

Зигтайр спросил:

— Как у тебя обошлось с Одоаком?

— Мы многих убили, — отвечал Конан. — Атаковали их пять раз, только потом они додумались построиться «черепахой» и попытались копьями дотянуться до наших коней. Одоак, к сожалению, спрятался за спины своих телохранителей. Не было никакой возможности убить его.

— Очень жаль, — сказал Зигтайр. — Но может быть, мы ослабили их настолько, что при осаде сумеем окончательно разбить.

Конан кивнул, но не сказал, что он обо всем этом думает.

Альквины увидела, что во двор крепости вносят носилки, на которых лежит раненый или убитый воин, и у нее едва не остановилось сердце. Теперь, когда все ушли на войну, она почти все время проводила на крепостной галерее в ожидании известий. Больше всего она боялась, что Конана или Леовигильда принесут в крепость убитыми. Если ее народ выживет, они оба ей нужны. А сейчас она была

уверена, что на носилках лежит один из них. Но кто? Чья смерть окажется для нее более тяжким ударом? Ответ на этот вопрос она не решилась себе дать. Альквина побежала вниз, к носилкам.

Она увидела бледное лицо Леовигильда, и из ее груди вырвался тяжкий вздох. Альквина почувствовала великое облегчение, однако не отдавала себе отчета, по какой причине — то ли потому, что на носилках лежал не Конан, то ли потому, что Леовигильд был еще жив.

— Мы должны отнести его в мою хижину, — сказал Рерин.

Альквина кликнула слуг, и Леовигильда понесли в жилище волшебника. Рерин меж тем, крича, слезал с коня.

Промывая и перевязывая раны Леовигильда, Рерин одновременно рассказывал Альквине о сражениях камбров.

— Все прошло успешно, — сказал он в заключение, — но я не думаю, что мы ослабили их так сильно, как надеялся Конан.

— А теперь бедный Леовигильд не сможет сражаться, — сказала Альквина.

— Как воин он не многого стоит, — заметил Рерин. — Главное его достоинство — он вождь. И он это доказал. Если у кого-то еще были на этот счет какие-то сомнения, то теперь они полностью рассеялись. Ведь люди сами видели, как он сражался с торманнами и, главное, с Тотилой. Так что воины теперь будут и дальше сражаться так решительно, как будто Леовигильд по-прежнему ведет их в бой.

— Ты думаешь, он может быть хорошим королем?

— Выдающимся королем! — заверил ее Рерин.

Альквина кивнула:

— Тогда он должен стать королем.

Конан и его бойцы прискакали в крепость на закате дня. Усталые, они спешили во дворе и отдали коней слугам. Раненые направились в хижину Рерина, чтобы получить от него необходимую помощь. Альквина вышла из хижины и подошла к Конану.

— Сколько человек мы потеряли? — спросила она.

— Около двадцати. И столько же ранено, правда, не тяжело. Зато враг понес потери, наверное, втрое большие!

Большинство наших потерь — это убитые и раненые во время первой атаки. Во второй раз люди уже знали, что и как делать. Но и враги тоже поняли, как нужно защищаться.

— Удача пока на нашей стороне?

— Может быть. Скоро мы это узнаем. Но в любом случае наше положение теперь куда лучше, чем несколько дней назад. Ну а что там с мальчонкой?

— Будь пожеливее, когда говоришь о будущем короле камбров! Рерин считает, что он выкарабкается. Но, конечно, пройдет несколько недель, прежде чем он полностью окрепнет.

— Безумно рад слышать и то, что он будет жить, и то, что твой язык, как всегда, никому не дает спуска.

Альквина улыбнулась:

— Нехорошо допускать слишком доверительные отношения с подданными. То же самое относится и к черноволосому чужестранцу, которого давно уже так тянет в южные края, в жаркие страны, где сладкое вино. Пойдем, Конан. Леовигильд велел привести тебя к нему, как только ты появишься.

— Он, что ли, уже распоряжается всеми как настоящий король? — Конан сделал вид, будто недоволен. На самом деле он обрадовался известию, что юноша будет жить.

Они вошли в дом, где уже готовился великий пир в честь вернувшихся из похода воинов. Леовигильд лежал в отгороженной ковровой занавеской части общего зала. Ложем ему служили медвежьи и волчьи шкуры. На груди и голове Леовигильда белели повязки, лицо его поражало бледностью. Однако, увидев Конана, он приветливо улыбнулся:

— Боюсь, я не слишком хорошо справился с моим первым заданием, Конан. Надеюсь, тебе повезло больше?

— Это же просто дикое идиотство — в одиночку броситься на Тотилу, — сказал Конан и тут же встретил неодобрительный взгляд королевы. — Но в остальном ты держался просто отлично. У твоих людей нет оснований жаловаться, ты командовал сражением прекрасно. Ну а теперь у тебя появится парочка шрамов всем на зависть.

— Как ты думаешь, воины будут меньше уважать меня за то, что я не смог победить Тотилу?

— Да пусть только попробует кто-нибудь сказать хоть слово! Да я его... — Это вмешалась вспыхнувшая от гнева Альквина.

— Нет, — перебил ее Конан. — Никто не может ожидать, чтобы молодой человек в своем первом поединке победил такого вояку, как Тотила. Ты молодец, Леовигильд. Главное — твой скальп не украсил пока что мантию Тотилы.

Вошел Рерин, чтобы проведать своего подопечного.

— Не утомляйте его, — сказал он. — Ему нужен покой.

Конан ухмыльнулся:

— Лекари везде одинаковы! Завтра поговорим подольше, Леовигильд. Скажу только, что в любом бою я взял бы тебя в напарники и доверил тебе защищать своим щитом мой правый бок. — Конан встал, чтобы уйти. Леовигильд остановил его:

— Конан, Тотилу должен убить ты. Ты — единственный человек на всем Севере, кто может рассчитывать на победу над ним. — Глаза Леовигильда расширились от ужаса. — Биться с ним — все равно что с каменной скалой.

Конан перестал улыбаться:

— Мой скальп ему тоже не достанется!

Вечером за пиршественным столом каждому предоставилась возможность похвалиться своими подвигами во время атак. Только Конан сидел молча и точильным камнем выравнивал зазубрины на своем мече. К нему подошел Рерин.

— Как дела, Рерин?

Старик сел на скамью рядом с киммерийцем и озабоченно покачал головой:

— Я в большой тревоге. Нам следует подготовиться к трем сражениям.

Конан поднял меч и придирчиво осмотрел лезвие:

— Почему к трем?

— Сражение армии — раз, битва королей — два и поединок магов — три. Чтобы выжить, мы должны победить трижды.

Конан повернул меч и осмотрел вторую его сторону:

— И ты думаешь, мы не сможем?

— Больше всего я боюсь поединка магов. Конечно, в своем деле я разбираюсь неплохо, как ты и сам мог убедиться. Но Йильма связан с такими силами, которые я еще никогда в жизни не отваживался вызвать. Когда-нибудь потом эти силы сами уничтожат Йильму. Но пока он еще не погублен плодами собственного честолюбия и, вероятно, повелевает силами, которые намного могущественнее всего того, что имеется в моем распоряжении.

Конан вложил меч в ножны и повесил на крюк в стене:

— Мне кажется, ничего нет хуже для войска, чем слишком пространные рассуждения о поражении перед началом боя. Потому что в этом случае ты, считай, уже разбит еще до того, как вступил в бой. Если ты в мыслях уже проиграл сражение, то можно дальше и не рыпаться.

— Это, наверное, справедливо для воинов. Но я трезво оцениваю свои силы и силы Йильмы, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. И превосходство, несомненно, на стороне Йильмы.

— Ну, на сегодня хватит. Завтра или послезавтра начнется сражение. Ты можешь за это время сделать что-нибудь, чтобы улучшилось наше положение?

Рерин улыбнулся:

— А ты не такой уж простоватый рубака, каким хочешь казаться.

Конан взял свою кружку и отхлебнул пива:

— Если идет война, я всегда предпочитаю биться с врагом один на один — меч у него, меч у меня. Колдовство совсем другое дело. Я-то его терпеть не могу. Ну а раз уж мне приходится его терпеть, то пусть у меня будут все преимущества и выгоды, которые оно может дать. Так что ты предлагаешь? Ты ведь пришел не для того, чтобы поспудачить со мной о том о сем.

— Угадал. Как по-твоему, сможешь ты победить Тотилу?

Конан пожал плечами:

— До сих пор мне еще не встречался человек, который был бы лучше меня в бою. Но это ничего не значит. Тотила — прекрасный воин. Вот сразимся, тогда выяснится, кто лучше.

— Одоак не опасен, — сказал Рерин. — Как будут воевать тунги, зависит от того, кто первый убьет Одоака — Тотила или мы. Лишившись короля, тунги, скорей всего, присоединятся к тому, кто его убьет. Только Йильма — вот кто внушает мне опасения. Но у него сейчас с Тотилой плохие отношения.

— Ну да? — удивился Конан.

— Йильма много раз его подводил, несмотря на все свое могущество. Ледяные мертвецы, которых наслал на нас Йильма, потерпели поражение. Демоны-похитители, которых он вызвал, также не сумели привести к нему Альквину. И даже мои жалкие снежные бури смогли на время обезвредить его сорок. Йильма, я думаю, сейчас в отчаянии и всячески старается вернуть благорасположение Тотилы. Может быть, отчаяние обернется выгодной для нас слабостью колдуна.

— Продолжай! — Теперь Конан весь обратился в слух. Старый маг и киммериец еще долго беседовали в тот вечер.

Глава тринадцатая КРЫЛАТЫЕ ДЕМОНЫ

Один из углов общего зала отделили занавесками. Там разместился лазарет для тяжелораненых. С типичной для северян грубоватой невозмутимостью раненые подшучивали над своими увечьями, хотя многим из них было известно, что они не доживут и до весны. Леовигильд страдал ужасно, каждый вздох причинял ему невыносимую боль. Но тем не менее он считал, что ему повезло — ведь он был среди этих мужественных людей, настоящих воинов. И Леовигильд старался не показывать, как сильно страдает.

Он играл в кости с воином, который потерял в бою глаз и два пальца. Внезапно занавеска была отброшена, и к ним вошли Альквина, Рерин, Конан и несколько самых старших воинов.

— Надеюсь, тебе уже лучше, Леовигильд? — спросила Альквина.

— Редко бывало, чтобы я чувствовал себя так хорошо, — мужественно ответил Леовигильд, однако эти слова никого не обманули. — Я надеюсь, что скоро снова смогу воевать за твое дело, Альквина.

Она улыбнулась. Королева была необычайно хороша — даже слабое воспоминание о лесной красавице Аталии улетучилось из мыслей Леовигильда. Волшебные день и ночь, которые он провел с нею в таинственной долине, теперь казались ему сновидением, и оно уже поблекло, как всегда блекнут сны после пробуждения.

— Я призову тебя с твоим клинком не раньше, чем ты окончательно поправишься. Но у нас есть смелый план, мы придумали, как ослабить Тотилу. И потому я решила, что будет полезно, если ты примешь участие в его обсуждении.

— Столь высокая оценка моих советов делает мне честь, государыня, — сказал Леовигильд и, с улыбкой обратившись к Конану, добавил: — Готов поспорить, что этот высокий черноволосый парень — главный выдумщик. Ведь план, наверное, не просто смелый, а отчаянно смелый?

Конан с непринужденным видом поставил ногу на край ложа Леовигильда и наклонился к нему:

— Мы сыты по горло проделками этого проклятого колдуна Йильмы. Наш добрый Рерин говорит, что нашел способ сделать так, чтобы мы могли поразить Йильму.

— Великолепно, — сказал Леовигильд. — Но что может простой воин против колдуна, который заключил союз с черными силами?

— Рерин, объясни Леовигильду и этим воинам то, о чем говорил мне сегодня вечером, — потребовала Альквина.

Старик огладил седую бороду:

— Я посмотрелся колдовских злодеяний Йильмы, и с меня уже хватит. Его магия серьезно отличается от моей. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы колдовство помогало добру, и использую для этого те силы, что обитают в растениях, камнях и животных. Я призываю богов и духов леса, поля и рек, чтобы они помогали моей стране и ее королеве. Эти боги и духи не враждебны людям, если те оказывают им надлежащее почтение. Благодаря волшебным заклинаниям я вызываю их и прошу помочь людям.

Они ослабляют зимние холода, приумножают лесные богатства и улов рыбы. Они заботятся и о том, чтобы стада наши тучнели и скот не болел. Другие добрые духи помогают мне отводить моровую язву и исцелять раны — вот как сейчас, когда моему попечению доверены раненые, вернувшиеся из славного военного похода. — Рерин окинул ласковым взглядом лежавших поодаль на соломенных тюфяках раненых. — Гиперборец Йильма — маг совсем иного рода. — При этих словах лицо Рерина омрачилось, в глазах появилось тревожное выражение. — Он не хочет помогать людям в их борьбе против стихийных потрясений. Он жаждет лишь могущества для себя лично. Но поскольку его знания и искусство небеспредельны, а подчинить себе людей можно только силой оружия, то Йильма примкнул к королю торманнов. Тотила — выбившийся из низов бывший главарь шайки разбойников. Несомненно, он благодарен Йильме за то, что тот оказал ему поддержку, помог возвыситься. Для той власти, которой жаждет Йильма, малые боги и духи не могут быть полезными. И поэтому он много, очень много лет назад заключил страшный союз. Он вступил в сношения с великими силами не нашего, а иных миров. Тех миров, в которые мне до сих пор удавалось лишь мельком заглянуть в состоянии транса. Существа, обитающие в этих мирах, могут дать смертному человеку невиданное могущество, но цена его ужасна. Разум такого человека, более того, его душа претерпевают необратимые изменения. При заключении такого союза происходит обмен. Маг из нашего мира отдает часть самого себя — существенную часть своей души, и эта часть будет навеки проклята. Взамен волшебник приобретает одного или нескольких помощников — духов, которые значительно увеличивают его власть и силу, а кроме того, служат посредниками между магом и иными мирами.

— Сороки! — воскликнул Леовигильд.

— Именно так! Конечно же, это необычные сороки. Это демоны из другого мира. Но в нашем мире демоны не могут сохранять свой истинный вид, да они этого и не желают, потому что одной из их задач является шпионство, а значит, они не должны привлекать к себе внимание людей.

Демоны очень любят принимать обличье птиц или летучих мышей, об этом мне известно из старинных преданий. Всем птицам они предпочитают тех, которые питаются падалью, то есть воронов, ворон и сорок. А кто же на них обращает внимание? Они летают по воздуху и докладывают своему господину обо всем, о чем ему угодно узнать. Орел или ястреб привлекает к себе внимание. Воробьи или зяблики неприметны, но они водятся не везде. Совы летают только по ночам, а днем их не видно. А падальщики водятся повсюду...

Конан прервал эти затянувшиеся разъяснения:

— Сегодня вечером я поохочусь на сорок!

— Если Йильма лишится помощи своих пособников, сила его значительно убавится, — заметил Рерин.

— Я считаю, что Конан должен взять с собой нескольких воинов, — заявила Альквина. — Такая охота — слишком опасное предприятие для одного человека.

— Нет! — отрезал киммериец. — Будь это сражение с людьми, тогда, конечно, чем больше у нас воинов — тем лучше. Но мне-то придется иметь дело с двумя сороками и одним колдуном. Тут численное превосходство ничего не значит. К тому же я нападу на них ночью, а никто, кроме меня, здесь не умеет воевать в ночной тьме.

— С ледяными мертвецами мы сражались ночью, — возразил Зигтайр. — Но тогда нам, правда, пришлось жечь огонь, чтобы видеть противника. Конечно, кто ж захочет сражаться ночью, когда не поймешь, где враг, а где друг, и никто не видит всей доблести воина?

— Кто? Пикты. — Конан засмеялся.

— Пикты? Что это за народ? — спросил Леовигильд.

— Это народ, который больше всего на свете любит воевать, а днем или ночью — им все равно. Но в ночном бою они непревзойденные воины. Есть и другие, афгулы например, это такой горный народ, они живут в Хималейских горах, или пигмеи южного Куша — тоже ночью в грязь лицом не ударят. Но пиктам просто нет равных. Я и против них воевал, и с ними заодно, — бывало, и жил среди них.

— И все равно, сражаться ночью недостойно настоящего воина, — презрительно заметил Зигтайр.

— Как бы там ни было, кто-то должен на это пойти, — сказала Альквина. — И только Конан имеет необходимые качества. Вдобавок он заслужил эту честь как сильнейший из моих воинов.

— Желаю успеха, Конан, — сказал Леовигильд. — Если кто-нибудь и в силах победить помощников Йильмы, так это — ты.

Серп восходящего месяца как раз поднялся над отрогами гор на востоке, когда Конан появился в галерее крепостной стены. Дозорные с удивлением уставились на него — вид у Конана был более чем необычный. Он был с головы до ног одет в черные волчьи шкуры. Лицо и руки Конан вымазал черной краской, изготовив ее из воска и сажи. Металлические накладки ножен и пояса он замаскировал кусочками черной материи, которые также служили для того, чтобы металлические украшения и застёжки не звенели. Длинные, до плеч, черные как смоль волосы киммериец стянул кожаным ремешком.

— Пора, — сказал он.

— Да поможет тебе Имир, — сказал Рерин. Волшебник, Альквина и несколько воинов также поднялись на галерею.

— Мой бог — Кром, — серьезно ответил Конан. — Говорят, что они с Имиром не очень-то ладят. Да и я привык в бою полагаться прежде всего на себя и на свой меч.

— Ловчие доложили мне, что Тотила и его войско уже недалеко, — сказала Альквина с присущим ей трезвым взглядом на вещи. — Как ты и предсказывал, Рерин, они идут медленно. Ну, удачи тебе, киммериец! И будь осторожен. Помни: сейчас ты нанесешь удар Йильме, а настоящее сражение еще впереди. И ты будешь мне нужен, когда оно начнется.

— Об этом не беспокойся, Альквина, — сказал Конан. — Уж я не оставлю службу у тебя раньше времени. — Затем Конан вспрыгнул на наружную стену галереи, чуть помедлил и соскочил вниз. Он мог бы спуститься вниз по канату, который свешивался с одного из столбов, но не сделал этого. Возможно, Тотила выслал вперед разведчика, чтобы наблюдать за тем, что происходит на подступах к

крепости. На всякий случай Конан решил спрыгнуть со стены, противоположной той, где были ворота.

Он удачно приземлился, спружинив согнутыми в коленях ногами. При слабом свете луны заснеженная равнина поблескивала, как шитая серебром ткань. Вдали смутно вырисовывались громадные глыбы кольца Великих камней.

Как сообщили ловчие, войско Тотилы приближалось к крепости со стороны восточных гор. Туда-то и припустил Конан. Ему ничего не стоило хоть всю ночь вот так бежать. Не прошло и нескольких минут, а он был уже в лесу и передвигался вперед так же уверенно, как на равнине. В темноте Конан видел все ясно, зрение у него было как у совы.

Спустя четыре часа дыхание киммерийца оставалось таким же ровным, как в начале пути. Теперь он перешел на шаг — ведь Тотила был уже где-то недалеко. Да, вот уже и запах дыма чувствуется, по нему Конан вышел к мерцающим в темноте огням лагерных костров.

Он сосчитал костры и благодаря этому установил приблизительную численность врагов. Войско оказалось более многочисленным, чем он предполагал. Тотила, несомненно, был человеком, наделенным большой властью и упорством, если сейчас, в середине зимы, ему удалось собрать в свой поход так много воинов.

Конан напряженно вглядывался в темноту. Где расположились военачальники? Где наиболее уязвимые места противника? Как он и ожидал, дозорных враги не выставили. Шайка разбойников, какой было и осталось войско Тотилы, считала подобные предосторожности проявлениями трусости и слабости. Конан крадучись прошел влево, потом вправо, затем обогнул лагерь с тыла, но так нигде и не обнаружил шатра. Очевидно, Тотила спит прямо на земле и укрывается, как и все воины, лишь своим плащом. Ну да, он подает всем пример. Надо об этом помнить.

Но в эту ночь Конан подстерегал не Тотилу. Ему был нужен колдун Йильма. Конан сел на землю, прислонившись спиной к стволу дерева, и закрыл глаза. Сторонний наблюдатель, глядя на него, решил бы, что киммериец заснул. Ничуть не бывало! Конан глубоко вдыхал все запахи и чутко прислушивался к каждому шороху. Всякий

звук, всякое колебание воздуха он подмечал с наблюдательностью разведчика заморийской армии.

Шорохов почти не доносилось, зато в неподвижном воздухе пахло дымом, и прежде всего — дымом от костров, в которых горели смолистые сосновые ветви. Но к этому запаху примешивался и какой-то другой. Конан не мог определить — то ли это запах горящих трав, то ли коры. Именно этот запах он и рассчитывал учуять.

Киммериец поднялся и пошел по невидимому пахучему следу. Тот привел его к небольшой ложине рядом с лагерем. Теперь Конан слышал и новые звуки — потрескивание и хриплое карканье. На краю ложины рос густой кустарник. Конан ползком пробрался туда и спрятался.

Перед ним в ложине стоял шатер из шкур северного оленя. Возле шатра сидел человек, облаченный в такие же оленьи шкуры. Рога северного оленя украшали его головной убор. С тихим пением он проделывал замысловатые движения руками и при этом потряхивал гремушкой из сушеной тыквы. Перед сидящим горел маленький костер, а языки пламени играли множеством цветов, каких не встретишь в природе.

Но кто же каркает? Конан повернул голову. В нескольких шагах от костра сидели две сороки. Конан уже видел их раньше — в небе над крепостью Альквины. Но тогда они просто летали, как самые обыкновенные птицы. Сейчас же, когда Конан посмотрел на них, по спине у него пробежал ледяной озноб. Сороки стрекотали, каркали и издавали разные другие звуки, описать которые человеческим языком невозможно, — и все это в такт заунывному пению Йильмы! Они ритмично кивали головами, делали шажки влево и вправо, словно исполняли какой-то ритуальный танец. И двигались они при этом до того четко и слаженно, что казалось, будто они повинуются чьей-то единой воле.

Какое же адское колдовство творит здесь этот гипербо-рейский колдун? Наверное, он хочет с помощью своего черного искусства прибавить сил Тотиле и навредить Альквине. А может быть, затеял что-то против него, против Конана. Киммериец чуть было не вскочил на ноги, чтобы броситься на колдуна и разом покончить с ним. Однако

Рерин предостерег его — подобное было бы глупостью. Рерин сказал, что Йильма не простой маг, он заключил союз с темными силами и наверняка придумал разные способы защиты на случай нападения. Такой колдун, как Йильма, защищает себя от тех демонов, которых сам же использует. Значит, тем более он предусмотрел средства защиты от смертных, если им вздумается на него напасть.

От Рерина Конан узнал также, что легче всего одолеть волшебника именно в тот момент, когда он поглощен своими колдовскими действиями и полностью сосредоточен на волшебных заклинаниях. А еще волшебники, как и все люди, беспомощны, когда спят. Но это еще не значит, что во сне у них нет защиты. Размышлениям Конана положило конец появление призрака — его слабая тень вдруг возникла над пламенем костра. Что же это такое?

Йильма все так же пел, сороки приплясывали и каркали, а призрак постепенно сделался как бы более плотным, однако оставался при этом, видимо, невесомым: он висел в воздухе над разноцветными языками пламени. Лица призрака разглядеть не удавалось, но волосы у него были длинные, белокурые. Совсем как у Леовигильда, — подумал Конан. Уж не шпионит ли колдун за юношей? Нет, не похоже — у призрака не было перевязанных ран на голове и груди, он был в одежде охотника.

Внезапно Йильма резко оборвал пение и взмахнул рукой. Призрак потускнел, поблекли и разноцветные языки пламени. Вскоре огонь стал обыкновенным, красно-желтым, и тут Йильма что-то сказал своим птицам. Языка этого Конан не знал, однако было очевидно, что Йильма чем-то чрезвычайно доволен. Конан подумал, что маг, должно быть, только что опробовал какое-то колдовство, которое намеревается применить в скором будущем, вот и радуется успеху. Сороки в ответ на слова колдуна закивали головами, словно в знак согласия.

И тут Конан содрогнулся от ужаса — одна из сорок повернула голову и уставилась прямо на него. Глаза птицы горели жарче пламени костра. Вторая птица тоже пристально смотрела на Конана, и Йильма тоже обернулся в его сторону. Быть может, ни темнота, ни густой кустарник не являются препятствием для их взгляда?

— Кто посмел подсматривать за мной, когда я произвожу магические действия? — произнес колдун злобным, свистящим шепотом.

Конан тут же вскочил и вышел из своего укрытия. Выхватив меч из ножен, он кинулся к Йильме, но тот мгновенно произвел несколько пассов, — видно, для защиты.

Да только Конан метил вовсе не в гиперборейского мага. Его клинок, блеснув в свете костра, обрушился на одну из сорок. Конан не сомневался, что после такого удара от птицы останется лишь жалкая кучка окровавленных перьев. К ужасу киммерийца, меч ударился по чему-то настолько твердому, что удар болью отозвался в его руке и плече. Как будто он изо всей силы поразил гигантское чудовище, покрытое броней.

Не теряя времени, Конан замахнулся снова, чтобы нанести удар по второй сороке. Но эта птица отскочила, и вдруг облик ее стал на глазах изменяться. Киммериец оторопел: крылья делались все больше и больше, вместо перьев появилась блестящая чешуя. И ноги стали длиннее, они были похожи теперь на ноги человека, но на скрюченных пальцах вдруг выросли острые бронзовые когти.

И тогда Конан понял, что теперь демон предстал перед ним в своем истинном обличье. Жуткое соединение человека, птицы и рептилии, ростом — на целую голову выше Конана. Из разинутой пасти с жуткими клыками высунулось черное раздвоенное жало. Лишь горящие ненавистью глаза были все те же. От их взгляда Конан оцепенел, а крылья с загнутыми когтями по краям уже опускались на него.

Заметив грозное движение крыльев, Конан преодолел оцепенение. Он перешел в атаку — бросился вперед, между крыльев, и ударил мечом в левый плечевой сустав птицы-демона. Рерин говорил, что эти твари все-таки подчиняются некоторым законам природы, существующим в мире людей, — иначе они не могли бы жить в его условиях. А это значит, что всякого демона можно ранить и убить. Меч глубоко вошел в тело демона. На Конана брызнула отвратительная зловонная жидкость. Он выдернул меч и молниеносно ударил по правому плечу птицы. И тут жестокий

удар обрушился на его голову. Конан пошатнулся и шагнул назад, все еще не понимая, что это было. И тут он увидел, что черное жало обгадено кровью.

Жало хлестало по воздуху, словно плеть, демон вдруг издал страшный, оглушительный вой — это отвалились оба отрубленных Конаном крыла. В это время Йильма снова принялся распевать колдовские заклинания. И вдруг раненый демон бросился вперед, вытянув когтистые лапы, как коршун на добычу. Конан вонзил меч в брюхо чудовища. Когтистые лапы обхватили его поперек груди и, повалив, прижали к земле. Он чувствовал, как все глубже вонзаются в него острые когти, и отчаянно пытался высвободить меч, который застрял во внутренностях птицы.

А та наклонилась над ним, разинув зубастую пасть. Жало снова высунулось. Что-то ударило Конана по плечу. Послышалось шипение, запахло паленой шерстью. Жало скрылось в пасти и тут же снова показалось. Теперь оно было прямо против лица Конана. Он увидел между двумя концами жала маленькое круглое отверстие с крохотными острыми зубами, из которого сочилась зловонная жидкость. Конана спас только густой волчий мех его куртки. Но если этот яд попадет на его лицо, все будет кончено.

С последним усилием он рванул на себя меч. Наконец-то! Но что толку от меча — плечи Конана были стиснуты как в тисках, о том, чтобы размахнуться, нечего было и думать. Жало приблизилось — и тут Конан ткнул мечом в зубастый рот. Чудовище инстинктивно куснуло меч — острый клинок отсек смертоносное жало. Отвратительный орган упал на землю и забился в конвульсиях.

Хватка когтистых лап ослабла, демон издал предсмертный крик. Конан быстро отбежал в сторону. То, что осталось от птицы, все еще извивалось и билось в судорогах. Из его пасти хлестала гнойная жидкость. Постепенно демон терял свою форму, превращался в серую слизь, и вот земля жадно впитала всю ее до капли.

В этот момент Конана настиг жестокий удар сзади. Он не упал, а покотившись по земле, быстро вскочил на ноги и, держа меч наготове, повернулся в ту сторону, откуда последовал удар.

Вторая птица! Он совсем позабыл о втором демоне, пока отчаянно бился с первым. Вторая птица была им серьезно ранена, и потому превращение ее в демона не вполне удалось. В ее правом боку зияла кровоточащая рана, на правом крыле осталось сорочье оперенье. Однако раненое чудовище с громким шипением наступало на Конана.

Конан еще чувствовал страшную слабость после схватки с первым крылатым демоном, ему совсем не хотелось снова сражаться с чудовищем, у которого были такие же опасные лапы с острыми когтями и смертоносное жало. Он отступил. Йильма по-прежнему сидел у костра и распевал свои колдовские песни. Наставив на демона острие своего меча и осторожно пятясь, Конан рискнул бросить взгляд через плечо на колдуна, который был от него в нескольких шагах. Йильма сидел с закрытыми глазами и казался всецело сосредоточенным на своем черном колдовстве.

Конан, пятясь, сделал еще два или три шага по направлению к Йильме. А затем внезапно развернулся на месте и со всей силы ударил мечом. Увы! Он недостаточно точно рассчитал отделявшее его от колдуна расстояние. С размаху Конан сделал полный оборот вокруг своей оси и теперь снова очутился лицом к крылатому демону.

Но при этом он концом меча задел колдуна и оцарапал ему щеку. Йильма очнулся и начал выходить из состояния транса. Заунывное пение становилось все тише, глаза колдуна раскрылись. Йильма коснулся рукой своей оцарапанной щеки.

По мере того как постепенно стихало волшебное песнопение, убывали и силы крылатого демона. Он пошатнулся и осел на землю. Только это и было нужно Конану. Он ринулся вперед и стал кромсать чудовище быстрыми мощными ударами, которым демон уже не мог противостоять. Он даже не пытался уклониться от меча, но вдруг напоследок все же бросился на Конана. И тот последним ударом разрубил хребет крылатого демона. Останки чудовища превратились в серую слизистую массу и растеклись по земле.

Теперь киммериец снова повернулся к Йильме. После невероятных усилий и страшного напряжения — такой

ценой далась ему победа в двух поединках — Конан тяжело дышал, его грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Здорово было бы, если бы он одолел теперь еще и колдуна-гиперборея. Тогда дело можно было бы считать законченным. Потеряв своих птиц, Йильма лишился двух могучих защитников. Однако колдуна нигде не было видно. Конан огляделся по сторонам в поисках свежих следов на снегу. Следов не было. Бормоча проклятия, Конан вытер снегом лезвие меча и вложил его в ножны.

Затем он тронулся в обратный путь — ему хотелось вернуться в крепость камбров еще до рассвета. Что ни говори, колдун теперь потерял значительную часть своей силы. У него больше нет зорких глаз. Рерин говорил, что обзавестись новыми помощниками Йильме будет непросто — придется отправиться в далекое путешествие, найти особое заколдованное место и там заниматься долгими и нудными колдовскими фокусами. Но прежде чем это случится, его настигнут копыта и мечи людей.

Глава четырнадцатая ВСТРЕЧА КОРОЛЕЙ

Тотила приподнялся в седле и, обернувшись назад, окинул взглядом длинную колонну своих воинов, которая растянулась по лесной дороге. Люди были веселы, потому что эти злобные оводы, эти всадники, со вчерашнего дня, кажется, оставили их в покое. Король предполагал, что не увидит их до тех самых пор, когда его войско подойдет к воротам крепости Альквины. Камбры хотели нанести ему урон в живой силе своей тактикой и сразу же отказались от нее, как только торманны в ответ использовали удачный способ обороны. Но где могли камбры научиться новому приему военного искусства? Тотила догадывался, что здесь не обошлось без черноволосого предводителя воинов Альквины. Чем больше Тотила узнавал об этом человеке, тем сильнее разгоралось в нем желание сразиться с киммерийцем в поединке.

Рядом с королем скакал на лошади Йильма.

— Мои птицы донесли мне, что камбры забились в крепость под защиту каменных стен, как трусливые овцы в загон, — сказал он.

Тотила мрачно покосился на колдуна:

— Твои проклятые птицы! До сих пор от них было мало толку.

Йильма пожал плечами и постарался скрыть свою неуверенность.

— Маленькая неувязка, — сказал он. — Да и кто бы мог подумать, что такой жалкий маг, как Рерин, вдруг выдумает такую ловкую штуку? Но важно другое: птицы донесли мне об одной вещи, которая наверняка тебя заинтересует.

— Так говори же! — нетерпеливо крикнул Тотила.

— Примерно в одной миле впереди эта дорога пересекается с другой, идущей с юга. По ней движется король Одоак со своим войском. Быть может, мы нечаянно встретимся с ним на перекрестке дорог...

Тотила довольно улыбнулся:

— Вот как? Король тунгов? Что ж, самое время поговорить обо всем с этим жирным бороваком!

— Мне кажется, что именно сейчас союз с королем...

— Рассуждай-ка лучше о своей магии, — перебил колдуна Тотила. — А государственные дела предоставь мне решать. — После этого оба довольно долго ехали молча.

Когда солнце поднялось уже высоко, Тотила внимательно оглядел безоблачное небо:

— Где же твои сороки, колдун? Сегодня я ни разу их не видел.

— Я... Я отослал их с важным заданием, государь. Я задумал одну военную хитрость, которая будет весьма полезна тебе при взятии крепости Альквины. — Йильма не осмелился признаться королю в том, что потерпел ночью тяжкое поражение. Тотиле следовало считать, что его маг силен и могуч, как и прежде. Про себя Йильма благодарил своих темных богов за то, что он успел закончить создание призрака с белокурыми волосами, прежде чем погибли два его крылатых помощника.

— Это как-то связано с диким шумом, который слышался ночью со стороны твоего шатра? — спросил Тоти-

ла. — Сегодня утром мне многие жаловались и говорили, что там раздавались какие-то ужасные звуки, как будто шла битва между гигантскими змеями, кабанами и орлами.

— Твоих воинов мое искусство вообще не касается! И не имеет значения, большой был при этом шум или нет.

На перекресток лесных дорог торманны прибыли первыми. Тотила разрешил воинам отдохнуть, но предупредил их, что следует ждать «гостей». Всем воинам было приказано держать оружие наготове. Прошло не более часа, и на южной дороге показалась колонна тунгов.

При виде войска, стоявшего на пересечении дорог, у Одоака затряслись поджилки. Засада камбров? Но нет, эти люди даже не старались спрятаться. И тут Одоак увидел рослого воина в плаще из человеческих скальпов и в шлеме, увенчанном изображением орла. Он струсил еще больше. Он-то надеялся, что лишившиеся верховной власти камбры станут его легкой добычей. А Тотила и его торманны, все в полной боевой готовности, — это не предвещало ничего доброго. Однако выбора не было — оставалось лишь сделать хорошую мину при плохой игре, ведь Одоак и его войско должны были проследовать мимо войска Тотилы.

— Похоже, что не мы одни вышли в поход на камбров, — сказал Одоак. Холодный пот струйками стекал у него из-под шлема, однако толстяк сумел произнести эти слова достаточно твердым голосом. Его воины со свирепой радостью схватились за оружие.

Когда тунги приблизились, Тотила вышел им навстречу. Его воины остались сидеть поодаль от дороги. Это немного успокоило Одоака. Однако он тут же вновь осознал всю свою слабость и преклонный возраст, когда исполин Тотила подошел к нему и, пожимая, едва не раздавил его руку.

— Приветствую тебя, Одоак, мой королевский собрат! Мы очень редко видимся. — С этими словами Тотила одной рукой обнял Одоака за плечи и окинул горделивым взглядом всех стоящих вокруг — они должны были видеть, как он силен и молод, не то что одряхлевший король тунгов.

— Приветствую тебя, Тотила, — ответил Одоак, намеренно избегая королевского титула. — Верно ли мое предположение, что и ты, и я вышли в поход для выполнения одной и той же миссии?

— Это вполне возможно. Давай отойдем куда-нибудь в сторонку и обсудим все с глазу на глаз, как подобает королям.

Одоак всегда чрезвычайно неохотно покидал своих телохранителей, но он не решился возразить Тотиле, чтобы ничем не выдавать своего страха.

— Отдохните пока здесь, — сказал он воинам, стараясь сохранить беззаботный вид. — Нам с Тотилой нужно поговорить о важных делах.

И два короля отошли от дороги и поднялись на небольшой холмик. Тотила заговорил первым:

— Мой маг сказал мне, что Альквина, исчезнувшая при столь необычных обстоятельствах, теперь вернулась.

— Я очень этому рад. — Одоак был поражен известием. — Значит, теперь я смогу спросить ее, почему она до сих пор не дала ответа на мое предложение.

— Я тоже собирался задать ей этот вопрос. Может быть, ты, кроме того, хочешь проучить этого бродягу, твоего племянника?

Одоака охватила ярость, но он сдержался и не выдал себя. Ведь проклятому Тотиле помогает волшебник Йильма. И почему гиперборейский маг не встал на сторону настоящего короля, такого, как он, Одоак, а вместо этого примкнул к выскочке, бывшему разбойнику?

— Правильно! Мальчишка глубоко разочаровал меня. Я воспитал его как собственного сына, ради памяти моего любимого брата. А он, паршивый щенок, нагло посягает теперь на мой трон. — Одоак вымученно улыбнулся: — Будь доволен тем, что ни разу не был женат и не имеешь наследников.

— Скоро это положение изменится. Я его исправлю. Ведь, в конце концов, это просто позор, что женщина королевского рода, Альквина, до сих пор не замужем, в то время как и наши, и ее королевства не имеют наследников. Но если бы мы с тобой стали воевать друг против друга — кому от этого выгода? Только камбрам! Кто бы из нас ни победил, он выйдет из войны настолько ослабленным, что не сможет сражаться с камбрами.

— Союз против камбров? В этом есть смысл. — Одоак кивнул. Он давно уже надеялся, что Тотила предложит

ему союз. — Остается решить лишь вопрос о наших личных целях. Союз наш будет не слишком плодотворным, если потом мы начнем воевать за обладание Альквиной, ее землями и ее народом.

— Ну, это определенно можно будет уладить, — поспешил заверить его Тотила. — Да мы и должны обо всем договориться, прежде чем двинемся дальше. Насчет земель и народа договориться проще простого. Разделим все ее владения пополам по реке Гернах, которая протекает как раз посередине ее королевства. Север отойдет ко мне, юг достанется тебе.

Одоак на минуту задумался, потом сказал:

— Я согласен. Но как же быть с Альквиной? Нам обоим нужна супруга, но ведь женщину не разделишь на две части, как земли.

— Я представляю себе это дело следующим образом. — Тотила улыбнулся с наигранным простодушием. — Ты поставил перед собой две цели. Первая — получить Альквину. Вторая — одновременно избавиться от Леовигильда. Твоим людям, однако, вряд ли понравится, если ты убьешь мальчишку собственными руками. Хотя это, конечно, не составило бы тебе труда. Ни минуты не сомневаюсь.

— Разумеется, мне ничего не стоит убить этого молодкососа, — хвастливо заявил Одоак. — Но ты прав и в другом. С политической точки зрения убить Леовигильда своими руками было бы ошибкой. Кое-кто может ославить меня как убийцу принца, даже если я убью его ради необходимой обороны.

— Зато я могу убить его и остаться безнаказанным, — сказал Тотила, не упомянув о том, что уже убил юношу, — он был в этом почти абсолютно уверен. — Предлагаю сделку: за убийство Леовигильда ты уступаешь мне Альквину. Честная сделка — или ты считаешь иначе? Ведь к тому же в приданое ей достанется только половина ее земель.

Одоак принялся разглаживать бороду, сделав вид, будто погруженный в глубокое раздумье. Затем он сказал:

— Но ведь наследник-то мне все равно нужен.

Тут Тотила потерял терпение:

— Послушай, да пошевели же ты мозгами наконец! Сколько угодно на свете знатных дам с дочерьми на выданье!

Любая из них уж наверное не откажется стать тещей короля! А не хочешь — так найди какого-нибудь дурня из крестьян и объяви, что он — сын твоего брата, некогда пропавший без вести племянник. Ты же все равно не дашь ему дожить до совершеннолетия. Но зато обеспечишь себе лет пятнадцать спокойной жизни без чьих-либо посягательств на твой престол.

— Все, что ты говоришь, очень мудро, брат мой. — Одоак испугался. — Давай условимся вот о чем. Сейчас мы объединим наши войска и пойдем войной на камбров. После сражения ты получишь Альквину, при условии, что убьешь Леовигильда. Ты получишь и половину ее королевства. Мне отходит южная часть земель. Так. И затем мы расстанемся как добрые друзья, каждый со своим войском возвращается к себе домой.

Тотила протянул руку, и они скрепили договор рукопожатием. Ни тот ни другой не имел даже мысли о том, чтобы выполнить это соглашение. Обняв друг друга за плечи и улыбаясь, короли спустились с пригорка и пошли к своим войскам.

— Неужели Одоак так глуп? — недоверчиво спросил Йильма.

Король и его маг сидели в небольшом шатре из промасленных оленьих шкур. Войско находилось в пяти-шести часах пешего перехода от крепости Альквины. Была ночь, воины отдыхали — завтра предстояли тяжкие испытания. Йильма развел в шатре маленький костер. Дыма от него не было, но языки пламени отбрасывали на лица Йильмы и Тотилы зловещие тени. Король и колдун совещались.

— Конечно, Одоак глупец, но все же не настолько! Он просто запуганный старик, его лучшие дни давно миновали, ему осталось всего-то несколько жалких лет, и он, понятно, не хочет напоследок лишиться своего королевства. Сейчас он не знает, кого ему надо бояться больше — меня или Леовигильда. Ясно, что союз, который я ему навязал, его не устраивает. Но выбора-то у него нет.

— И ты дашь ему спокойно убраться домой, когда сражение будет позади?

— Это зависит от того, как все сложится. Если он потеряет многих бойцов, а наши потери будут небольшими, то я, может быть, сразу же с ним расквитаюсь. Если не получится — придется подождать год или два. Конечно, мы в любую минуту можем разбить его войско, но зачем нам еще одно сражение и дополнительные потери? Все можно сделать гораздо изящнее. У меня великие планы. Вывести из игры мелких соперников здесь, на Севере, — лишь малая часть моих замыслов. Я должен побереечь свои силы, потому что намерен завоевать Юг.

— Как ты упомянул, государь, дело может быть значительно упрощено, если убить Одоака в завтрашнем сражении. Я правильно тебя понял? — спросил Йильма.

Тотила задумался, прежде чем ответить:

— Пожалуй, да. Если Одоака убьют камбры. Если я сам его убью, его воины за мной не пойдут.

— А что, если бы его убил Леовигильд?

— Что? — Тотила изумился. — Леовигильд? Да ведь я прикончил мальчишку. Вряд ли он выжил, получив такие ранения.

— Но тунгам-то об этом ничего не известно! Я могу пустить в дело призрак, который как две капли воды похож на Леовигильда. И тогда пусть тунги увидят, как Леовигильд убивает Одоака. А потом ты можешь убить призрака, причем умирать он будет вполне правдоподобно, будто настоящий человек.

Тотила ухмыльнулся:

— Ты в самом деле можешь это сделать? В таком случае тунги почтут за честь присоединиться к моему войску. Ведь я буду мстителем за смерть их короля.

— Именно!

От удовольствия Тотила даже привстал и хлопнул себя руками по коленям:

— Так и поступим! Ха-ха! Никогда еще я не убивал кого-то дважды, но с радостью это сделаю.

Одоак сидел со своими воинскими начальниками у походного костра и хмуро смотрел на огонь. Его войско до этого дня так и рвалось в бой с камбрами. Появление Тотилы

заметно понизило боевой дух тунгов. К королю обратился старый седой воин:

— Мы пришли сюда, чтобы завоевать земли Альквины. Но нам это не удастся, поскольку здесь находится войско Тотилы. По моему мнению, нам следует вернуться домой и выждать более подходящий момент.

Многие поддержали воина. Но были и противоположные мнения:

— Нет! Вы что, хотите, чтобы о нас говорили, что тунги вышли в поход и вернулись из него как побитые псы? Да еще не побывав ни в одном сражении! Лучше умереть, чем покрыть себя таким позором! — Эти слова были встречены криками одобрения.

— Правильно! Так должны рассуждать настоящие воины! — воскликнул Одоак. Что бы ни ждало впереди, Одоак не желал отступать. Нельзя было допустить, чтобы его воины долгую зиму предавались мыслям о пережитом позоре, ответственность за который должен нести король.

— Если сейчас мы захватим половину этих земель — на что они нам? Сейчас мы не можем воевать одновременно и с камбрами, и с торманнами. Не беда — лето не за горами. В будущем году все, может быть, сложится совсем по-другому. Вот тогда мы прежде всего завоюем вторую половину земель камбров. Потом двинемся на запад и разобьем Тотилу. Вот почему сейчас мы должны заключить с ним военный союз. После победы над камбрами мы будем свободны от всяких обязательств перед Тотилой.

Эта речь убедила почти всех воинов. Пусть план был несовершенно, он давал возможность сразиться с камбрами и вернуться домой со славой. Никому не улыбалось возвращение к женщинам и старикам, при том что мечи и копья остались не обгаженными кровью врагов.

Одоак приветливо кивнул своим воинам, не подавая вида, что чувствует облегчение. Он хотел лишь одного — захватить небольшой кусок земли, сохранить свой престиж полководца и увидеть у своих ног труп Леовигильда. Быть может, его мечты сбудутся уже завтра.

— Вот они, — сказал Конан.

Он стоял рядом с Альквиной на крепостной галерее. Все, кто был способен воевать, поднялись на галерею и теснились к деревянному частоколу. Кому не посчастливилось вовремя занять место наверху, стояли во дворе. На галерее были сложены груды камней — от небольших, с кулак величиной, до скальных обломков диаметром около фута. Здесь стояли наскоро изготовленные копья. Камбрам приемы обороны крепости были неизвестны, но Конан убедил их, что только такая оборона дает им шанс выстоять, — враги значительно превосходили их своей численностью. Камбры уже усвоили, что в подобных ситуациях надо полагаться на опыт киммерийца.

— Их действительно очень много, — сказала Альквина. Ей стоило огромного труда подавить дрожь в голосе и произнести эти слова спокойно.

Из леса, который начинался сразу за Большими камнями, нескончаемым потоком текла на равнину колонна воинов. Бронзовые шлемы и панцири сверкали на солнце. Видны были только головы и плечи — все остальное было скрыто за большими круглыми щитами. Теперь войско двигалось двумя одинаково многочисленными, но явно самостоятельными колоннами.

— Я предположил бы, что это союзники, — сказал Зигайр с усмешкой, — но не больно-то торманны и тунги любят друг друга.

Вдруг стало слышно, что в лесу валят деревья.

— Взялись за работу. Они строят лестницы, по которым будут карабкаться на стену, — пояснил Конан.

— Они смогут сюда подняться? — испуганно спросила Альквина.

— Если предоставить им достаточно времени — конечно. Твоя крепость ведь не стоит на отвесной скале. Опытная армия смогла бы взять ее довольно быстро. Но эти люди если и лазили на стены, то лишь для того, чтобы украсть у соседа курицу, так что, я думаю, для штурма им понадобится день или даже два.

— А нам этого времени хватит?

— Если все пойдет хорошо, то хватит. Там, на равнине, ты видишь множество воинов, но по-настоящему опасны

из них лишь двое — Йильма и Тотила. Тотилой займусь я. А Рерин сказал, что справится с Йильмой.

— Я молю Имира, чтобы все было так, как ты говоришь. — Альквина плотнее запахла меховую шубу — но знобило ее не от холода.

Примерно через час враг подступил к стенам крепости. Конан приказал всем, кроме воинов, покинуть крепостную галерею. Осадных машин у нападающих не было, поэтому во дворе жителям крепости не угрожала непосредственная опасность. Может случиться, что залетит копье. Но, по мнению Конана, если человек не способен увернуться от летящего копьа, значит, он заслуживает быть пронзенным этим копьем.

— Всем приготовиться! — крикнул киммериец. — Не бросайте камни, пока не будете уверены, что попадете. Никакой спешки! Когда они будут прямо под стеной, тогда бросайте — не промахнетесь.

Глаза стоящих вокруг Конана воинов горели, всем не терпелось вступить в бой. Когда Конан командовал войсками в южных армиях, он с великим трудом заставлял людей воевать — их приходилось просто гнать на врага. Здесь же он должен был следить в оба за своими подчиненными, не то они побежали бы во двор, распахнули ворота и, обнажив мечи, бросились на врага. Биться честно, один на один, — вот какие битвы по нраву северянам.

Враги с криками бросились к стене. Многие тащили длинные лестницы. По тому, как были сооружены лестницы, Конан понял, что эти воины еще никогда не штурмовали крепостные стены. Но этой науке они быстро обучатся — так же быстро, как научились они сражаться со всадниками. Конан внимательно оглядел беспорядочно шедшую на штурм толпу. Кое-где он заметил длинные пики, вроде того копьа, которое он использовал, сражаясь с Охотником в мире призраков. Конан обрадовался, обнаружив, что таких пик было немного. С их помощью враги могли бы сбрасывать защитников крепости со стены, которая была не слишком высока. А сбросив нескольких, они открыли бы своим путь на стену. Если же хоть кто-то из врагов сумеет удержаться на галерее, то и все

остальные, как муравьи, заберутся наверх по лестницам. Дальнейшая оборона — гибельное дело, штурм можно будет считать законченным. И врагам останется перебить последних защитников крепости.

Наступающие достигли подножия стены. И тут в них полетели камни и копья. Прикрывая головы щитами, враги закричали, призывая камбров спуститься вниз и начать сражение по правилам — как это подобает настоящим мужчинам. Ответом был новый град камней. Наступающие стали неуклюже прилаживать лестницы. Поначалу защитники с легкостью сталкивали лестницы со стены. Но враги действовали все более решительно, и вскоре головы самых отчаянных уже показались над частоколом.

Прямо перед Конаном над частоколом вырос вдруг край щита и верхушка шлема. Первый удар киммерийца пришелся по щиту, вторым он разрубил шлем. Падая, воин увлек за собой того, кто поднимался за ним по лестнице. Конан перегнулся через частокол, чтобы столкнуть лестницу, но она — то ли случайно, то ли специально — была поставлена именно так, как полагалось. Верхний конец лестницы упирался в стену значительно ниже ее края. Чтобы ее столкнуть, нужно было сильно перегнуться через стену. В Конана полетели копья, и он был вынужден отойти назад.

Следующий воин взобрался на лестницу. Щита у него не было. Но секирой он размахивал с такой быстротой, что киммериец не без труда отражал удары. Выждав, когда противник широко размахнулся, чтобы ударить посильнее, он прыгнул вперед и с силой ткнул воина в лицо бронзовым острием, которое находилось в центре его щита. Затем он нанес ему удар мечом в правый бок. Хрустнули ребра под бронзовым панцирем. Воин с диким воплем повалился вниз со стены. Конан схватил длинное копье и, используя его как рычаг с упором на брус частокола, оттолкнул лестницу. Это удалось, хотя на лестнице висели трое воинов, — не подвела исполинская сила Конана.

И в других местах на стене защитники крепости успешно оборонялись. Нападающие пытались достать их длинными

копьями, но это им не удавалось, потому что снизу метнуть копье намного труднее, чем со стены. Через некоторое время послышался сигнал трубы.

Конан поглядел в ту сторону, откуда доносился сигнал, и увидел, что на одном из холмов стоят три человека. Один — маленький и толстый, с седой бородой. Второй — в оленьих шкурах и с оленьими рогами на голове. Третий привлек особое внимание киммерийца. В лучах заходящего солнца ярко блестел его богато украшенный шлем. С широких плеч ниспадал до земли необычный пятнистый плащ. Одоак, Йильма и Тотила. Одоак казался таким маленьким лишь по той причине, что он стоял рядом с настоящим великаном — королем торманнов. Так вот он, Тотила, человек, с которым Конану предстояло сразиться в поединке.

Тотила сам протрубил сигнал к отступлению. Воины начали отходить от крепости. Разочарованные, они злобно кричали и последними словами поносили новую военную тактику, не достойную мужчин. Наверху, на стене, ликовали защитники крепости, выкрикивая вслед отступавшим врагам унижительные и обидные ругательства.

— Мы их разбили! Смотрите! Как побитые псы убегают в лес, поджав хвост! — Зиггайр захохотал и во все горло завопил древний победный клич камбров.

— Лучше отложить празднование победы до завтрашнего дня, — предостерег Конан. — Сейчас мы заставили их отступить. Но в другой раз они уже будут знать, что их ждет. И станут штурмовать более умело. А в третий раз мы уже не сможем отстоять крепость, если только не произойдет какой-нибудь непредвиденный счастливый поворот дела.

— Ты, Конан, всегда все видишь в черном свете, — упрекнул его Зиггайр.

— Я буду веселиться больше всех, но не раньше того часа, когда мы одержим победу.

— Тотила идет, — раздался тут чей-то крик.

Король торманнов шел большими шагами. Одоак едва едва поспевал за ним. Йильмы с ними не было. Конан улыбнулся. Чем-то Тотила вызывал его восхищение, хотя Конан и старался побороть это чувство. Пусть даже не

течет в жилах этого человека голубая кровь, держался он поистине царственно, ничуть не хуже любого другого монарха, а уж их-то Конан повидал на своем веку — на военных парадах, в пурпурных мантиях... Тотила бесстрашно подошел к самой стене, пренебрегая опасностью быть убитым. Одоак последовал за ним, ему не хотелось опозориться перед своими воинами.

— Королева Альквина! — крикнул Тотила.

— Королева не желает знаться с такими людьми, как вы, — крикнул Конан и плюнул вниз.

Тотила словно пропустил слова наемника мимо ушей.

— Королева Альквина, я желаю поговорить с тобой! — Тотила стоял с таким видом, будто готов ждать тут, под стеной, до конца своих дней. Альквина сделала шаг по направлению к частоколу.

— Как, государыня! Ты унизишься до того, чтобы разговаривать с этими подонками?! — Зиггайр был возмущен. — Да еще теперь, когда мы их отбросили! — Все, кто стоял вокруг, поддержали Зиггайра.

— Выслушай, что он тебе скажет, Альквина, — посоветовал Конан. — Твое отношение к нему от этого не изменится, а мы, может быть, узнаем, как у них обстоят дела. — Кивком головы Конан указал на два войска, ждавшие в отдалении. После штурма крепости воины Тотилы и Одоака снова разделились.

— Ах, Альквина, дорогая моя, вот и ты! — закричал Тотила, увидев королеву. — Как хорошо, что ты здесь. Меня чрезвычайно огорчает недоразумение, происшедшее между нашими подданными. И так же огорчен мой королевский брат Одоак. Но это недоразумение очень легко устранить. Я до сих пор не получил ответа на мое предложение — стать моей женой. Прошу дать мне ответ сейчас. Ты должна учесть, Альквина, что и после нашего бракосочетания ты останешься королевой камбров. И вдобавок получишь моих торманнов.

— А что при этом достанется на долю твоего королевского брата? — высокомерно спросила Альквина.

— Где мой племянник, где Леовигильд? — подал голос Одоак. — Мы ни разу не виделись с тех пор, как он так неожиданно бежал. Почему его нет с тобой на крепостной

стене? Может быть, он скрывается, потому что боится — и недаром! — гнева своего дяди?

— С чего ты взял, что твой племянник может быть здесь, скажи-ка, тунгский бочонок с жиром? — крикнула Альквина.

Камбры захохотали, торманны тоже засмеялись этим словам, хоть и несколько тише. Даже кое-кто из тунгов с трудом удержался от ухмылки. Другие воины Одоака не смели поднять глаз от стыда. Не потому, что их короля оскорбили, а потому, что он вел себя как жалкий попрошайка. Все это Конан отлично подметил.

— Убирайтесь восвояси, оба! — крикнула Альквина. — Я не пойду ни за борова, ни за бандита!

Тотила резко повернулся и с гордо поднятой головой зашагал прочь. При каждом шаге за его спиной вздымался плащ из человеческих скальпов — жуткое напоминание о том, скольких князей и воинов убил этот торманн. Одоак ковылял сзади, вдогонку ему неслись насмешки и хохот камбров.

Альквина сказала тихо, чтобы только Конан мог ее услышать:

— Жаль, что Тотила — такое чудовище. Он превратил бы мой народ в рабов. Не то я вышла бы за него, несмотря на то что он не знатного происхождения.

Конан ухмыльнулся:

— Ну да, ты же сама сказала, что королева должна выбирать себе супруга, руководствуясь политическими соображениями. А так, конечно, Тотила — настоящий мужчина, этого нельзя не признать.

— Теперь ты увидел его вблизи. Ты все еще думаешь, что сможешь его победить?

Конан взглянул на нее с обидой:

— Я сказал: он настоящий мужчина. Но я — лучше!

— Да что ж это за военные действия? — негодовал Одоак. — Залезать на стены! Будто рабы, вздумавшие пуститься в бег! — Он презрительно сплюнул в костер. — Почему они не выходят из крепости? Почему не вступают в сражение?

— Потому что нас вдвое больше, — объяснил кто-то из старших воинов Одоака.

— Для настоящего мужчины это не основание! — высокомерно возразил Одоак. — Но сильнее всего я разочарован моим племянником. В его жилах течет та же кровь, что и в моих. Ему следовало бы иметь более мужественный дух. Как знать, может быть, когда мой брат был в военном походе, в его постель забрался какой-нибудь конюх. Вот кто отец Леовигильда. Просто позор для всей семьи.

— Я разговаривал с несколькими торманными, — нерешительно заговорил тут молодой воин. — Они говорят, что знают Леовигильда в лицо. И они видели, что он командовал атакой конников в лесу, когда на торманнов напали камбры.

В самом деле? Почему же тогда мы не видели его сегодня? Или он боится собственного дяди?

— Я слышал, что он воевал против Тотилы, — продолжал молодой воин, — и что король торманнов его убил. Его считают погибшим.

Одоак удивился. Значит, он заключил союз и поставил при этом условие, которое на самом деле уже выполнено? Значит, Тотила ловко поймал его на приманку, которая и так принадлежала ему, Одоаку? Эта мысль привела его в бешенство. Но ни при каких обстоятельствах он не хотел допустить, чтобы подданные догадались, что их короля обвели вокруг пальца.

— Скорее всего, это был какой-нибудь другой молокосос. У моего племянника не хватило бы мужества воевать против Тотилы.

Прежде чем догорел костер, Тотила нанес визит своему союзнику. С театральной важностью он вышел из тьмы в багровые отблески огня и встал перед Одоаком, высокий и неприступный, как скала.

— Приветствую тебя, Одоак. Сегодня мы по-настоящему не добились успеха. Но мы поздно вышли. Завтра крепость Альквины еще до рассвета будет в наших руках.

— А сама Альквина — в твоих, — недовольно буркнул Одоак.

— Таково наше соглашение. Взамен ты получишь...

— Я прекрасно помню все, о чем мы договорились, — перебил Тотилу Одоак. — Садись, выпей пива.

Короли сидели у костра и, попивая пиво, разговаривали о незначущих пустяках. Взорам тунгов предстала картина полного единодушия доброй дружбы. Но вдруг из темноты к костру шагнула чья-то рослая тень.

— Приветствую тебя, дядя!

Одоак поперхнулся пивом. Лицо его покраснело.

— Леовигильд! Как ты посмел, негодный... — Одоак грузно поднялся и схватил свой меч. Тотила стоял за его спиной. Тунги при внезапном появлении Леовигильда словно оцепенели.

А юноша со смехом вонзил свое копье в брюхо Одоака. Король недоверчиво уставился на древко, которое торчало у него из живота. Потом он разинул рот — но вместо предсмертного крика из него хлынул поток темной крови. Боком повалившись наземь, Одоак испустил дух.

Тунги будто очнулись и с криком бросились на убийцу. Но Тотила оказался проворнее — с молниеносной быстротой он выхватил из ножен меч и рассек голову убийцы Одоака надвое, прежде чем воины подбежали к ним. Юноша упал как подкошенный. Страшный удар так изуродовал его лицо, что никто не мог бы его узнать.

— Должно быть, парень лишился рассудка, если пошел на такое. — Тотила обвел взглядом всех присутствующих: — Итак, ваш король и королевский наследник — оба убиты. На рассвете мы сожжем их тела, оказав покойникам все почести, какие подобают особам королевского рода. Желаете ли вы продолжить поход под моим командованием? Говорите, воины! — Тотила сознательно избегал называть себя их новым королем.

— Мы поклялись в верности Одоаку, а не тебе, — сказал старый воин.

— Но раз так, вы должны были отомстить за его гибель. Или я не прав? — Тотила остался невозмутимым. — А вы этого не сделали. Это сделал я. И что же, вы ничем не обязаны тому, кто отомстил за убийство вашего короля?

Тунги почувствовали стыд при этих словах. События сменяли друг друга слишком стремительно, в подобных обстоятельствах лучше всего было поступать так, как велит

старинный обычай, — подчиниться тому, кто отомстил за убийство правителя.

— Да, это верно, — сказал старый воин.

— Тогда следуйте за мной до тех пор, пока мы не разобьем врага. А там уж сядем вместе и поговорим о будущем вашего народа. — Тотила вытер свой меч от крови и вложил его в ножны. И с высоко поднятой головой зашагал прочь от костра.

— Надо ли понимать это так, что теперь Тотила — наш король? — спросил кто-то.

— Об этом надо будет поговорить позднее, — сказал старик и поглядел на два мертвых тела на земле у своих ног. — Что же такое стряслось с юношей? Что заставило его совершить убийство? Одоаку так или иначе жить оставалось недолго. И мы торжественно и радостно возвели бы Леовигильда на престол. Ведь его все любили.

— Наверное, он не вынес позорного союза Одоака и Тотилы, и от ярости разум его помутился, — сказал другой воин.

— Вероятно, нам никогда не узнать правды. — Старик вздохнул. — Но сейчас мы стоим перед выбором. Одоак и Леовигильд были последними отпрысками королевского рода. У нас больше нет короля. Остались только Альквина и Тотила. Но завтра Тотила сделает Альквину своей женой.

Все подавленно молчали. Человек, который в темноте прислушивался к их словам, решил, что узнал достаточно. Конан — в черной одежде, с вымазанным сажей лицом. Бесшумно, как разведчик-пикт, он полз назад. Прodelав довольно большое расстояние, он вскочил на ноги и быстро побежал к стене крепости. Там он ловко, словно белка, взобрался наверх по канату и очутился на галерее, где стоял дозорный. Здесь же спали многие воины, на случай, если враг неожиданно нападет на крепость среди ночи.

Конан побежал напрямик к хижине Рерина и рывком распахнул дверь. Старик сидел всецело погруженный в свои колдовские занятия.

— Ты был прав, — сказал Конан. — Сегодня вечером Йильма нанес удар.

— Я знал, я отчетливо это чувствовал!

Конан коротко рассказал волшебнику о событиях, которые произошли в стане врага, и о том, что удалось подслушать.

— А я-то бился над этой загадкой. Я не знал, каким образом он это сделает, — сказал Рерин. — В бою не многие их увидели бы. Тотила разможил голову Лжелеовигильда из опасения, что внешнее сходство исчезнет, как только призрак будет убит. Так, значит, у тунгов больше нет короля?

— Есть! Есть у них король. Только они об этом пока не знают.

И оба задумчиво улыбнулись..

Глава пятнадцатая

ВОЙНА ТРЕХ НАРОДОВ

Встав утром, Тотила сразу же, с мыслью о предстоящем сражении, надел панцирь и шлем. Он испытывал чувство глубокого удовлетворения — сегодня он будет пожинать плоды тщательного продуманных предварительных действий. Перепоясавшись мечом, он вышел из шатра и спросил воинов, готовы ли погребальные костры. Один из мужчин показал ему две груды поленьев, сложенные в отдалении у Больших камней.

— Ну так пошли туда и поскорее сожжем оба трупа, — нетерпеливо приказал Тотила. — У нас впереди еще сражение и королевская свадьба.

Тунги уже собрались и ждали, стоя вокруг высоких пирамид из бревен, которые они складывали всю минувшую ночь. Торманны без дела стояли в стороне, опираясь на древки своих копий. Они не выказывали никакого почтения к погибшим. Но обычай требовал, чтобы павшие в бою воины по окончании сражения были сожжены либо, если это возможно, доставлены домой.

В это время к Тотиле подошел Йильма:

— Доволен ли ты моей работой, государь?

Тотила милостиво улыбнулся, глядя на своего мага:

— Вполне. А ведь совсем недавно я прямо-таки готов был тебя убить — ты то и дело подводил меня. Но теперь, кажется, все начинает меняться к лучшему.

— Я всегда желал и впредь буду желать моему повелителю только самого лучшего, — льстиво ответил Йильма. В последние дни у него заметно поубавилось высокомерной уверенности в себе. Уж не попал ли он во власть каких-то враждебных сил? Но в этот раз он не подведет, промаха не будет — в этот раз он попадет в цель. Так думал Йильма.

Не теряя времени на долгие речи, Тотила схватил факел и поджег более высокий из погребальных костров. Затем равнодушно сказал:

— Предаю дух моего королевского собрата Одоака вечному покою.

Сопровождаемый недовольным ропотом тунгов, он пошел к меньшей пирамиде. Поведение Тотилы возмутило тунгов. При сожжении тела убитого короля полагалось произносить торжественные речи, которые длились часами. Но тунгов ожидало гораздо большее потрясение.

— Камбры идут! — раздался крик одного из воинов. Все обернулись в ту сторону, где стояла крепость Альквинны. Оттуда надвигалось все войско камбров, и впереди шла сама королева.

— Какая наглость! — воскликнул Тотила. Он казался не столько удивленным, сколько негодующим. — Ни один человек, даже в сильнейшем отчаянии, не смеет нарушать ход торжественного предания огню убитых!

— Острия их копий обращены к земле, — сказал старый воин-тунг. — И потом, ведь с ними королева. Может быть, они просто хотят оказать убитым последние почести.

Тотила снисходительно усмехнулся:

— О нет. Они идут, чтобы сдаться нам. Иначе для чего было бы Альквине выступать впереди войска собственной персоной? Ладно, раз так, мы окажем им подобающий прием. — И в сопровождении Йильмы Тотила зашагал навстречу королеве. — Приветствую тебя, Альквина! — издали крикнул он. — Как хорошо, что ты одумалась и решила положить конец кровопролитию.

— О чем ты говоришь, Тотила? — удивилась Альквина. — Я пришла, чтобы принять участие в прощании с

умершими. Как королева, я обязана присутствовать на таких церемониях.

— Особенно когда один из костров предназначен мне! — раздался вдруг чей-то голос.

Изумленный Тотила увидел, как строй камбров разделся надвое и вперед вышли четверо слуг, несших носилки. На носилках лежал Леовигильд. Он был бледен, голова и грудь перевязаны, но это был он. Вне всякого сомнения — это был он. Тунги глядели на него во все глаза. Разве можно в такое поверить? Но затем поднялся громкий крик ликования. Тунги бросились к носилкам. А Леовигильд поднял руку и показал на Йильму:

— Этот колдун сотворил призрака, которому придал сходство со мной. Одоака убил призрак, а не я!

Тотила мгновенно выхватил меч из ножен. Не успел Йильма и опомниться, как меч короля рассек его плечо и разрубил туловище до самого пояса. Тотила уперся ногой в грудь Йильмы, послышался последний предсмертный хрип колдуна, и Тотила выдернул меч. Обернувшись к Альквине, он сказал:

— Вот так я караю подлецов! Будь уверена — я ничего не знал о его кознях. Я был убежден, что уже отомстил за убийство Одоака. Но лишь теперь, — он указал на труп Йильмы, — я сделал это.

Альквина насмешливо поджала губы:

— Ты поистине человек быстрых решений. Но сейчас это качество тебе не поможет, Тотила. Воины больше не пойдут за командиром, в котором столько лживости и подлости!

Как бы в подтверждение ее слов тунги отошли от торманнов и смешались с камбрами.

С лица Тотилы исчезло фальшивое приветливое выражение, и он холодно сказал:

— Они последуют за настоящим королем, если другого не будет в живых! — Он двинулся по направлению к Альквине и Леовигильду. Но тут на его пути как из-под земли вырос черноволосый воин с обнаженным мечом в руке.

— Вот и пришло время нам познакомиться, — сказал Конан.

— Согласен. Я уже давно заметил, что на моем плаще не хватает скальпа с черными волосами. Вот если ты сумеешь развлечь меня в течение двух-трех ближайших минут, твой скальп удостоится чести украсить мой плащ. — Тотила сбросил с плеч свой страшный плащ. Его подхватил слуга, другой слуга подал Тотиле щит. Стоящие вокруг расступились, освобождая пространство для поединка. Все были взволнованы и возбуждены — сейчас им представится редкое зрелище!

Король и Конан, оба с поднятыми к груди щитами, осторожно подбирались один к другому. Первым пошел в наступление Тотила. Он нанес удар в горизонтальной плоскости, метя в голову Конана. Тот не прикрылся щитом, а вместо этого быстро пригнулся и выбросил вперед руку с мечом. Конан рассчитал так, чтобы удар не задел Тотилу, а лишь заставил его поспешно опустить щит. И тут же молниеносным ударом он поразил незащищенный бок. Но и Тотила был быстр — в последнюю долю секунды он успел отбить удар.

Раздался общий восхищенный крик. Все были в восторге от невиданной ловкости и умения обоих противников, все изумлялись их поразительной быстроте и сверхчеловеческой силе. Обычно после первого обмена ударами противники расходились в стороны, а потом снова сходились. Но не таковы были эти двое. Их мечи с невероятной быстротой мелькали в воздухе, каждый стремился поразить врага в голову, в бок, ногу, плечо, опять в голову; металл звенел, мечи ударяли по щиту, шлему, панцирю. Они бились так искусно, что ни тот ни другой еще ни разу не ранил противника, все удары встречали то панцирь, то щит, то клинок меча.

Казалось невероятным, что два смертных человека долгое время могут выдержать такой темп. Но вот уже и солнце высоко поднялось, а поединок все продолжался, оба противника наносили беспощадные удары по уже изрядно помятым и поврежденным щитам и доспехам. Они наступали с яростью и безжалостной злобой двух самцов хищников, которые дерутся за обладание самкой. Ни тот ни другой из них не прекратит поединка, пока его враг не упадет мертвым на землю.

Но, в конце концов, оба они были лишь смертными. Атаки происходили уже не с той изумительной точностью, что в начале, защита была уже не такой четкой и быстрой. Оба почти одинаково рослых бойца обливались потом, их груди ходили ходуном, как кузнечные мехи. Из мелких ран на ногах и руках сочилась кровь.

Наконец они разошлись — в первый раз за весь поединок. Зрителям могло показаться, что они дали себе передышку перед новым длительным боем. Но Тотиле и Конану было ясно, что это не так. Оба они одинаково устали. Рука с мечом устает быстрее, чем та, что держит щит. Еще один, два, от силы три удара — и исход поединка будет решен.

— Благодарю за отличный бой, киммериец, — сказал Тотила. — Чем бы он ни закончился, его не скоро забудут.

— Ты молодец, Тотила, — отвечал Конан. — Тебе следовало бы остаться воином, а не добиваться королевской власти.

— Если человек убежден, что его тело отмечено печатью величия, он должен идти дорогой королей. Но хватит, пора кончать наш поединок.

Тотила снова поднял щит. Над его краем были видны только глаза короля. Он с воинственным кличем бросился вперед. Конан молча начал контратаку. От крови, которая натекла из раны на его бедре, земля стала скользкой. Конан поскользнулся и едва не упал. Этим воспользовался Тотила — он размахнулся для мощного удара. И на ширину пальца, не больше, опустил свой щит. Этого киммерийцу было достаточно.

Конан уже восстановил равновесие и применил — впервые в этом бою — удар концом меча. Он вложил в него всю силу, которая у него еще оставалась. Острие меча прошло сквозь разинутый в воинственном крике рот, вышибло зубы, пробив череп, вышло на две ладони над блестящим бронзовым шлемом Тотилы. Конан выдернул клинок. Какое-то мгновение могучее тело короля торманнов еще держалось на ногах. Затем Тотила, как подрубленное дерево, рухнул на землю.

Конан повернулся к торманнам:

— Кто хочет последовать за своим королем в королевство ночи?

Торманны, еще час назад такие уверенные в себе, были совершенно подавлены. Потеряв короля, они были в чужой стране, среди врагов, которые численностью значительно их превосходили. Через некоторое время из толпы вышел старый воин, тот самый, что минувшей ночью говорил от имени торманнов. Он подошел к Альквине и сказал:

— Королева камбров! Наш король не происходил из древнего знатного рода. Наследника он не оставил. Если камбры и тунги соединятся, то и торманны готовы примкнуть к этому союзу, при условии, что с нами будут обращаться как с равными.

Альквина оглянулась на Леовигильда. Тот кивнул. Тогда она сказала старому воину:

— Пусть будет так!

Присяга на верность у северян не сопровождалась пышными церемониями. Альквина указала на труп Тотилы:

— Бросьте эти останки в костер, который предназначался для тела Леовигильда. Тотила не был настоящим королем.

— Нет! — крикнул Конан. — Возведите для него другой погребальный костер, и пусть он будет выше, чем костер Одоака. Этот человек был настоящим королем. Если придется, я готов сам таскать дрова, клянусь Кромом!

Альквина задумчиво взглянула на него и согласилась:

— Хорошо. Делайте как говорит сильнейший из моих воинов. Сожгите Тотилу вместе с мечом, мантией и шлемом.

Торговец Давас как раз собирался сделать в бумагах отметку о получении судового груза, когда вдруг увидел перед собой знакомую фигуру. Эту черную гриву, развеваемую сейчас легким морским бризом, он узнает мгновенно даже на большом расстоянии.

— Конан! — крикнул Давас и замахал рукой. Потом он бросил свои бумаги и побежал навстречу киммерийцу. На Конане уже не было бронзовых боевых доспехов. На его руках блестело несколько широких золотых браслетов, украшенных драгоценными камнями. У пояса висел длинный меч аквилонской работы.

— Привет тебе, Давас! — сказал Конан. — Когда уходит корабль на Юг?

— Завтра утром, как только выправим бумаги и погрузим мой товар на судно. Ну, как же ты путешествовал? Понравилось тебе на Севере?

— Зима прошла совсем неплохо. Вовсе не так скучно, как я вначале думал. — Конан ухмыльнулся: — А что, привез ли этот корабль доброго южного вина?

— Привез! Туранского, самого лучшего. Ну, давай рассказывай. Ты, должно быть, совершил множество подвигов, раз вернулся с такими прекрасными золотыми украшениями.

Перед домом Конан остановился:

— Давай сперва попробуем вина. Потом я все тебе расскажу. Хотя ничего особенно выдающегося и не было. Случались в моей жизни и более бурные зимы.

И оба они вошли в дом.

СТИХИ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ!

ЛЕГЕНДА

Туда, где стихают битвы,
Где гаснет тревога в груди,
По самому лезвию бритвы
Меня за собой уведи.

Твой взгляд направляют планеты,
Твой шаг выверяют ветра.
А клен напевает сонеты —
Ему не заснуть до утра.

Но дальше уводит дорога,
И прячется в сумерках клен,
И Ты улыбаешься строго
Тому, чем я так удивлен...

Егоров Владимир
г. Москва

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Спасибо Вам за теплые слова, за Ваше искреннее внимание к издательству «Азбука»!

Всем, кто сомневается или боится опоздать стать полноценным членом КОНАН-КЛУБА, отвечаем: «Отбросьте сомнения и страхи!» Клуб Любителей Фэнтези организовало отнюдь не издательство, а сами читатели, существование КЛУБА — дело Ваших рук, Братья и Сестры. Лишь благодаря Вашему интересу, Вашей горячей любви к героической фэнтези стало возможным появление КОНАН-КЛУБА. Для КЛУБА не существует границ: где бы Вы ни жили — на Украине, в Белоруссии, в странах Балтии, в Сибири или на Камчатке — присылайте письма. И КОНАН-КЛУБ протянет Вам руку для дружеского рукопожатия.

Нам было бы лестно объединить всех поклонников сказочной фантастики, стать своеобразным центром, помогающим людям общаться друг с другом.

Как говорил Конан: «На Крома надейся, но сам не плошай!» Дальнейшая работа КОНАН-КЛУБА целиком зависит от Вас, уважаемые читатели. Покупая наши книги, Вы поддерживаете издательство в финансовом отношении. Присылая письма, стихи, рисунки, рассказы — Вы дарите нам ни с чем не сравнимую радость взаимопонимания.

Пусть сопутствует Вам удача во всех праведных начинаниях. Пусть ведут Вас по жизни нескгибаемая воля и пламенное сердце.

Помните: Дорога Славы открыта каждому!

*Редакция Фантастики
и Конан-Клуб*

Здравствуйте!

Я очень рад, что появилась возможность написать Вам, тем, кто издает эти прекрасные книги о Великом Воителе. Я — учитель физкультуры средней сельской школы. Мне 29 лет. Первый раз встретился с Конаном в видеозале, посмотрев фильм «Конан-Варвар». И с тех пор гоняюсь за книгами, видеокассетами об этом Великом Герое. Я собрал шесть томов. К сожалению, «Солдат Удачи» появился слишком поздно. Из книги я узнал, что проходила Хайборийская викторина. Очень жаль, с удовольствием принял бы в ней участие. Кроме того, создается Конан-Клуб, в который мне тоже хотелось бы вступить. Меня очень интересует судьба благородного варвара-северянина, я перечитал имеющиеся у меня книги по два-три раза. Меня всегда интересовала древняя история, а тут — целая эпоха, столько загадок. Я верил, что все написанное о Хайбории не просто выдумка, не только плод авторской фантазии. Так оно и оказалось, об этом я узнал из книги «Солдат Удачи» (статья «Герой на все времена»).

Читая романы о Конане, о его эпохе, такой жуткой, но в то же время прекрасной и загадочной, начинаешь ощущать, будто сам перенесся в далекую Хайборийскую эру.

Очень хотел бы вступить в Конан-Клуб.

С надеждой жду ответа.

Левшенков Андрей

Здравствуйте, дорогие Издатели!

Никогда не думал о Вашем конкурсе всерьез, просто считал, что на Украину он не распространяется. Но, увидев списки победителей, решил обратиться к Вам. Авось и меня не обойдете. Хочу узнать, не опоздал ли я записаться в Конан-Клуб.

У меня весьма обширная библиотека (5 000 книг). И все 10 последних изданий о киммерийце в ней имеются. А вот

с Конаном из «Северо-Запада» проблемы. Второй и пятые тома нигде не достанешь. Я думаю, Вы бы ничего не потеряли, дополнив тираж этих книг в новом издании. А если у меня как члена Конан-Клуба будет возможность купить эти книги у Вас — буду очень рад.

Вы очень кстати напечатали приблизительную хронологию жизни Конана, т. е. романов о нем. Но ее следует расширить.

И напоследок. Я работаю в УВД. И наши парни, честно сказать, обожают Ваши издания. А «Солдат Удачи» — просто подарок нам всем ко Дню украинской милиции, 20 декабря.

Ребята, Вы молодцы! Парни из уголовного розыска Вас поддерживают. И еще многие хотят записаться в Конан-Клуб. Очень надеюсь, что еще не поздно.

Водзинский Алексей, г. Днепрпетровск

Здравствуйте!

Пишет Вам Александр Водяник из Ростова-на-Дону. Мне 13 лет. Люблю рисовать и читать. Увлекаюсь Конаном с 10 лет. За последние месяцы 1995 года приобрел четыре книги о киммерийце, которые выпустило Ваше издательство. Кроме того, у меня имеются семь книг, выпущенных еще «Северо-Западом».

Очень огорчился, когда, купив Вашу книгу, узнал, что пропустил Хайборийскую викторину. Не смог принять участия, потому что приобрел книгу уже после 1 сентября. Книги Вашего издательства понравились мне своей красочностью и тем, что на обложке напечатаны высказывания о данном романе. Считаю себя по праву знатоком Хайборийской эпохи. Увлечение Конаном, конечно же, началось с одноименного фильма. Затем, узнав, что в продаже появились книги о доблестном варваре, решил купить одну. Так, для «проверки». Понравилась. Продолжал собирать единственную тогда серию «Северо-Запада». Вдруг книги о Конане внезапно исчезли с прилавков. До тех пор, пока в городе у нас не появились тома Вашего издательства. Мгновенно разузнав места их продажи, начал покупать. Теперь уже четыре месяца собираю серию «Азбуки».

Надеюсь стать членом Конан-Клуба и принимать участие в переписке с другими членами Клуба. Буду признателен за высланный мне ответ.

P. S. Выражаю особую благодарность ответственному редактору и руководителю проекта «Конан» Геннадию Белову. Признателен ему за его преданность делу издания книг о киммерийце. Он был редактором сериала еще в «Северо-Западе» и теперь продолжает это нужное дело в издательстве «Азбука». Я думаю, все фанаты поддержат меня. Спасибо Вам за эти замечательные книги о могучем воителе древности, о бессмертном борце за справедливость, о сильном, смелом и гордом человеке — Конане из Киммерии.

Conan forever!

Алекс, г. Ростов-на-Дону

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Откровенно говоря, появилась отдушина для сердца в виде Конан-Клуба. Вы, конечно, зададитесь вопросом: «Почему это он так долго не писал?» Дело в том, что я всегда проповедовал бережное отношение к книгам и долго не мог решиться вырезать анкету. Но вот наконец решился.

Купив «Солдата Удачи», огорчился, не найдя своего имени в списке победителей викторины. Наверное, наша почта оставляет желать лучшего. К тому же я все равно достану все Ваши книги.

Надо сказать, что у себя в поселке, среди знакомых, я сам уже основал КЛФ — Клуб Любителей Фэнтези. С гербом, уставом и девизом. Состоит в нем 22 человека. Надеюсь, они тоже вступят в Конан-Клуб. Что касается моего клуба, то все было как обычно: платили взносы, беседовали о разных стилях и направлениях фэнтези, смотрели по видео фильмы о Конане, «Рыжая Соня», всех «Ловчих Смерти», «Братья-Варвары», сериал о Горе (планета у Дж. Нормана). Делали заказы на книги тем людям, которые уезжали на книжные рынки.

Теперь позволю перейти к главному! Получилось так, что я составил своего рода «Конан-Энциклопедию». Вышло

около 50 страниц. Туда вошли главные герои Саги, названия романов, боги, демоны, страны и народы. То есть все, что имеет отношение к Конану. Уверен, что большинство фанатов киммерийца воспримут подобную Энциклопедию с восторгом. Замечу, что карты стран у меня гораздо подробнее, чем в Ваших книгах. Предлагаю Вам опубликовать на страницах «Вестника Конан-Клуба» мой скромный труд.

До свидания.

С уважением

Денис Смирнов, пос. Металлострой

Братья!

Ваши письма — бесценный дар для тех, кто готовит книги о Великом Воителе. Если Вы не сочли за труд и отправили нам весточку, значит, наша работа не пропала даром. Значит, летопись об отважном, честном и благородном киммерийце нашла отклик в Ваших сердцах.

Счастья Вам и удачи.

*Хольдер Конан-Клуба
Геннадий Белов*

Лин Картер

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Роберту Говарду

с любовью

Часть 2

В одном эссе из сборника «Рука красильщика» (1962) У.Х.Оден затрагивает проблему, которой я бы хотел заняться подробнее и рассмотреть в этой статье.

«По-моему, это Эдвард Лир сказал, что испытание для воображения — это способность назвать кошку „кошкой“, а в „Бытии“ нам говорят, что Господь привел к несогрешившему Адаму всех тварей, дабы тот назвал их. И как называл живую тварь Адам, такое и получала она название, то есть Надлежащее Имя. Здесь Адам играет роль протопое́та, а не протопрозаика. Надлежащее имя должно не только обозначать какое-то существо, оно должно обозначать его правильно. И эта правильность должна быть общепризнанной».

Господин Оден не прав насчет замечания о названии кошек — оно принадлежит Сэмюэлю Батлеру, а не Лиру¹, — но в остальном его утверждение кажется мне правильным, за исключением того, что проводимое им различие между поэтом и прозаиком представляется мне бессмысленным. По крайней мере в области фэнтези выдумывание имен и названий — нахождение «Надлежащего Имени» — имеет первостепенное значение.

Создавая вымышленный мир с помощью слов, писатель невольно выступает в роли Адама. Назвать надо все: королей, богов и людей, а также королевства, города, реки, океаны, горы, леса, пустыни, острова и всех зверей и птиц, обитающих в этом мире. Адаму-то было легко: ему требовалось назвать всего лишь зверей!

И вдобавок это особенные имена и названия, их вес, цвет, музыка и вкус тоже имеют огромное значение. Признаться, я фанатик в этом плане: всегда отличался сверхчувствительностью к звучанию, виду и привкусу выдуманных имен и названий. У некоторых людей превосходный

слух для их выдумывания: Дансени — старый мастер по этой части, а Джек Вэнс — гений. Другие менее компетентны. У некоторых такое умение вообще отсутствует. У этих несчастных писателей либо вовсе нет слуха для звуков неоконгомики, либо они не готовятся заранее, составив список в пятьдесят — шестьдесят вымышленных имен и названий, чтоб иметь их под рукой, когда возникнет необходимость, — именно такую систему я рекомендую всем новым труженикам в искусстве фэнтези. Более торопливые из таких писателей (а к ним я могу отнести и Гарднера Фокса), столкнувшись с необходимостью вставить в абзац выдуманное имя или название, делают одно из двух: либо беззаботно выхватывают существительное из истории, географии или легенды и видоизменяют его, выкинув слог или изменив гласную; либо с ходу лепят имя и название, обычно неудобоваримое, полное «х», «z» и «q».

Ни то ни другое начинающему автору делать не рекомендуется. Что касается выдиранья имени и названия из истории, то к этой нездоровой практике пристрастился и сам Роберт И. Говард, из-за чего пострадало качество его произведений. Позвольте мне рассказать об этом чуть подробнее. Говард отлично умел создавать оригинальные имена и названия, но чересчур часто имел склонность скорее заимствовать их, чем выдумывать самому. Ввиду частично исторического характера произведений о Конане Говарду пришла в голову неудачная мысль использовать часть существующих названий. То есть, хотя Хайборийская эра и была предположительно задолго до нашей древней истории и все достижения тех цивилизаций были уничтожены в катаклизме, память о том времени дожила до исторических времен в виде смутных и искаженных легенд.

Идея эта совсем не плоха при правильном подходе. Для мрачных, сильных названий, напоминающих о темном зле, Говард пощипал классическую мифологию и употребил их для наименования древних царств, где жители предаются первозданной черной магии. Полагаю, он ставил целью зародить у читателя мысль о том, что названия этих империй черных магов стали в более поздние времена практически синонимами зла и ужаса, оставшись в памяти людей на века, и вошли в «ранние» мифы как полузабытые сим-

волы. Поэтому в «Боге в чаше» он упоминает царство Ахерон, а далее Стигию и Дагонию. Обе страны названы в «Дьяволе в железе» (Ахерон — «река печалей», одна из пяти рек Аида; Стигия происходит от Стикса, еще одной реки во владениях бога подземного мира усопших. Слово это стало синонимом тьмы. Дагония же — производная от филистимлянского морского бога Дагона, храм которого разрушил Самсон (Книга Судей 16: 23—30)).

Так вот, как я сказал, это была очень хорошая идея — фактически одна из лучших идей Говарда. Но когда он отступил от применения такой техники «наименования для конкретной цели» (то есть для намека на царство зла, столь ужасное, что само его название веками жило в мифах как синоним тьмы или ада) и начал применять его просто потому, что это легкий способ лепить имена и названия, это стало изъяном его стиля, и притом бросающимся в глаза.

Например, положение Греции на его карте воображаемого мира в Хайборийскую эру занимает королевство Коринфия. Название выбрано явно потому, что оно похоже на название древнегреческого города Коринф, и, следовательно, ему предназначено «намекать» читателю на древнюю Грецию. Мысль эта совершенно неудачна: Коринф был маленьким, незначительным городком, расположенным на небольшой неплодородной полосе перешейка между Сароническим и Коринфским заливами. До тирании Кипсела и Периандра (657—581 гг. до нашей эры) он не знал ни могущества, ни процветания, не играл никакой важной роли. Даже во времена Гомера это был мелкий городишко, во всем послушный Микенам. Намекать, будто первозданная Греция была известна под названием Коринфия — значит совершать логическую нелепость. Говард сделал бы лучше, назвав свою прото-Грецию Эленика или Ахайя (так называл Гомер древних греков). Такие названия были бы более удачны, но Говард не задумываясь набивал текст на печатную машинку и схватился за первое пришедшее в голову греческое название. На размышления о нем он времени не тратил. На это он просто плевал.

И повторял эту же ошибку вновь и вновь в своих рассказах о Конане на самый неуклюжий лад, какой только можно вообразить. В «Черном колоссе» он знакомит нас с

городом Акбатани. Это всего-навсего Экбатаны — историческая столица Древней Мидии. В «Королевстве Черного берега» он упоминает город под названием Асгалун, а это всего-навсего древний библейский город Аскалон. Еще хуже фигурирующий в повести «Алая цитадель» город Хоршемиш — чуть искаженное название древнесирийского города Каршемиш.

Говард применял названия, находившиеся под рукой. Он не давал себе труда пойти на лишнее усилие и создать собственные названия. Точно так же это относится к большей части имен его персонажей, и многие читатели считают это одним из самых крупных его изъянов. Обсуждая в письме к Дональду А. Уоллхейму знаменитое эссе Говарда «Хайборийская эра», Говард Филип Лавкрафт отметил:

«Единственный изъян в этом материале — это неисцелимая склонность Мастера (Роберта Говарда) изобретать имена и названия, слишком сильно напоминающие действительные имена и названия из древней истории — имена, вызывающие у нас совершенно иной ряд ассоциаций. Во многих случаях он делает это с умыслом, считая, что знакомые названия происходят от описываемых им легендарных царств. Но только такой умысел губится тем, что мы четко знаем этимологию многих исторических понятий и поэтому не можем принять предложенное им происхождение слов».

Л. Спрэг де Камп тоже обсуждал эту досадную черту Говарда в предисловии к своему эссе «Толкование Хайборийских повестей Говарда», впервые опубликованном в знаменитом фэнзине «Амра». Подытоживает он его так:

«Многие из личных имен, использованных Говардом в рассказах о Конане, — обыкновенные личные имена — латинские (Публий, Констанций, Валерия), или греческие (Дион, Пелий, Тиберий), или их современные итальянские версии (Публио, Тито, Диметрио). Остальные — азиатские или арабские имена, иногда видоизмененные (Арам Бакш, Яр Афзал, Джунгир Хан и так далее), а иные... ацтекские или псевдоацтекские и псевдоирокезские».

Даже само имя Конан — имя самого могучего героя Говарда — было позаимствовано, а не выдуманно. Это обычное кельтское имя. В средневековой Бретани было сколько

угодно герцогов Конанов плюс король фоморов Конан в ирландском мифе. И оно, конечно же, появляется и в современную эпоху, как, например, первая половина фамилии создателя Шерлока Холмса.

Это действительно не тот метод. Невыгодно чересчур облегчать читателю угадывание источника происхождения ваших имен и названий. Речь здесь идет о замечательных рассказах про варвара Брэка, которые пишет Джон Джейкс начиная с 1963 года. Эти рассказы являются очень привлекательными образчиками хорошего меча-и-магии, насыщенного живостью, вкусом и колоритом. Но они не могут служить образцом хорошей техники выдумывания имен и названий. К примеру, бродячий воин-варвар Джейкса ищет «золотое царство Хурдисан», лежащее где-то на юге. Ну, Хурдисан — достаточно миленькое название, но не требуется очень больших знаний в географии, чтобы догадаться, что Джейкс небрежно (и неосторожно) срисовал его с Курдистана — плоскогорья в юго-восточной Турции, северо-западном Иране и северном Ираке. Как только обнаруживаешь источник этого названия — шиик! — вся романтичность и таинственность, которые стремился воплести автор в свое повествование, вылетают в трубу.

Схожим образом Джейкс насаждает две противоборствующие религии в своем параллельном мире (которые про себя я называю Пра-Земля): темный культ поклонения богу-дьяволу Йод-Хагготу и псевдохристианских последователей «экстатического козопаса Несториамуса». Опять же идея в сущности хорошая, но неумение Джейкса продумать проблемы неоконномики препятствует читателям охотно забыть о недоверии. Ибо Йод-Хаггота Джейкс позаимствовал из лавкрафтовской мифологии Ктулху, где присутствует божество Йог-Согот, а что касается Несториамуса, то Джейкс получил его из имени сирийского церковника V века Нестора, основателя несторианской церкви (или, если угодно, ереси). В предисловии к одной из книг о Брэке Джейкс честно признается в том, что взял себе за образец Говарда. В этом нет ничего плохого, но когда писатель подражает даже дурным привычкам своего кумира, это влияние, доведенное до идолопоклонничества².

К несчастью, этой дурной привычке Говарда последовали и многие другие писатели. Не оказалась не восприимчивой к этому заразительному примеру и такая блестящая писательница, как Ли Брекетт, способная и сама выдумывать отличные имена и названия, как, например, Валкис, Джекара, Синхарат и «торговый город Кахора». Но она часто подбрасывает парочку-другую иных вроде Барракеша (от Марракеша — город в Марроко) и Богхаз Хой (от Богачей — район крупных археологических раскопок Хеттской цивилизации в Турции). В «Мече Рианнона» у нее есть Кар Дху, в то время как в «Тени над Марсом» она знакомит нас с Кар Хеброй. Это, конечно же, неудачный выбор названий для древних городов на планете Марс. «Кар» — уэльский префикс, часто попадающийся в таких топонимах, как Карлеон, Карнарвон и так далее. А если подумать, то и Рианнон происходит из Уэльса, как видно из недавно опубликованного романа Эвангелин Уолтон «Песня Рианнон».

Гарднер Ф. Фокс в своих романах о варваре Котаре виновен в том же изъёме. Писатель, полный энергии, мастер колоритного, волнующего повествования, он печатался еще в «Плэнет сториз», и я вспоминаю с нежной ностальгией, как читал лет этак в четырнадцать написанные им захватывающие приключения. Однако он из тех писателей, которые выдают материал на-гора с головокружительной скоростью, выдумывая его на ходу, что, конечно же, не метод. Слепленные им имена и названия с головой выдают авторскую неряшливость, и хотя он выработал в сущности одобряемый мной стремительный и колоритный стиль дешевой приключенческой литературы, из-за своей привычки плохо чеканить имена и названия он показывает себя писателем среднего таланта и скромного умения.

Этот недостаток проявился в самое последнее время в потоке его романов меча-и-колдовства, серии, начавшейся с романа «Котар — варвар-меченосец» (1969). Фокс продолжил его по меньшей мере пятью томами, из которых последний известный мне — «Котар и истребитель колдунов» (1970). Действие разворачивается на планете под названием Зимля, которая кажется довольно-таки земледобной планетой в отдаленном будущем, но мне несколько не ясно, хочет ли Фокс дать нам понять, что это наш мир

несколько тысяч лет спустя (автор по какой-то причине умалчивает об этом). Так или иначе, Зимля — варварский мир воинов и волшебников, сага же Фокса повествует о могучем воине и авантюристе Котаре, бодро и весело попадающем из одной переделки в другую. Вооружен Котар заговоренным мечом Ледяным огнем, и его вечно преследует старый враг — дьяволица и искушительница Рыжая Лори. Сама сага забавна, но сюжеты несколько стандартны.

У Фокса нет никаких особых затруднений с захватывающими приключениями и лихими подвигами, но он слаб в технике фэнтези и ужасно неумел в изобретении имен и названий. Он просто хватается первое подвернувшееся имя (название), меняет гласную или согласную букву и переносит на страницу, ничуть не заботясь о том, насколько очевидна может быть такая подмена. Сам-то автор, видимо, убежден, что глупый читатель ничего не заметит. Это слишком опасная беззаботность. В «Котаре с магическим мечом» (1969) его герой-скиталец, вооруженный заговоренным мечом, данным ему чародеем Афгорконом (скорее всего, от Афогромона Кларка Эштона Смита), пытается похитить магическую драгоценность у императора Авалония (от острова Авалон из легенд о короле Артуре), но схвачен императорской «прокоррианской» гвардией (от древнеримской «проторианской гвардии»). Клянясь своим богом Двалкой (позаимствованным у Говарда, есть такой бог Валка в серии о Кулле), он прорывается на волю и бежит в параллельный мир Нирваллу (от буддистского термина «Нирвана»), где «великан-кумбериц» (от говардовского «гиганта-киммерийца») сталкивается с целым спектром сверхъестественных опасностей, прежде чем снова попадает домой. Неряшливая, неуклюжая, топорная работа.

Это, безусловно, не метод.

Как я заметил чуть раньше, когда дело доходит до создания имен (названий), некоторым писателям словно медведь на ухо наступил. Говард, выдумывавший иной раз неплохое имя или название (такое, как Кулл и Валузия), часто делал ошибки, заимствуя часть имен и названий из

истории, а не сочиняя их сам. Но когда он выдумывал имя (название), оно было совсем не пресным. Вот те несколько самоцветов, отобранных с кровавых страниц его книг: Так, Тауг, Тог, Йог, Яра, Занг, Зогар, Саг.

Майкл Муркок — еще один бесспорно даровитый писатель, обладающий необходимым талантом для создания прелестного и мелодичного, оригинального имени (названия), когда он того хочет. Беда в том, что хочет он этого не всегда, и отличные образцы словотворчества у него постоянно перемежаются с неудачными. В повести «Глаза нефритового человека», прочитанной мной в рукописи, но пока неопубликованной, он в одном абзаце выдает аккуратный синтез самых лучших и самых худших своих названий. Герцог Аван спрашивает Элрика о его путешествиях:

«— Да, и одна из этих легенд рассказывает о городе, который старше Имррира. Город этот расположен далеко в джунглях запада.

Элрику вспомнился разговор с Эарлом Саксифом Даном...

— Вы говорите о Рълин Кърен А'а?

— Да. Непонятное название... — Герцог Аван посмотрел на Элрика с любопытством. — Вы произносите это название гораздо мягче, чем я».

Ну, что касается «Имррира — Города Грез Мельнибонэ», то такое прекрасное название достойно самого Лорда Дансени.

Но «Рълин Кърен А'а»...

Если бы читали эти названия на обед, то вот это вызвало бы у всех несварение желудка.

Итак, каким же критерием мы пользуемся для суждения о вымышленных именах (названиях)? «Правильностью», достаточно верно определяет Оден. Это качество правильности неуловимо, его трудно определить, но мы узнаем его, когда слышим. Только «Надлежащее Имя» — и ничего больше не должно подойти к тому, кого (что) вы описываете. Для примера обратимся к первой странице романа Берроуза «Тувия, дева Марса» и прочтем:

«На массивной скамье из полированного эрепта под пышными цветами гигантской пималии сидела женщина. Красивой формы, обутая в сандалию нога ее нетерпеливо постукивала по усыпанной драгоценными камнями тропинке, которая вилась между величественными деревьями со- рапуса через алые газоны королевских садов Туван Дина, джеджа Птарса, в то время как темноволосый краснокожий воин, склонившись над ней, шептал ей пылкие слова признаний».

Признавая самоочевидный факт, что это просто блестящий способ начать повествование — сцена, обстановка, настроение и персонажи набросаны одним быстрым движением мастерской кисти, — обратите внимание на эти вымышленные названия. Пималия и эрепт. Цветы пималии. Массивная скамья из полированного эрепта. Мы узнаем эти вещи, когда слышим их «Надлежащее Имя» — «и никакое другое не подойдет».

«Пималия» звучит словно название цветущего дерева; «эрепт» — словно какой-то камень. Именно это и подразумевает под правильностью Оден.

А теперь попробуем сказать вот так:

«На массивной скамье из полированной пималии под пышными цветами гигантского эрепта сидела...»

Не выходит. Просто никак не выходит. Выдуманные слова — чистую чепуху, звучащую кое-как, — просто нельзя применять взаимозаменяемо.

Позвольте мне привести еще один пример правильного выдумывания названий, обратившись на сей раз к областям, нам известным. В Англии посреди мрачной солберийской равнины возвышается громадный каменный памятник неолитических времен, известный как Стоунхендж.

Стоунхендж... попробуйте-ка это слово на язык, прокатайте его во рту, прислушайтесь к нему... Стоунхендж. В этом слове есть какая-то медлительная, степенная величавость. Слоги его тяжеловесны, массивны, как самые огромные камни.

А теперь вообразите-ка, что каменный памятник называется Пикадилли!

Просто не стыкуется, не так ли? В настоящем названии есть тяжеловесная и таинственная величавость — она видна

сразу в медленном тяжелом накатывании слогов с одинаковым ударением на каждом слоге. А «Пикадилли» — слово живое, почти юмористическое. Оно звучит тривиально, побрякивающе. Им попросту никак нельзя заменить настоящее название.

Настоящее название — Стоунхендж — «Надлежащее Имя», и мы каким-то образом узнаем его, когда слышим.

Итак, какой же другой критерий, помимо правильности, приходит на ум для суждения о выдуманных названиях?

В письме к молодой романистке Джейн Гаскелл, датированном 2 сентября 1957 года, наш старый друг К. Л. Льюис затронул много интересных тем в области ремесла написания фэнтези. Среди них выделялась тема выдумывания имен и названий. Льюис сделал вывод, что они «должны быть прекрасными и внушительными, так же как чуждыми, а не просто странными».

«Рълин Кърен А'а» Муркока безусловно чужд, безусловно странен. С равной степенью уверенности могу сказать, что он не прекрасен и не внушителен.

Ли Брекетт, когда избегает кельтских словариков, может создавать просто прекрасные имена и названия. В «Тайне Синхарата» есть такие замечательные и журчащие названия, как Берилд, Наррабхар и Делгаун. Кларк Эштон Смит, мастер по этой части, создавал имена и названия одновременно странные и прекрасные: Малигрис Маг, Са-Тампра Зейрос, Фанион, Тироув Омпаллиос, Маал Двеб, Галибар Вуз в «Семи заклетьях», Цатоггуа, Мматмуор и Содоема.

И Дансени, конечно же, мастер всего такого. Помните героев «Города Побед»? «Веллеран, Суренард, Моммолек, Роллори, Аканакс и юный Ираин». Или Тангобринг-ювелир, или Лорендиак в «Крепости неприступной», или Лиразель, Альверик и Зирундерель — ведьма живущая среди молний в «Дочери короля Эльфляндии». Или воины в рассказе «Каркассон», жившие во времена, «когда в Арне царствовал Каморак и мир был прекрасным... Гадриол Честный, и Норк, и Аторик Слякотный Меч, Хэриел Дикий, Яролд и Танга из Экса».

И Джек Вэнс, ныне царствующий мастер, может при желании выдать прекрасно отшлифованные имена. В «Гла-

зах иного мира» есть Дорв Корем, а в «Большой планете» — Клод Глистра и Фарезм-колдун.

Я сам в своих сочинениях пытаюсь подогнать аромат названий в соответствие со звучанием и ощущением. В имени Тонгор есть мрачная тяжесть, твердость и звон лязгающей стали. Носитель его — явно боец, это чувствуется по одному лишь имени. Имя Шарайша намекает, по крайней мере мне, на таинственного восточного мага — каковым, собственно, и является этот персонаж. В этом имени есть тяжеловесность и важность: оно — впечатляет. А в недавно запущенной серии, где действие разворачивается на легендарных островах Антиллии, когда мне понадобилось название богатого и легендарного метрополиса, я создал Пальмирию. Название происходит от определенного государства на Ближнем Востоке, под названием Пальмира. Царицу Пальмиры — Зиновию — разгромил римский император Аврелиан — но это к делу не относится. Название столицы империи должно звучать именно так, и на мой слух в самом звучании «Пальмирия» слышится музыка чего-то имперского³.

Как же выдумывают имена и названия профессиональные сочинители фэнтези? Они применяют множество различных систем. Некоторые, более талантливые и опытные в лингвистике, строят свою неокогномику на научной основе. Профессор Толкиен, лингвист по призванию и филолог по профессии, изобрел целые языки, которые и использовал в «Хоббите» и «Властелине Колец», куда раньше, чем ему вообще пришло на ум изобретать мир, где говорят на этих языках, не говоря уже о написании книг о своем мире (так, по крайней мере, говорят, и официального опровержения пока не было).

Немногие из нас когда-либо берут на себя труд выдумать для наших воображаемых миров весь язык целиком. Толкиен является редким исключением. Однако если серия продолжается достаточно долго, то автор создает приличный словарь отечеканенных слов. Берроуз, например, создал его в своих марсианских книгах. Такие слова, как правило, придумываются для конкретного применения: «джед» — для обозначения короля, «джеддак» — императора, «хаад» — мили, «од» — фута, «сафад» — дюйма. Берроуз

понял, что применение современных английских терминов «нарушит настрой». Ему было достаточно трудно убедить читателя принять марсианское место действия и без подбрасывания режущей слух анахроничной терминологии. Кольридж наверняка понял бы его рассуждения! «Анахронизм» тут не совсем подходящее слово, но лучшего никто не придумал.

Поэтому Берроуз, как я уже сказал, избегал нарушения настрой — «ощущения» внеземного места действия. Хотя я сомневаюсь, что он когда-либо систематически разрабатывал свои вымышленные барсумские языки, в ходе написания романов о Марсе ему пришлось создать немало слов. Всякий раз, когда он чувствовал, что современный знакомый термин будет резать слух читателю, он вводил неологизм — например: «каор» вместо «хэлло». И он догадался создавать эти слова с намеком на лингвистическое родство. Если «дждед» означает король, то «дждед-дак» — император. Можно сделать вывод, что суффикс «дак» указывает на превосходную степень. Тот же прием он использовал, выдумывая марсианские эквиваленты земных воинских званий: «падвар» — лейтенант, «двар» — капитан, «одвар» — генерал. «Пад», согласно его системе, должно обозначать «меньше чем» или обозначать подчиненность. Таким образом, «падвар» означает под-двар, или под-капитан. Распутывание таких внутренних данных представляет собой немалый интерес. Это дань любви к таким сериям, как книги о Марсе Эдгара Райса Берроуза, о стране Оз Фрэнка Баума, о Шерлоке Холмсе Конан Дойля и так далее⁴.

Когда я начинал разрабатывать среду моих книг о Лемурии, то старался в этом не отступать от Берроуза, так как видел, что применение им неологизмов не направляется произвольной прихотью, а явно диктуется необходимостью. Поэтому, по моей лемурианской терминологии «сарус» означает король, «саркайя» — королева («айя» — явно окончание женского рода), а «саркон» — король королев или император. Последовал я примеру Берроуза и в обозначении воинских званий, поэтому в моей системе «отар» означает командир сотни воинов («капитан»), в то время как «даотар» — командир десяти таких отрядов, то есть

тысячи бойцов («полковник»), а «даотарион» — «полковник полковников» или «генерал». Заметьте, я постоянно применяю суффикс «кон» для обозначения превосходства. (Я также, просто смеха ради, создал лемурианскую версию «каора» — марсианского приветствия. В моей интерпретации оно стало «беларба» — бе-лар-ба. Буквально: «Я приветствую тебя», из чего можно сделать вывод, что «бе» означает «я», а «ба» — «тебя».)

Теперь у меня уже набрался рабочий словарь лемурианского языка слов так в пятьдесят-шестьдесят, не считая вымышленных названий зверей, цветов, деревьев и тому подобного. Я предлагаю эту систему всякому, кто серьезно намерен написать роман фэнтези, где действие разворачивается в вымышленном окружении, и заранее разработать терминологию.

К несчастью, далеко не все авторы фэнтези сознают эти проблемы. Вопиющим примером является английская писательница Джейн Гаскелл. Ее трилогия о Сие из Атлана — блестящее сочинение и читается с большим интересом, но небрежное и бездумное применение ею знакомой повседневной терминологии в героических романах, действие которых предположительно разворачивается в пропавшей Атлантиде, мягко говоря, странно режет слух. Уж не говорю о таких терминах, как «король» или «генерал», хотя можно было бы указать, что слово «генерал» — современный европейский термин, легко и ненавязчиво заменимый таким несовременным вариантом, как «военачальник». Нет — она допускает куда худшие ляпы.

При обсуждении армии Зерда — опять же, я бы предпочел термин с менее современными ассоциациями: возможно «войско» или «легион» — на нас обрушивается лавина современных слов. «Мундир», «пончо», «полк» и «батальон», «большая бронза» (употребленное для обозначения старших офицеров) и «штатские» достаточно плохи. Но в скором времени читателя просят «проглотить» такие вещи, как армию, «марширующую гусиным шагом под гром пышных оркестров» (роман «Город»); солдат, носящих «кивера и эполеты» (там же); и солдат, «не построившихся

в каре» и «выглядевших нестроевыми, несмотря на свои гордые мундиры».

Еще дальше мы находим термины вроде «штаб-квартиры», «службы на фронте» и «пайки». Но к этому моменту мы уж слишком онемели и даже не поморщимся при появлении «унтеров», «казарм» и «сержанта». Такой неряшливости нет почти никакого оправдания. Мисс Гаскелл наверняка знает, что в древности не было никаких солдат в мундирах, марширующих (Господи спаси!) под духовые оркестры. Когда ее повествование оставляет позади армейский лагерь и переходит к тому, что она, я уверен, не колеблясь назвала бы «цивильной жизнью», град современных словечек не стихает. «Перхоть», «вакуум», «медовый месяц», «ленч», «пневмония». Чтоб ее! Она словно из кожи лезет вон, стараясь нарушить настрой собственного повествования. «О'кей, сынок, ты принят на службу», — говорит лавочник в «Змее». А у другого персонажа «выдающееся адамово яблоко». Делает Гаскелл это постоянно — не смею догадываться почему, то ли из чистого неведения и элементарной нечувствительности к слову, то ли из обыкновенного наплевательского отношения.

Как нетрудно догадаться, К. Льюис сделал ей за это резкий выговор: «В фэнтези надо принимать все меры предосторожности, чтобы не разбить чары. Нельзя делать ничего, что может заставить читателя проснуться и вернуться на грешную землю».

Мисс Гаскелл допускает в этом плане вопиющие ошибки, но звание великого чемпиона в этом по праву принадлежит Карлу Эдварду Вагнеру. И досталось оно ему за употребление одного-единственного слова. В 1970 году фирма под названием «Пауэлл Сай-фай», выпускающая книги в мягких обложках, издала его роман «Сплетается тьма» — сочинение глупое и любительское, но при этом не лишенное определенного повествовательного напора, чувства ритма и колорита. Однако я желал бы, чтобы кто-нибудь уведомил Вагнера, что в вымышленном средневековом на вид мире магов и воинов никто не станет предлагать убийце «двести долларов» за исполнение грязного дела.

В одной из своих статей я ссылался на свой роман «Белый трон», указывая, как можно вписать в поток действия вымышленные имена и названия. А также предложил преднамеренно поровну разбросать их по алфавиту.

Это, как мне кажется, довольно важный момент. Начинаящие писатели склонны изобретать имена и названия столь же экзотические, как всякий выход из трудного положения, названия начинающиеся с «Z», «Q» или «X». В небольших дозах это приносит большую пользу. Экзотически звучащие названия следует применять осторожно и с определенной целью, например, название чуждых богов. Лавкрафт и его подражатели отлично это делали в «Мифах Ктулху», хорошим примером является и сам Ктулху. Это название трудно произнести, как и подобает названию порядком чуждого человеку существа. Вспомните, какое у Лавкрафта название подземного города Глубинных — Йха-н-тлей. Название это звучит и выглядит так, словно ему никогда и не предназначалось произноситься человеческими устами, а Лавкрафт и пытается довести до читателя именно такую мысль.

Однако заполненный такими названиями целый мир помешает читателю с легкостью следовать за поворотами сюжета, и для этого нет никаких веских причин. Куда лучше — при условии, что ваш мир населен людьми или во всяком случае существами, разумно похожими на людей, — приобрести привычку создавать имена для какой-то цели. Например, в самом начале «Властелина Колец» профессор Толкиен пытается вызвать у читателя ощущение «домашности». Он заставляет Шир выглядеть очень похожим на английскую сельскую местность, не только включая в детали культуры хоббитов такие повседневные предметы, как зонтики, дверные ручки, визитные карточки и фейерверки (за что можно было бы покриковать, так как это не что иное, как современные словечки), но также и заставляет названия казаться английскими. Сам «Шир» — древнеанглийское слово, в то время как другие близлежащие места носят названия вроде «Брыль» и «Дольн», а у других — суффиксы, знакомые по английской глубинке. Еще один умный прием, примененный Толкиеном для благой цели, — это

близость многих его названий к эквивалентным им английским понятиям: река Брендидуин (Берендуин) и так далее.

Другие писатели применяют похожие приемы. Некоторые сосредотачиваются на «английском виде» названий, то есть очень многие английские названия двусложны и каждый слог состоит из согласной, следующей за ней гласной и еще одной согласной: Мальтон, Лондон, Картер, Паркер, Харлоу, Уоррен и тому подобные. Один писатель (Айзек Азимов) сочинял такие названия довольно хорошо в своей знаменитой трилогии «Основание». Его трилогия — пример создания мира, подсказывающий, что вышеназванные правила верны для научной фантастики не меньше, чем для фэнтези. Азимов вызывает знакомые ощущения «домашности» через такие слепленные топонимы, как Калгон, Тронтор, Дорвин, Хардин и так далее. И вымышленные имена многих персонажей звучат очень знакомо: Хари Селдон, Ховер Мэллоу, Латан Деверс. Если в чем и можно упрекнуть Айзека, так это в том, что он, пожалуй, чересчур ретиво прибегал к такому стилю наименования, поэтому его будущей галактической цивилизации недостает «чуждости».

Так или иначе, в мире должны присутствовать не только некоторые экзотические названия, но и знакомые на вид, вроде Мэллоу или Дола. Но у английских названий мертвяще однообразный вид и звучание, а иногда следует вводить неанглийские элементы, хотя бы для разнообразия. Один беглый взгляд на ближайший атлас Рэнда Макнэлли продемонстрирует огромный диапазон разнообразных названий, предлагаемых нашим родным миром как пример для создателей новых миров. В нем есть не только Лондон, Рим и Париж, но и Теотикуакан, Будапешт, Каир, Алжир, Парамарибо и Валла-Валла. Заметьте, что некоторые из названий заканчиваются на гласную, а другие нет; что они варьируются от односложных до пятисложных и что хоть в некоторых из них есть английская последовательность согласная-гласная-согласная, у других имеются экзотические двойные гласные, называемые дифтонгами — «аи» в Каире, «ео» и «уа» в Теотикуакане.

Поскольку в данном жанре роман может или, наверное, должен иметь до сотни выдуманных имен и названий, то надо избегать одинаковости вида, звучания и числа слогов. Как не нужно делать, демонстрирует еще один перл издательства «Пауэлл Сан-фай». В ходе действия унылой героической фэнтези под названием «Меченосцы Вистара» его автор Чарльз Нуэтцель совершает в тонком искусстве измышления имен (названий) практически все ошибки, какие только можно вообразить. Он не только присваивает персонажам-мужчинам имена с женскими окончаниями вроде Ксалла и Торида, но и сами имена у него почти все двусложные: Торис, Илла, Ксалла, Опил, Муда, Рата, Вистар, Тагор, Русис, Вайис, Фада и так далее.

Еще один пример того, как не нужно делать, можно найти в романе Тэда Уайта «Колдунья из Кора» (1966). Уайт берет нас в экскурсионную поездку по своему вымышленному миру, но названия у него звучат угнетающе одинаково: Кар, Канар, Зоминор, Занор, Азанор, Танакор, Шанатор, Вагар. Должны ли столь многие из них оканчиваться на «р»? Однако если быть совершенно справедливым в отношении Уайта, то следует указать, что идентичную ошибку допустил не кто иной, как сам Толкиен. Беглый взгляд на карту Средиземья открывает страну за страной с раздражающе схожими на слух названиями: Мордор, Гондор, Рон, Эриадор, Арнор, Линдон — опять-таки, неужели большая их часть должна оканчиваться на «ор» и «он»? Насколько я могу понять, Толкиен действовал, исходя из принципа, что все в его воображенном мире говорят на одном языке или, во всяком случае, говорили на нем, когда называли страны, так как «ор», по его же собственной системе, означает «земля», «страна». Мне это кажется неверным, и у меня большое искушение считать это ошибочным рабочим принципом с его стороны. И в любом случае это стилистическая ошибка.

Еще один пример — и перейдем к другим вопросам. Новичкам в нашем ремесле следует хорошенько помнить, что при создании имен (названий) есть почти неудержимая склонность создавать имена (названия), начинающиеся на «Т». Честно говоря, я совершенно не представляю, с чего бы это, но знаю про такую склонность и вынужден

держаться настороже, следя, как бы она не проявилась и в моих собственных романах. Начинающие писатели, однако, этого не замечают и часто перегружают свои сочинения названиями на «Т». Например, роман Дэйва Ван Арнама «Игроки Ада» демонстрирует, что может случиться, если эта склонность сорвется с цепи. На первые двадцать страниц книги Ван Арнам обрушивает на читателя не меньше одиннадцати названий, начинающихся на букву «Т» — Тахер, Тарнор, Трон, Тза, Тиръу, Тоурадже, Тормитан, Тармисорн, Тассоран, Тчамбар и Толк. Этому нет никакого оправдания. Роман Ван Арнама короткий, примерно двадцать—тридцать пять тысяч слов, а одиннадцать названий на одну букву было бы чересчур много для романа вдвое большей длины. Совершающие такую ошибку просто запутывают читателей.

Нужно также остерегаться и буквы «С». Опять же, у авторов фэнтези есть неудержимая склонность лепить имена (названия), начинающиеся на эту букву. К примеру, на тех же двадцати страницах Ван Арнам создал Сезаин, Шафар, Саманд, Шагом и Шасси. Ван Арнам тычет читателя носом в эти названия. Например, в одном единственном предложении в «Игроках Ада» он вбивает в единственную фразу четыре таких названия («...посвящен в тайны Трона, князя Тиръу и Тоураджа из Божьих стран Тормитана»). В то время как в первой же фразе другого своего романа «Звездный гладиатор» (1967) он рискует серьезно замучить читателей в самом начале, предлагая им два очень похожих названия, начинающихся на букву «К». («В столичном городе Каллоре была полночь, когда Звездная стража нанесла удар по планете Калвер».)

Такая ошибка понятна и даже простительна в первом сочинении начинающего автора. Проявив справедливость к Ван Арнаму, я должен заметить, что у него замечательный талант к выдумыванию названий, несмотря на избыточность «С» и «Т». «Игроки Ада» предлагают читателю такие блестящие и запоминающиеся имена, как Азелтерам — отличное имя для мага, Зантаин — звучит как имя богоподобного бессмертного существа непостижимой силы.

Но никогда не надо недооценивать важность создания имен. «Что в имени?» — спрашивает Шекспир, на что я

могу ответить: «Многое!» Иногда превосходное имя может чуть ли не спасти глупое в остальном произведение — речь здесь идет о романе Роберта Мура Уильямса под названием «Король Четвертой планеты» (1962), недостатки которого почти — но не совсем — искупаются единственным блестяще выдуманным названием: «Могучая гора Сузусилмар».

Я сосредоточил внимание на том, что происходит, когда имена и названия лепят. Когда же их создают, то читать такое произведение — сплошное удовольствие. Многое в волшебстве и красоте хорошо слепленных названий заключается в элементе тайны, ибо объяснить секрет очарования и притягательности названий никакому воображению ни по силам.

Возьмите, например, Барсум и Оз, для меня это два самых магических из всех названий, но почему, сам до сих пор не могу понять. Или экстравагантный ритм и музыку Узхулдароума и Коммориома — столиц Гипербореи, неземная странность названий Зотик и Ксиккарф.

Эйглофийские горы или гора Вурмитадрет и многие другие названия, сочиненные несравненным Кларком Эштоном Смитом. Самые источники таких великолепных названий невозможно угадать, счастливая непохожесть их на сверхочевидные названия Говарда, происхождение которых Спрэг де Камп выявил в своем толковании с почти смущающей легкостью.

Берроуз тоже выделяется в компании мастеров давать названия. В его названиях Вархун и Зоданга звенит дикая, варварская «странность». Берроуз был способен на необыкновенную точность в таких названиях, как Великие Тумулийские болота.

Лавкрафт донес до нас аромат странного и чуждого в таких труднопроизносимых, древнееврейских на вид названиях, как Йаггот, Йог-Согот, Рълиех, Шуб-Нигтурат и так далее. (В других своих статьях я уже подробно писал, что мне представляется в таких названиях древнееврейскими элементами⁵.) А в другом настроении Лавкрафт способен и на лирические, певучие, прекрасно-экзотические названия, например, в названиях раннедансенийского периода его творчества: Пики Трока, Пнот, Мнар, Ут-Наргай, Таларион,

Иларнек, Кадотерон, Афрат, Ориаб, Бахарна и Хланит на Керенерийском море.

Названия эти прекрасны и музыкальны, и часто похожи на дансениевские. Что и приводит нас к Лорду Дансени, выдающемуся художнику жанра в этой технике, равно как и в большинстве других. Из-под его лебединого пера лились в бесконечном изобилии великолепные и экзотические названия, настолько удовлетворяющие, мелодичные и ароматные, что просто напрашиваются на сравнение.

Гулунза, Полтарнес и Баббулкунд — город чудес; Аллатуран, Сакнот и Подар Обед; священный Заккарлат, Бетмура и Сардатрион; Пеол Джагганот, Пунгор Вис и этот таинственный, великий драгоценный камень, именуемый Онг Звабра; прекрасный Бельзунд и Атраминаврийские горы, и Зретазула, город кентаврихи Сомбелены...

Такие названия и имена неподражаемы, и объяснить их магию нам не по силам.

Примечания автора

¹ Лир, однако, был очень одаренным выдумщиком имен и названий, что доказывает самый беглый просмотр его стихов в жанре абсурда. У него был хороший слух к «форме» и «аромату» выдуманных слов. К примеру: «безгигельный» — универсальное прилагательное, «дерево Бонг», «Йонги-Бонги-Бо», «*mirabile dictu*» (нечто вроде «удивительно». — *Прим. пер.*), «Великая Грубулийская равнина» в поэме под названием «Член со светящимся носом». Такие слова и имена абсолютно ничего не означают и все же почему-то кажутся нам именно теми, что надо. Вот такая магия и нужна для лепки надлежащего имени. Большинство авторитетов считает, что Льюис Кэрролл превосходил Лира по части стихов абсурда. Но не я. У Лира есть пленительное качество заразительно хорошего настроения, отсутствующее в более серьезных и более сентиментальных стихах Кэрролла (хотя, конечно, не могу отрицать неотразимого гения «Бармаглота»).

² К сожалению, в поздних стилизациях под Конана, добавленных к говардовскому канону мной и де Кампом, нам приходилось следовать даже дурным привычкам Говарда, так как мы намеренно и сознательно взяли подражать его стилю. И поэтому нам пришлось отчаянно сопротивляться искушению создавать собственные имена (названия), нам пришлось обратиться за ними к более доступным историям и атласам, точно так же, как сделал Говард. Надеюсь, Джон Джейкс прочтет это примечание, поскольку в абзаце, к которому относится эта сноска, я дал ему хороший нагоняй. Но он заслуживает того, чтобы увидеть, что и я со стыдом признаюсь в том же самом недостатке.

³ Как и «Гимирий» — название моего незаконченного эпоса в прозе. Название появилось так же, как «Пальмирий», но, думаю, читатели не запутаются.

⁴ Вероятно, для моих читателей не новость, что написаны целые документальные книги на данных этих и им подобных сериях — например, официальные и научные биографии Шерлока Холмса и целые тома о географии Барсума. Я сам просадил несколько лет, собирая сведения,

извлеченные из сорока с лишним книг о стране Оз, собирая данные для Полной Истории Оз, которую собирался написать.

5 Статья эта стала послесловием к моему недавнему сборнику Дансенианы «За пределами Краев, нам ведомых». Само послесловие представляет собой краткую монографию: «Назвать имена: заметки о влиянии Лорда Дансени на авторов современной фэнтези». В этой статье я демонстрирую его влияние, или якобы его влияние, на нескольких современных авторов, которые создают названия (имена), пользуясь его способом.

Лин Картер

СОДЕРЖАНИЕ

В ЧЕРТОГЕ КРОМА

Роман

Пер. Т.Трубицкой

5

ПОБЕДИТЕЛЬ

Роман

Пер. Г.Снежинской

261

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

465

*Литературно-художественное
издание*

Дж. Маддокс Робертс

РУКА КРОМА

Перевод с английского

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
Анастасия Келле-Пелле
Алевтина Борисенкова

Компьютерная верстка
Дмитрий Положенцев

ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 01.02.96.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Печать высокая.

Гарнитура Петербург. Тираж 60 000 экз. Усл. печ. л. 26,04.

Изд. № 16. Заказ № 1615.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

CONAN

История не сохранила имен хайборийских летописцев, тех, которые положили начало великой саге о бессмертном воителе по имени КОНАН.

РОБЕРТ ГОВАРД

продолжил летопись, начатую тысячи лет назад.
Всего двадцать один эпизод саги принадлежит его перу,
но он стоит больше многих томов,
написанных позднее его друзьями и учениками.

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП И ЛИН КАРТЕР

сохранили для нас наследие Говарда.

Это было, безусловно, главной, но не единственной их заслугой.
Они продолжили сагу и воспитали целое поколение писателей,
которые работают над летописью о Конане и сегодня.

Одного из самых талантливых писателей нового поколения,
того, чьи произведения, при всей их самобытности,
удивительно совпадают с говардовской интонацией, зовут

ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС

Его книгу вы сейчас держите в руках.